

ЖАН ДЕ ЖУАНВИЛЬ
КНИГА БЛАГОЧЕСТИВЫХ РЕЧЕНИЙ
И ДОБРЫХ ДЕЯНИЙ
НАШЕГО СВЯТОГО КОРОЛЯ
ЛЮДОВИКА

Jean de Joinville

**LE LIVRE
DES SAINTES PAROLES
ET DES BONS FAIZ
NOSTRE SAINT ROY LOOÿS**

Жан де Жуанвиль

**КНИГА
БЛАГОЧЕСТИВЫХ РЕЧЕНИЙ
И ДОБРЫХ ДЕЯНИЙ
НАШЕГО СВЯТОГО КОРОЛЯ
ЛЮДОВИКА**

Санкт-Петербург
«Евразия»
2012

ББК 63.2
УДК 94(44) «12» (093)
Ж83

Перевод со старофранцузского к. и. н. *Цыбулько Г. Ф.*,
под редакцией *Малинина Ю. П.* и *Карачинского А. Ю.*

Жуанвиль Жан де

Ж83 Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика. Пер. со старофранц. *Цыбулько Г. Ф.*, под редакцией *Карачинского А. Ю.*, научный редактор перевода *Малинин Ю. П.* — СПб, Евразия, 2012. — 400 с.
ISBN 978-5-91852-025-3

«Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика», написанная сенешалом Шампани Жаном де Жуанвилем, впервые издается на русском языке. Это одно из самых известных произведений западноевропейского средневековья, повествующее о правлении французского короля Людовика IX Святого (1226–1270) и его участии в Седьмом крестовом походе. Автор, будучи мирянином и приближенным Людовика Святого, не только создал свой, особый портрет этого средневекового государя — благодаря своему умению ярко и подробно живописать события, Жуанвиль смог очень точно и привлекательно нарисовать картину рыцарского общества XIII века. Перевод снабжен обширным научным комментарием, приложениями и картами.

Для широкого круга читателей

ББК 63.2
УДК 94(44) «12» (093)

- © Карачинский А. Ю., перевод, комментарий, вступительная статья, составление, 2007, 2010
- © Малинин Ю. П. и правопреемники, приложения, 2007, 2010
- © Юрченко А. Г., приложения, 2007, 2010
- © Гугуев Ю. К., приложения, 2007, 2010
- © Гончаров Е. Ю., приложения, 2007, 2010
- © Некрасов М. Ю., перевод текстов помеченных * в оглавлении, 2007, 2010
- © Лосев П. П., дизайн обложки, 2010
- © Оформление, ООО «Издательство «ЕВРАЗИЯ», 2012

ISBN 978-5-91852-025-3

ПРЕДИСЛОВИЕ

На русском языке впервые выходит перевод одного из самых заметных произведений, которые знала эпоха западноевропейского средневековья — «Книги благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика», написанной Жаном де Жуанвилем (ум. 1317), наследственным сенешалом Шампани. Эта книга уникальна по многим параметрам. Её главным героем является король Людовик IX (1226–1270) — знаковая фигура XIII века, первый французский государь, канонизированный Церковью. Личность Людовика Святого, его правление, реформы, нравственное воздействие на современников наложили особенный отпечаток на историю Франции. Но значимость книге Жуанвиля придает и фигура самого автора — мирянина, принадлежавшего к ближайшему окружению святого короля: при составлении книги о Людовике он руководствовался совсем иными мотивами, нежели многочисленные биографы короля из числа духовенства. Благодаря этому книга Жуанвиля высвечивает те стороны жизни французского средневекового общества, которые обычно остаются в тени, а сам Людовик Святой в представлении шампанского сенешала разительно отличается от того «хрестоматийного» образа, который вырисовывается на страницах многочисленных хроник и биографий того времени.

Перевод «Книги благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика» на русский язык был выполнен в начале 90-х годов большим знатоком истории и культуры средневековой Франции — Галиной Федоровной Цыбулько под руководством её учителя, известного петербургского медиевиста Юрия Павловича Малинина. Совместными усилиями им удалось воспроизвести на русском языке неповторимый стиль Жана де Жуанвиля. Выход книги в свет по независящим от переводчика и научного редактора причинам задержался почти на десять лет. Долгое время книга находилась на стадии доработки. К сожалению, Галина Федоровна Цыбулько так и не смогла довести до конца подготовку перевода к печати. В 2007 году, когда работа над текстом возобновилась, внезапно умер научный редактор текста и вдохновитель перевода — Юрий Павлович Малинин. Таким образом, задача доработать перевод книги Жана де Жуанвиля и подготовить его к изданию, снабдить комментарием и справочными материалами легла на плечи коллег и учеников Юрия Павловича, которых он успел привлечь к завершению проекта. Задача была непростой — внести необходимые коррективы, не затронув характерных особенностей перевода. Кроме того, следовало учитывать, что Галина Федоровна Цыбулько выполнила перевод с единственно доступных в свое

время изданий Наталиса де Вайи, опубликованных в 1874 и 1883 годах*. Но в 1995 году во французском издательстве Гарнье вышло новое научное издание Жуанвиля, подготовленное известным французским ученым Жаком Монфреном**. Жак Монфрен подверг скрупулезному исследованию все сохранившиеся рукописи Жуанвиля, тщательно проанализировал сочинение сенешала и предложил новую трактовку текста, существенно, подчас кардинально, изменившую смысловое значение многих фрагментов. Поэтому перед публикацией русского перевода была произведена его сверка с текстами оригинала, опубликованными Наталисом де Вайи и Жаком Монфреном, и произведены требуемые изменения.

В качестве справочного материала для данного издания был сделан ряд приложений. После текста Жуанвиля и научного комментария к нему идет статья французского ученого Жозефа Бедье о Жане де Жуанвиле и его произведении. За ней следует статья Юрия Павловича Малинина о Людовике Святом и его роли в истории французского средневековья. Для раздела приложений также переведены пространные комментарии издателя Жана де Жуанвиля, Наталиса де Вайи, посвященные эпохе Людовика Святого (пер. М. Ю. Некрасова). Книга снабжена картой из атласа средневековой Франции, изданного в XIX веке французским историком Огюстом Лоньоном***.

Поскольку центральное место в сочинении шампанского сенешала занимают события Седьмого крестового похода в Египет и Святую землю, текст потребовал внимания историков, чья тематика исследования выходила бы за рамки западноевропейской истории: с этой целью к работе над научным комментарием текста были привлечены специалисты, предложившие оригинальные трактовку и комментарий фрагментов книги Жуанвиля, связанных с историей востока: востоковед А. Г. Юрченко и археолог Ю. К. Гугуев. В заключение приводится статья Е. Ю. Гончарова о христианских дирхемах Акры в 1251 г.

Издательский коллектив благодарит Михаила Владимировича Аникиева и Владимира Владимировича Шишкина за ценные консультации при научной редакции текста.

Карачинский А. Ю.

* *Jean, sire de Joinville. Histoire de saint Louis, Credo et lettre à Louis X / Ed. N. de Wailly. Paris; Didot, 1974; Joinville. Histoire de saint Louis. Paris; Hachette, 1883.*

** *Joinville. Vie de saint Louis / Ed. J. Monfrin. Paris; Garnier, 1995.*

*** *Longnon A. Atlas historique de la France. Paris, 1984. Pal. XIII.*

Жан де Жуанвиль

**Книга
благочестивых речений
и добрых деяний
нашего святого короля
Людовика**

§ 1

Моему доброму сеньору Людовику¹, сыну короля Франции², милостью Божьей королю Наварры³, графу-палатину⁴ Шампани и Бри⁵ его покорный слуга Жан, сир Жуанвиль, сенешаль⁶ Шампани с приветом, любовью и почтением.

§ 2

Дорогой сир, довожу до Вас, что мадам королева, ваша матушка⁷, которая очень любила меня (да будет к ней милосерден Господь!), настоятельнейше просила меня, чтобы я написал для нее книгу о благочестивых речах и добрых делах нашего святого короля Людовика; и я ей обещал, и с Божьей помощью книга в двух частях закончена. Первая часть повествует о том, как он правил в течение всей своей жизни, следуя Богу и Церкви, на благо своему королевству. Вторая же часть книги посвящена его рыцарской доблести и его великим ратным подвигам.

§ 3

Сир, поелику сказано: «Первым делом воздай должное Господу, и он направит тебя во всех твоих трудах»⁸, я прежде всего написал о тех его деяниях, что обращены были на пользу душе и телу, а также относящихся к управлению народом.

§ 4

Об остальном я также написал к чести этого истинно святого человека, чтобы можно было бы совершенно ясно увидеть, что ни один мирянин в наше время не прожил свой век столь свято, как он — от начала своего правления и до конца жизни. Я не присутствовал при его кончине, но его сын граф Пьер Алансонский⁹, который меня очень любил, рассказал мне о его славной смерти, которой он был свидетелем¹⁰ и описание которой вы найдете в конце этой книги¹¹.

§ 5

И в связи с этим мне кажется, что ему не воздали должного, не причислив к мученикам за те великие тяготы, которые он претерпел в шестилетнем крестовом паломничестве, когда я был с ним, и особенно за то, что он уподобился Господу нашему, когда принял крест. Ибо если Бог умер на кресте, то он совершил то же самое — ведь он был крестоносцем, когда умер в Тунисе.

§ 6

Вторая книга вам расскажет о его великих подвигах и столь замечательной храбрости, что, как я сам видел, он четыре раза рисковал собой, дабы защитить своих людей, о чем вы услышите далее.

§ 7

Впервые он подверг себя смертельной опасности по нашем прибытии к Дамьетте, когда весь его совет, как я слышал, просил его оставаться на корабле, пока не будет ясно, что станет с его рыцарской конницей, которая переправлялась на сушу.

§ 8

Ему это советовали из опасения, что если он отправится с ней и в случае ее разгрома погибнет вместе с другими, то все дело будет погублено; а если останется на корабле, то сможет возобновить отвоевание египетской земли. Но он никого не захотел слушать: напротив — прыгнул в воду в полном вооружении, со щитом на шее и с копьем в руке и вышел одним из первых на сушу.

§ 9

Второй раз он подверг себя смертельному риску, отправившись из Мансуры в Дамьетту по суше, хотя совет уговаривал его, как дошло до меня, поехать в Дамьетту на галере. И совет этот был дан ему, как говорят, ради того, чтобы, если случится несчастье с его людьми, то он смог бы освободить их из плена.

§ 10

А особенно это советовали ему ввиду его телесных страданий, кои он претерпевал из-за многочисленных недугов, таких как лихорадка, сильная дизентерия и болезнь войска¹², поразившая его уста и ноги. Он не пожелал, однако, никого слушать и сказал, что не покинет своих людей и примет такой же конец, как и они. И из-за дизентерии, коей он болел, ему приходилось вечером разрезать снизу штаны, а из-за сильной болезни войска он много раз лишался чувств, как вы узнаете об этом далее.

§ 11

В третий раз он подверг свою особу смертельной опасности, когда оставался в течение четырех лет на Святой земле после того, как его братья отбыли оттуда. Мы оказались тогда в очень опасном положении; ибо когда король находился в Акре, у него было в тридцать раз меньше воинов, чем позднее было у города, когда он был тем не менее захвачен¹³.

§ 12

И я не знаю иной причины, почему тогда турки не двинулись на город, чтобы захватить нас, кроме любви, оказанной королю Господом, который вселил страх в сердца наших врагов, дабы не осмелились они напасть на нас. И об этом сказано: «Как ты боишься Бога, так и тебя убоятся все твари, тебя узрившие». А что касается его долгого пребывания на Святой земле, то поступил он так вопреки желанию его совета, как вы узнаете об этом дальше. Он рисковал собой, чтобы защитить народ этой земли, которая была бы утрачена, едва бы он ее покинул.

§ 13

В четвертый раз он подверг себя смертельной опасности, когда мы возвращались из-за моря. Мы подошли к острову Кипр и наш корабль столь злополучно врезался в землю, что прополз по ней килем три туаза¹⁴.

§ 14

Когда это произошло, король послал за четырнадцатью опытными моряками как с этого корабля, так и с других, пльвших с нами, чтобы посоветоваться с ними, что делать. И они посоветовали ему перейти на другой корабль: ибо они не представляли, как судно сможет выдержать удары волн, поскольку гвозди, которыми были прибиты доски корабля, были сильно расшатаны. Указывая, сколь опасно оставаться на судне, королю привели в пример корабль, который, когда мы плыли за море, при подобных же обстоятельствах погиб; и я видел у графа де Жуаньи женщину и ребенка, единственно уцелевших с этого корабля.

§ 15

На это король ответил: «Сеньоры, я понимаю, что если я уйду с этого корабля, то он будет брошен. А я знаю, что на нем более восьмисот человек; и поскольку все они любят жизнь так же, как и я, то никто не осмелится плыть на этом корабле и все останутся на Кипре. Посему, если Богу угодно, я не подвергну опасности жизнь стольких людей, но останусь здесь и спасу свой народ».

§ 16

И он остался; и Господь, на которого он уповал, хранил нас в дальнейших морских испытаниях в течение десяти недель; и вошли мы в хороший порт, как потом вы услышите об этом. А Оливье де Терм¹⁵, достойно и смело державший себя за морем, покинул короля и остался на Кипре, и мы свиделись с ним лишь полтора года спустя. Так король не допустил потери восьмисот человек с этого корабля.

§ 17

В последней части этой книги мы расскажем о его кончине, о том как свято он опочил.

§ 18

Итак, говорю вам, монсеньор король Наварры, что я пообещал мадам королеве, вашей матери (да будет Господь милосерден к ней!), что напишу эту книгу; и во исполнение своего обещания я ее написал. И поскольку я не вижу никого, кому надлежало бы ею владеть кроме вас, ее наследника, то посылаю ее вам, дабы вы, ваши братья¹⁶ и прочие, кто прочтет ее, могли бы черпать из нее примеры добродетели и следовать им, за что да воздаст всем вам Господь!

§ 19

Именем всемогущего Бога, я, Жан, сир де Жуанвиль, сенешал Шампани, пишу о жизни нашего святого короля Людовика все то, что я повидал и услышал за шесть лет, проведенных с ним в заморском паломничестве¹⁷ и позднее, по нашем возвращении. И прежде чем поведать вам о его замечательных деяниях и великой храбрости, я расскажу о его благочестивых речах и добрых наставлениях, которым я внимал так, чтобы они были собраны вместе и служили поучению тех, кто их услышит.

§ 20

Это благочестивый человек любил Бога всем сердцем и следовал ему во всех делах. Кажется, что как Господь умер из любви к своему народу, так и он много раз рисковал собой ради любви, которую питал к своим людям; а он мог бы воздержаться от этого, если бы захотел, как вы потом услышите.

§ 21

Великая его любовь к своему народу проявилась в словах, что он сказал монсеньору Людовику, своему старшему сыну¹⁸, во время своей тяжелой болезни в Фонтенбло¹⁹: «Дорогой сын, я прошу, чтобы ты любил народ своего королевства; ибо воистину предпочел бы, чтобы пришел шотландец из Шотландии и управлял народом королевства хорошо и по закону, нежели бы ты управлял им плохо».

Святой король так любил правду, что даже сарацин не пожелал обмануть в том, что им было обещано, о чем вы узнаете далее.

§ 22

В еде он был столь умерен, что никогда за свою жизнь я не слышал, чтобы он заказывал какие-либо блюда, как делают многие знатные люди;

он спокойно ел то, что ему готовил и подавал его повар. Был он сдержан в своих выражениях; и никогда в жизни я не слышал, чтобы он сказал о ком-нибудь что-то худое, как никогда не слыхивал, чтобы он помянул дьявола, каковое слово очень распространено в королевстве, что, как я полагаю, вовсе не угодно Богу.

§ 23

Вино он разбавлял, поскольку сознавал, что неразбавленное может причинить вред. На Кипре он меня спросил, почему я не добавляю в вино воды; и я ему передал то, что мне говорили лекари, уверявшие, что у меня крупная голова и крепкий желудок и пьянеть я не буду. А он мне отвечал, что они меня ввели в заблуждение, ибо если я не приучусь к этому в молодости и захочу разбавлять вино в старости, меня одолеют подагра и болезнь желудка, от которых я никогда не избавлюсь; а если я и в старости буду пить чистое вино, то буду каждый вечер пьян, а напиwаться почтенному человеку весьма постыдно.

§ 24

И он спросил меня, хочу ли я, чтобы меня почитали в этой жизни и попасть в рай после смерти; и я ему ответил, что да. И он сказал мне: «Так берегитесь же и не делайте и не говорите сознательно ничего такого, в чем вы при всем народе не могли бы спокойно сознаться: «Это сделал я, это я сказал». И он поучал, чтобы я остерегался опровергать или противоречить сказанному кем-либо в моем присутствии, если только молчание не будет мне во грех или в ущерб, потому как резкие слова вызывают стычки, в коих гибнут тысячи людей.

§ 25

Он учил, что должно одеваться и вооружаться таким образом, чтобы зрелые мужи не говорили, что ты придаешь этому слишком много значения, а юноши — что слишком мало. И об этом напоминал я отцу ныне царствующего короля²⁰ из-за расшитой гербами котты²¹, какие нынче носят; я сказал ему, что никогда, ни здесь, ни за морем, где я побывал, не видал я ни на короле, ни на ком-либо другом вышитой одежды. А он мне отвечал, что носит такое одеяние, поскольку оно расшито его гербами, и что оно ему обошлось в восемьсот парижских ливров²². А я ему возразил, что он лучше использовал бы его, если бы поднес Богу и сделал из своего облачения прекрасный покров, украшенный гербами, как поступил бы его отец.

§ 26

Однажды король позвал меня и сказал: «Я не решаюсь вести, из-за вашего острого ума, с вами наедине разговор о божественных вещах;

поэтому я и пригласил этих двух монахов, что здесь находятся, и желаю у вас кое-что спросить». Вопрос был таков: «Сенешал, — обратился он, — что есть Бог?» И я ему ответил: «Сир, это нечто столь прекрасное, что лучше и быть не может». «Действительно, — вымолвил он, — это хорошо сказано; ибо так написано и в этой книге, которую я держу в руке».

§ 27

«Хочу еще спросить, — продолжал он, — что бы вы предпочли — стать прокаженным или совершить смертный грех?» И я, никогда ему не лгавший, ответил, что предпочел бы совершить их тридцать, нежели стать прокаженным. И когда монахи ушли, он позвал меня одного, усадил у своих ног и спросил: «Как вы мне давеча это сказали?» И я ему повторил снова эти слова. А он мне ответил: «Вы говорите как безрассудный человек; ибо вы должны знать, что нет более отвратительной проказы, чем смертный грех, потому что душа тогда подобна дьяволу, и посему нет проказы ужаснее».

§ 28

«Ведь когда человек умирает, он излечивается от своей телесной проказы; но когда умирает человек, совершивший смертный грех, он не знает и не уверен, достаточно ли он раскаялся при жизни, чтобы Бог простил его; посему ему нужно опасаться, как бы эта проказа не осталась с ним навечно, доколе Господь пребудет в раю. Поэтому, — продолжал он, — я вас убедительно прошу, из любви к Богу и ко мне, скорее принимать всяческие беды, проказу и прочие недуги, чем допускать до своей души смертный грех».

§ 29

Он спросил меня, омывал ли я ноги нищим в святой четверг. «Сир, — ответил я, — увы! Ноги этим мужикам я никогда не мыл». «Поистине, — молвил он, — это дурно сказано. Ибо вы не должны пренебрегать тем, что делал сам Господь в назидание нам. И я прошу вас, прежде всего из любви к Богу и из любви ко мне, сделать своим обыкновением омовение ног».

§ 30

Он настолько был расположен к людям, которые любили и почитали Господа, что возвел в достоинство коннетабля Франции²³ монсеньора Жилиа ле Брена, происходившего не из французского королевства²⁴, за то, что тот был очень известен своей набожностью и любовью к Богу. И тот, полагаю, действительно был таков.

§ 31

Мэтра Робера де Сорбона²⁵, прославившегося великой мудростью, он усаживал обедать за своим столом. Однажды случилось так, что тот ел рядом со мной и мы завели беседу друг с другом. Тогда король упрекнул нас, сказав: «Разговаривайте громко, ибо ваши сотрапезники могут подумать, что вы злословите о них. Если вы за обедом беседуете о приятных нам вещах, говорите громко; если же нет, то помолчите».

§ 32

Однажды, когда король был в веселом настроении, он сказал мне: «Ну-ка, сенешал, докажите, что благоразумный человек²⁶ лучше набожного²⁷». По этому поводу начался спор между мной и мэтром Робером. После нашего долгого спора король высказал свое мнение и говорил так: «Мэтр Робер, я бы охотно согласился обладать истинным благоразумием, оставив за вами все остальное. Ибо благоразумие — столь великое и доброе достоинство, что достаточно лишь произнести это слово, чтобы уста преисполнились благодатью».

§ 33

И говорил он, что дурное дело — брать чужое. «Ибо возвращать чужое так тягостно, что даже одно произношение слова «возврат» дерет горло своими звуками «р» как грабли дьявола, который всегда мешает тем, кто хочет вернуть чужое добро; и это дьявол делает очень ловко, подстрекая и крупных ростовщиков и грабителей не отдавать ради Бога то, что они должны были бы вернуть другим».

§ 34

Поэтому он попросил меня однажды передать от его имени королю Тибо²⁸, чтобы тот проявлял умеренность в отношении возведения обители братьев-проповедников²⁹ Провена, дабы не обременять свою душу крупными суммами, которые он туда вкладывал. «Ибо люди мудрые при жизни должны распоряжаться своим добром так же, как должны поступать душеприказчики, а именно: первым делом возместить долги покойного и вернуть чужое имущество, а из оставшегося от умершего добра раздать милостыню».

§ 35

На Троицу³⁰ благочестивый король находился в Корбейле, где с ним было восемьдесят рыцарей. После обеда король спустился во внутренний дворик за часовней и беседовал у двери с графом Бретонским³¹, отцом нынешнего герцога³², храни его Господь! Туда же за мной пошел мэтр Робер де Сорбон, взял меня за край плаща и подвел к королю; и

все остальные рыцари подошли за нами. Тогда я спросил мэтра Робера: «Мэтр Робер, что вам угодно?» И он мне ответил: «Я хочу спросить вас, если король сядет в этом дворике, а вы захотите сесть на скамью выше его, вас должны порицать за это?» И я ему ответил, что да.

§ 36

И он мне сказал: «Тогда вы поступаете недостойно, поскольку одеваетесь роскошнее короля; ведь вы носите мех и зеленое сукно, чего не делает король». А я ему ответил: «Мэтр Робер, с вашего позволения, я не совершаю ничего недостойного, одеваясь в зеленое сукно и меха; ибо это одеяние мне досталось от отца и матери. Напротив, недостойно поступаете вы, потому что вы — сын виллана и вилланки³³ и презрели одежду отца и матери, одеваясь в шерстяную ткань, более дорогую, чем на короле». И затем я взял край его одежды и одежды короля и сказал ему: «Вот посмотрите, правду ли я говорю». И тогда король принялся всячески защищать мэтра Робера.

§ 37

После этого монсеньор король позвал монсеньора Филиппа, своего сына, отца нынешнего короля, и короля Тибо, сел у входа в свою часовню, указал рукой на землю и сказал: «Садитесь сюда, возле меня, чтобы нас не услышали». «Ах, сир, — ответили они, — мы не осмеливаемся сесть так близко от вас». И он мне сказал: «Сенешал, садитесь здесь». И я сел так близко, что моя одежда касалась его. И он усадил их после меня и сказал им: «Вы впрямь поступили дурно, когда, будучи моими сыновьями, не выполнили с первого раза то, что я повелел; смотрите же, чтобы впредь этого с вами не случилось». И они сказали, что больше не будут так поступать.

§ 38

И тогда он сообщил, что позвал нас, дабы признаться мне в том, что неправо защищал от меня мэтра Робера. «Но, — добавил он, — я видел, что он был так смущен, что совершенно необходимо было ему помочь. И не принимайте всерьез то, что я говорил по этому поводу, чтобы защитить мэтра Робера; ибо, как сказал сенешал, вы должны хорошо и чисто одеваться, дабы жены ваши сильнее вас любили, а ваши люди больше уважали. Ведь, как говорит мудрец, в одежде и доспехах должно украшать себя так, чтобы зрелые мужи не говорили, что вы придаете этому слишком большое значение, а юноши — что слишком малое».

§ 39

После этого послушайте наставление, которое я получил от него в море, когда мы возвращались из заморской земли. Случилось так, что из-за

юго-западного ветра³⁴, отнюдь не такого сильного, как четыре великих ветра, наш корабль сел на мель близ острова Кипр³⁵. И от удара, полученного кораблем, матросы пришли в такое отчаяние, что рвали на себе одежду и бороды. Король соскочил со своей кровати, совсем раздетый, так как была ночь, в одной лишь рубашке, простерся пред изображением Господа нашего, как и подобает ждущему смерти. На следующий день после случившегося король позвал меня и сказал мне наедине:

§ 40

«Сенешал, ныне Бог, явил нам долю великого могущества; ибо один из тех малых ветров, что столь слабы, что едва могут называться ветрами, чуть было не утопил короля Франции, его детей, жену и его людей. А святой Ансельм говорит, что это предостережение Господа нашего, который как бы желает сказать: „Так мог бы я предать смерти вас, если бы захотел“. „Господи, — сказал святой, — зачем ты грозишь нам? Ведь угрозы, ниспосылаемые нам тобой, ни к пользе, ни к выгоде твоей: так как, погубив всех нас, ты не стал бы от этого беднее, а если бы спас, то не сделался бы богаче. Значит предостережения, кои ты нам посылаешь, не ради твоей выгоды, но ради нашей, если мы сможем ими воспользоваться“».

§ 41

«Мы должны извлекать пользу из того предостережения, которое нам посылает Бог, и, почувствовав, что носим в своих сердцах нечто, неудобное Богу, поторопиться избавиться от сего; а все то, что по нашему разумению ему угодно, мы должны постараться поскорее обрести. И если мы будем поступать таким образом, Господь наградит нас в этой жизни и в будущей так, как нам и не представить. А если мы не будем следовать этому, он поступит с нами так, как добрый господин должен поступить с дурным слугой; ибо после предупреждения, когда плохой слуга не желает исправляться, господин предает его либо смерти, либо другим, более тяжким наказаниям, которые хуже смерти».

§ 42

Путь же остерегается этого нынешний король; ибо он избежал такой же опасности, если не большей, как и мы в свое время³⁶: пускай же раскается в своих преступлениях, дабы Господь не поразил жестоко ни его самого, ни его дело³⁷.

§ 43

Благочестивый король старался изо всех сил, как вы услышите об этом далее, заставить меня своими речами твердо уверовать в христианский закон, ниспосланный нам Господом. Мы должны, говорил он, так

крепко верить заповедям, чтобы ни страх смерти, ни телесных мук, не породил никакого желания пойти наперекор им словом или делом. И говорил он, что враг³⁸ столь хитер, что когда умирают люди, он делает все возможное, чтобы заставить их помереть в некотором сомнении относительно догматов веры; ибо видит, что не может лишить людей добрых дел, совершенных ими, а также понимает, что они потеряны для него, ежели умрут в истинной вере.

§ 44

А посему должно остерегаться этих козней и защищаться от них, говоря врагу, когда он посылает подобное искушение, так: «Поди прочь! Ты не склонишь меня к тому, чтобы я перестал твердо веровать во все заповеди; и пригрози ты отрубить мне все члены, я все равно хотел бы жить и умереть в этой вере». И кто поступает таким образом, тот побеждает врага тем мечом, которым враг хотел поразить его.

§ 45

Он говорил, что вера есть то, в чем мы должны быть убеждены колебимо, хотя и знаем об этом со слов. По этому поводу он обратился ко мне с вопросом: как звали моего отца? и я ему ответил, что его звали Симон³⁹. А он меня спросил, откуда я это знаю? И я ему сказал, что считаю сие достоверным и твердо уверен, поскольку узнал об этом от своей матери⁴⁰. Тогда он мне ответил: «Так же твердо вы должны верить всем положениям веры, о которых говорят апостолы, и о которых вы слышите по воскресеньям, когда поют „Credo“».

§ 46

Он мне поведал, что епископ Гийом Парижский⁴¹ ему говорил, как к нему приехал один известный богослов и сказал, что хочет побеседовать с ним. И епископ ему ответил: «Мэтр, говорите, что вам угодно». И так как мэтр знал, что разговаривает с епископом, то принялся горько плакать. И епископ сказал ему: «Мэтр, говорите же, не отчаивайтесь; ибо никто не может согрешить так, чтобы Бог не смог простить». «И я вам скажу, сир, — ответил мэтр, — мне ничего не остается, как только скорбеть, ибо я считаю себя неверующим из-за того, что не могу заставить свое сердце поверить в таинство алтаря, как учит святая Церковь; и я хорошо знаю, что это одно из искушений нечистого».

§ 47

«Мэтр, — сказал епископ, — скажите мне, когда дьявол посылает вам искушение, приятно ли оно вам?» «Напротив, сир, оно огорчает меня так, как только возможно огорчить». «Я вас спрашиваю, — продолжал

епископ, — брали ли вы золото или серебро на условии, что ваши уста произнесут что-либо против таинства алтаря или других церковных таинств». «Что касается меня, сир, — ответил мэтр, — то знайте, что ничего в мире я не взял бы на этом условии, и предпочел, чтобы мне вырвали все члены тела, нежели произнести такое».

§ 48

«Теперь я вам скажу следующее, — молвил епископ; — вам известно, что король Франции воюет с королем Англии; и вы знаете, что замок, который стоит на самой границе между Англией и Францией, это Ла-Рошель⁴² в Пуату. Итак, я хочу вас спросить: если король поручит вам охранять Ла-Рошель, которая расположена на опасной границе, а мне — замок Монлери, что находится в центре Франции и на мирной территории, то кому король должен будет выказать большую признательность после войны — вам, сохранившему в целостности Ла-Рошель, или мне, сберегшему ему без потерь замок Монлери?» «Во имя Господа, сир, — ответил мэтр, — конечно же мне, сохранившему в целостности Ла-Рошель».

§ 49

«Мэтр, — произнес епископ, — скажу вам, что мое сердце подобно замку Монлери; ибо я не испытываю никакого искушения или сомнения относительно таинства алтаря. По причине чего, признаюсь вам, ежели Господь и вознаградит меня один раз за то, что я верую в него твердо и безмятежно, вас он за это же наградит четырежды, так как вы сберегаете для него свое сердце в борьбе с душевными муками, и выказываете такое усердие по отношению к нему, что ни за какие земные блага, ни из страха перед злом вы не отступите от него. И скажу вам, почувствуйте себя совершенно спокойно, ибо ваше состояние в данном случае более угодно Богу, нежели мое». И когда мэтр услышал это, то преклонил колена перед епископом и почувствовал себя удовлетворенным.

§ 50

Благочестивый король рассказал мне также, как люди из Альбижуса⁴³ пришли к графу де Монфору⁴⁴, занявшему тогда от имени короля земли альбигойцев, и потребовали, чтобы он пошел посмотреть, как тело Господа нашего становится плотью и кровью в руках священника. И он им ответил: «Пусть смотрят те, кто в это не верит, ибо я в это верую твердо, как и во все, что нам заповедует святая Церковь о таинствах алтаря. И знаете, чего я достигну, — продолжал граф, — тем, что верую в этой смертной жизни так, как учит нас святая Церковь? Я получу за это небесный венец скорее, чем ангелы, которые зрят Бога пред собой, по причине чего им и пристало в него верить».

§ 51

Он мне поведал, что в Ключийском монастыре был большой диспут между клириками и евреями. Там же находился один рыцарь, которому аббат подал хлеба Христа ради; и он попросил аббата позволить ему сказать первое слово, и аббат нехотя разрешил ему это. И тогда рыцарь встал, оперся о свой костыль и сказал, чтобы к нему подвели главного священника и главного мэтра⁴⁵ евреев, что и сделали. И он задал еврею такой вопрос: «Мэтр, — сказал рыцарь, — я вас спрашиваю, верите ли вы, что дева Мария, которая выносила Бога в чреве своем, а затем на своих руках, родила его, будучи девственницей, и что она мать Господа?»

§ 52

И еврей ответил, что не верит во все это. А рыцарь ему заметил, что он поступает как нечестивец, когда не веря и не любя ее, входит в ее храм и ее обитель. «И воистину, — сказал рыцарь, — вы за это заплатите». И тут он поднял свой костыль и ударил еврея по голове и свалил его на землю. И еврей обратился в бегство и унесли своего мэтра всего израненного: так закончился диспут.

§ 53

Тогда аббат подошел к рыцарю и сказал, что он поступил крайне безрассудно. А рыцарь ответил, что аббат поступил еще безрассуднее, собрав подобный диспут; ибо прежде, чем беседа подошла бы к концу, здесь собралось бы великое множество добрых христиан, которые ушли бы отсюда совершенно разуверившимися, под влиянием евреев. «И я вам говорю тоже, — добавил король, — что никто, кроме ученых клириков не должен вести с ними споры; мирянин же, когда он слышит, как поносят христианский закон, должен защищать христианскую веру не иначе, как мечом, погрузив его в живот врага настолько, насколько он туда войдет».

§ 54

Распорядок его жизни был таков, что он каждый день слушал утреннюю мессу с песнопением и «*Requiem*» без музыки, а после — дневную мессу или, если случится, мессу в честь святого, с музыкой. Ежедневно после обеда он почивал в своей постели; а выспавшись и отдохнув, читал заупокойную службу в своей опочивальне вместе с одним из своих капелланов, пока не прозвонят к вечерне. А затем присутствовал на по вечерах.

§ 55

В замок Йер, где мы высадились на сушу, к королю пришел один кордельер⁴⁶; и дабы наставить короля, произнес проповедь, и сказал, что он

прочел и Библию, и другие книги, где речь идет о языческих государях; что он не нашел иной причины гибели королевств или захватов власти, как у язычников, так и правоверных, кроме бездействия правосудия. «Путь же король, направляясь во Францию, — сказал он, — остережется, и обеспечит доброе и быстрое правосудие своему народу, чтобы Господь наш помог ему сохранять в мире королевство в течение всей его жизни».

§ 56

Говорят, что этот мудрый человек, поучавший короля, нашел пристанище в Марселе, где Господь наш явил через него много замечательных чудес. И не пожелал он оставаться с королем более одного дня, как тот его ни просил⁴⁷.

§ 57

Король не забыл его наставления и управлял своей землей по справедливости и следуя Богу, как вы об этом услышите далее. Он занимался своим делом таким образом, что монсеньор Нельский⁴⁸ и добрый граф Суассонский⁴⁹ и мы, окружавшие его, после мессы шли выслушивать жалобы у ворот, кои ныне называют прошениями.

§ 58

И по возвращению из церкви он посылал за нами и садился у подножия своего ложа, и усаживал нас всех подле себя и спрашивал нас, не нужно ли кого рассудить из тех, кого не могут рассудить без него; и если мы ему называли таких, он посылал за ними и спрашивал их: «Почему вы не соглашаетесь с тем, что предлагают вам мои люди?» А они отвечали: «Сир, потому, что они нам предлагают мало». И он им говорил так: «Вы должны принять то, что для вас желают сделать». И этот святой человек трудился изо всех своих сил, чтобы наставить их на истинный и разумный путь.

§ 59

Часто летом после мессы он шел в Венсеннский лес, садился под дубом и усаживал нас вокруг себя. И все те, у кого было дело, шли поговорить с ним без всяких препятствий со стороны служащих или кого-либо другого. И тогда он вопрошал их: «Есть ли здесь такие, у кого было бы дело?» И те, кто пришел с тяжбой, вставали. Тогда он говорил: «Помолчите все, вас рассудят по очереди». И потом он призывал монсеньора Пьера де Фонтена⁵⁰ и монсеньора Жоффруа де Вилетта⁵¹ и говорил одному из них: «Рассудите мне это дело».

§ 60

И если он видел, что нужно что-либо поправить в словах тех, кто говорил в пользу одного, или в речах тех, кто высказывался в пользу другого, то сам поправлял их. И иной раз летом я видел, как он, дабы рассудить своих людей, шел в парижский сад, облаченный в камлотовую котту, сюрко⁵² без рукавов из дорогой ткани, в плаще из черной тафты, завязывающемся на шее, гладко и очень красиво причесанный, в шляпе с белым павлиньим пером. И он приказывал расстелить ковры, чтобы усадить нас рядом; и все люди, у кого было к нему дело, становились перед ним. И тогда он заставлял рассудить их так же, как и в Венсеннском лесу, о чем я выше говорил.

§ 61

В другой раз я наблюдал за ним в Париже, когда все прелаты Франции передали ему, что хотят с ним поговорить; и король отправился во дворец выслушать их. И там был епископ Ги Оксерский, сын монсеньора Гийома де Мелло; и от имени всех прелатов он обратился к королю с такими словами: «Сир, находящиеся здесь сеньоры — архиепископы и епископы, попросили меня сказать вам, что христианская вера, которую вы должны охранять, в ваших руках погибает». Король при этих словах перекрестился и спросил: «Скажите же мне, почему?»⁵³.

§ 62

«Сир, — ответил тот, — все от того, что нынче столь мало боятся отлучения, что люди позволяют себе умирать отлученными, не получив прощения, и не желают принести удовлетворения Церкви. Просим вас, сир, Господа ради и ради вашего долга приказать вашим прево⁵⁴ и бальи⁵⁵ лишать имущества всех тех, кто пребывает под отлучением год и один день, чтобы вынудить их к покаянию».

§ 63

На это король ответил, что он охотно отдал бы такой приказ в отношении всех тех, о ком ему предоставят доказательства, что они наказаны заслуженно⁵⁶. И епископы ему заявили, что ни за что не допустят, чтобы вмешивались в решение их дел. А король сказал им, что иначе он не отдаст приказа, ибо было бы против Бога и справедливости заставлять людей приносить покаяние, если священники наказали их незаслуженно.

§ 64

«И в связи с этим, — продолжал король, — я вам приведу в пример графа Бретонского⁵⁷, который, будучи отлученным, вел семь лет тяжбу

с прелатами Бретани и добился того, что папа всех их осудил. А если бы я принудил графа Бретонского в первый год покаяться, я бы согрешил пред Богом и пред ним». И тогда смирились прелаты; и никогда с тех пор я не слышал о прошениях по этому поводу.

§ 65

Мир, который он заключил с королем Англии⁵⁸, был установлен вопреки желанию его совета, говорившего ему: «Сир, нам кажется, что вы напрасно теряете землю, отдаваемую английскому королю, потому что он не имеет на нее права; ибо его отец потерял ее по судебному приговору». И король ответил на это, что ему хорошо известно, что у английского короля нет на нее права; но есть причина, по которой он ему должен уступить: «Ведь наши жены — сестры⁵⁹, а наши дети — двоюродные братья; поэтому надобно, чтобы между ними был мир. Для меня же мир, который я заключил с английским королем, очень почетен, так как теперь он мой вассал⁶⁰, каковым прежде не являлся».

§ 66

О справедливости короля можно судить по делу монсеньора Рено де Три, который принес святому королю грамоту, где говорилось, что король пожаловал наследникам графини Булонской⁶¹, незадолго до этого умершей, графство Даммартен-ан-Гуль. Печать на этой грамоте была сломана так⁶², что на оставшемся куске королевской печати был виден только оттиск половины ног и скамеечки, на которой стоят ноги короля. И он показал ее всем нам, присутствовавшим на его совете, дабы мы могли ему принять решение.

§ 67

Мы все единодушно заявили, что нет никаких оснований для приведения в исполнение написанного в грамоте. И тогда король приказал Жану Сарацину, своему камергеру⁶³, подать ему грамоту, кою ему и вручили. Взяв грамоту, он нам сказал: «Сеньоры, вот печать, которой я пользовался до того, как отправиться за море, и по этой печати ясно видно, что оттиск сломанной печати соответствует ей; посему я по совести не осмеливаюсь удерживать названное графство». И тогда он подозвал монсеньора Рено де Три и сказал ему: «Я передаю вам графство».

§ 68

Во имя всемогущего Господа мы рассказали лишь отчасти о благочестивых речах и добрых наставлениях нашего святого короля Людовика, дабы те, кто будет их слушать, нашли их собранными в одном месте и смогли бы таким образом извлечь из них для себя больше пользы, чем

если бы эти наставления были изложены в рассказе о его деяниях. И после этого во имя Господа и его самого начнем о его деяниях.

§ 69

Насколько мне известно, он родился в день святого Марка Евангелиста, после Пасхи⁶⁴. В этот день во многих краях устраиваются процессии и носят кресты, а во Франции их называют черными крестами: и они словно предрекали, что великое множество людей погибнет в двух крестовых походах короля, то есть в крестовом походе в Египет и в следующем, во время которого он умер в Карфагене, отчего великая скорбь поразила сей мир и великая радость была в раю из-за погибших в этих двух паломничествах истинных крестоносцев.

§ 70

Он был коронован в первое воскресенье рождественского поста⁶⁵. Начало мессы в это воскресенье таково: *Ad te levavi animam meam* и так далее; и означает следующее: «Милосердный Господь, обращаю Тебе свою душу и уповаю на Тебя». В Бога он верил очень сильно, с детства до самой смерти; и умирая, он в своих последних словах взывал к Господу и его святым, а особенно монсьёру святому Иакову и мадам святой Женевьеве.

§ 71

Господь, коему он вверил себя, хранил его с детства и до самой кончины; и особенно оберегал он его в детские годы, когда тот очень нуждался в этом, как вы услышите далее. Что до его души, то Господь охранял ее с помощью добрых наставлений его матери, которая учила его верить и любить Бога и окружила его разными набожными людьми. И еще ребенком заставляла она его читать молитвы и слушать по праздникам все мессы и проповеди. Он вспоминал, как однажды его мать дала ему понять, что предпочла бы, чтобы он лучше умер, нежели совершил смертный грех.

§ 72

В юности он очень нуждался в помощи Господа; ибо его мать, родом из Испании⁶⁶, не имела во всем Французском королевстве ни родственников, ни друзей⁶⁷. А французские бароны, видя, что король — дитя⁶⁸, а королева, его мать — иностранка, избрали графа Булонского, дядю короля⁶⁹, предводителем и почитали его как своего сеньора. После того, как король был коронован⁷⁰, нашлись бароны, которые потребовали от королевы обширных земель, которые она должна была им дать; а так как она не пожелала ничего этого сделать, все бароны собрались в Корбейле⁷¹.

§ 73

И святой король говорил мне, что ни он, ни его мать, находясь в Монлери⁷², не решались вернуться в Париж до тех пор, пока парижане, вооруженные, не пришли к ним на помощь. И он мне рассказывал, что дорога от Монлери до Парижа была запружена вооруженными и безоружными людьми, и что все зывали к Господу, дабы он послал ему добрую и долгую жизнь и защитил и охранил от врагов. И Господь исполнил это, как вы услышите позднее.

§ 74

На том совете, собранном, как говорилось, баронами в Корбейле, решили они, что добрый рыцарь граф Пьер Бретонский выступит против короля⁷³; а еще договорились, что сами все они отправятся по зову короля, чтобы выступить против графа, и каждый возьмет с собой только двух рыцарей⁷⁴. И они так и сделали, чтобы посмотреть, сумеет ли граф Бретонский подчинить королеву, которая, как вы слышали, была иностранкой; и многие люди говорили, что граф заставил бы повиноваться королеву и короля, если бы Бог, который никогда не оставлял короля, не помог ему в этой борьбе.

§ 75

Помощь, которую Господь ниспослал ему, состояла в том, что граф Тибо Шампанский, ставший впоследствии королем Наварры, прибыл на службу к королю с тремя сотнями рыцарей; и благодаря поддержке, оказанной им королю, графу Бретонскому пришлось сдаться на милость короля: причем при заключении мира он, как говорят, передал королю графство Анжу и графство Перш⁷⁵.

§ 76

Поскольку сейчас следует напомнить кое о чем, мне надо немного отвлечься от предмета моего повествования. Итак, скажу, что доброму графу Генриху Щедрому⁷⁶ графиня Мария, которая доводилась сестрой французскому королю и королю Ричарду Английскому⁷⁷, принесла двух сыновей, старший из которых получил имя Генриха, а другой — Тибо. Этот старший, Генрих⁷⁸, отправился крестоносцем в паломничество в Святую землю в то время, когда король Филипп⁷⁹ и король Ричард⁸⁰ осадили и взяли Акру⁸¹.

§ 77

Как только Акра была взята, король Филипп вернулся во Францию, за что его очень порицали; а король Ричард остался в Святой земле и свершил столько подвигов и внушил такой страх сарацинам, что, как

написано в книге о Святой земле, когда их дети шумели, женщины кричали на них и говорили, чтобы унять: «Замолчите, вон король Ричард!» А когда лошади сарацин и бедуинов шарахались от кустарника, те им говорили: «Думаешь, это король Ричард?»

§ 78

Этот король Ричард повел дело таким образом, что отдал в жены графу Генриху Шампанскому, оставшемуся с ним, королеву Иерусалимскую, которая являлась прямой наследницей королевства⁸². От названной королевы у графа Генриха было две дочери, из которых одна стала королевой Кипра⁸³, а другая⁸⁴ вышла замуж за монсеньора Эрара де Бриенна, от коего ведет начало великий род, известный во Франции и в Шампани⁸⁵. Я ничего не буду вам говорить о жене монсеньора Эрара де Бриенна, а расскажу вам о королеве Кипра, ибо это имеет отношение к моему настоящему повествованию.

§ 79

После того, как король подчинил графа Пьера Бретонского, все бароны Франции были столь озлоблены на графа Тибо Шампанского, что решили послать за королевой Кипра, дочерью старшего сына Шампанского дома⁸⁶, дабы лишить наследства графа Тибо, который был сыном второго наследника Шампанского дома⁸⁷.

§ 80

Некоторые из них посредничали, чтобы примирить графа Пьера с названным графом Тибо, и дело было улажено таким образом, что граф Тибо пообещал взять в жены дочь графа Пьера Бретонского⁸⁸. Был назначен день, когда граф Шампанский должен был жениться на девице, и ее собирались привезти для заключения брака в премонстранское аббатство, что подле Шато-Тьерри, и называется, насколько я слышал, Валь-Сакре. Французские бароны, которые почти все приходились родственниками графу Пьеру⁸⁹, взяли на себя труд исполнить сие и привезли девицу для обручения в Валь-Сакре и послали за графом Шампанским, находившимся в Шато-Тьерри.

§ 81

А в то время, как граф Шампанский направлялся заключать брак, к нему от имени короля прибыл с верительной грамотой монсеньор Жоффруа де ла Шапель⁹⁰ и сказал так: «Сир граф Шампанский, королю стало известно, что вы договорились с графом Пьером Бретонским о женитьбе на его дочери. Король приказывает вам не делать этого, если не хотите потерять все, чем владеете в королевстве Франция; ибо вы знаете, что

граф Пьер Бретонский причинил королю столько зла, как никакой другой человек из ныне живущих»⁹¹. Граф Шампанский, посоветовавшись со своими людьми, вернулся в Шато-Тьерри.

§ 82

Когда граф Пьер и французские бароны, дожидавшиеся его в Валь-Сакре, узнали об этом, они все пришли в ярость, возмущенные тем, как он с ними поступил, и тут же послали за королевой Кипра. И как только она прибыла, они приняли совместное решение, что соберут столько воинов, сколько смогут, и вступят в Бри и Шампань со стороны Франции⁹², а герцог Бургундский⁹³, женатый на дочери графа Робера де Дре⁹⁴, вторгнется в графство Шампанское со стороны Бургундии. И они назначали день, когда они соберутся у города Труа, чтобы взять его, если смогут⁹⁵.

§ 83

Герцог набрал, сколько смог, людей; бароны также собрали всех, кто у них был. Бароны двинулись с одной стороны, все сжигая и уничтожая, герцог Бургундский — с другой; а с третьей стороны выступил король Франции, чтобы сразиться с ними; отчаяние графа Шампанского было таково, что он сам сжег свои города до прихода баронов, дабы те не воспользовались их припасами. Среди прочих городов, сожженных графом Шампанским, сгорели и Эперне, и Вертю, и Сезенн.

§ 84

Когда горожане Труа увидели, что они лишились помощи своего сеньора, они обратились к Симону, сеньору де Жуанвилю, отцу нынешнего сеньора де Жуанвиля, чтобы он пришел им на помощь. И он, собрав всех своих воинов, вышел ночью из Жуанвиля, как только до него дошла эта просьба, и прибыл в Труа прежде, чем занялся день. И из-за этого баронам не удался их замысел взять упомянутый город; а посему бароны миновали Труа, ничего не предприняв, и расположились на равнине у реки Иль, там, где стоял герцог Бургундский.

§ 85

Когда король Франции узнал, что они там, то направился прямо туда, чтобы с ними сразиться; и бароны послали к нему и просили, чтобы сам он соблаговолил отойти назад⁹⁶, а они будут сражаться с графом Шампанским и герцогом Лотарингским и остальным его войском, в коем было на три сотни рыцарей меньше, чем у графа и герцога. И король ответил баронам, что если они сразятся с его людьми, то он будет с ними. И они снова послали к нему и передали, что если ему будет угодно, они охотно склонят к миру королеву Кипра. А король им ответил, что не будет вести

переговоры ни о каком мире и не потерпит, чтобы об этом договаривался граф Шампанский, пока не очистят они графство Шампань.

§ 86

И бароны покинули графство так же, как и равнину Иля, где они стояли и разместились под Жюлли; а король расположился на Иле, откуда их изгнал. И узнав, что король направился туда, они обосновались в Шаурсе; но дожидаться короля не осмелились, а двинулись в Лень, принадлежавший графу Неверскому, который был на их стороне⁹⁷. В конце концов король помирил графа Шампанского с королевой Кипра⁹⁸, и мир был заключен таким образом, что названный граф Шампанский отдал кипрской королеве доходы с земель на сумму около двух тысяч ливров и сорок тысяч ливров, кои за графа Шампанского внес король.

§ 87

А граф Шампанский продал королю в счет этих сорока тысяч ливров нижеперечисленные фьефы: графство Блуа, графство Шартр, графство Сансерр, виконтство Шатоден⁹⁹. И кое-кто поговаривал, что король держал вышеназванные фьефы только в залоге; но это вовсе не так, ибо я за морем спрашивал об этом у нашего святого короля Людовика.

§ 88

Земля, которую граф Тибо отдал королеве Кипра, принадлежит нынешним графу де Бриенну¹⁰⁰ и графу де Жуаньи¹⁰¹, так как бабка графа де Бриенна была дочерью кипрской королевы и женой великого графа Готье де Бриенна¹⁰².

§ 89

Чтобы вы знали, откуда взялись те фьефы, кои сир Шампанский продал королю, довожу до вас, что у великого графа Тибо, который покоится в Леньи, было трое сыновей: первый носил имя Генриха, второй — Тибо, третьего звали Этьеном¹⁰³. Вышеупомянутый Генрих стал графом Шампани и Бри и был прозван Генрихом Щедрым; и действительно должен называться так, ибо был щедр к Господу и к миру: к Господу — как это видно по церкви святого Стефана в Труа и прочим прекрасным церквям, кои он основал в Шампани; а о щедрости к миру свидетельствует случай с Арто из Ножана и с людьми из многих других мест, и я охотно бы вам обо всем рассказал, если бы не боялся отклониться от своего повествования.

§ 90

Арто из Ножана был единственным из всех горожан, к которому граф проникся глубоким доверием; он был столь богат, что на свои деньги

возвел замок Ножан л'Арто. И вот однажды в Труа, в Троицын день, граф Генрих вышел из своих покоев, направляясь на мессу в церковь святого Стефана. У схода с лестницы к нему подошел бедный рыцарь, который опустился перед ним на колени и так сказал ему: «Сир, прошу вас Бога ради пожаловать мне от ваших щедрот, дабы смог я выдать замуж своих двух дочерей, коих вы здесь видите».

§ 91

Арто, шедший за ним, сказал бедному рыцарю: «Сир рыцарь, невежливо с вашей стороны просить у монсьёра, ибо он столько раздал, что давать больше нечего». Щедрый граф повернулся к Арто и сказал: «Сир мужик, вы говорите неправду, утверждая, что мне нечего больше дать: ведь у меня есть вы. Держите его, сир рыцарь, ибо я вам его отдаю, а он вам предоставит просимое». Рыцарь не растерялся, но вцепился тому в плащ и сказал, что не отпустит до тех пор, покуда он ему не заплатит. И чтобы отделаться от рыцаря, Арто выплатил ему пятьсот ливров.

§ 92

Одного брата графа Генриха звали Тибо, он был графом Блуаским; второй брат носил имя Этьен и был графом Сансеррским. И эти два брата держали от графа Генриха все свое наследство, и свои два графства, и уголья; и владели им при наследниках графа Генриха, получивших Шампань, до тех пор, пока король Тибо не продал их французскому королю, как уже об этом сказано.

§ 93

Но вернемся к предмету нашего повествования и расскажем, что после этих событий король держал большой двор в Сомюре, в Анжу¹⁰⁴; и я был там, и свидетельствую вам, что это было лучшее общество, какое я когда-либо видел. Ибо за столом восседал король, подле него граф де Пуатье¹⁰⁵, которого он только что посвятил в рыцари в день святого Иоанна; а за графом де Пуатье сидел за столом граф Жан де Дрё¹⁰⁶, которого он тоже недавно посвятил в рыцари; за графом де Дрё обедал граф де ла Марш; за графом де ла Маршем — добрый граф Пьер Бретонский. А перед королевским столом, напротив графа де Дрё, обедал монсьёр король Наваррский, в котте и плаще из бархата, красиво украшенном ремнями, пряжками, и в золоченом головном уборе; а я прислуживал ему.

§ 94

Кушанья королю подавал граф д'Артуа, его брат; нарезал ножом добрый граф Жан Суассонский. Королевский стол охраняли монсьёр Эмбер де Боже, который впоследствии стал коннетаблем Франции, монсьёр

Ангерран де Куси, и монсеньор Аршамбо де Бурбон. За этими тремя баронами в качестве охраны стояли почти тридцать рыцарей в одежде из шелковой ткани, а позади этих рыцарей было великое множество воинов в одеждах с гербами графства Пуатье, нашитыми на тафту. Король был в котте из голубого атласа, в сюрко и плаще из алого бархата, подбитого горностаем, и в полотняной шапочке, которая ему совсем не шла, потому что он тогда был еще юношей.

§ 95

Король устроил этот праздник в залах Сомюра, и говорили, что возвел их для своих больших празднеств великий король Генрих Английский¹⁰⁷. И залы были выстроены на манер клуатров¹⁰⁸ белых монахов¹⁰⁹; думаю, что столь большие помещения вряд ли где найдутся. И я вам скажу, почему мне так кажется; ибо у стены галереи, где обедал король, окруженный рыцарями и сержантами¹¹⁰, занимавшими обширное пространство, сидели за столом еще двадцать епископов и архиепископов; а за епископами и архиепископами, напротив их стола, в главной галерее, со стороны, противоположной той, где ел король, восседала королева Бланка, его мать.

§ 96

И королеве прислуживал граф Булонский, ставший впоследствии королем Португалии¹¹¹, и добрый граф Гуго де Сен-Поль, и один немец в возрасте восемнадцати лет, о котором говорили, что он был сыном святой Елизаветы Тюрингской¹¹², и что королева Бланка из благоговения целовала его в лоб, так как слыхала, что так его много раз целовала мать.

§ 97

За пределами клуатра, с другой его стороны, располагались кухни, кладовые для хранения бутылей, хлеба, продуктов; отсюда подносили королю и королеве мясо, вино и хлеб. А в прочих крыльях его и во внутреннем садике обедали рыцари в столь великом множестве, что я не смог их сосчитать. И многие люди говорили, что никогда не видывали на празднестве столько сюрко и прочих одежд из парчи и шелка, сколько было там; и утверждали, что там собралось добрых три тысячи рыцарей.

§ 98

После этого праздника король с графом де Пуатье отправились в Пуатье, чтобы тот вступил во владение своими фьефами¹¹³. И прибыв в Пуатье, король вскоре захотел вернуться в Париж; ибо он узнал, что граф де ла Марш, сидевший за его столом в день святого Иоанна, собрал в Лузиньяне, подле Пуатье, всех своих воинов. В Пуатье король пробыл

около двух недель и не решался уехать, пока не договорился с графом де ла Маршем, уж не знаю как.

§ 99

Много раз я видел, как граф де ла Марш приезжал в Пуатье из Лузи-ньяна беседовать с королем; и всегда брал с собой свою супругу, английскую королеву, мать короля Англии¹¹⁴. И многие говорили, что король и граф де Пуатье заключили дурной мир с графом де ла Маршем¹¹⁵.

§ 100

Спустя немного времени после того, как король возвратился из Пуатье, английский король высадился в Гаскони, чтобы начать войну с королем Франции¹¹⁶. Наш святой король с теми людьми, кого он смог собрать, поскакал сражаться с ним. Туда же отправился на помощь английскому королю и граф де ла Марш. Сражение произошло у замка, который назывался Тайбург и располагался на труднопреодолимой речке Шаранте, которую можно было перейти по очень узкому каменному мосту.

§ 101

Как только король подошел к Тайбургу и увидел войска противников, наши люди, бывшие возле замка, одолев великие препятствия, с опасностью для себя, переправились через реку на лодках и по мосту и бросились на англичан; и завязалась большая и ожесточенная схватка. Когда король увидел это, то бросился вперед, подвергнув себя опасности вместе с другими; ибо на одного человека короля, когда он перешел на другую сторону реки, приходилось почти двадцать англичан. Однако Господу было угодно, чтобы англичане, увидев сражающегося короля, растерялись и укрылись в городе Сенте; многие из наших людей, смешавшись с ними, также вошли в городок и были схвачены.

§ 102

Те из наших людей, что были схвачены в Сенте, рассказывали, что слышали, как между английским королем и графом де ла Маршем произошла сильная размолвка; король говорил, что граф де ла Марш послал за ним, обещая, что во Франции он найдет сильную поддержку. В тот же вечер английский король покинул Сент и ушел в Гасконь¹¹⁷.

§ 103

Граф де ла Марш, видя, что не в силах поправить случившееся, сдался королю и привел с собой в плен свою жену и детей: вследствие чего король получил по заключенному миру значительную часть земель графа; но я не знаю, сколько, ибо я не был при этом деле, так как тогда не носил

еще кольчугу. Но я слышал, что помимо земель, переданных королю, граф де ла Марш отказался от десяти тысяч парижских ливров, кои ежегодно получал из королевской казны¹¹⁸.

§ 104

Когда мы пребывали в Пуатье, я видел одного рыцаря по имени монсеньор Жоффруа де Ранкон, который, как говорили, из-за тяжкого оскорбления, нанесенного ему графом де ла Маршем, поклялся на мощах, что никогда не острижется, как подобает рыцарю, но будет носить длинные волосы на пробор, как носят женщины, до тех пор, пока сам или кто-нибудь другой не отомстит графу де ла Маршу. И когда монсеньор Жоффруа увидел графа де ла Марша, его жену и детей коленопреклоненными перед королем и взывающими к его милосердию, то велел принести помост, и убрав пробор, постричь и причесать себя тут же, в присутствии короля, графа де ла Марша и всех, кто там был.

§ 105

И после этого похода против английского короля и баронов король, как я слышал, богато одарил тех, кто из него вернулся. Но ни на дары, ни на расходы, кои потребовал этот поход и другие, как здесь, так и за морем, король, дабы не вызывать жалоб, не просил и не принимал никакой помощи ни от своих баронов, ни от рыцарей, ни от вассалов, ни от добрых городов¹¹⁹. И это неудивительно, ибо так он поступал по совету своей доброй матери, которая была рядом и наставляла его, и по совету мудрых людей, оставшихся с ним со времен его отца и деда.

§ 106

После событий, изложенных выше, Богу было угодно, чтобы в Париже¹²⁰ короля поразила сильная болезнь, от которой, как рассказывают, он впал в такое тяжкое состояние, что одна из дам, ходивших за ним, хотела уже покрыть его лицо, говоря, что он умер. А вторая дама, стоявшая по другую сторону ложа, никак не соглашалась с этим, но говорила, что его душа еще в теле.

§ 107

И когда он услышал спор этих двух дам, Господь снизошел к нему и тотчас послал ему выздоровление; а из-за болезни был он нем и не мог говорить. И едва он смог разговаривать, как потребовал, чтобы ему поднесли крест, что и было исполнено¹²¹. Когда королеве, его матери, сказали, что к нему вернулась речь, она обрадовалась этому так, как только возможно. А когда она узнала, что он принял крест, о чем он сам ей сказал, то впала в такую глубокую скорбь, как если бы увидела его мертвым¹²².

§ 108

После того, как он принял крест, крестоносцами стали все три брата короля — Робер, граф д'Артуа¹²³, Альфонс, граф де Пуатье, и Карл, граф Анжуйский, ставший впоследствии королем Сицилии¹²⁴; и стали крестоносцами Гуго, герцог Бургундский, Гийом, граф Фландрский, брат графа Ги Фландрского¹²⁵, умершего недавно; добрый Гуго, граф де Сен-Поль, монсеньор Гоше, его племянник¹²⁶, который очень храбро вел себя за морем и весьма отличился бы, коли остался жив¹²⁷.

§ 109

Также были там граф де ла Марш и его сын монсеньор Гуго ле Брен; и также его брат граф Саарбрюкенский, и монсеньор Губер д'Апремон, в обществе которого я, Жан, сир де Жуанвиль, пересек море на одном из кораблей, что мы, будучи кузенами, зафрахтовали. И отплыло нас всего двадцать рыцарей, девятью командовал он, а девятью я.

§ 110

На Пасху, в год тысяча двести сорок восьмой от Рождества Христова¹²⁸ созвал я своих людей и вассалов в Жуанвиль. А в пасхальное навечерие, когда собрались все люди, коих я пригласил, моя первая жена, что была сестрой графа де Гранпре, родила мне сына Жана, сира д'Ансервиля. Всю эту неделю мы праздновали и танцевали; мой брат, сир де Вокулер и прочие знатные люди, которые были там, устраивали по очереди угощение в понедельник, вторник, среду и четверг.

§ 111

В пятницу я им сказал: «Сеньоры, я отбываю за море и не знаю, вернусь ли. Подойдите же; если я нанес вам какой-либо ущерб, я, как обычно, возьму его поочередно всем, кто пожелает что-либо потребовать от меня или моих людей». Я заплатил, сколько они, собравшиеся все вместе, порешили; и чтобы не оказывать на них давления, я ушел с их совета, а затем принял безоговорочно все, что они постановили¹²⁹.

§ 112

Поскольку я не хотел брать с собой ни одного несправедного денье, то я отправился в Мец, в Лотарингию, и заложил там большую часть своей земли¹³⁰. И знайте, что в день, когда я покинул свой край, направляясь в Святую землю, у меня не оставалось и тысячи ливров дохода; ибо мадам моя матушка была еще жива; итак, я поехал во главе девяти рыцарей, причем я и двое из них ехали со знаменами¹³¹. И уверяю вас, что ежели бы Господь, никогда меня не покидавший, мне не помог, я вряд ли перенес бы это столь длительное шестилетнее путешествие в Святую землю¹³².

§ 113

Когда я был уже готов тронуться в путь, Жан, сир д'Апремон, граф Саарбрюкенский по своей жене¹³³, прислал мне весть, что он устроил свои дела, дабы отправиться за море с девятью рыцарями; и предложил мне, если я пожелаю, нанять вместе с ним корабль; я согласился, и наши люди наняли в Марселе корабль¹³⁴.

§ 114

Король вызвал к себе в Париж всех своих баронов и заставил их принести клятву, что они будут блюсти верность и преданность его детям, если с ним в пути что-либо случится¹³⁵; он потребовал этого и от меня; но я не захотел клясться, ибо не был его вассалом¹³⁶.

§ 115

В пути мне повстречалась тележка, на которой везли трех человек, убитых одним клириком; мне сказали, что их везут к королю; услышав это, я послал следом своего оруженосца, чтобы узнать, как это произошло. И посланный мной оруженосец позднее рассказал, что король, выйдя из своей часовни на крыльцо посмотреть на погибших, спросил у прево Парижа¹³⁷, что случилось.

§ 116

И прево рассказал ему, что погибшие были тремя его сержантами из Шатле¹³⁸, и что они бродили по отдаленным улицам, грабя людей. И сказал королю, что они встретили этого клирика, что стоит перед ним, и отобрали у него всю одежду. Клирик в одной рубахе добежал до своего дома, схватил арбалет и повелел одному ребенку принести косарь¹³⁹. Когда он увидел сержантов, то окликнул их и сказал, что они умрут. Он натянул арбалет, выстрелил и пронзил сердце одного из них; а двое других бросились бежать; но клирик схватил косарь, принесенный ребенком, и побежал за ними при свете ясной и яркой луны.

§ 117

«Один из них хотел перепрыгнуть через ограду в сад, но клирик ударил его косарем, — продолжал прево, — и отрубил ему ногу так, что она держится, как вы видите, только благодаря сапогу. Клирик бросился за другим, который надеялся скрыться в чужом доме, где люди еще не спали, ударил его косарем по голове и рассек ее до зубов, как вы можете убедиться», — сказал прево королю. «Сир, клирик рассказал о содеянном своим соседям по улице, а потом сам пришел в вашу тюрьму; а я его привел к вам, сир, дабы вы изъявили вашу волю; он пред вами».

§ 118

«Сир клирик, — вымолвил король, — своими подвигами вы потеряли право быть священником, но за вашу доблесть я вас оставляю на своей службе, и вы поедете со мной за море. И пусть все запомнят этот случай, ибо я хочу, чтобы мои люди знали, что я не поддержу их в их злодеяниях». Когда собравшийся там народ услышал приговор, он воззвал к Господу и стал молить его даровать королю добрую и долгую жизнь и послать ему радость и здравие.

§ 119

После этих событий я вернулся в свои земли, и мы с графом Саарбрюкенским условились, что отправим наше снаряжение на телегах в Осонн, оттуда по Соне, а затем по Роне переправим в Арль.

§ 120

В день моего отъезда из Жуанвиля я послал за аббатом Шеминона, который слыл самым мудрым человеком в белом ордене. Об этом я услышал в Клерво, когда был там со святым королем в день праздника Богоматери, от монаха, показавшего мне его и спросившего, знаю ли я его. На мой вопрос, почему он меня об этом спрашивает, он мне ответил: «Потому что, как я знаю, это самый мудрый человек во всем белом ордене».

§ 121

«Еще знайте, — продолжал он, — что я слышал от одного почтенного человека, что он однажды лежал в дортуаре, где спал и аббат Шемина; из-за сильной жары у аббата была обнажена грудь. И этот почтенный человек, отдохавший в дортуаре, где почивал аббат Шемина, увидел, как Богоматерь подошла к постели аббата и запахнула платье на его груди, чтобы его не продуло ветром».

§ 122

Этот аббат Шеминона вручил мне суму и посох¹⁴⁰; и тогда я покинул Жуанвиль, чтобы не вступать больше в замок до самого своего возвращения, пешком, босым и в одной рубашке¹⁴¹; я отправился в Блекур и Сент-Юрбен¹⁴², поклониться святым мощам, что там находятся. И направляясь в Блекур и Сент-Юрбен, я ни разу не позволил себе обратить взор к Жуанвилю, дабы прекрасный замок и двое моих детей, которых я покидал, не растрогали мое сердце.

§ 123

Я со своими спутниками пообедал в Фонтен-л'Аршевек близ Донже; и там аббат Адам из Сент-Юрбена (спаси его Господь!) дал много

драгоценностей мне и моим девяти рыцарям. Оттуда мы дошли до Осонна, а из Осонна отбыли со всем нашим снаряжением, которое мы приказали погрузить на судно, по Сене к Лиону; по берегу за кораблем вели наших рослых боевых коней¹⁴³.

§ 124

От Лиона мы поплыли по Роне, чтобы добраться до Арль-ле-Блан, и на Роне нам попался замок под названием Рош-де-Глен, который король велел разрушить, так как Роже, сеньора замка, обвиняли в ограблении паломников и купцов¹⁴⁴.

§ 125

В августе месяце мы взошли на наши корабли у Марсельской Скалы. В тот день, когда мы поднялись на корабль, было приказано открыть дверь судна и завести внутрь всех наших лошадей, которых мы брали за море; а затем дверь закрыли и хорошо ее задраили, как конопатят бочку, ибо когда корабль выходит в открытое море, дверь полностью оказывается под водой¹⁴⁵.

§ 126

Когда завели лошадей, наш капитан крикнул матросам, стоявшим на носу корабля: «Работа закончена?» И они ответили: «Да, сир; пусть идут монахи и священники». Как только те пришли, он крикнул им: «Пойте, во имя Господа». И они все воскликнули в один голос: «*Veni Creator Spiritus*»¹⁴⁶. А он крикнул своим матросам: «Ставьте, во имя Господа, парус!» И они подняли его.

§ 127

И вскорости ветер надул парус, и суша скрылась от нас, так что мы видели только небо и воду; и с каждым днем ветер все дальше уносил нас от родных краев. И я хочу сказать вам, что безрассудно дерзки те, кто решается подвергнуть себя подобной опасности, не вернув чужого добра или будучи в смертном грехе; ибо засыпаешь вечером и не знаешь, не окажешься ли утром на дне морском.

§ 128

В море с нами случилось удивительнейшее происшествие — мы встретились с совершенно круглой горой, что находилась близ Берберии¹⁴⁷. Мы увидели ее приблизительно в час вечерни и плыли всю ночь и полагали, что проделали более пятидесяти лье¹⁴⁸; а на следующий день оказались перед той же самой горой; и так с нами случалось два или три раза. Когда моряки увидели это, то сильно испугались и сказали нам, что

наши корабли в большой опасности, так как мы находимся у земли берберийских сарацин.

§ 129

Тогда один мудрый священник, которого звали декан Морю, сказал нам, что у него в приходе при всех бедствиях из-за засухи или обильных дождей Господь и Богоматерь всегда помогали, едва только он устраивал три процессии в течение трех суббот.

Была суббота; мы прошли процессией вокруг двух корабельных мачт; себя я велел отнести туда на руках, поскольку был тяжело болен. С тех пор мы не видели горы и на третью субботу подошли к Кипру¹⁴⁹.

§ 130

Когда мы прибыли на Кипр, король был уже там¹⁵⁰, и мы нашли великое изобилие сделанных для короля запасов: а именно вина, денег и хлеба; запасы королевского вина были таковы, что люди сложили на ровном месте на берегу моря огромные горы бочек с вином, купленных ими за два года до приезда короля; и они их поставили одну на другую так, что видя их перед собой, казалось, что это амбары¹⁵¹.

§ 131

Что до пшеницы и ячменя, то их насыпали в поле грудами; и при виде их казалось, что это холмы, ибо от дождя, долгое время поливавшего зерно, оно проросло сверху так, что видна была только зеленая трава. Когда же его собрались везти в Египет¹⁵², то сняли верхнюю корку с зеленой травой и нашли пшеницу и ячмень такими же свежими, как если бы их недавно обмолотили.

§ 132

Король с великой охотой отправился бы, не останавливаясь, вперед в Египет, если бы (как я от него слышал в Сирии) не его бароны, которые посоветовали ему дожидаться своих людей, которые не все еще съехались¹⁵³.

§ 133

В то время, когда король находился на Кипре, великий король татар направил к нему своих послов с множеством добрых и учтивых слов. Среди прочего он сообщил ему, что готов помочь завоевать Святую землю и освободить Иерусалим от рук сарацин.

§ 134

Король принял его послов очень благосклонно и отправил к нему своих, которые лишь через два года возвратились к нему. Со своими

послами король отправил татарскому королю шатер, изготовленный в виде часовни, который стоил очень дорого, так как сделан был из добротной алой ткани. И король, дабы убедиться, сможет ли он обратить татар в нашу веру, повелел изобразить в шатре Благовещение Богоматери и все остальные положения веры. И все это он им послал с двумя братьями-проповедниками, знавшими сарацинский язык, чтобы показать им и наставить, во что они должны верить.

§ 135

Эти двое братьев вернулись к королю, когда его братья возвратились во Францию; и они отыскиали короля, уехавшего из Акры, где он расстался с братьями, в Цезарее, которую он укреплял; а с сарацинами у него не было ни мира, ни перемирия. Как были татарами встречены посланники французского короля, я вам позднее расскажу так, как они сами рассказали королю; и в том, что они королю сообщили, вы сможете услышать много чудесного, но сейчас я об этом говорить не хочу, так как мне пришлось бы прервать начатое мною повествование.

§ 136

Я не имевший и тысячи ливров дохода с земли, взял с собой, отправляясь за море, девять рыцарей и двух рыцарей, носящих знамя; и когда я прибыл на Кипр, случилось так, что после уплаты за корабль у меня осталось только двести сорок турецких ливров, отчего кое-кто из моих рыцарей передал мне, что если я не расплачусь с ними, они от меня уйдут¹⁵⁴; и Господь, который никогда не оставлял меня, помог мне таким образом, что король, находившийся в Никосии¹⁵⁵, послал за мной и оставил при себе и пожаловал мне восемьсот ливров; и тогда у меня стало денег больше, чем мне было нужно¹⁵⁶.

§ 137

В то время, как мы находились на Кипре, императрица Константинополь дала мне знать, что она прибыла в Вафф, кипрский городок¹⁵⁷, дабы я и монсеньор Эрар де Бриенн приехали к ней¹⁵⁸. Когда мы туда прибыли, то узнали, что сильный ветер порвал якорные канаты ее корабля и отнес судно к Акре; и от всей ее поклажи остался только плащ, что был на ней и обеденное сюрко. Мы привезли ее в Лимасол, где король, королева и все бароны приняли ее с великими почестями.

§ 138

На следующий день я послал ей сукна, чтобы сшить одежду и меховой плащ; и отослал ей дорогую ткань и шелк, чтобы подбить платье. Монсеньор Филипп де Нантей, добрый рыцарь, который был приближенным

короля, встретил моего оруженосца, направляющегося к императрице. Когда достойный человек узнал об этом, он пришел к королю и сказал ему, что великий стыд охватил его и других баронов из-за одежды, посланной мною императрице, в то время, как они не догадались об этом раньше.

§ 139

Императрица приехала к королю за помощью для своего супруга, который остался в Константинополе¹⁵⁹, и просила так настойчиво, что увезла более двух сотен посланий, как от меня, так и от других своих друзей, бывших там; в этих посланиях мы клятвенно обязались, что если королю или легату¹⁶⁰ будет угодно послать три сотни рыцарей в Константинополь после того, как король уедет из заморской земли, мы клянемся туда отправиться.

§ 140

И во исполнение своей клятвы, содержащейся в моем послании, я во время нашего отъезда просил короля в присутствии графа д'Э¹⁶¹ разрешить мне поехать, дабы исполнить клятву, ежели он пожелает послать три сотни рыцарей. Но король мне ответил, что у него не на что их посылать, и что нет такой казны, которую он не исчерпал бы до дна.

После того, как мы прибыли в Египет, императрица уехала во Францию и увезла с собой монсеньора Жана д'Акра, своего брата, которого она женила на графине де Монфор¹⁶².

§ 141

В то время, как мы находились на Кипре, самым богатым королем во всех языческих землях был конийский султан; и он сотворил диковинную вещь — приказал расплавить значительную часть своего золота в глиняных горшках, в каких за морем хранят вино и которые вмещают три или четыре мюида¹⁶³; и повелел разбить горшки, а слитки выставить открыто в одном его замке так, чтобы каждый входящий в замок мог их видеть и трогать; и было таких слитков шесть или семь.

§ 142

О его великом богатстве свидетельствует шатер, стоивший почти пятьсот ливров, который король Армении прислал королю Франции; и король Армении¹⁶⁴ передал ему, что шатер подарил ему дворецкий конийского султана, ведающий его шатрами и следящий за его жилищем.

§ 143

Король Армении, дабы освободиться от зависимости конийского султана, отправился к королю татар и подчинился им, чтобы получить от

них помощь; и он привел обратно столь большое количество воинов, что смог сразиться с конийским султаном. Долго длилась битва, и татары истребили столько людей султана, что с тех пор никто о нем не слышал. Из-за громких разговоров на Кипре о битве, которая должна была произойти, многие воины уехали от нас в Армению, чтобы захватить добычу и принять участие в сражении; и никто из них никогда оттуда не вернулся¹⁶⁵.

§ 144

Султан Вавилона¹⁶⁶, ожидавший, что король придет в Египет весной, решил разбить султана Хамы¹⁶⁷, который был его смертельным врагом, и осадил его в городе Хама¹⁶⁸. Султан Хамы не знал, как избавиться от вавилонского султана, ибо хорошо видел, что если тот проживет долго, он его погубит. И велел он подкупить дворецкого султана Вавилона, чтобы тот его отравил.

§ 145

И отравили его следующим образом: дворецкий заметил, что султан ежедневно, вставши ото сна, играл в шахматы на циновках, лежавших у его ложа; циновку, на которую, как он знал, султан всегда садится, он и отравил. И вот однажды султан, будучи разутым, наступил на нее ногой, где у него была ранка. Яд тотчас же попал в тело и парализовал нижнюю половину его туловища; и всякий раз, когда яд подступал к его сердцу, он не пил, не ел и не говорил два дня. Его люди оставили в мире султана Хамы и перевезли султана Вавилона в Египет¹⁶⁹.

§ 146

С началом марта по приказу короля бароны и прочие паломники распорядились грузить корабли вином и продовольствием, чтобы отбыть, когда прикажет король. После чего, когда король увидел все хорошо подготовленным, то он и королева собрались на своем корабле в пятницу, накануне Троицына дня¹⁷⁰; и король сказал своим баронам, чтобы они отправлялись следом за ним на своих кораблях прямо к Египту. В субботу король велел поднять парус на своем корабле и на всех других, и это было очень красивое зрелище, ибо все море, насколько хватало взгляда, было покрыто полотнищами парусов кораблей, насчитывавших восемнадцать сотен, как больших, так и малых¹⁷¹.

§ 147

Король затем бросил якорь у холма, называемого вершиной Лимасол, и все прочие корабли собрались вокруг. И король сошел на сушу в Троицын день¹⁷². Когда мы прослушали мессу, поднялся такой жестокий и

сильный ветер, дувший из Египта, что из двух тысяч восьмисот рыцарей, которых король вез в Египет, осталось только семьсот, а суда остальных были отнесены ветром от короля и занесены в Акру и другие чужие земли, и долго они не могли вернуться к королю.

§ 148

На другой день после Троицы ветер стих; король и мы, оставшиеся с ним, как этого пожелал Господь, подняли парус и встретили князя Морейского и герцога Бургундского, который находился в Морее¹⁷³. В четверг после Троицы¹⁷⁴ король подошел к Дамьетте¹⁷⁵, и мы встретили там все силы султана¹⁷⁶, людей, прекрасных видом; ибо султан носил доспехи из золота, на которых играло и сияло солнце. Шум, производимый литаврами и сарацинскими рогами, было жутко слышать.

§ 149

Король созвал своих баронов, дабы посоветоваться о том, что ему делать. Многие люди советовали ему ждать, пока не вернутся его люди, потому что у него не оставалось и третьей части его воинов; но он совершенно не желал их слушать. Он привел те доводы, что этим он придаст храбрости своим врагам, а особенно, что в Дамьетте нет гавани, где бы он мог дожидаться своих людей, не опасаясь, что сильный ветер подхватит нас и унесет в другие земли, как это случилось с другими в Троицын день¹⁷⁷.

§ 150

Решено было, что король сойдет на берег в пятницу перед Троицыным воскресеньем¹⁷⁸ и пойдет сражаться с сарацинами, если они не уйдут. Король приказал монсеньору Жану де Бомону¹⁷⁹ дать галеру монсеньору Эрау де Бриенну и мне, дабы нам с нашими рыцарями высадиться, так как большие корабли не могли подойти к берегу.

§ 151

По воле Господа, вернувшись на свой корабль, я обнаружил маленькое судно, в котором уже стояло восемь моих лошадей и которое мадам де Бейрут, приходившаяся двоюродной сестрой графу Монбельяру и нам¹⁸⁰, предоставила мне. Когда наступила пятница, я и монсеньор Эрау, в полном вооружении отправились к королю, чтобы попросить галеру; но монсеньор Жан де Бомон ответил, что мы не получим ее.

§ 152

Когда наши люди узнали, что мы не получим галеру, то стали прыгать друг за другом с большого корабля на баркас, так что он начал тонуть. Матросы, заметив, что баркас мало-помалу погружается, поднялись на

большой корабль и оставили моих рыцарей в баркасе. Я спросил старшего, сколько в нем лишних людей; и он мне сказал, что двадцать воинов; и я спросил его также, не перевезет ли он наших людей на берег, если я высажу лишних; и он мне ответил: «Да». И я часть их высадил, так что за три раза он перевез их всех на землю с корабля, где находились мои лошади.

§ 153

Пока я переправлял этих людей, один рыцарь, который был под началом монсеньора Эрара де Бриенна и звался Плонке, задумал спуститься с большого корабля на баркас, а баркас в этот момент отошел, и он упал в море и утонул.

§ 154

Когда я вернулся на свой корабль, то оставил на моем баркасе оруженосца, которого я посвятил в рыцари, по имени монсеньор Гуто де Вокулер и двух очень храбрых молодых людей, имя одного из которых монсеньор Вилен де Версей, а второго — монсеньор Гийом де Даммартен, которые люто ненавидели друг друга. И никто не мог их помирить, так что в Море они даже вцепились друг другу в волосы; но я им велел оставить свой гнев и поцеловаться, ибо я поклялся им на мощах, что мы не отправимся в Святую землю отягощенные их злобой.

§ 155

Когда мы тронулись, направляясь к суше, то обогнали баркас с большого корабля короля, в котором он находился. И его люди начали кричать мне вслед (так как мы шли быстрее их), чтобы я подошел к стягу Сен-Дени, который водрузили на другом судне, впереди короля; но я их не послушался, и приказал пристать напротив большого отряда турок, насчитывавшего почти шесть тысяч всадников.

§ 156

Едва турки завидели нас на суше, как, пришпорив лошадей, бросились на нас. Когда мы увидели, что они приближаются, то воткнули наши щиты острым концом в песок и то же проделали с нашими копьями, повернув их острием к ним. Увидав, что копья готовы вонзиться им в животы, они повернули назад и бежали.

§ 157

Монсеньор Бодуэн Реймский, человек мудрый, сойдя на берег, передал мне через своего оруженосца, чтобы я его подождал; и я ему ответил, что сделаю это охотно, ибо такого достойного человека, как он, должно

дожидаться при любых обстоятельствах; за что он был мне признателен всю свою жизнь. С ним прибыли к нам мои рыцари; и заверяю вас, что когда я причалил, со мной не было ни одного оруженосца, ни рыцаря, ни слуги, которых я бы привез с собой из своего края; и однако Господь не оставил меня своей помощью.

§ 158

По левую руку от нас пристал граф Яффаский, который приходился двоюродным братом графу де Монбельяру и был из рода¹⁸¹ Жуанвилей¹⁸². Он был из тех, кто причалил с особым благородством; ибо его галера подошла вся украшенная изнутри и снаружи щитами с изображением его гербов, каковые гербы были золоченые, с расположенными крестообразно разинутыми пастями. На его галере было около трехсот гребцов, и у каждого гребца был маленький щит с его гербом, а на каждом щите — еще и флажок с его гербом из накладного золота.

§ 159

Когда они подходили, казалось, галера летела, благодаря гребцам, навалившимся на весла; и казалось, гром небесный гремит — такой шум производили флажки, литавры, барабаны и сарацинские рожки, которые были на его галере. Как только галера врезалась в песок, граф и его рыцари сразу же выпрыгнули из галеры, очень хорошо вооруженные и в прекрасном снаряжении, и выстроились рядом с нами.

§ 160

Я позабыл вам сказать, что когда граф Яффаский высадился, он тут же приказал разбить палатки и шатры; и как только сарацины увидели их натянутыми, то повернули назад и стали окружать нас, пришпоривая лошадей, как бы собираясь напасть; но поняв, что мы не собираемся бежать, тут же отошли.

§ 161

По правую руку от нас, на расстоянии полета стрелы из большого арбалета пристала галера со стягом Сен-Дени. И нашелся один сарацин, который, когда они причалили, бросился в гущу их, то ли потому что не смог удержать свою лошадь, то ли думая, что другие последуют за ним; но его всего изрубили.

§ 162

Когда король услышал, что стяг Сен-Дени уже на берегу, он быстрым шагом прошел по своему кораблю и, несмотря на уговоры легата, который был при нем, дабы не отставать от стяга, прыгнул в море, где вода

доходила ему до подмышек; и со щитом на шее, в шлеме и с мечом в руке он направился к своим людям, которые находились на берегу моря. Достигнув суши, он заметил сарацин и спросил, что это за люди; и ему ответили, что это сарацины; тогда он поднял меч, выставил перед собой щит и побежал бы на сарацин, если бы мудрые люди, стоявшие рядом, не удержали его.

§ 163

Сарацины трижды доносили султану голубиной почтой о прибытии короля, не получая от него никаких вестей, ибо султан продолжал болеть; и увидав это, они решили, что султан помер, и оставили Дамьетту. Король отправил туда рыцаря с поручением убедиться в этом. Рыцарь возвратился к королю, и сказал, что был во дворце султана и это правда. Тогда король послал за легатом и всеми прелатами войска, и они громко запели «*Te Deum laudamus*»¹⁸³. Потом король вскочил на коня, и все мы отправились располагаться близ Дамьетты¹⁸⁴.

§ 164

Турки совершили ошибку, когда покинули Дамьетту, но не разрушили лодочного моста; ведь иначе мы испытали бы большие затруднения¹⁸⁵. Но великий ущерб, уходя, они причинили нам тем, что подожгли базар, где находились все товары и все продукты, что продаются на вес. Это было равноценно тому, как если бы кто-нибудь (от чего упаси Бог!) поджег парижский Малый мост¹⁸⁶.

§ 165

Признаем же, что великую милость оказал нам всемогущий Господь, защитив нас по прибытии от смерти и от опасности, ибо мы высадились пешими и бросились на наших врагов, которые были верхом. Большую милость сотворил нам Господь и тем, что отдал нам Дамьетту, которую в случае осады можно было бы взять только измором; и это мы ясно понимали, ибо именно измором взял ее король Жан во времена наших отцов¹⁸⁷.

§ 166

Господь наш может сказать нам так же, как он сказал и сынам Израилевым: «И презрели они землю желанную»¹⁸⁸. И что сказал он далее? Он сказал, что они забыли Бога, который их спас. А как мы его забыли, я расскажу вам потом.

§ 167

Первым делом я вам поведаю о короле, который послал за своими баронами, клириками и мирянами, и попросил их помочь ему советом,

как поделить захваченное в городе. Первым заговорил патриарх¹⁸⁹, и сказал он так: «Сир, мне кажется, будет хорошо, если вы оставите себе пшеницу, ячмень, рис и весь провиант, дабы снабжать город; и прикажете объявить в войске, чтобы вся прочая движимость была снесена в жилище легата под угрозой отлучения». С этим советом согласились все остальные бароны, однако вся движимость, снесенная в покои легата, была оценена только в шесть тысяч ливров¹⁹⁰.

§ 168

Когда это было сделано, король и бароны отправили за монсеньором Жаном де Валери, мудрым человеком, и обратились к нему так: «Сир де Валери, — сказал король, — мы договорились, что легат вам даст шесть тысяч ливров, дабы разделить их так, как вы сочтете нужным». «Сир, — ответил этот достойный человек, — вы оказываете мне великую честь, благодарствую! Но эту честь и сделанное предложение, я, ежели Богу угодно, не приму; ибо я склоняюсь к добрым обычаям Святой земли, согласно которым, когда берут город врага, из захваченного добра треть должен взять король, а две трети должны получить паломники.

§ 169

И этот обычай хорошо соблюдал король Жан, когда захватил Дамьету; и как рассказывают старики, иерусалимские короли, правившие до короля Жана, его также верно блюли. И если вам угодно предоставить мне две трети пшеницы, ячменя, риса и прочего продовольствия, я охотно окажу посредничество, чтобы разделить все это между паломниками».

Король не согласился на это, и решил поступить иначе, отчего многие люди были недовольны тем, что король не последовал старым добрым обычаям.

§ 170

Люди короля, которым следовало бы своею щедростью успокоить народ, заняли лавки, чтобы, как рассказывали, продать свои продукты как можно дороже; и слух об этом прошел по чужим землям, отчего многие купцы отказались ехать в лагерь. Бароны, которые должны были бы беречь свое добро, чтобы его с пользой и своевременно использовать, принялись давать обильные обеды, расточая запасы продовольствия.

§ 171

Простые же воины принялись за непотребных женщин; из-за чего король позднее удалил многих своих людей, когда мы возвратились из плена. И я спросил, зачем он так поступил; и он мне ответил, что точно знает, как удаленные им люди устроили вблизи его шатра, на расстоянии

брошенного камешка¹⁹¹, место разврата, и это в то время, когда армия переживала величайшие невзгоды.

§ 172

Однако вернемся к предмету нашего повествования и расскажем, как немного спустя после того, как мы взяли Дамьетту, подошла вся конница султана и осадила наш лагерь со стороны суши. Король и все рыцарство вооружились. Я, во всеоружии, пошел поговорить с королем и нашел его при полном снаряжении, сидящим на стуле, и с ним доблестных вооруженных рыцарей из его отряда. Я у него спросил, не угодно ли ему, чтобы я и мои люди вышли из лагеря, дабы помешать сарацинам напасть на наши шатры. Когда монсеньор Жан де Бомон услышал мою просьбу, он сильно накричал на меня и приказал мне от имени короля не выходить из своего шатра, пока мне этого не прикажет король¹⁹².

§ 173

Напомню вам о доблестных рыцарях, которых было с королем восемь человек, и все они были добрыми рыцарями, прославившимися по сю и по ту сторону моря, и поэтому они заслужили того, чтоб назвать их добрыми рыцарями. Имена некоторых рыцарей, что были подле короля, таковы¹⁹³: монсеньор Жоффруа де Саржин¹⁹⁴, монсеньор Матье де Марли, монсеньор Филипп де Нантей, монсеньор Эмбер де Боже, коннетабль Франции, который в то время был не с ним, а за лагерем, вместе с предводителем арбалетчиков¹⁹⁵ и большей частью королевских сержантов, чтобы охранять наше войско, дабы турки не нанесли ему ущерба.

§ 174

И тогда случилось, что монсеньор Готье д'Отреш, полностью вооружившись в своем шатре и сев на коня, со щитом на шее и шлемом на голове, приказал поднять полотнище шатра и вонзил шпоры, чтобы поскакать на турок; он выехал из шатра один, и вся его свита громко закричала: «Шатийон!»¹⁹⁶. Но прежде, чем доехать до турок, он упал, а его конь проскакал по нему и, украшенный его гербами, умчался к нашим врагам; а дело в том, что большая часть сарацин сидела на кобылах, и именно поэтому конь и устремился к сарацинам.

§ 175

И те, кто видел это, рассказывали нам, что четверо турок подскочили к сеньору Готье, распростертому на земле, и, перескакивая через него, с силой ударяли своими палицами по его телу. Его отбили коннетабль Франции и королевские сержанты, которые на руках принесли его в шатер. Когда его туда внесли, он не мог говорить; несколько хирургов

и лекарей из войска пришли к нему; и поскольку им показалось, что опасности для жизни нет, они просто пустили ему кровь из обеих рук.

§ 176

Поздно вечером монсеньор Обер де Нанси предложил мне пойти посмотреть на него, потому что мы его еще не видели, а он был человеком славного имени и великого достоинства. Мы вошли в его шатер, и на встречу нам вышел его камергер предупредить, чтобы мы шли тихо и не разбудили его хозяина. Мы нашли его лежащим на меховом одеяле, очень тихо подошли к нему и увидели, что он мертв. Когда об этом сказали королю, он ответил, что не пожелал бы иметь и тысячи таких людей, которые не подчиняются его приказаниям, как этот.

§ 177

По ночам сарадины проникали в лагерь и если заставляли людей спящими, убивали их; так, они убили часового сеньора де Куртене, и, разложив его на доске, отрезали ему голову и унесли ее. И сделали это потому, что султан давал за каждую голову христианина золотой безант¹⁹⁷.

§ 178

И эти убийства совершались благодаря тому, что отряды, охранявшие каждую ночь войско, были конными; когда сарадины хотели проникнуть в лагерь, то дожидались, когда они проедут и стихнет топот копыт, и тогда за их спинами проникали в лагерь, затем уходили до наступления дня. Поэтому король приказал, чтобы отряды, обычно несшие стражу верхом, караулили пешими; и всему лагерю была обеспечена безопасность, ибо людей из караула расставляли очень близко друг от друга.

§ 179

Сделав это, король принял решение не уезжать из Дамьетты до тех пор, покуда не приедет его брат граф де Пуатье¹⁹⁸, который вел арьербан¹⁹⁹ из Франции. А чтобы сарадины не напали на войско верхом, король велел окружить весь лагерь глубокими рвами; и у ровов, а также у входов в лагерь несли стражу по вечерам арбалетчики и сержанты.

§ 180

Когда миновал праздник святого Ремигия²⁰⁰, а о графе де Пуатье не было никаких вестей, отчего король и все войско пребывали в великой тревоге, я рассказал легату, как декан Морю в течение трех суббот заставил нас устраивать процессии на корабле, и накануне третьей субботы мы смогли пристать к Кипру. Легат мне поверил и объявил в лагере о трех процессиях по субботам.

§ 181

Первая процессия началась у жилища легата и прошествовала до церкви Богоматери в городе, каковая была устроена в сарацинской мечети, и легат освятил ее в честь Матери Божьей. Легат произнес проповеди в первую и вторую субботы. На них присутствовали король, и все знатные люди из войска, которым легат дал полное отпущение грехов.

§ 182

А накануне третьей субботы прибыл граф де Пуатье, и хорошо, что он не поспешил приехать раньше, ибо до этого на море близ Дамьетты была такая сильная буря, что почти сто сорок кораблей, как больших, так и малых, было разбито и погибло вместе с находившимися на них людьми, которые утонули. И если бы граф де Пуатье прибыл раньше, то он и все его люди погибли бы.

§ 183

Когда приехал граф де Пуатье, король послал за всеми баронами войска, чтобы узнать, куда держать путь, к Александрии или к Вавилону. И случилось так, что добрый граф Пьер Бретонский и большая часть баронов войска решили, что королю следует идти осаждать Александрию, так как близ города был хороший порт, куда могли приставать корабли, доставлявшие в армию продовольствие. Но этому воспротивился граф д'Артуа и сказал, что ни за что не согласится идти в другое место, кроме Вавилона, ибо это главный город всего королевства Египетского; и сказал также, что желающий убить змею сразу должен раздавить ей голову.

Король отклонил все советы баронов и принял совет своего брата.

§ 184

С наступлением Рождественского поста²⁰¹ король с войском двинулся к Вавилону, как ему посоветовал граф д'Артуа. Недалеко от Дамьетты нам повстречалась речка, вытекавшая из большой реки; и было решено, что войско остановится на один день, дабы перекрыть упомянутый рукав и переправиться²⁰². Работа была выполнена довольно скоро, ибо перекрыли его прямо у истока из большой реки, так что вода довольно легко повернула назад в ее русло. К этой переправе султан послал пятьсот своих рыцарей, лучше всего вооруженных во всем его войске, чтобы напасть на войско короля и задержать наше продвижение.

§ 185

В день святого Николая²⁰³ король приказал готовиться к походу и наказал, чтобы никто не посмел нападать на подошедших сарацин. Случилось же так, что пока войско приходило в движение, собираясь выступить,

турки, увидев, что на них не нападают, и узнав от своих лазутчиков, что король запретил это, осмелели и бросились на тамплиеров²⁰⁴, составлявших передовой отряд; и какой-то турок сбросил одного рыцаря ордена тамплиеров прямо под копыта лошади брата Рено де Вишье, который был тогда маршалом тамплиеров²⁰⁵.

§ 186

Увидав это, он крикнул своим братьям: «Вперед, во имя Господа! Ибо нет мочи это терпеть!» Он пришпорил коня, а за ним все войско; лошади под нашими людьми были свежие, а под турками уже уставшие; и как я слышал по рассказам, никто из них не ушел, но все они погибли; а многие из них бросились в реку и утонули.

§ 187

Прежде всего нам надлежит сказать о реке, которая вытекает из земного Рая и течет через Египет; и я вам говорю об этом, дабы разъяснить некоторые вещи, касающиеся моего повествования. Эта река отличается от всех прочих рек; ведь чем ближе к устью походят реки, тем больше впадает в них мелких речушек и ручейков; а в эту реку не впадает ни одной: напротив, до Египта она течет в едином русле, а потом от нее отходят семь рукавов, что растекаются по Египту.

§ 188

И после праздника святого Ремигия семь рек разливаются по стране и заливают равнины; а когда они возвращаются в свои русла, крестьяне начинают пахать свою землю плугом без колес, а потом сеют пшеницу, ячмень, овес, рис; и все это всходит так хорошо, как нигде. И неизвестно, отчего происходит это половодье, если только не по воле Господа; а иначе в стране ничего не родилось бы из-за сильного зноя, который бы все выжег, ибо в этом краю не бывает дождей.

Вода в реке всегда мутная; поэтому жители страны берут воду для питья к вечеру и бросают в нее четыре миндалины или четыре боба; и на следующий день ее столь приятно пить, что лучшей и не надо.

§ 189

В тех местах реки, что ниже Египта, люди промышляют тем, что забрасывают по вечерам в нее развернутые сети; а по утрам выбирают из сетей улов, который и привозят в эту землю, как-то: имбирь, ремень, дерево алоэ и корицу. И говорят, что все это приплывает из земного рая, и что ветер сбивает это с деревьев, растущих в раю, а также ломает в тамошних лесах высохшие деревья; и тот валежник, что попадает в реку, в этой стране и продают купцы. Речная же вода такова, что когда мы

подвешивали ее в горшках из белой глины, которые здесь изготавливают, на веревках в наших палатках, она при дневном зное оставалась холодной, как родниковая.

§ 190

Здесь рассказывали, что султан Вавилона много раз пытался узнать, откуда вытекает река; и он посылал туда людей, бравших с собой род хлеба, называемый сухарями, потому что его дважды пропекают; и этим хлебом они питались, пока не возвращались назад к султану.

И докладывали они, что прошли по реке и добрались до огромных гор из отвесных скал, куда никто не мог подняться. Из этих гор и вытекает река; и им показалось, что наверху, на горах, росло множество деревьев; и рассказывали, что они видели удивительно много животных разных пород — львов, змей, слонов, которые подходили посмотреть на них с берега, когда они поднимались по течению.

§ 191

Вернемся же к началу нашего повествования и напомним, что эта река в Египте растекается, как я уже сказал, по семи рукавам. Один из этих рукавов течет к Дамьетте, другой — к Александрии, третий — к Танису, четвертый — к Розетте²⁰⁶. И к тому рукаву, что течет к Розетте, и прибыл французский король, став лагерем между реками, текущими к Дамьетте и Розетте²⁰⁷; а все силы султана расположились на реке Розетты, на другом берегу, напротив нашего войска, чтобы помешать нашей переправе; и это им легко было сделать, ибо никто не мог переправиться к ним через упомянутую реку, разве что вплавь.

§ 192

Королю дали совет возвести через речку дамбу, дабы переправиться к сарацинам. Чтобы защитить тех, кто трудился над ней, король велел построить две башни, которые называют «кошкой-замком»²⁰⁸, ибо перед «кошкой» были две башни, а позади башен — два сооружения, чтобы прикрыть тех, кто стоял на страже, от ударов [метательных] орудий²⁰⁹ сарацин, которые поставили шестнадцать из них напротив нас.

§ 193

Когда мы прибыли туда, король велел соорудить восемнадцать [метательных] орудий, над которыми великим осадным дел мастером²¹⁰ был Жослен де Корнан. Наши камнеметы обстреливали их, а их орудия — нас; но не слышал, чтобы наши очень преуспели. Братья короля несли подле «кошек» дневной караул, а мы, прочие рыцари, — ночной. Наступила предождественная неделя.

§ 194

И только после того, как «кошки» были построены, принялись насыпать дамбу, ведь король не хотел, чтобы сарацины, которые из-за реки стреляли по нам, ранили тех, кто носил землю. В строительстве этой дамбы король и все бароны войска просчитались; ибо, перекрыв один из рукавов реки, как я вам уже рассказал (что сделали они легко у его истока из большой реки), они думали, что смогут перекрыть и речку Розетты уже в полулье от большой реки.

§ 195

И чтобы разрушить возводимую королем дамбу, сарацины принялись на суше рыть рвы напротив нашего войска; и едва вода доходила до рвов, как в них устремлялся поток и образовывал вновь огромную яму. Отчего и вышло так, что все, что мы сделали за три недели, они разрушили в один день, ибо мы перекрывали речку с нашей стороны, а они ее расширяли со своей.

§ 196

На место султана, который помер от болезни, поразившей его у города Хамы, предводителем был выбран один сарацин, которого звали Сеседин, сын шейха²¹¹. Говорили, что император Фридрих посвятил его в рыцари. Сеседин приказал части своих людей напасть на наше войско со стороны Дамьетты, и так они и поступили; двинулись же они через город, что стоит на реке, текущей к Розетте, и называется Сорме-зак²¹². В день Рождества я и мои рыцари обедали с монсеньором Пьером д'Аваллоном; пока мы ели, они подскочили во весь опор к нашему войску и перебили много бедного люда, прибывшего в лагерь пешими. Мы побежали вооружаться.

§ 197

Вернувшись, мы уже не застали монсеньора Пьера, нашего гостя, который бросился из лагеря и поскакал за сарацинами. Мы пришпорили лошадей вслед за ним и отбили его у сарацин, сбивших его на землю, и привезли его с братом, сеньором де Валь, назад в лагерь. Тамплиеры, которые сбежались на крик, скоро и храбро составили нам арьергард. Турки гнались за нами, преследуя до лагеря; из-за чего король приказал окружить наше войско со стороны Дамьетты рвами — от Дамьеттской речки до Розеттской.

§ 198

Сеседин, предводитель турок²¹³, которого я вам уже называл, был среди всех язычников самым уважаемым. Он на знамени носил герб

императора, посвятившего его в рыцари. Его знамя состояло из трех полотнищ: на одном полотнище был герб императора²¹⁴, который посвятил его в рыцари; на втором — герб султана Алеппо; на третьем — герб султана Вавилона.

§ 199

Его имя было Сесседин, сын шейха; точнее сказать, почтенный сын старца. Этот титул у язычников считается очень высоким; ибо они чрезвычайно почитают стариков, которых Господь уберег до старости от постыдных обвинений. Сесседин, этот храбрый турок, похвалялся, как об этом доносили королевские лазутчики, что в день праздника святого Себастьяна будет обедать в шатрах короля²¹⁵.

§ 200

Узнав об этом, король расположил свою армию таким образом, что граф д'Артуа, его брат, стерег «кошек» и орудия; король и граф Анжуйский, который впоследствии стал королем Сицилии, охраняли войско со стороны Вавилона; а граф де Пуатье и мы, шампанцы, должны были оборонять лагерь со стороны Дамьетты. Однако вышеназванный государь турок провел своих людей на остров, находящийся между речкой Дамьетты и речкой Розетты туда, где расположилось наше войско; и велел он выстроить свои отряды от одной реки до другой.

§ 201

Король Сицилии атаковал этих людей и разбил их. Много сарацин потонуло в одной реке и в другой; однако большая часть их уцелела, ибо мы не могли напасть на них, потому что сарацинские орудия обстреливали участок между двух рек. В сражении с турками, предпринятом сицилийским королем, граф Ги де Форе пронесся на коне через турецкое войско и со своими рыцарями атаковал отряд сарацинских воинов, которые сбросили его на землю; и он сломал ногу, но двое рыцарей вынесли его на руках. С большим трудом король Сицилии миновал опасность, в которой он оказался, и снискал он в этот день великое уважение.

§ 202

Турки напали на нас и графа де Пуатье, но мы отбросили их и долго преследовали; среди их людей были убитые, а мы возвратились без потерь.

§ 203

Однажды вечером, когда мы несли ночной караул у башен, случилось, что они подвезли орудие, называемое камнеметом, которое они еще не использовали, и заложили греческий огонь в пращу орудия²¹⁶. Когда

монсеньор Готье де Кюрей, добрый рыцарь, который был со мной, увидел это, он нам так сказал:

§ 204

«Сеньоры, вы в самой великой опасности, в какой когда-либо находились; ибо если они подожгут башни, в которых мы сидим, мы сгорим и погибнем; а если мы оставим наши укрепления, охрану коих нам вверили, мы будем опозорены; посему никто не может нас спасти от этой опасности, кроме Господа. Я предлагаю вам и советую всякий раз, когда они будут бросать в нас огонь, опускаться на колени и локти и молить Господа уберечь нас от этой опасности».

§ 205

Как только они выстрелили в первый раз, мы пали ниц, как он нас научил. Первый снаряд, который они метнули, пролетел между нашими двумя башнями и упал недалеко от нас на площадке, которую расчистило войско, дабы перекрыть реку. Наши люди²¹⁷ принялись тушить огонь; и так как сарацины не могли напрямую стрелять по ним из-за сооружений, которые велел построить король, они стреляли вверх в небо так, что их стрелы падали на них сверху.

§ 206

Греческий огонь, когда его бросали, был размером с винный боченок, а выходящий из него огненный хвост был длиною с копье. И при движении он производил столь сильный шум, что казалось, будто это небесная молния; он походил на летящего по воздуху дракона. А сияние он распространял такое, что в лагере было светло как днем из-за обилия огня, излучавшего сильный свет. В этот вечер они три раза метали в нас греческий огонь и четыре раза стреляли огненными стрелами в нас из арбалетов с воротом.

§ 207

Всякий раз, когда наш святой король слышал как они обстреливают нас греческим огнем, он вставал с постели, протягивал руки к распятию и плача говорил: «Милосердный Господь, сохрани мне моих людей!» И я истинно верю, что его молитвы пособили нам в нужде. По вечерам, когда падал огонь, он посылал к нам одного из камергеров, дабы узнать в каком положении мы находимся и не причинил ли огонь нам вреда.

§ 208

Однажды, когда они выстрелили в нас, огонь долетел до берега реки и упал подле башни, которую охраняли люди монсеньора де Куртене.

И тогда один рыцарь, которого звали л'Обигуа, мне сказал: «Сир, если вы не поможете нам, мы все сгорим; ибо сарацины выпустили столько огненных стрел, что кажется, будто на нашу башню двинулась пылающая изгородь». Мы вскочили, побежали туда, и увидели, что он говорит правду. Мы погасили огонь, и пока тушили его, сарацины засыпали нас стрелами из-за реки.

§ 209

Братья короля охраняли башню днем, поднимаясь наверх, чтобы стрелять по сарацинам из арбалетов, стрелы²¹⁸ которых долетали до сарацинского лагеря. Король постановил, что когда дневной караул в башне несет король Сицилии, то мы несем ночной. В тот день, когда сицилийский король должен был нести охрану днем, а мы — ночью, нас постигла великая беда из-за того, что сарацины разбили вдребезги наши башни. Среда бела дня они подтащили камнеметы, что проделывали раньше только ночью, и метнули греческий огонь в наши башни.

§ 210

Они подтянули свои орудия так близко к дамбе, которую для перекрытия реки насыпало войско, что никто не решался подойти к башням из-за машин, что швыряли огромные камни, падавшие на дорогу. Отчего и случилось, что две наших башни сгорели; и король Сицилийский был из-за этого настолько вне себя, что хотел броситься сбивать огонь, чтобы его погасить; и ежели он был этим разгневан, то я и мои рыцари славили за это Господа; ибо все мы сгорели бы, если бы несли вечером караул.

§ 211

Увидав это, король послал за всеми баронами войска и попросил каждого из них дать ему досок от своих кораблей, дабы построить «кошку» и перекрыть реку; он им объяснил, что иной древесины для ее сооружения, кроме как с кораблей, доставивших нашу поклажу и снаряжение, нет. И они дали древесины, сколько каждый пожелал; и когда башня была построена, на нее древесины ушло более чем на десять тысяч ливров.

§ 212

Король решил не втаскивать башню на дамбу до тех пор, покуда не придет день, когда караул должен будет нести король Сицилийский, дабы поправить несчастье, постигшее его, когда сгорели прежние башни во время его дежурства. Как решили, так и сделали; ибо едва сицилийский король заступил на свой пост, как приказал подтащить башню до места, где были сожжены две других.

§ 213

Увидав это, сарадины порешили стрелять по дамбе, куда была доставлена башня из всех шестнадцати орудий. А когда они заметили, что наши люди боятся подойти к башне из-за камней, падавших на дамбу, где она стояла, они подтащили камнемет, забросали ее греческим огнем и целиком сожгли. Это была великая милость, которую Бог оказал мне и моим рыцарям; ибо мы несли бы караул вечером в великой опасности, как та, в которой мы оказались бы и на прошлом дежурстве, о чем я вам уже рассказывал.

§ 214

Когда король увидел это, он послал за всеми баронами, дабы держать совет. Бароны же меж собой сошлись на том, что им не удастся возвести плотину, через которую можно было бы перейти на берег к сарацинам, потому что едва наши люди засыпали [землю] с одной стороны, как сарадины подкапывали берег с другой.

§ 215

Тогда коннетабль монсеньор Эмбер де Боже доложил королю, что пришел один бедуин, который ему сказал, что укажет хороший брод, если только ему дадут пятьсот безантов²¹⁹. Король ответил, что согласен их выдать, лишь бы он выполнил то, что обещает. Коннетабль поговорил об этом с бедуином, и тот сказал, что не покажет брода, покуда ему не дадут вперед деньги. Договорились ему их вручить и деньги были отданы.

§ 216

Король решил, что герцог Бургундский и знатные люди заморской земли, бывшие в войске, будут охранять лагерь, чтобы ему не было нанесено ущерба; а король и трое его братьев отправятся к броду, который должен указать бедуин. К переходу подготовились в день заговенья²²⁰ и в этот же день мы и подошли к броду бедуина²²¹. Едва занялась заря, мы в полной готовности вошли в реку, пустили лошадей вплавь. Когда мы достигли середины реки, то почувствовали дно и наши лошади стали на ноги; на другом берегу реки мы увидели почти три сотни конных сарацин.

§ 217

Тогда я сказал своим людям: «Сеньоры, держитесь правой стороны, а не левой, ибо слева берег скользкий, и лошади там сорвутся и утопят вас». И действительно, при переправе были утонувшие и среди прочих утонул монсеньор Жан Орлеанский, носивший знамя со змеем. Мы же

решили взять вверх по реке и выбрались на сухое место; и, благодарение Господу, мы переправились так, что никто из нас не сорвался; и как только мы вышли на берег, турки обратились в бегство.

§ 218

Тамплиерам был ранее отдан приказ встать в авангарде, а графу д'Артуа — возглавить второй отряд позади тамплиеров. Случилось же так, что едва граф д'Артуа перешел реку, как вместе со своими людьми бросился на турок, убежавших от них²²². Тамплиеры передали графу, что он наносит им большое оскорбление тем, что будучи обязанным следовать за ними, скачет впереди, и попросили пропустить их вперед, как было решено королем. И вышло так, что граф д'Артуа не смог им ответить из-за монсьёра Фурко де Мерля, державшего его лошадь под уздцы; и этот Фурко де Мерль, предобрый рыцарь, не слышал того, что говорили графу тамплиеры, поскольку был глухим; и он кричал: «В погоню! В погоню!»

§ 219

Увидав такое, тамплиеры решили меж собой, что будут опозорены, ежели позволят графу д'Артуа идти перед ними; они изо всех сил прищипорили лошадей и тоже погнались за бегущими перед ними турками прямо через город Мансуру и до равнины близ Вавилона. Когда же они вознамерились вернуться назад, турки на улицах, которые были очень узкими, забросали их поленьями и досками. Там был убит граф д'Артуа, сир де Куси, по имени Рауль, и много других рыцарей, коих насчиталось до трех сотен²²³. Орден тамплиеров, как мне сказал потом магистр²²⁴, потерял там двести восемьдесят конных воинов.

§ 220

Мы с моими рыцарями стоворились ударить по туркам, которые надели доспехи в лагере по левую руку от нас, и напали на них. Во время погони за ними через их лагерь я заметил сарацина, садившегося на коня: один его рыцарь держал ему поводья.

§ 221

Когда он взялся руками за седло, чтобы вскочить, я поразил его копьем пониже подмышек, и он свалился замертво; его рыцарь увидав это, бросил своего сеньора с лошадью и ударил меня, когда я проезжал, копьем меж лопаток, и повалив меня на шею лошади, так прижал, что я не мог вытащить меча, висевшего у меня на поясе. Но тогда я достал меч, что был на лошади, и он, видя, что я его достал, отдернул копье и отбежал от меня.

§ 222

Когда я со своими рыцарями выехал из лагеря сарацин, то обнаружил примерно шесть тысяч турок, что бросили свои шатры и отошли в поле. Увидав нас, они ринулись на нас и убили монсеньора Гуго де Тришателя, сеньора де Конфлана, который был со мной и носил знамя. Я и мои рыцари в этом время, пришпорив лошадей, бросились освобождать бывшего со мной монсеньора Рауля де Вану, которого турки сбросили на землю.

§ 223

Когда я возвращался, турки метнули в меня копье. Моя лошадь пала на колени под тяжестью, которую она почувствовала, и я через ее голову вылетел из седла. Я вскочил как можно быстрее, поднялся со щитом на шее и мечом в руке; и монсеньор Эрар де Сиверей (да воздаст ему Господь!), из моего окружения, подскакал ко мне и сказал, чтобы мы отошли к разрушенному дому и там дождались бы подхода короля. Поскольку мы отходили кто пешком, кто верхом, на нас напал большой турецкий отряд, и меня опрокинули, на землю, проскакали по мне и сорвали с шеи щит.

§ 224

Когда они, наконец, ушли, монсеньор Эрар де Сиверей вернулся и забрал меня; мы добрались до стен разрушенного здания; и туда к нам возвратились монсеньоры Гуго д'Эко, Ферри де Лупей, Рено де Менонкур. Там турки и осадили нас со всех сторон; часть из них проникла в развалины и колола нас сверху копьями. Тогда мои рыцари попросили меня взять их лошадей под уздцы, что я и сделал, дабы они не разбежались. И рыцари так яростно защищались от турок, что снискали за это похвалу всех достойных людей войска, и тех, кто видел содеянное, и тех, кто лишь слышал об этом.

§ 225

Там ранили тремя ударами копья в лицо монсеньора Гуго д'Эко, и монсеньора Рауля, а монсеньору Ферри де Лупею нанесли удар копьем между лопаток, и рана была столь глубокой, что кровь хлынула из тела как из отверстия в бочонке. Монсеньора Эрара де Сиверея поразили ударом меча в лицо, так что нос свешивался до губ. И тогда мне вспомнился монсеньор святой Иаков, к которому я и воззвал: «Милосердный сир святой Иаков, выручи меня и приди на помощь в этой битве».

§ 226

Едва я сотворил молитву, как монсеньор Эрар де Сиверей мне сказал: «Сир, если вы считаете, что ни меня, ни моих сыновей не попрекнут

этим, я поеду от вас за помощью к графу Анжуйскому, которого я вижу там в поле». И я ему ответил: «Монсеньор Эрар, мне кажется, вы исполните свой великий долг, если отправитесь нам за подмогой, дабы спасти наши жизни; ибо ваша в большой опасности». И я говорил чистую правду, так как от этой раны он и умер. Он попросил совета у всех рыцарей, которые там были, и все ему посоветовали то же, что и я; выслушав их, он попросил меня подвести к нему его коня, которого, как и других, я держал под уздцы, что я и сделал.

§ 227

Он отправился к графу Анжуйскому и попросил его прийти на помощь мне и моим рыцарям. Один знатный человек, который был с графом, отговаривал его; а граф Анжуйский ему ответил, что выполнит просьбу моих рыцарей; он натянул поводья, дабы скакать нам на выручку, и многие из его сержантов пришпорили лошадей. Заметив их, сарацины нас оставили. Впереди этих сержантов с мечом в руке мчался монсеньор Пьер д'Оберив; и когда он увидел, что неприятель отошел от нас, он пустился во весь опор за сарацинами, захватившими монсеньора Рауля де Вану и, всего израненного, освободил его.

§ 228

Туда, где стоял я со своими рыцарями, ранеными, как уже сказано, под громкие возгласы и звуки труб и литавр подъехал со всем своим отрядом король; он остановился на насыпной дороге, и никогда не видел я столь прекрасного воина, ибо ростом он был на голову выше всех своих людей, в золоченом шлеме, с немецким мечом в руке.

§ 229

Когда он остановился, добрые рыцари из его отряда, коих я вам назвал, и прочие храбрые воины королевского войска бросились в гущу турок. И знайте, что это было прекрасное сражение, ибо никто там не стрелял ни из лука, ни из арбалета, но бились палицами и мечами, как турки, так и наши, все перемешавшись²²⁵. Один мой оруженосец, вернувшись оттуда с моим знаменем, подвел мне фламандского ронсена²²⁶ и я вскочил на него и подъехал совсем близко к королю.

§ 230

В это время монсеньор Жан де Валери, доблестный человек, пришел к королю и сказал, что советует ему отойти направо, к реке, дабы получить помощь от герцога Бургундского и прочих, кто охранял оставленный нами лагерь, и чтобы его сержанты утолили жажду, ибо началась уже сильная жара.

§ 231

Король приказал своим сержантам собрать добрых рыцарей, входивших в его совет, которых он назвал по именам. Сержанты поскакали за ними к месту схватки, где шел жаркий бой между ними и турками. Рыцари прибыли к королю, и он спросил у них совета; и они ответили, что монсеньор Жан де Валери дал ему добрый совет; и тогда велел король везти стяг Сен-Дени и его знамена направо, к реке. Когда королевское войско пришло в движение, вновь громко зазвучали трубы, литавры и сарацинские рога.

§ 232

Не успел он еще и тронуться, как прибыли посланцы от его брата графа де Пуатье, графа Фландрского и многих других знатных людей, которые вели бой, и стали просить его не уходить; ибо турки так теснили их, что они не могли за ним последовать. Король вновь призвал мудрых рыцарей из своего совета, и все сошлись на том, чтобы он подождал; а немного спустя возвратился монсеньор Жан де Валери и стал порицать короля и его совет за то, что они все еще стоят. Затем все советники предложили королю двинуться к реке, как посоветовал ему сир де Валери.

§ 233

В этот момент к королю подъехал коннетабль монсеньор Эмбер де Боже и сказал ему, что в одном из домов в Мансуре обороняется его брат граф д'Артуа, и просил прийти ему на помощь. И король ему ответил: «Коннетабль, поезжайте вперед, я последую за вами». А я сказал коннетаблю, что хотел бы стать его рыцарем, и он меня горячо поблагодарил. Мы двинулись с ним по дороге к Мансуре.

§ 234

Позднее к коннетаблю подъехал вконец перепуганный сержант с плащом и сказал, что короля остановили, и турки вклинились между ними и нами. Мы развернулись и увидели, что между королем и нами их более тысячи; а нас было только шестеро. Тогда я сказал коннетаблю: «Сир, мы не сумеем пробиться к королю через этих людей; но поедем дальше и обогнем этот ров, что вы видите перед собой, так, чтобы он разделил нас; тогда мы сможем вернуться к королю». Как я посоветовал, так коннетабль и поступил. И знайте, что если бы турки бросились на нас, то всех перебили бы; но они были заняты королем и другими крупными отрядами, а нас приняли за своих.

§ 235

Возвращаясь назад берегом вниз по течению, меж рекой и ручьем, мы увидели, что король отошел к реке, а турки теснят остальные королевские

отряды, нанося удары и поражая людей палицами и мечами; и они прижали эти отряды вместе с королевским к реке. И поражение тогда было настолько сильным, что многие из наших людей пытались добраться вплавь до герцога Бургундского, что им сделать не удалось; ибо лошади утомились, а день выдался очень жаркий и мы видели, спускаясь вниз по течению, что река была покрыта копьями, щитами, лошадьми и людьми, которые тонули и гибли.

§ 236

Мы подъехали к мостику через ручей и я предложил коннетаблю остаться охранять его: «Ведь если мы его оставим, турки через него нападут на короля; а ежели наших людей атакуют с обеих сторон, они наверняка погибнут». И мы так и поступили. И говорили, что все бы мы погибли в этот день, если бы не король; ибо сир де Куртене и монсеньор Жан де Селене рассказали мне, что шестеро турок схватили под уздцы лошадь короля, чтобы взять его в плен; а он, в одиночку, отбил, нанеся им мощные удары мечом. И когда его люди увидели, как отбивается король, они воспряли духом, и многие из них прекратили переправу через реку и бросились к нему на помощь.

§ 237

Прямо к нам, охранявшим мост, подскакал граф Пьер Бретонский, который прибыл из-под Мансуры и был ранен мечом в лицо, так что кровь стекала ему в рот. Он сидел на невысокой крепкой лошадке; бросив поводья на луку седла, он вцепился в нее обеими руками, опасаясь, как бы его люди, что мчались позади, нагоняя, не сбросили его на переправе. Видать, он невысоко их ценил; ибо, сплевывая кровь, он приговаривал: «Ну и ну! Великий Боже! Видали вы такой сброд?» В хвосте его отряда скакали граф Суассонский и монсеньор Пьер де Невилль, по прозвищу Скала, которому в этот день изрядно досталось.

§ 238

Когда они подъехали, турки, увидав, что мы охраняем мост и повернулись к ним, оставили бежавших. Я подъехал к графу Суассонскому, на двоюродной сестре которого был женат, и сказал ему: «Сир, полагаю, вы поступили бы хорошо, если бы остались охранять этот мост; ибо если мы его оставим, турки, которых вы видите перед собой, ринутся через него; и короля атакуют тогда и сзади и спереди». Он спросил меня, останусь ли я, если он согласится. И я ему ответил: «Да, весьма охотно». Услыхав это, коннетабль сказал, чтобы я не уезжал отсюда, куда он не вернется, а он отправится нам за подмогой.

§ 239

Таким образом, вместе со мной, восседавшем на ронсене, остались справа граф Суассонский и слева монсеньор де Невилль. И тут один турок, подскочивший со стороны королевского отряда, что стоял за нами, ударил сзади палицей монсеньора де Невилля и повалил его нанесенным ударом на шею лошади, а затем пронесся по мосту и бросился к своим. Когда турки увидели, что мы не собираемся покидать мост, они перешли ручей и расположились между ним и рекой, мы же стояли ниже по реке; и развернулись к ним так, чтобы быть готовыми напасть на них, если они попытаются перейти мост и атаковать короля.

§ 240

Впереди нас стояли два королевских сержанта, один по имени Гийом де Боон, а другой — Жан де Гамаш, против которых турки, стоявшие меж рекой и ручьем, двинули пехоту и стали закидывать их комями земли, но им не удавалось заставить сержантов отступить к нам. Наконец, они привели одного пехотинца, который трижды метнул в них греческий огонь. Один раз горшок с огнем угодил Гийому де Боону в небольшой щит²²⁷, и если бы на нем было чему гореть, он бы весь сгорел.

§ 241

На нас сыпались стрелы, перелетавшие через сержантов. Мне повернулся стеганный гамбезон²²⁸, [ранее] принадлежавший некоему сарацину, и я вывернул его порванной стороной к себе и сделал из него щит, оказавший мне большую услугу; так что я был ранен стрелами только в пяти местах, а мой конь — в пятнадцати. В это время один мой горожанин из Жуанвиля принес мне знамя с моим гербом, закрепленное на наконечнике копья; и всякий раз, видя, что сарацины теснят сержантов, мы бросались и отгоняли их.

§ 242

Добрый граф Суассонский, пока мы стояли там, шутил со мной и говорил: «Сенешал, позволим этому сброду покричать; ибо — клянусь шапкой Господа! (так он клялся) — мы с вами еще поговорим об этом дне в дамских покоях».

§ 243

Вечером на закате солнца коннетабль привел нам пеших королевских арбалетчиков, и они выстроились перед нами; и сарацины, увидав, что арбалетчики ставят ногу в стремя арбалетов²²⁹, бежали от нас. И тогда коннетабль мне сказал: «Сенешал, все в порядке, поезжайте к королю и не покидайте его сегодня до тех пор, покуда он не войдет в свою

палатку». Едва я приехал к королю, как к нему явился монсеньор Жан де Валери и сказал: «Сир, монсеньор де Шатийон просит вас дать ему арьергард». И король это сделал весьма охотно, а после и сам направился в путь. В дороге я заставил короля снять шлем и отдал ему мой шлем с полями, чтобы его обдувало ветром²³⁰.

§ 244

И когда король перешел реку, к нему прибыл брат Анри де Ронне, прево госпитальеров²³¹, и поцеловал ему руку в железной перчатке. И король спросил его, не слыхал ли он чего нового о графе д'Артуа, его брате; и тот ему ответил, что у него о нем, конечно, есть новости, ибо он уверен, что брат короля, граф д'Артуа, в раю. «Ах, сир, — сказал прево, — пусть это послужит вам добрым утешением; ведь никогда еще французскому королю не выпадала столь великая честь, какая выпала вам; ибо, чтобы сразиться со своими врагами, вы вплавь преодолели реку, разбили их и изгнали с поля битвы, захватив их орудия и шатры, в коих вы будете ночью почивать». И король ответил, что возблагодарит Господа за все, что он ему ниспослал; и при этих словах крупные слезы катились у него из глаз.

§ 245

Когда мы прибыли в лагерь, то увидели, как сарацинские пехотинцы и наши люди тянут каждый в свою сторону веревки от спущенного шатра. Магистр тамплиеров и я бросились к ним, и сарадины убежали, а шатер остался у наших людей.

§ 246

В том сражении²³² было много людей, и очень гордых, препозорно бежавших через мост, о котором я вам уже говорил; и удирали они в великом страхе, и мы не могли никого из них удержать; я бы их охотно назвал, но воздержусь, ибо они уже мертвы.

§ 247

Зато я назову монсеньора Ги Мовуазена. Он прибыл из Мансуры с почетом. И тот путь, который мы с коннетаблем прошли вниз по течению реки, он проделал вверх. И турки с той же силой, с какой они бросились на графа Бретонского и его отряд, обрушились и на монсеньора Ги Мовуазена и его отряд; и он со своими людьми снискал великую честь в этот день. И это неудивительно, что он и его люди столь хорошо проявили себя тогда; ибо те, кто хорошо знал его приготовления, сказали мне, что весь его отряд без исключения состоял из рыцарей его рода и рыцарей, бывших его тесными вассалами²³³.

§ 248

После того, как мы разбили и прогнали турок из их лагеря, и затем все ушли из него, в этот сарацинский лагерь ворвались бедуины, люди огромного роста. Они не оставили там ни одной вещи, захватив все, что бросили сарацины; и я никогда не слыхал, чтобы бедуины, подданные сарацин, раньше причиняли бы им ущерб, что-то отобрав или разграбив, ибо по обычаю и привычке они нападают всегда на слабого.

§ 249

Поскольку это важно для повествования, я вам расскажу, что за люди эти бедуины. В Магомета они не веруют, а верят в закон Али, который был дядей Магомета²³⁴; и в него также верит и Старец горы, воспитывающий ассасинов²³⁵. Они считают, что если человек погибает за своего сеньора или осуществляя какое-то доброе намерение, его душа переселяется в тело лучшее и более счастливое, нежели прежнее. По этой причине ассасины, выполняя приказания Старца горы, не боятся смерти. О Старце горы мы сейчас умолчим, а расскажем о бедуинах.

§ 250

Бедуины не живут ни в деревнях, ни в городах, ни в замках, но ночуют всегда в поле; а свои семьи, жен и детей они устраивают по вечерам на ночь, или днем, когда плохая погода, в некоем подобии жилища, сооруженного из ободов бочек, соединенных жердями, как повозки для дам; а на эти ободы они натягивают баранью кожу, обработанную квасцами, которую здесь называют дамасской: сами бедуины делают из нее длинные пелиссы²³⁶, покрывающие все их тело, ноги и ступни.

§ 251

Когда вечером идет дождь и ночью холодно, они заворачиваются в свои пелиссы, снимают уздечки с лошадей и оставляют их рядом пастись. С наступлением утра они расстилают пелиссы на солнце, отжимают и сушат их; после чего не заметно, что вечером они были мокрыми. Они верят в то, что никто не может умереть иначе, как в свой день, и посему не желают носить доспехов; и когда они ругают своих детей, то говорят им: «Будь же ты проклят, как франк, который надевает доспехи из страха смерти!» В сражении они не имеют [с собой] ничего, кроме меча и копья.

§ 252

Почти все они носят одежду вроде стихаря, как священники; головы у них обмотаны полотном, охватывающим подбородок: отчего кажутся уродливыми и страшными, тем паче, что волосы на голове и бороды у них совершенно черные. Они питаются молоком от своего скота и

покупают на равнинах пастбища, принадлежащие знатным людям, где и пасется их скот. Числа их никто не может назвать, ибо проживают они и в Египте, и в королевстве Иерусалимском, и во всех прочих землях сарацин и язычников, которым они каждый год платят огромные подати.

§ 253

Возвращаясь из заморской земли, я видел нескольких христиан-отступников, которые приняли закон бедуинов и говорили, что каждый может помереть только в свой день; и они заблуждались настолько, что утверждали, будто Господь не властен нам помочь. Надо быть совсем безумным, чтобы служить Богу, не уповая на то, что он может продлить наши жизни и охранить нас от зла и несчастья; и мы должны верить, что в его власти сделать все.

§ 254

Итак, с наступлением ночи²³⁷ мы с королем возвратились после вышеупомянутой, опасной для нас битвы и расположились на месте, откуда изгнали своих врагов. Мои люди, оставшиеся в покинутом нами лагере, привезли палатку, которую мне дали тамплиеры, и натянули ее рядом с захваченными у сарацин орудиями; и король приказал поставить сержантов их охранять.

§ 255

Я улегся в постель, в чем весьма нуждался из-за ран, полученных днем, но отдохнуть мне не пришлось; ибо прежде, чем как следует рассвело, в нашем лагере раздались крики: «К оружию, к оружию!» Я поднял моего камергера, спавшего рядом, и велел ему посмотреть, что случилось. И он возвратился совершенно перепуганный и сказал мне: «Сир, вставайте же, вставайте! Там сарацины, пешие и верхом, разбили сержантов короля, которые охраняли орудия, и отбросили их за веревки наших палаток».

§ 256

Я встал, набросил на плечи гамбезон, на голову надел шлем с полями и крикнул своим воинам: «Во имя святого Николая, здесь им не бывать!» Мои рыцари, сильно израненные, присоединились ко мне, и мы отбросили сарацинских воинов от орудий, и они отступили к крупному отряду конных турок, который стоял прямо напротив этих орудий, отбитых нами. Я послал к королю, чтобы он нам помог; ибо ни я, ни мои рыцари не могли надеть свои кольчуги из-за полученных ран; и король прислал нам монсеньора Гоше де Шатийона, который стал впереди, меж нами и турками.

§ 257

Когда сир де Шатийон отбросил назад сарацинскую пехоту, она отступила за большой конный отряд турок, что выстроился перед нашим лагерем, дабы помешать нам захватить лагерь сарацин, расположенный за ними. В этом конном турецком отряде спешились восемь их предводителей, прекрасно вооруженных, и они велели возвести стену из обтесанных камней, чтобы наши арбалетчики их не ранили; а эти восемь сарацин обстреливали наш лагерь и ранили нескольких наших людей и лошадей.

§ 258

Я собрал своих рыцарей и договорился, что когда наступит ночь, мы унесем камни, за которыми они укрываются. На этом совете был один мой священник, по имени Жан де Вуазе, который не стал ждать ночи; он вышел из нашего лагеря совсем один и направился к сарацинам, в гамбезоне, в шлеме с полями и с копьем подмышкой, волоча наконечник по земле, чтобы сарацины его не заметили.

§ 259

Подойдя к сарацинам, которые его нисколько не опасались, так как видели, что он один, священник схватил свое копьё и бросился на них. И ни один из восьмерых не оказал ему сопротивления, но все обратились в бегство. Когда сарацинские всадники увидели, что их сеньоры бегут оттуда, они пришпорили лошадей и бросились на выручку, так что до нашего лагеря доскакало почти пятьдесят воинов; но сарацинская конница, подскакав во весь опор, не решилась атаковать нашу пехоту, а свернула перед ней в сторону.

§ 260

Когда они проделали так раза два или три, один из наших воинов взял копьё за середину древка, метнул его в одного из турецких всадников и поразил им его меж ребер; и тот отъехал, волоча копьё, наконечник которого застрял у него в боку. Увидав это, турки не осмелились больше не выезжать, ни приближаться, и наши сержанты убрали камни. Отныне мой священник стал хорошо известен в лагере, и его показывали друг другу, говоря: «Вон священник монсеньора де Жуанвиля, который одолел восьмерых сарацин».

§ 261

Эти события произошли в первый день поста²³⁸. В этот день один отважный сарацин²³⁹, поставленный нашими врагами предводителем вместо Сеседдина, сына шейха, которого они лишились в битве на заговенье,

взял котту с гербами графа д'Артуа, павшего в том же сражении, показал его всем сарацинам и сказал, что это котта убитого короля.

§ 262

«И я вам это показываю затем, — сказал он, — что нечего бояться ни тела без головы, ни народа без короля. Посему, если вы готовы, мы нападём на них в пятницу; и вы, сдаётся мне, должны на это согласиться, ибо мы не преминем всех их захватить, поскольку они потеряли своего предводителя». И они договорились напасть на нас в пятницу.

§ 263

Лазутчики короля, находившиеся в сарацинском лагере, пришли доложить королю эти новости. И тогда король повелел всем предводителям отрядов приказать своим людям вооружиться к полуночи и выйти из палаток к укреплению из длинных бревен, чтобы сарацины не ворвались в лагерь; и бревна были врыты в землю так, чтобы пешему можно было меж ними пройти. И как приказал король, так и было сделано.

§ 264

Точно на восходе солнца²⁴⁰ вышеназванный сарацин, поставленный предводителем, повел на нас около четыре тысяч конных турок и выстроил их между нашим и их лагерями, от реки, вытекавшей со стороны Вавилона, до речки, что текла от нашего лагеря до одного города, который назывался Розетта. Сделав это, они двинули на нас такое огромное число сарацинских пехотинцев, что окружили весь наш лагерь, а за ними стояла конница. За этими двумя отрядами, о которых я вам рассказываю, выстроились все силы вавилонского султана, дабы в случае необходимости те им помогли.

§ 265

После этого их предводитель на низкорослом ронсене отправился в одиночку посмотреть на расположение нашего лагеря; увидав, что наши отряды были в одном месте сильнее, чем в другом, он в соответствии с этим расставил своих людей и укрепил свои воинские части, стоящие напротив нас. Затем он приказал бедуинам, коих было около трех тысяч, напасть на лагерь, расположенный меж двух рек, который охранял герцог Бургундский. И он поступил так, полагая, что король пошлет часть своих людей на помощь герцогу против бедуинов, что ослабило бы королевское войско.

§ 266

Все это он проделал до полудня; а потом приказал ударить в барабаны, называемые накарами, и они, пешие и конные, ринулись на нас.

Прежде всего я вам расскажу о сицилийском короле (который был тогда еще графом Анжуйским²⁴¹), потому что он стоял первым со стороны Вавилона. Они подошли к нему таким манером, каким играют в шахматы, то есть двинули сначала на него свою пехоту, забросавшую его греческим огнем; а затем сарацины, всадники и пехота, так навалились, что разбили сицилийского короля, пешим стоявшего среди своих рыцарей.

§ 267

К королю пришли сообщить об опасности, в которой оказался его брат. Когда он услышал это, то пришпорив коня, поскакал с мечом в руке к отряду своего брата и так близко подъехал к туркам, что они добрались до ремней сбруи его коня греческий огонь. И этой атакой он помог королю Сицилии и его людям, и они отогнали турок от лагеря.

§ 268

За отрядом сицилийского короля стоял отряд баронов, предводителями которых были монсеньор Ги д'Ибелен и монсеньор Бодуэн, его брат. Позади них расположился отряд монсеньора Гоше де Шатийона, в котором много было храбрых и добрых рыцарей. Эти два отряда оборонялись столь яростно, что туркам так и не удалось ни прорваться, ни отбросить их.

§ 269

За отрядом монсеньора Гоше стоял брат Гийом де Соннак, магистр ордена тамплиеров, с теми немногими братьями, которые у него остались после битвы во вторник. Он приказал соорудить перед собой защитное укрепление из захваченных нами сарацинских орудий. Двинувшись на него в атаку, сарацины метнули греческий огонь на частокол, возведенный по его приказу, и пламя быстро охватило его, ибо тамплиеры наложили туда большое количество еловых досок. И знайте, что турки не стали дожидаться, пока огонь сожжет все, а бросились на тамплиеров через пылающий костер.

§ 270

И в этой битве брат Гийом, глава ордена тамплиеров, потерял глаз, а другого он лишился в битве на заговенье. И этот сеньор (спаси его Господь!) помер. И знайте, что около журнала²⁴² земли позади тамплиеров было так усеяно сарацинскими стрелами, что из-за великого их множества ее не видно было совсем.

§ 271

За отрядом ордена тамплиеров расположился отряд монсеньора Ги Мовуазена, который турки так и не смогли одолеть; однако им удалось

попасть греческим огнем в монсеньора Ги Мовуазена, так что его люди с великим трудом сумели его погасить.

§ 272

От отряда монсеньора Ги Мовуазена шел пояс укреплений, который окружал наш лагерь и спускался к реке, не доходя до нее на расстояние брошенного камня. Оттуда укрепления проходили перед лагерем графа Гийома Фландрского и тянулись до реки, впадавшей в море. Напротив реки, что текла со стороны монсеньора Ги Мовуазена, находился наш отряд; и оттого, что отряд графа Гийома Фландрского стоял прямо против сарацин, они не решились напасть на нас, так что Господь оказал нам великую милость, ибо ни на мне, ни на моих рыцарях не было ни кольчуг, так как все мы были изранены в битве накануне поста.

§ 273

С великой яростью и неистовством бросились на графа Фландрского пехота и всадники. Увидав это, я приказал нашим арбалетчикам стрелять по всадникам. Когда конные сарацины уразумели, что им наносят раны с нашей стороны, они обратились в бегство; и люди графа, увидав это, покинули лагерь, ринулись через укрепления, набросились на сарацинскую пехоту и разбили ее. Многие сарацины были там убиты, и много их щитов было захвачено. Там храбро проявил себя Готье де ла Орнь, несший знамя монсеньора д'Апремона.

§ 274

За отрядом графа Фландрского стоял отряд графа де Пуатье, брата короля, который состоял из пехоты, и только один граф де Пуатье был верхом; этот отряд турки разбили наголову, а графа де Пуатье увели в плен. Когда мясники, женщины, торговавшие продуктами, и прочая лагерная прислуга это увидели, они подняли крик и с Божьей помощью пришли на выручку к графу, и изгнали из лагеря турок.

§ 275

Позади отряда графа де Пуатье находился отряд монсеньора Жоссера-на де Брансьона, одного из лучших рыцарей, какие только были в войске, прибывшем с графом в Египет. Его люди расположились таким образом: все его рыцари спешили, а он и его сын монсеньор Генрих, и сын монсеньора Жоссерана де Нантона остались на лошадях; а их он оставил верхом потому, что они были детьми. Неоднократно турки одолевали его людей. Но каждый раз, когда он видел, что его людей бьют, он пришпоривал лошадь и нападал на турок сзади; и тогда турки оставляли его людей и бросались на него.

§ 276

Однако это не помешало бы туркам всех их перебить на поле битвы, если бы не монсеньор Генрих де Кон, который находился в лагере герцога Бургундского и был мудрым, доблестным и рассудительным рыцарем; всякий раз, видя, что турки бросаются на монсеньора де Браньсона, он приказывал королевским арбалетчикам стрелять по ним через реку. Таким образом сир де Браньсон избежал несчастья в этот день, потеряв, правда, из двадцати окружавших его рыцарей двенадцать, не считая прочих воинов; и самому ему так сильно досталось, что никогда больше не довелось ему стать на ноги, и помер он от этих ран на службе у Господа.

§ 277

Я расскажу вам о сеньоре де Брансьоне. За свою жизнь он побывал в тридцати шести битвах и схватках, в которых отличился храбростью. Я встретился с ним в одном из походов графа Шалонского, коему он приходился двоюродным братом; он подошел к нам с братом в день святой Пятницы и сказал: «Племянники мои, придите со своими людьми мне на помощь, ибо немцы громят монастырь»²⁴³. Мы отправились с ним и бросились с мечами на немцев, и с великим трудом в жаркой схватке изгнали их из монастыря.

§ 278

Когда все было кончено, достойный муж опустился на колени перед алтарем и возблагодарил вслух Господа и сказал: «Сир, прошу тебя сжалиться надо мной и избавить от подобных сражений с христианами здесь, где я долго прожил; и ниспошли мне возможность умереть у Тебя на службе, дабы смог я войти в Твое райское королевство». И я вам рассказываю об этом, ибо верю, что Бог даровал ему это, как вы это уже могли понять.

§ 279

После битвы в первую пятницу поста король призвал к себе всех своих баронов и обратился к ним: «Мы должны, — сказал он, — возблагодарить Господа нашего за то, что он на этой неделе дважды послал нам такую честь, когда во вторник, на заговенье, мы изгнали турок из их лагеря, в котором расположились сами; и в минувшую пятницу, когда мы, пешие, устояли против их конницы». И много других прекрасных слов произнес он пред ними, дабы их ободрить.

§ 280

Чтобы продолжить наше повествование, необходимо немного отклониться, дабы разъяснить, как султаны содержали свое войско в порядке

и готовности. Достоверно известно, что большую часть конницы они набирают из иноземцев, которых купцы привозят из чужих земель для продажи; и султаны покупают их весьма охотно и по дорогой цене. А людей, коих купцы доставляют в Египет, они везут с Востока, ибо когда один из восточных королей побеждает другого, он берет бедных людей, покоренных им, и продает купцам; и купцы приезжают перепродавать их в Египет.

§ 281

Дело было поставлено так, что детей, доколе у них не появится борода, султан воспитывал в своем доме; со временем он приказал изготовлять им луки по их силам; и когда они набирались сил, то оставляли свои слабые луки в арсенале султана, а начальник арсенала вручал им другие, тугие настолько, чтобы они могли их натянуть.

§ 282

Герб султана был золотой; и такие же гербы носили и эти юноши; называли их бахария²⁴⁴. Как только у них вырастала борода, султан посвящал их в рыцари. И носили они герб султана, только с одним отличием — с красным, розовым знаком, или алой лентой, или птицей, или иной деталью, какая им нравилась и которую добавляли к золотому гербу.

§ 283

И этих людей, которых я вам описываю, называли мамлюки²⁴⁵, ибо бахария спали в шатрах султана. Когда султан находился в походе, мамлюки размещались вокруг его шатра, составляя охрану султана. У входа в жилище султана, в маленьком шатре, располагались его привратники и музыканты, с сарацинскими рогами, барабанами и литаврами. На рассвете и при наступлении ночи они поднимали такой шум, что находившиеся рядом с ними не могли расслышать друг друга; и было их слышно на весь лагерь.

§ 284

Музыканты никогда не могли дерзнуть греметь своими инструментам днем, разве что по приказу предводителя мамлюков: это случалось, когда султан желал отдать приказание и посылал за ним, отдавая ему свое распоряжение. Затем предводитель приказывал музыкантам султана играть на этих инструментах, и тогда вся армия сходилась слушать приказание султана; его объявлял предводитель мамлюков, и все войско его выполняло.

§ 285

Тех мамлюков, которые хорошо проявляли себя в сражениях, султан назначал эмирами и выделял им в свиту две или три сотни рыцарей; и чем лучше они сражались, тем больше жаловал им султан.

§ 286

Но бывает, что наградой таким рыцарям, если они становятся неслыханно сильными и богатыми, служит и то, что султан, опасаясь, как бы они не лишили его власти и не убили, велит их схватить и умертвить в темнице, а у их жен и детей отбирает все имущество. Именно это уготовил султан тем, кто взял в плен графа де Монфора и графа де Бара²⁴⁶; подобным же образом поступил Бундендар²⁴⁷ и с теми, кто победил царя Армении²⁴⁸; ибо, надеясь получить награду, они спешили и направились поклониться султану, когда он охотился на диких зверей. Султан ответил им: «Знать вас не хочу», так как они перебили ему охоту. И он приказал отрубить им голову.

§ 287

Вернемся же к нашей теме и расскажем также, что у султана, который помер, был единственный сын в возрасте двадцати пяти лет, мудрый, ловкий и хитрый²⁴⁹; и султан, опасаясь, как бы он не отнял у него власть, выделил ему королевство на Востоке²⁵⁰. После смерти султана эмиры сразу же послали за сыном; и как только он прибыл в Египет, он отстранил сенешаля своего отца, коннетабля и маршала, отобрал у них золотые жезлы и передал тем, кто с ним приехал с Востока.

§ 288

Увидав это, они, а также и все остальные, кто входил в совет его отца, впали в превеликую досаду по причине бесчестья, нанесенного им сыном султана. И поскольку они боялись, как бы он не поступил с ними так же, как его отец²⁵¹ с теми, кто захватил графа де Бара и графа де Монфора, о чем рассказано выше, то сговорились с мамлюками (кои должны были охранять особу султана, как уже сказано), и те на их просьбу пообещали убить султана.

§ 289

После двух упомянутых выше битв великое бедствие обрушилось на наше войско; ибо по истечении девяти дней на поверхность воды всплыли тела наших людей, убитых турками; и говорят, это происходит из-за гниения желчи. И их принесло к мосту, который находился между нашими двумя лагерями, а дальше они не плыли, так как мост касался воды. Их было столь великое множество, что вся река от одного берега

до другого, вдоль реки на расстоянии брошенного небольшого камня была покрыта трупами.

§ 290

Король нанял сотню бродяг, которые проработали там целых восемь дней. Тела сарацин, коих узнавали по обрезанию, они перебрасывали через мост и пускали плыть дальше по течению реки; а христиан укладывали рядами в большие могилы. Здесь я встретил камергеров графа д'Артуа и многих других, разыскивавших среди погибших своих друзей; но ни разу я не слышал, чтобы кого-либо там нашли.

§ 291

За все время поста мы не ели никакой рыбы, кроме *bourbete*, что пожирала трупы погибших, ибо эта рыба прожорлива. И из-за этого несчастья и по причине дурного климата страны, где не выпадает ни капли дождя, нас поразила болезнь войска, от которой усыхали все мышцы ног, кожа на икрах покрывалась черными, как старый сапог, землистого цвета пятнами, а десны начинали гнить; и никто не мог излечиться от этого недуга, разве что умереть. Признаком наступавшей смерти было то, что из носа начинала идти кровь²⁵².

§ 292

Две недели спустя турки, дабы уморить нас голодом, взяли большую часть своих галер, стоявших выше нашего лагеря, перетащили их по суше (чему изумлялись многие люди) и спустили на реку, протекавшую через Дамьетту, на доброе лье ниже нашего лагеря. Эти галеры и стали причиной нашего голода, потому что из-за них никто из Дамьетты не решался плыть к нам, чтобы доставить продовольствие. Мы ничего об этом не знали, пока с маленького судна графа Фландрского, ускользнувшего от них благодаря сильному течению, нам этого не сообщили, и сказали что галеры султана захватили около восьмидесяти наших галер, кои шли из Дамьетты, и перебили находившихся на них людей.

§ 293

И из-за этого в лагере наступила такая дороговизна, что к Пасхе один бык в войске стоил 80 ливров, баран и свинья — по 30 ливров, одно яйцо — 12 денье, а мюид вина — 10 ливров²⁵³.

§ 294

Когда король и бароны узнали об этом, они решили, что король поведет свое войско, находившееся по эту сторону от Вавилона, в лагерь герцога Бургундского, расположенный на берегу реки, что текла к Дамьетте.

Чтобы обезопасить своих людей, король повелел возвести у моста барбакан²⁵⁴, который был построен между нашими обоими войсками таким образом, что в него можно было въехать на лошадях с обеих сторон.

§ 295

Когда барбакан был возведен, все войско короля вооружилось, и тогда турки бросились на королевское войско. Однако ни король, ни его люди не двинулись до тех пор, пока не была вывезена вся поклажа, после чего прошел король, за ним его отряд и потом все прочие бароны, кроме монсеньора Гоше де Шатийона, который составлял арьергард. И у подхода к барбакану монсеньор Эрар де Валери освободил монсеньора Жана, своего брата, которого турки тащили в плен.

§ 296

Когда все войско вошло внутрь, те, кто остался в барбакане, оказались в крайне бедственном положении; ибо барбакан был невысоким, так что турки могли стрелять, целясь с лошадей, а пешие сарацины бросали в лицо комьями земли. Все бы погибли, если бы не граф Анжуйский (который потом стал королем Сицилии), который бросился на помощь и помог всем пройти в безопасности. В этот день из всех, кто находился в барбакане, наиболее храбро держался монсеньор Жоффруа де Миссанбург.

§ 297

Накануне заговенья произошел удивительный случай, о котором я вам хочу рассказать; в этот день был предан земле монсеньор Гуго де Ландрикур, бывший со мной и носивший знамя. В моей часовне, там, где он лежал в гробу, стояло шестеро моих рыцарей, прислонившись к мешкам с ячменем; и поскольку они громко разговаривали в моей часовне и мешали священнику, я подошел и сказал им, чтобы они замолчали и что рыцарю и благородному человеку непристойно разговаривать во время мессы.

§ 298

Они рассмеялись и сказали мне со смехом, что они женились бы на его жене. Я побранил их за эти недобрые и неприличные слова, сказав, что быстро они позабыли своего товарища. И Бог отомстил им, ибо на следующий день, на заговенье²⁵⁵, было великое сражение, в котором они погибли или были смертельно ранены; отчего вновь выходить замуж пришлось и их всем шести женам.

§ 299

Из-за ранений, полученных мною еще на заговенье, болезнь войска поразила и меня. У меня заболели десны и ноги, начались лихорадка

и такой сильный насморк, что текло из носа; и по причине перечисленных недугов я в середине поста слег в постель, отчего моему священнику приходилось служить мессу в палатке у моей кровати; и он заболел той же болезнью, что и я.

§ 300

Когда он совершал освящение, то едва не упал в обморок. Увидав, что он вот-вот упадет, я, босой, в одной рубахе, соскочил с кровати, подхватил его и сказал ему, чтобы он быстро и спокойно продолжал причащение и что я не отпущу его, пока он не закончит; он пришел в себя, закончил причащение и отслужил всю мессу; но больше он никогда уже не служил ее.

§ 301

После этого королевский совет и совет султана назначили день, чтобы договориться между собой. По условиям договора султану нужно было отдать Дамьетту, а султан должен был вернуть королю Иерусалимское королевство; и султан обязался опекать больных, которые находились в Дамьетте, и сохранить солонину (поскольку турки не едят свинину) и орудия короля до тех пор, пока король не сможет за ними прислать.

§ 302

Турки спросили у королевских советников, какую гарантию возвращения Дамьетты они им предоставят. Королевские советники им предложили задержать у себя до возвращения Дамьетты одного из братьев короля — либо графа Анжуйского, либо графа де Пуатье. Сарацины же сказали, что они ни о чем не договорятся, если им не оставят заложником самого короля; на это добрый рыцарь монсеньор Жоффруа де Саржин ответил, что они предпочтут, чтобы сарацины их всех перебили или взяли в плен, нежели быть обвиненными в том, что они оставили в заложниках короля.

§ 303

Болезнь в нашем войске усилилась настолько, что у людей на распухших деснах отмирала плоть, и брадобреем приходилось ее удалять, дабы дать им возможность жевать и глотать пищу. Прежалостно было слышать в лагере стоны людей, коим ее срезали, ибо они стонали как рожавшие женщины.

§ 304

Когда король понял, что он не может там остаться, не погибнув вместе со своими людьми²⁵⁶, он отдал приказ им подготовиться к отъезду во вторник вечером, в девятый день после Пасхи²⁵⁷, чтобы вернуться

в Дамьетту. Он велел передать морякам, коим принадлежали галеры, что они должны собрать всех больных и отвезти их в Дамьетту. Король приказал Жослену де Корнану, его братьям и прочим руководителям работ перерубить веревки, державшие мосты между нами и сарацинами; но они этого не сделали.

§ 305

Я с двумя оставшимися у меня рыцарями и слугами собрался во вторник в полдень после обеда. Когда начало темнеть, я велел матросам поднять якорь и плыть вниз по течению; но они ответили, что не осмелятся на это, потому что галеры султана, стоявшие между нами и Дамьеттой, нас уничтожат. Моряки развели большие костры, чтобы собрать на галеры больных, и больные вышли на берег реки. Пока я упрашивал моряков отплывать, в лагерь ворвались сарацины; при свете костров я увидел, что они убивают на берегу больных.

§ 306

Тогда мои матросы стали поднимать якорь, а моряки, которые должны были подобрать больных, обрубали якорные канаты на своих галерах и подошли так близко к нашему суденышку, окружив его с двух сторон, что чуть было нас не потопили. Наконец мы избавились от этой опасности и двинулись вниз по реке. Король же, захворавший болезнью войска и сильной дизентерией, не пожелал укрыться на галерах и сказал, что Богу угодно, чтобы он не оставлял свой народ. Вечером он много раз лишался чувств и из-за сильного поноса ему столь часто нужно было выходить, что пришлось разрезать у него снизу штаны.

§ 307

Нам, поплывшим по реке, закричали, чтобы мы подождали короля; а поскольку мы не хотели его ждать, в нас стали посылать арбалетные стрелы, отчего нам пришлось остановиться и ждать, покуда не дадут разрешения отплыть.

§ 308

Но я оставляю эту тему и расскажу о пленении короля, как он сам мне об этом поведал. Он мне сказал, что покинул свой отряд и примкнул с монсеньором Жоффруа де Саржином к отряду монсеньора Гоше де Шатийона, двигавшегося в арьергарде.

§ 309

И король рассказал мне, что сел на низкорослого скакуна, покрытого шелковым чепраком; и сказал, что из всех рыцарей и сержантов позади

него ехал только монсеньор Жоффруа де Саржин, который сопровождал его до деревни, где его и схватили; и монсеньор Жоффруа де Саржин оборонял его от сарацин, как добрый слуга отгоняет мух от чаши своего господина, ибо всякий раз, когда приближались сарадины, он хватал свое короткое копье, что держал перед собой на ленчике седла, брал его под мышку, бросался на них и отгонял их от короля.

§ 310

И таким образом он довел короля до деревни²⁵⁸; его ввели в дом и уложили едва живого на колени одной парижской горожанки, полагая, что ему не дожить до вечера. Туда прискакал монсеньор Филипп де Монфор²⁵⁹ и сказал королю, что видел эмира, с которым договорился о перемирии, и если ему угодно, он поедет к нему снова, чтобы заключить договор так, как пожелают сарадины. Король изъявил согласие и попросил его туда поехать. Тот отправился к сарацину. И сарацин снял со своей головы тюрбан и кольцо, дабы заверить, что он будет соблюдать перемирие.

§ 311

Тем временем с нашими людьми стряслось великое несчастье, а именно: один сержант-предатель по имени Марсель закричал нашим людям: «Сеньоры рыцари, сдавайтесь, ибо так приказывает король, не допустите убийства короля!» Все решили, что его к ним послал король, и отдали свои мечи сарацинам. Эмир, увидав, что сарадины увели наших людей в плен, сказал монсеньору Филиппу, что не согласен соблюдать перемирие, так как хорошо видит, что наши люди — пленные.

§ 312

Так случилось, что все наши люди попали в плен, кроме монсеньора Филиппа, поскольку он был послом. Однако в стране язычников есть дурной обычай: когда король отправляет к султану послов, или султан к королю, и король или султан умрет прежде, чем послы возвратятся, то они становятся пленниками или рабами, к какой бы стороне, христианской или языческой, они не принадлежали.

§ 313

Когда наши люди имели несчастье попасть в плен на суше, та же участь, как вы сейчас услышите, постигла и нас, взятых в плен на воде; ибо со стороны Дамьетты подул ветер, остановивший течение реки; а рыцари, коих король оставил на своих легких судах для защиты больных, сбежали. Наши матросы, упустив течение, зашли в слепой рукав реки, откуда нам пришлось повернуть назад, к сарацинам.

§ 314

Отплыв, мы незадолго до рассвета подошли к проходу, где стояли галеры султана, препятствовавшие подвозу нам продовольствия из Дамьетты. Там царил великий шум, ибо сарацины стреляли в нас и наших людей, всадников, находящихся на берегу, таким множеством стрел с греческим огнем, что казалось, с неба падали звезды.

§ 315

Когда матросы вывели нас из речного рукава, куда они нас завели, мы обнаружили предоставленные королем для защиты наших больных королевские суда, которые, сбежав, отправились к Дамьетте. Тут поднялся ветер, задувший от Дамьетты с такой силой, что не дал нам двинуться по течению.

§ 316

У одного и другого берега реки находилось множество суденышек с нашими людьми, не сумевшими спуститься вниз по течению, коих сарацины схватили и задержали; и они убивали людей и бросали их в воду, вытаскивали кладь и сундуки из кораблей, захваченных у нас. Конные сарацины на берегу обстреливали нас, мы же не могли идти на них. Мои люди натянули на меня турнирную кольчугу, опасаясь, как бы стрелы, кои сыпались на наш корабль, меня не ранили²⁶⁰.

§ 317

Тут мои люди, которые находились на корме корабля, закричали мне: «Сир, сир, ваши матросы под угрозами сарацин хотят вас высадить на берег». Я приказал поднять меня, совершенно ослабевшего, под руки и, обнажив перед матросами меч, сказал, что убью их, если они попытаются меня отвезти на землю. А они мне предложили, чтобы я выбрал, что пожелаю: либо они меня отвезут на берег, либо станут на якорь посреди реки, пока не утихнет ветер. И я им ответил, что предпочитаю, чтобы меня оставили на якоре посреди реки, нежели высадили на землю, где я видел нашу погибель; и они бросили якорь.

§ 318

В скором времени мы увидели, что подходят четыре галеры султана, на которых было почти тысяча человек. Тогда я созвал своих рыцарей и людей и спросил их, как бы они хотели поступить: сдать галерам султана или сарацинам на берегу. Все мы сошлись на том, что лучше сдать галерам султана, потому что они возьмут нас вместе, тогда как те, что на суше, нас разлучат и продадут бедуинам.

§ 319

Тогда один мой келарь²⁶¹, родом из Дулевана, сказал: «Сир, я не согласен с этим решением». Я спросил его, к чему склоняется он, и он мне ответил: «Я полагаю, что нам нужно дать перебить нас всех, тогда мы попадем в рай». Но мы его не послушали.

§ 320

Увидав, что нам придется сдаться, я взял свой ларец с драгоценностями, а также реликвии, и бросил их в реку. Тут один из матросов сказал мне: «Сир, если вы не разрешите сказать, что вы кузен короля, убьют вас всех, и нас с вами». И я охотно разрешил ему сообщить то, что он найдет нужным. Когда люди с первой галеры, которая шла на нас, чтобы ударить наше судно в самую середину, услышали это, они бросили якорь около нашего корабля.

§ 321

Тут Бог послал мне одного сарацина из земель императора²⁶², одетого в штаны из некрашеного полотна; он добрался вплавь до нашего корабля и, поднявшись на борт, сказал мне: «Сир, вы погибните, если не последуете моему совету: вам надлежит перепрыгнуть со своего корабля на эту галеру; тогда они и не посмотрят на вас, потому что будут заняты добычей с вашего судна». Мне бросили с галеры веревку, и я прыгнул на выступ борта с Божьей помощью. И знайте, что я так покачнулся, что если бы сарацин не прыгнул за мной и не поддержал меня, я упал бы в воду.

§ 322

Меня втащили на галеру, где было около восьмидесяти человек их людей (а сарацин все еще держал меня), толкнули на палубу и окружили, чтобы перерезать горло; ибо тот, кто меня бы убил, снискал бы почет. А сарацин, продолжавший меня держать, кричал: «Кузен короля!». Таким образом меня дважды сбивали с ног и затем поставили на колени; и тут я почувствовал у горла нож. Но от этой гибели Господь спас меня с помощью сарацина, которому удалось увести меня в башню²⁶³, где находились сарацинские рыцари.

§ 323

Когда я очутился среди них, они отобрали мою кольчугу; но из жалости набросили на меня мое же одеяло из экарлата, подбитое простым белым мехом, которое мне подарила мадам моя матушка. И один из них принес мне белый ремень, и я опоясался им поверх одеяла, в коем проделал дыру, и одел; а другой дал мне шапку, которую я надел на голову. И тут из-за охватившего меня страха, а также и болезни я начал очень сильно

дрожать. И тогда я попросил пить, и мне принесли воды в горшке; но едва я набрал ее в рот, чтобы глотнуть, как она хлынула у меня из ноздрей.

§ 324

Увидав это, я послал за своими людьми и сказал им, что умираю и что у меня в горле нарыв; и они спросили, откуда мне это известно; и я им показал. И как только они увидели, что из горла и ноздрей вытекает вода, то заплакали. Когда сарацинские рыцари, бывшие там, заметили, что мои люди рыдают, то спросили у спасшего меня сарацина, отчего они плачут; и он ответил, что, видимо, у меня в горле нарыв, отчего мне не выжить. И тогда один из сарацинских рыцарей сказал тому, кто нас спас, чтобы он нас утешил, ибо он даст кое-что выпить, от чего я излечусь в два дня; и так оно и случилось.

§ 325

У монсеньора Рауля де Вану, состоявшего при мне в великом сражении на заговенье, были перерезаны коленные сухожилия, и он не мог держаться на ногах; и знайте, что один старый сарацинский рыцарь, находившийся на галере, носил его на спине в уборную.

§ 326

За мной послал главнокомандующий галерами²⁶⁴ и спросил, действительно ли я кузен короля; и я ему ответил, что нет, и рассказал, как и почему матрос назвал меня родственником короля. И он мне сказал, что я поступил мудро, ибо иначе мы все были бы перебиты. Еще он спросил, не принадлежу ли я как-то к роду императора Фридриха Немецкого, который тогда еще был жив²⁶⁵; и я ему ответил, что полагаю, что мадам моя матушка приходилась ему двоюродной сестрой²⁶⁶; и он мне ответил, что за это полюбил меня еще больше²⁶⁷.

§ 327

Во время обеда он позвал к нам одного парижского горожанина. Явившись, горожанин мне сказал: «Сир, что вы делаете?» «Что же я делаю?» — ответил я. «Во имя Господа, — продолжал он, — вы едите скоромное в пятницу». Услыхав это, я отставил свою миску. И адмирал спросил моего сарацина, почему я так поступил; и тот ему объяснил; и адмирал заметил, что Бог сильно не разгневается на меня за это, ибо я сделал это неумышленно.

§ 328

И знайте, что тот же ответ мне дал легат, когда мы уже были на свободе; а я из-за этого не переставал сидеть после поста каждую пятницу на

хлебе и воде, чем легат был очень недоволен, ибо подле короля из знатных людей никого, кроме меня, не осталось.

§ 329

После воскресенья адмирал приказал мне и прочим пленникам, захваченным на реке, спуститься на берег. Покуда монсеньора Жана, моего доброго священника, тащили из трюма галеры, он лишился чувств; и его убили и бросили в воду. Его служку, также упавшего в обморок из-за болезни войска, ударили по голове ступкой и, прикончив, также сбросили в реку.

§ 330

Пока остальные больные спускались с галер, где они находились в заочении, сарацины стояли наготове с обнаженными мечами и всех, кто падал, убивали и бросали в реку. Я велел им передать через моего сарацина, что, по-моему, так поступать дурно; ибо это противоречит наставлениям Саладина, который говорил, что никакого человека нельзя убить после того, как ему дали вкусить своего хлеба и соли. А мне ответили, что эти люди ни на что не годны, так как из-за своих недугов не смогут выжить.

§ 331

Адмирал приказал подвести ко мне моих матросов и сказал, что все они отреклись; а я ему ответил, что совершенно не доверяю им; ибо так же, как они бросили нас, они покинут и их, улучив время или место. И адмирал согласился со мной: ведь говорил Саладин, что не видывал никогда, чтобы дурной христианин стал добрым сарацином, или плохой сарацин — добрым христианином.

§ 332

И затем он приказал мне сесть на парадного коня²⁶⁸, и я поехал рядом с ним. Мы переехали через лодочный мост и направились к Мансуре, где со своими людьми находился в плену король. И мы подъехали к большому шатру, где сидели писцы султана; и там они записали мое имя. Тут мой сарацин мне сказал: «Сир, дальше я с вами не поеду, ибо не могу; но прошу вас держать это дитя, что с вами, всегда за руку, чтобы сарацины у вас его не похитили». А ребенок этот носил имя Бартеlemi, и был он незаконным сыном сеньора де Монфокон²⁶⁹.

§ 333

После того, как записали мое имя, адмирал провел меня в шатер, где находились бароны, а с ними более десяти тысяч человек. Когда я вошел

туда, все бароны выказали такую великую радость, что ничего не было слышно; и возносили они хвалу Господу нашему, и сказали, что считали меня погибшим.

§ 334

После недолгого пребывания там один из самых знатных людей среди них велел нам подняться, и нас повели в другой шатер. Много рыцарей и прочих пленных сарацины держали во дворе, обнесенным земляным валом. Из этого отгороженного места, где они сидели, их выводили одного за другим и спрашивали: «Согласен отречься?» Тех, кто не хотел отступить от веры, отводили в одну сторону и отрубали голову, а тех, кто отрекался, в другую.

§ 335

Тут султан прислал к нам своих советников, дабы с нами переговорить; и те спросили, кому им сообщить приказание султана; и мы сказали, чтобы они обратились к доброму графу Пьеру Бретонскому. Там были люди, знавшие по-сарацински и по-французски, которых называют драгоманы и кои переводили для графа Пьера на французский с сарацинского. И речи были таковы: «Сир, султан посылает нас к вам, дабы узнать, желаете ли вы освободиться?» Граф ответил: «Да».

§ 336

«А что вы дадите султану за свое освобождение?» «Что сможем достать и сделать в разумных пределах», — ответил граф. «А отдадите вы, — продолжали те, — за свое освобождение некоторые замки заморских баронов?» Граф ответил, что он не властен над этими замками; ибо их держали от здравствующего тогда германского императора²⁷⁰. Они спросили, отдадим ли мы за свое освобождение какие-либо замки тамплиеров или госпитальеров. И граф ответил, что и это невозможно, ибо когда туда поставили шателенов²⁷¹, то заставили их поклясться на мощах, что не сдадут ни один замок ни ради чьей жизни. И послы нам сказали, что сдается им, мы не жаждем вызволения, и что они уйдут и пришлют тех людей с мечами, которые отрубят нам головы, как они уже поступили с другими. И они ушли.

§ 337

Как только они ушли, в наш шатер ворвалась огромная толпа молодых сарацин, опоясанных мечами, и они привели с собой глубокого старика, убеленного сединами, который велел спросить, правда ли, что мы верим в единого Бога, который был схвачен и предан страданиям и смерти за нас, а на третий день воскрес. И мы ответили: «Да». И тогда он

сказал нам, что мы не должны отчаиваться, ежели подвергнемся преследованиями ради него; «Ибо, — изрек он, — вы еще не умерли за него, как он за вас; и если в его власти воскреснуть, то будьте уверены, когда ему будет угодно, он освободит вас».

§ 338

Тогда он ушел, а за ним и остальные молодые воины; чем я был прельщенного доволен, ибо был уверен, что они явились отрубить нам головы. А вскоре после прихода людей султана нам сообщили, что король договорился о нашем освобождении.

§ 339

После ухода старика, ободрившего нас, к нам возвратились советники султана и сказали, что король договорился о нашем вызволении и нам надо послать к нему четырех человек из наших людей, дабы узнать, как он это сделал. Мы отправили туда монсеньора Жана де Валери, достойного человека, монсеньора Филиппа де Монфора, монсеньора Бодуэна д'Ибелена, сенешаля Кипра, и монсеньора Ги д'Ибелена, коннетабля Кипра, одного из самых достойных рыцарей, каких я когда-либо видел и которого люди его страны любили больше всех. Эти четверо нам и сообщили, каким образом король договорился о нашем освобождении; и это было так.

§ 340

Советники султана подвергли короля тому же испытанию, что и нас, дабы увидеть, не согласится ли он сдать некоторые замки орденов тамплиеров и госпитальеров или какие-либо замки местных баронов; и Богу было угодно, чтобы король ответил им точно так же, как и мы. И они угрожали ему и говорили, что раз он не хочет этого сделать, то они посадят его на «раковину».

§ 341

«Раковина» — самая жестокая пытка, какую только можно претерпеть; это две сложенные доски, утыканные по краям зубьями; они входят одна в другую и связаны по концам ремнями из бычьей кожи. И когда в неё хотят поместить человека, его кладут набок и помещают ноги между шипами; а потом сажают человека на доски; после чего не остается и половины ноги, кости которой не были бы совершенно раздроблены. А чтобы сделать еще хуже, по истечении трех дней, когда ноги распухают, они вновь ставят их в «раковину» и снова ломают. На эти угрозы король им ответил, что он их пленник и они могут сделать с ним что хотят.

§ 342

Когда они увидели, что угрозами доброго короля не сломить, то вернулись к нему и спросили, сколько денег он захочет дать султану в придачу к возвращению Дамьетты. И король им ответил, что если султан пожелает взять с него разумную сумму денег, он попросит королеву²⁷² внести ее за их освобождение. И они спросили: «Отчего вы не хотите нам твердо обещать, что вы это сделаете?» И король ответил, что не знает, захочет ли королева выполнить это, потому что она его госпожа. И тогда советники вернулись переговорить с султаном и сообщили королю, что ежели королева согласится уплатить миллион золотых безантов, что соответствует пятистам тысячам ливров, он освободит короля.

§ 343

И тем не менее король просил присягнуть, что султан их отпустит, если королева пожелает это исполнить; и они возвратились поговорить с султаном и по возвращении поклялись, что при таком условии они вернут ему свободу. И как только они поклялись, король сказал и пообещал эмирам, что охотно заплатит пятьсот тысяч ливров за вызволение своих людей, а Дамьетту отдаст за освобождение своей особы; ибо он не тот, кого должно выкупать за деньги. Услышав это, султан сказал: «Однако! Щедры франки, коль скоро не торгуются о такой большой сумме денег. Ступайте же скажите ему, — продолжал он, — что я дарю ему сто тысяч ливров в счет его выкупа».

§ 344

Затем султан велел знатым людям взойти на четыре галеры, дабы отвезти их к Дамьетте. В моей галере находились добрый граф Пьер Бретонский, граф Гийом Фландрский, добрый граф Жан Суассонский, монсеньор Эмбер де Боже, коннетабль Франции; туда же усадили и добрых рыцарей монсеньора Бодуэна д'Ибелена и монсеньора Ги, его брата.

§ 345

Сопровождавшие нас на галере сарацины высадили нас около жилища, которое султан повелел устроить для себя у реки, и вот каким образом: перед жилищем стояла башня из еловых жердей, обтянутая вокруг полотном; это был вход в жилище. А за ним находилась натянутая палатка, в которой эмиры, приходившие беседовать с султаном, оставляли свои мечи и вооружение. Такая же дверь вела из палатки, и через нее входили в большой шатер, служивший залом султану; за залом была башня, такая же, как и предыдущая, через которую входили в покои султана.

§ 346

За покоями султана был внутренний дворик; посреди двора стояла башня, выше всех прочих, на которую султан поднимался обозревать окрестности и лагерь. Из двора шла аллея, которая вела к реке, и султан велел поставить на воде шатер, чтобы приходиться купаться. Все эти постройки были обнесены деревянной изгородью, покрытой снаружи голубым полотном, дабы те, кто находился вне ограды, не смогли заглянуть внутрь; и все четыре башни были обтянуты полотном.

§ 347

В четверг, накануне Вознесения²⁷³, мы прибыли туда, где были разбиты эти шатры. Четыре галеры, где нас держали пленниками, поставили на якорь подле жилища султана. В одну палатку, находящуюся достаточно близко от шатров султана, поместили короля. Султан порешил так: пусть в субботу накануне Вознесения ему вернут Дамьетту, а он отпустит короля.

§ 348

Эмиры, которых султан удалил из своего совета, дабы ввести в него своих людей, коих он привез из чужих земель, посовещались меж собой, и один мудрый сарацин заговорил в таком духе: «Сеньоры, вы видите стыд и бесчестье, в кои поверг нас султан, лишив почестей, что мы имели от его отца. Можно не сомневаться, что ежели он окажется в крепости Дамьетты, то велит схватить нас и умертвить в темнице, как поступил он с эмирами, захватившими графа де Бара и графа де Монфора. А потому, как мне кажется, нам лучше его убить, пока он не ускользнул из наших рук».

§ 349

Они пошли к мамлюкам и договорились, чтобы сразу же после обеда с султаном, на который тот их пригласил, они убили его. И вот после того, как они отобедали и султан попрощался с эмирами и удалился в свои покои, один рыцарь-мамлюк, его оруженосец, ударил мечом султана по кисти руки, меж четырех пальцев, и рассек кисть до запястья.

§ 350

Тогда султан выскочил к своим эмирам, велевшим мамлюку сотворить это, и сказал им: «Сеньоры, обвиняю перед вами мамлюков в том, что они хотели меня убить, в чем вы можете убедиться». Тогда рыцари-мамлюки в один голос ответили султану так: «Раз ты говоришь, что мы хотим лишить тебя жизни, нам и впрямь лучше убить тебя, нежели быть убитыми тобой».

§ 351

Затем они приказали бить в барабаны; и все войско собралось узнать, что угодно султану. И мамлюки им сообщили, что Дамьетта взята и султан отправился туда, а им приказал следовать за ним. Все вооружились и поскакали к Дамьетте. И когда мы увидели, как они туда направились, то впали в великое душевное смятение, полагая, что Дамьетта пала. Султан же, будучи молодым и проворным, бежал в башню, которую велел возвести, с тремя своими епископами²⁷⁴, обедавшими с ним; а эта башня находилась за его покоями, как вам уже известно.

§ 352

Мамлюки, коих насчитывалось пятьсот всадников, повалили шатры султана и, окружив возведенную им башню, осадили султана вместе с тремя епископами, которые с ним сотрапезничали, и крикнули ему, чтобы он спустился. И султан ответил, что сделает это, если ему дадут гарантии безопасности. А они закричали, что он не в Дамьетте и его заставят спуститься силой. Они бросили в него греческий огонь, который охватил башню, построенную из еловых досок и хлопкового полотна. Башня быстро вспыхнула так, что никогда не видывал я ни столь красивого, ни столь высокого пламени. Увидав это, султан поспешно спустился и бросился бежать к реке тем путем, о котором я рассказывал выше.

§ 353

Мамлюки же с мечами перекрыли дорогу; и когда султан пробегал мимо, один из них ударил его копьем меж ребер, и султан добежал до реки, волоча копье. Они спустились к реке и бросились вплавь, дабы его убить, и настигли его в воде довольно близко от нашей галеры. И один из рыцарей по имени Фаракатай²⁷⁵ разрубил его мечом и вырвал изнутри сердце; а затем, с окровавленной рукой, пришел к королю и сказал ему: «Что ты мне дашь? Ведь я убил твоего врага, который приказал бы умертвить тебя, если бы остался жив». Но король ему ничего не ответил.

§ 354

Почти тридцать мамлюков с обнаженными мечами в руках, с датскими секирами на шее, поднялось на нашу галеру. Я спросил монсеньора Бодуэна д'Ибелена, хорошо знавшего по-сарацински, что говорили эти люди; и он мне ответил, что они пришли отрубить нам головы. И множество народа принялось исповедоваться у одного монаха тринитария, носившего имя Жан и состоявшего при графе Гийоме Фландрском. Но что до меня, то мне не припомнилось никаких грехов, которые бы я совершил; а подумал, что чем больше буду защищаться и изворачиваться, тем дороже мне это обойдется.

§ 355

И тогда я перекрестился и опустился на колени у ног одного из них, державшего датскую секиру и сказал: «Так умерла святая Агнесса»²⁷⁶. Монсеньор Ги д'Ибелен, коннетабль Кипра, преклонил колени рядом со мной и исповедался мне; и я ему сказал: «Отпускаю вам грехи властью, данной мне Господом». Но когда я встал с колен, я уже не помнил ничего из того, что мне было им сказано и поведено.

§ 356

Они вывели нас оттуда, где мы были, и заперли в трюме галеры; многие из наших людей полагали, что они так поступили оттого, что не хотели нападать на нас всех сразу, а собирались перебить одного за другим. Там внутри мы испытали тяжкие страдания, ибо всю ночь лежали в такой тесноте, что я ногами упирался в доброго графа Пьера Бретонского, а его ноги были прямо у моего лица.

§ 357

На следующий день эмиры велели вытащить нас из темницы, где мы сидели, и их посланцы передали нам, чтобы мы отправились переговорить с эмирами, дабы возобновить договор, который с нами заключил султан; и они нам сказали, чтобы мы не сомневались насчет того, что будь жив султан, он бы приказал отрубить голову королю, а также и всем нам. Те, кто мог ходить, отправились туда; граф Бретонский, коннетабль и я, будучи серьезно больными, остались. Граф Фландрский, граф Жан Суассонский, два брата д'Ибелена и прочие, поддерживая друг друга, ушли.

§ 358

Они договорились с эмирами, что как только тем сдадут Дамьетту, они освободят короля и остальных знатных людей, что у них были; а что до простого люда, то султан велел увести всех в Вавилон, кроме тех, кого приказал убить. И этот поступок он свершил в нарушение заключенного с королем договора; посему весьма возможно, что получив Дамьетту, он бы приказал также убить и нас.

§ 359

Король им вынужден был также поклясться, что выдаст им двести тысяч ливров до отплытия и двести тысяч ливров в Акре. Сарацины же по договору, заключенному с королем, должны были охранять больных, находившихся в Дамьетте, арбалеты, вооружение, солонину и орудия, покуда король не пришлет за ними.

§ 360

Были установлены следующие клятвы, которые должны были принести королю эмиры: если не соблюдут они пред королем обещанного, пусть будут обещаны так же, как те, кто за свои грехи отправляется в паломничество к Магомету в Мекку с непокрытой головой; и будут так же опозорены, как те, кто оставляет своих жен и берет их потом назад. Что до этого случая, то по закону Магомета они не могут, покинув свою жену, вернуть ее обратно, если не найдется другого мужчины, спавшего с ней до того, как вновь ее забрать.

§ 361

Третья присяга такова: если не выполнят они условий короля, то пусть будут обещаны, как сарадины, вкусившие свинину. Король с удовлетворением принял вышеизложенные клятвы эмиров, ибо мэтр Николя д'Акр, знавший сарацинский язык, сказал, что по их законам сильнее клятв они дать не могут.

§ 362

Принеся клятву, эмиры велели записать следующие клятвенные обещания, кои желали получить от короля по совету отрехшихся от нашей веры священников; и записанное гласило так: если король не выполнит договора, то пусть будет он проклят так же, как христианин, отступившийся от Господа и Богоматери, от двенадцати апостолов и всех святых. С этим король охотно согласился. Последние пункты клятвы гласили, что если он не соблюдет договора с эмирами, пусть будет проклят как христианин, который отрехся от Бога и его закона, и, презирая Господа, плюет на крест и топчет его.

§ 363

Услыхав это, король ответил, что во имя Господа такую клятву он не даст. Эмиры послали к корою мэтра Николя, который знал сарацинский язык, и он обратился к королю со следующими словами: «Сир, эмиры в великом гневе оттого, что они поклялись всем, чем вы потребовали, а вы не желаете клясться тем, чем требуют они; и будьте уверены, что если вы не принесете такой клятвы, они прикажут отрубить голову и вам, и всем вашим людям». Король ответил, что они могут поступать по своей воле, а он предпочтет умереть добрым христианином, нежели жить под гневом Господа и Богоматери.

§ 364

Патриарх Иерусалимский, старый человек в возрасте восьмидесяти лет, достал охранную грамоту сарацин и приехал к королю, дабы помочь

ему договориться о его освобождении. Однако меж христианами и сарацинами существует обычай, по которому, когда умирает король или султан, то посланцы, будь то у язычников или христиан, становятся пленниками и рабами; и так как султан, выдавший охранную грамоту патриарху, умер, названный патриарх стал пленником, как и мы. Когда король дал свой ответ, один из эмиров заявил, что этот совет ему подал патриарх, и обратился к язычникам: «Если пожелаете, я заставлю короля поклониться. Ибо в противном случае я брошу ему на колени голову патриарха».

§ 365

Они не стали его слушать, а схватили патриарха, поставили его перед королем, привязав к шесту от шатра, и так крепко скрутили ему за спиной руки, что они распухли до размеров его головы, и из-под ногтей брызнула кровь. Патриарх кричал королю: «Сир, Бога ради, смело клянитесь; ибо весь грех от этой клятвы я возьму на свою душу, ведь вы сдержите ее». Я не знаю, как было улажено с клятвой, но эмиры удовлетворились клятвенным обещанием короля и прочих знатных людей, что там были.

§ 366

Когда султана убили, к королевскому шатру были принесены все его [музыкальные] инструменты²⁷⁷, и королю сообщили, что эмиры возымели великое желание и решили сделать его султаном Вавилона. И король спросил меня, стоит ли принять ему королевство Вавилонское, ежели они его отдадут ему. И я ему ответил, что коли они убили своего сеньора, то он, согласившись, поступил бы крайне безрассудно; и король мне ответил, что действительно, не избежал бы этого и он.

§ 367

И знаете, говорили, что так получилось только по той причине, будто [сарацины] считали, что король был истовым христианином больше, чем кто-либо. А в доказательство приводили то, что он, когда выходил из шатра, вставал на колени и осенял себя широким крестным знаменем. Говорили также, что если бы Магомет допустил, чтобы им причинили столько зла, то они в него никогда бы и не верили; и что ежели бы этот народ сделал его султаном, то он всех перебил бы или заставил стать христианами.

§ 368

После того, как между королем и эмирами был заключен договор и принесены клятвы, было решено, что они отпустят нас на следующий день после Вознесения²⁷⁸; и как только эмирам сдадут Дамьетту, то, как

было сказано, освободят особу короля и его знатных людей. В четверг вечером моряки, которые вели наши четыре галеры, бросили якорь посреди реки, у моста Дамьетты и поставили возле него шатер, куда сошел король.

§ 369

На восходе солнца монсеньор Жоффруа де Саржин отправился в город и велел сдать его эмирам. На всех городских башнях вывесили знамена султана. Сарацинские рыцари вошли в город, принялись пить вино и тут же опьянели; один из них пришел на нашу галеру, вытащил окровавленный меч и сказал, что им он убил шестерых наших людей.

§ 370

Перед тем, как сдать Дамьетту, на наши корабли перевезли из города королеву со всеми нашими людьми, находившимися там, кроме больных, что остались в Дамьетте. Сарацины, согласно своей клятве, должны были их охранять: они же их всех убили. Орудия короля, которые они обязались сохранить, разломали на куски; не сохранили и солонину, которую сами не едят; а сложили штабель из орудий, солонины и, наконец, из убитых людей и подожгли; и пламя было столь сильным, что полыхало в пятницу, субботу и воскресенье.

§ 371

Нас с королем, коих они должны были освободить на восходе солнца, задержали до заката; мы ничего не ели, как и эмиры, так как они целый день спорили. И один эмир от имени тех, кто был на его стороне, говорил: «Сеньоры, если угодно вам со мной согласиться, мы со своими людьми уьем короля и его знатных людей, ибо нам некого бояться еще лет сорок, поскольку их дети малы, а Дамьетта наша. Мы можем действовать смелее».

§ 372

Другой сарацин, по имени Себреси, уроженец Мавритании, утверждал обратное, и говорил так: «Если после того, как мы убили султана, мы уьем короля, скажут, что египтяне самые дурные и вероломные люди на свете». А тот, кто хотел, чтобы нас убили, возражал: «И впрямь мы обошлись преждеостоко с нашим султаном, лишив его жизни; ибо мы нарушили заповедь Магомета, предписывающую нам оберегать господина как зеницу ока; и вот книга, где это записано. Но послушайте, — продолжал он, — следующую заповедь Магомета».

§ 373

Он перевернул лист книги, что держал, и показал им другую заповедь, гласившую: «Ради торжества веры убей врага закона». Итак, мы

нарушили заповеди Магомета, убив нашего господина; но мы поступим еще хуже, если не уьем короля, какие бы гарантии мы ему ни давали; ибо это наихудший враг языческой веры, какой только есть».

§ 374

Наша смерть была почти решена: тот эмир, наш враг, что убедил всех нас убить, отправился к реке и что-то закричал по-сарацински тем, кто правил галерами; затем снял тюрбан с головы и подал им сигнал матросам. Те тотчас снялись с якоря и отвезли нас на доброе лье назад к Вавилону. Тогда мы поняли, что погибли, и было пролито много слез.

§ 375

Богу, который никогда не забывает своих, было угодно, чтобы к заходу солнца договорились нас освободить. Нас вернули, и наши четыре галеры причалили к берегу. Мы попросили разрешения сойти. Они же нам ответили, что не позволят, пока мы не поедим: «Ибо было бы позором для эмиров, если вы выйдете из заключения натошак».

§ 376

И мы попросили дать нам поесть; они ответили, что за едой отправились в лагерь. Еда, которую нам дали, состояла из пирожков с сыром, высушенных на солнце, чтобы не развелись черви, и крепко пропеченных в течение четырех или пяти дней яиц; и в честь нас их окрасили в разные цвета.

§ 377

Нас отпустили на сушу и мы отправились к королю, которого они доставили из шатра, где его держали, к реке; и с ним прибыло около двадцати тысяч пеших сарацин, опоясанных мечами. На реке близ короля стояла генуэзская галера, на палубе виднелся только один человек. Как только он увидел на берегу реки короля, он свистнул; и по звуку свистка с льяла галеры выскочили восемьдесят арбалетчиков в полном снаряжении, с поднятыми арбалетами, и тут же вложили в него стрелы. Едва сарацины завидели их, как обратились в бегство, подобно овцам; так что подле короля не осталось никого из них, кроме двух или трех человек.

§ 378

На землю перебросили доску, чтобы поднять короля, его брата графа Анжуйского, монсеньора Жоффруа де Саржина, монсеньора Филиппа де Немура²⁷⁹; маршала Франции, которого звали дю Мец²⁸⁰, брата тринитария²⁸¹ и меня. Что до графа де Пуатье, то они держали его в заключении до тех пор, покуда король не выплатил им в качестве выкупа двести

тысяч ливров, что он должен был внести, прежде чем выплыть из реки [в море].

§ 379

В субботу после Вознесения²⁸², каковая суббота пришлась на следующий день после нашего освобождения, к королю пришли, чтобы просить позволения отбыть, граф Фландрский²⁸³, граф Суассонский и многие другие знатные люди, захваченные в плен на галерах. Король сказал им, что как ему кажется, они поступили бы хорошо, если бы подождали, пока не будет освобожден его брат, граф де Пуатье. А они ответили, что не могут этого сделать; ибо галеры были уже готовы к отплытию. Они поднялись на свои галеры и отправились во Францию, и увезли с собой доброго графа Пьера Бретонского, который был так болен, что прожил после того только три недели и умер в море.

§ 380

Выплату начали производить в субботу утром и потратили на расчет всю субботу и воскресенье до самой ночи. Ибо деньги выплачивали по весу, и каждый вес был в десять тысяч ливров. В воскресенье к вечерне люди короля, производившие уплату, передали ему, что им еще недостает почти тридцать тысяч ливров. И с королем остались только король Сицилии, маршал Франции, брат тринитарий и я; а все прочие занимались выплатой денег.

§ 381

Тогда я сказал королю, что было бы хорошо послать за командором и маршалом тамплиеров (ибо магистр ордена погиб) и попросить их одолжить ему тридцать тысяч ливров, дабы освободить своего брата. Король послал за ними и сказал, чтобы я с ними об этом поговорил. Когда я им изложил просьбу, брат Этьен д'Отрикур, командор ордена тамплиеров²⁸⁴, ответил мне так: «Сир де Жуанвиль, вы подали королю дурной и неразумный совет; ибо вы знаете, что мы принимаем вклады, давая клятву выдать только тем, кто их нам вручил»²⁸⁵. И достаточно было сказано злых и крепких слов между нами.

§ 382

И тогда брат Рено де Вишье, маршал ордена, взял слово и сказал так: «Сир, остановите спор сеньора де Жуанвиля и нашего командора; ибо, как говорит наш командор, мы не сможем ничего выдать, не совершив клятвопреступления. И сенешал, советуя вам, буде мы не пожелаем одолжить вам эти деньги, отобрать их силой, не предлагает несть какое чудо, и вы вольны так поступить; но если вы возьмете из нашего добра, мы

возьмем из вашего в Акре столько, чтобы полностью возместить наши убытки».

§ 383

Я сказал королю, что если ему угодно, я пойду; и он мне приказал это сделать. Я отправился на одну из галер тамплиеров, что принадлежала магистру галер; когда я собрался спуститься к люку галеры, где находилась казна, я попросил командора ордена тамплиеров придти посмотреть, что я возьму, но он не соизволил явиться. Маршал же сказал, что пойдет поглядеть на насилие, которое я буду чинить.

§ 384

Спустившись туда, где находилась сокровищница, я попросил бывшего там казначея вручить мне ключи от сундука, что стоял передо мной; а он, видя, сколь я из-за болезни худой и изможденный, и в одежде, которую мне дали в заключении, ответил, что ничего мне не даст. И я заметил топор, лежавший там; и поднял его и сказал, что сделаю из него королевский ключ. Увидав это, маршал схватил меня за руку и сказал: «Сир, мы хорошо видим, что вы творите насилие, и отдадим вам ключи». После чего он приказал казначею отдать их мне, что тот и сделал. И когда маршал сообщил казначею, кто я, тот был этим потрясен.

§ 385

Я обнаружил, что сундук, который я открыл, принадлежал Николя де Шуази, королевскому сержанту. Я высыпал все деньги, что там были, а сам пошел и уселся на носу судна, на котором приплыл. И я привел маршала Франции и оставил его с деньгами, а на галеру посадил брата тринитария. Маршал передавал деньги брату на галеру, а тот передавал мне на судно, где я сидел. Когда мы подплыли к галере короля, я закричал ему: «Сир, сир, посмотрите, как я нагружен». И святой человек с великой охотой и радостью взглянул на меня. Мы отдали привезенное мной тем, кто производил уплату.

§ 386

Когда выплата была закончена, советники короля, которые произвели расчет, пришли к нему и сказали, что сарацины не хотят освобождать его брата до тех пор, покуда деньги не будут у них. Кое-что из совета не рекомендовал королю выдавать им деньги, пока ему не вернут брата. Но король ответил, что он им выплатит, ибо обещал это; и пусть они лучше ему напоминают его обещания, ежели желают сделать добро. Тут монсеньор Филипп де Немур сказал королю, что сарацин обсчитали на весах на десять тысяч ливров.

§ 387

И король сильно разгневался, и сказал, что желает, чтобы им возвратили десять тысяч ливров, раз он им пообещал заплатить до отплытия двести тысяч ливров. Тогда я наступил на ногу монсеньору Филиппу и сказал королю, чтобы он не слушал его, потому что он говорит неправду; ибо сарадины — самые искусные на свете в счете люди. И монсеньор Филипп подтвердил, что я говорю истину, и он пошутил. А король ответил, что это неудачная шутка. «И я приказываю вам, — обратился он к монсеньору Филиппу, — верностью, коей вы мне обязаны как мой вассал, заплатить десять тысяч сполна, если они не доплачены».

§ 388

Многие люди советовали королю вернуться на корабль, который дожидался его на море, дабы вырваться из рук сарацин. Король не пожелал никого слушать, сказав, что не уйдет с реки до тех пор, пока не выплатит им двести тысяч ливров, как было условлено. Как только уплату произвели, он, без чьих-либо просьб, сказал нам, что отныне его клятва выполнена, и мы уходим отсюда на корабль, стоявший на море²⁸⁶.

§ 389

Затем наша галера отчалила, и мы проплыли доброе лье, прежде чем заговорили друг с другом, выражая тревогу из-за пленения графа де Пуатье. Тут на галионе²⁸⁷ подплыл монсеньор Филипп де Монфор и крикнул королю: «Сир, сир, поговорите со своим братом графом де Пуатье, он здесь, на этом судне». И тогда король вскричал: «Огня, огня!» И его зажгли. Тут наступило столь великое ликование, какое только можно представить. Король вернулся на свой корабль, и мы тоже. Один бедный рыбак отправился сообщить графине де Пуатье, что он видел графа на свободе; и она велела дать ему десять парижских ливров.

§ 390

Я хочу вспомнить некоторые события, что произошли в Египте во время нашего там пребывания. Прежде всего я вам поведаю о монсеньоре Гоше де Шатийоне, о котором мне рассказал один рыцарь по имени Жан де Монсон, встретивший монсеньора де Шатийона на деревенской улице, где был взят в плен король; а эта улица проходила прямо посреди деревни, так что по обе стороны были видны поля. На этой улице и стоял монсеньор Гоше де Шатийон с обнаженным мечом в руке.

§ 391

Завидев въезжавших на эту улицу турок, он бросался на них с мечом и отгонял их от деревни; а турки, что стреляют так же хорошо назад,

как и вперед, удирая, осыпали его стрелами. Изгнав их из деревни, он выдергивал все стрелы, застрявшие в нем, вновь одевал свою верхнюю котту, приподнимался на стременах и, вскинув руку с мечом, кричал: «Шатийон, рыцарь! Где мои молодцы?» Когда он оборачивался и видел, что турки зашли с другой стороны, он вновь бросался на них с мечом и гнался за ними; и таким образом он поступал три раза.

§ 392

Когда главнокомандующий галерами отвез меня к тем, кто был захвачен на суше, я стал расспрашивать тех, кто был с Шатийоном; но не было никого, кто бы мне сказал, как его схватили: только монсеньор Жан Фуинон, добрый рыцарь, рассказал мне, что когда его вели в плен в Мансуру, он встретил одного турка, восседавшего на коне монсеньора Гоше де Шатийона; и пахви у лошади были все окровавлены. И он спросил турка, что он сделал с владельцем лошади; и тот ответил, что перерезал ему горло прямо на этой лошади, что видно по пахвям, залитым кровью!

§ 393

В войске был один очень храбрый человек, которого звали монсеньор Жак де Кастель, епископ Суассонский. Когда он увидел, что наши люди возвращаются к Дамьетте, то возымел великое желание отправиться к Господу, не желая возвращаться на родину; он спешил предстать перед Богом и, вонзив шпоры, в одиночку атаковал турок, которые изрубили его мечами и отправили в окружение Господа, к мученикам.

§ 394

Пока король дождался расчета, который производили с турками его люди за освобождение его брата, графа де Пуатье, один сарацин, превосходно одетый и прекрасный обликом, приехал к королю и преподнес ему молоко в горшках и различных оттенков и видов цветы от детей Назака, султана Вавилона²⁸⁸; и он поднес этот подарок, обращаясь [к королю] по-французски.

§ 395

И король у него спросил, где он изучал французский язык; и тот ответил, что был христианином; и король ему сказал: «Подите прочь, ибо я не желаю с вами больше разговаривать». А я отвел его в сторону и спросил о его положении. И он мне рассказал, что родился в Провене, а в Египет приехал с королем Жаном²⁸⁹, и тут женился, и ныне очень знатный сеньор. И я ему сказал: «Разве вы не знаете, что если помрете в таком состоянии, то будете осуждены и попадете в ад?»

§ 396

И он мне ответил: «Да» — ибо, конечно, добрее христианской веры нет — «но я боюсь попреков и бедности, в которой окажусь, перейдя к вам. Все время мне будут говорить: вон отступник! Так что я предпочитаю жить в богатстве и покое, нежели оказаться в том положении, какое я предвижу». А я ему сказал, что в Судный день, когда каждый узрит свой грех, его будут порицать куда больше, нежели он сейчас боится. Я ему сказал много добрых слов, совсем не возымевших действия. С тем он от меня и ушел, и никогда больше я его не видел.

§ 397

Итак, выше вы узнали о великих напастях, которые претерпели мы с королем; этих испытаний не избежала и королева, как вы сейчас услышите. Ибо за три дня до родов она получила известие, что король в плену, каковая весть напугала ее так, что всякий раз, когда она засыпала в постели, ей казалось, что вся комната полна сарацин, и она кричала: «Помогите, помогите!» И опасаясь, как бы не пострадал ребенок, коим она была тяжела, она клала подле своего ложа престарелого рыцаря в возрасте восьмидесяти лет, державшего ее за руку. Каждый раз, когда королева вскрикивала, он говорил: «Мадам, не бойтесь, я здесь».

§ 398

Пред тем, как разрешиться, она велела выйти из своей комнаты всем, кроме этого рыцаря, и опустилась пред ним на колени и попросила об одной милости; и рыцарь ей клятвенно обещал. И она ему сказала: «Заклинаю вас верностью, которой вы мне обязаны, коли сарацины возьмут этот город, отрубите мне голову прежде, чем меня схватят». И рыцарь ответил: «Будьте уверены, я это сделаю охотно; ибо я уже много думал о том, что убью вас, прежде чем они нас возьмут в плен».

§ 399

Королева родила сына, который получил имя Иоанн, и прозвали его Тристаном из-за великой скорби, царившей во время его рождения²⁹⁰; в тот же день, как она разрешилась, ей сообщили, что люди из Пизы, Генуи и другие простые люди собираются бежать²⁹¹. На следующий день после родов она призвала всех к своему ложу, так что заполнилась вся комната, и сказала им: «Сеньоры, из любви к Господу, не покидайте этот город; ибо вы видите, что если он падет, погибнет монсеньор король и все те, кто попал в плен. А если вам не угодно, то проникнитесь жалостью к этому созданию, лежащему здесь, и подождите, пока я не встану на ноги».

§ 400

И они ответили: «Мадам, как нам поступить? Ведь мы погибнем с голоду в этом городе». И она им сказала, что от голода они не помрут: «Ибо я велю закупить все продукты в этом городе, и всех вас отныне возьму на королевское довольствие». Они посоветовались и, вернувшись к ней, пообещали, что охотно останутся; и королева (спаси ее Господь!) приказала скупить в городе все продовольствие, которое обошлось ей более чем в триста шестьдесят тысяч ливров. Королеве пришлось подняться до срока, так как город нужно было сдать сарацинам. Она отправилась в Акру ожидать короля.

§ 401

Дождаясь, пока освободят его брата, король отправил брата-проповедника Рауля к одному эмиру, который носил имя Фаракатай, одному из самых честных сарацин, каких я когда-либо встречал. И передал ему, что очень удивился, как он и прочие эмиры допустили, чтобы их договор был так грубо нарушен; поскольку перебили его больных, коих они обязывались содержать, разбили вдребезги орудия, а тела мертвых и солонину, которую тоже должны были сохранить, сожгли.

§ 402

Фаракатай в ответ брату Раулю сказал: «Брат Рауль, скажите королю, что по законам моей веры я не мог в этом помочь; и это меня гнетет. И передайте ему от меня, пусть не подает вида, куда он в наших руках, что это его огорчило; ибо его убьют». И он посоветовал брату Раулю напомнить об этом королю, как только тот прибудет в Акру.

§ 403

Когда король сел на свой корабль, оказалось, что его люди ничего не приготовили — ни постель, ни одежду; и пока мы не прибыли в Акру, ему приходилось спать на тюфяках, присланных султаном, и носить одежду, которую тот велел для него сшить и доставить, каковая была из черной парчи, подбитой беличьим мехом; и на ней было великое множество пуговиц из чистого золота.

§ 404

В течение шести дней, пока мы находились в море, я, будучи больным, всегда усаживался подле короля. И тогда он мне поведал, как его взяли в плен и как он с Божьей помощью договорился о своем и нашем выкупе. Он велел и мне рассказать, как меня захватили в плен на воде; а затем он мне сказал, что я должен возблагодарить Господа нашего, коль скоро он избавил меня от столь великих опасностей. Он очень скорбел

о смерти своего брата графа д'Артуа и говорил, что тот весьма неохотно воздержался бы от встречи с ним, в отличие от графа де Пуатье, который не приехал повидать его на галеру.

§ 405

Он также жаловался мне на графа Анжуйского, плившего на нашем корабле, что тот совсем не бывает у него. Однажды он спросил, что делает граф Анжуйский; и ему ответили, что он играет за столом в кости²⁹² с монсеньором Готье де Немуром²⁹³. И король отправился туда, шатаясь от слабости, вызванной болезнью; и отобрав кости и стол, он выбросил их в море; и он очень сильно разгневался на своего брата за то, что тот столь рано начал играть в кости²⁹⁴. Но больше всех выиграл от этого монсеньор Готье; ибо он смахнул все деньги, лежавшие на столе (где их было очень много) к себе в полу и унес.

§ 406

Теперь послушайте рассказ о многочисленных напастях и бедах, перенесенных мною в Акре, когда меня спас Господь, коему я себя вверил и вверяю. И велю записать эти события, дабы те, кто их услышат, возымели доверие к Богу в своих злоключениях и горестях; и Господь поможет им, как он помог мне.

§ 407

Итак, поведаем, что когда король прибыл в Акру, навстречу ему к самому морю из Акры торжественной процессией вышли все, чтобы с превеликой радостью принять его. Мне подвели парадного коня. Едва я вскочил на него, как мне стало плохо; я попросил того, кто подвел мне коня, поддержать меня, чтобы я не упал. С великим трудом меня помогли подняться по ступеням в королевскую залу. Я уселся у окна, а рядом со мной сел ребенок (ему было около десяти лет), которого звали Бартеlemi, и был он незаконным сыном монсеньора Ами де Монбельяра, сеньора де Монфокона²⁹⁵.

§ 408

Пока я там сидел, не привлекая ничьего внимания, ко мне подошел слуга в алой котте с двумя желтыми полосками и, приветствовав меня, спросил, не признаю ли я его; и я ему ответил, что нет. И он мне сказал, что он из Узеле, замка моего дяди. Я поинтересовался, при ком он состоит; и слуга мне ответил, что не при ком, и если угодно, он останется со мной; и я ему сказал, что премного этого желаю. Он тут же сходил за белой шапочкой для меня и очень красиво меня причесал.

§ 409

И тут за мной прислал король, чтобы я с ним отобедал; я отправился в платье, которое мне сделали в заключении из лоскутов моего одеяла; одеяло и четыре локтя камлота, что мне дали в тюрьме Господа ради, я отдал мальчику Бартеlemi. Гийемен, мой новый слуга, пришел прислуживать мне за столом и, куда мы ели, отнес пищу и ребенку.

§ 410

Мой новый слуга сказал мне, что нашел дом совсем рядом с банями, чтобы отмыть меня от тюремной грязи и пота. Когда вечером я очутился в бане, мне стало плохо, и я лишился чувств; с великим трудом дотащили меня из бани до постели. На следующий день старый рыцарь, которого звали монсеньор Пьер де Бурбонн, пришел повидать меня, и я удержал его подле себя; и он достал мне в городе все необходимое, дабы одеться и снарядиться.

§ 411

Когда я привел себя в порядок, спустя почти четыре дня после нашего прибытия, я побывал у короля; и он меня выбрал, и сказал, что я поступил нехорошо, так замешкавшись со встречей; и велел мне, если только мне дорога его любовь, всегда с ним трапезничать, и вечером и утром, куда он не решит, что нам делать: то ли отправляться во Францию, то ли оставаться.

§ 412

Я сказал королю, что монсеньор Пьер де Куртене задолжал мне четыреста ливров из моего жалованья, кои не желает отдавать. И король ответил, что прикажет мне выплатить из денег, которые должен сеньюру де Куртене; и так он и поступил. По совету монсеньора Пьера де Бурбонна мы взяли сорок ливров на расходы, а остальное отдали на сохранение командору дворца ордена тамплиеров. Когда я истратил сорок ливров, то послал отца Жана Кейма из Сент-Менеуля, принятого мною за морем на службу, за следующими сорока ливрами, но командор ему ответил, что у него моих денег нет и меня он не знает.

§ 413

Я пошел к брату Рено де Вишье, который при содействии короля стал магистром ордена тамплиеров за услугу, оказанную им королю в заключении (о чем я вам рассказал), и пожаловался ему на командора, который не хотел возвращать доверенные ему деньги. Услышав это, он разволновался и сказал мне: «Сир де Жуанвиль, я вас очень люблю; но имейте в виду, что если вы не пожелаете отказаться от этого требования,

я навсегда лишу вас своей любви; ибо вы собираетесь довести до людей, что наши братья мошенники». А я ответил ему, что если угодно Богу, я не отступлюсь.

§ 414

Я провел четыре дня в душевной тревоге, как и всякий, у кого совсем не осталось денег на расходы. По истечении этих четырех дней ко мне пришел магистр ордена, весь сияющий, и сказал, что забрал мои деньги. Что до способа, коим он их получил, то он просто сменил командора дворца и усрал прежнего в деревушку под названием Саффран; и он отдал мне мои деньги.

§ 415

Тогдашний епископ Акры (который был родом из Провена)²⁹⁶ велел предоставить мне дом священника церкви Сен-Мишель; я оставил при себе Кейма из Сент-Менеуль, очень хорошо мне служившего два года, лучше всех, кто только был подле меня в этой стране; и несколько других людей осталось со мной. И оказалось, что у моей постели находилась маленькая комнатка, через которую можно было пройти в церковь.

§ 416

У меня же началась продолжительная лихорадка, из-за чего я слег в постель, как и вся моя прислуга. И не раз за все эти дни возле меня не оказывалось никого, кто смог бы мне помочь или меня поднять; я ожидал лишь смерти, слыша ее предвестие, своими ушами: ибо не проходило и дня, чтобы в церковь не приносили около двадцати, а то и более покойников; и всякий раз, когда их вносили, я со своей кровати слышал, как поют *Libera me, Domine*. Тогда я плакал и благодарил Бога, говоря ему так: «Господи, будь благословен за то страдание, которое ты мне ниспосылаешь; сколь великим удовольствием для меня было лечь и встать. И я молю тебя, Господи, помоги мне и избавь от этой болезни». И так просил я за себя и своих людей.

§ 417

После этих событий я попросил Гийемена, моего нового оруженосца, предоставить мне отчет в расходах и он исполнил это; я обнаружил, что он нанес мне ущерб более чем в десять турецких ливров. И когда я их с него спросил, он мне ответил, что возвратит их, когда сможет. Я отпустил его и сказал, что отдаю ему то, что он мне задолжал, поскольку он этого вполне заслужил. Я узнал от бургундских рыцарей, освободившихся из плена (куда они попали вместе с ним), что это самый любезный вор,

который когда-либо существовал: ибо когда какому-нибудь рыцарю нужен был нож, пояс, перчатки, шпоры или что-то еще, он шел и воровал это, а потом отдавал им.

§ 418

В тот момент, когда король находился в Акре, его братья принялись играть в кости; и граф де Пуатье играл столь куртуазно, что, выигрывая, повелевал открывать зал и звать дворян и благородных дам, если кто-нибудь из них там был, и раздавал пригоршнями как свои деньги, так и те, что он выиграл; а когда проигрывал, то одалживал деньги у тех, с кем играл — и у своего брата графа Анжуйского, и у других; и одаривал всех — и своих, и чужих.

§ 419

Во время нашего пребывания в Акре, в одно из воскресений²⁹⁷, король послал за своими братьями, графом Фландрским и прочими знатными людьми, и сказал им так: «Сеньоры, мадам королева, моя матушка, велела мне настойчиво и просила, чтобы я вернулся во Францию, ибо мое королевство в великой опасности: ведь у меня нет ни мира, ни перемирия с английским королем! Здешние бароны, с которыми я об этом беседовал, сказали мне, что если я уеду, эта земля будет утрачена, поскольку никто не решится оставаться тут со столь малым количеством людей. Я вас прошу, — продолжал он, — подумать над этим, и так как это дело важное, я вам даю срок в восемь дней, считая с нынешнего, дабы вы мне ответили, какое решение вам покажется добрым».

§ 420

В один из этих восьми дней ко мне пришел легат и сказал, что совершенно не понимает, как король может оставаться; и очень просил меня, чтобы я согласился возвратиться с ним на его корабле. И я ему ответил, что не волен в этом; ибо у меня нет ничего, как он знает, ведь я все потерял, когда меня взяли в плен на реке.

§ 421

И сей ответ я ему дал не потому, что мне очень не хотелось с ним ехать, но из-за слов, сказанных монсеньором де Бурлемоном, моим двоюродным братом (спаси его Господь!), когда я уезжал за море: «Вы отправляетесь за море, — сказал он, так будьте осторожны при возвращении, потому что ни один рыцарь, ни простой, ни знатный, не возвратится без позора, ежели оставит в руках сарацин меньшей люд Господа нашего, с коим он поехал». Легат рассердился на меня и сказал, что мне не следовало бы отказываться.

§ 422

После воскресенья мы возвратились к королю²⁹⁸; и тогда спросил король своих братьев, других баронов и графа Фландрского, какой совет они ему подадут, уезжать или оставаться. Все они ответили, что попросили монсьора Ги Мовуазена высказать совет, который они хотят ему дать. Король велел говорить ему о том, что ему поручили; и он сказал так:

§ 423

«Сир, присутствующие здесь ваши братья и знатные люди, рассмотрели ваше положение и решили, что вы не можете оставаться в этой стране с честью для вас и вашего королевства; ведь из всех рыцарей, прибывших с вами (из которых до Кипра с вами добралось две тысячи восемьсот), в этом городе не осталось и сотни. Так что мы вам советуем, сир, отправиться во Францию и раздобыть людей и денег, с чем вы сможете быстро сюда вернуться и отомстить за себя врагам Господа, кои держали вас у себя в плену».

§ 424

Король был не склонен принять то, что сказал монсьор Ги Мовуазен; но он спросил графа Анжуйского, графа де Пуатье, графа Фландрского и многих других знатных людей, сидевших там; и все согласились с монсьором Ги Мовуазеном. Легат спросил находившегося там графа Жана Яффаского, что он думает об этом. Граф Яффаский попросил избавить его от этого вопроса: «Потому что, — сказал он, — мой замок стоит на границе²⁹⁹; и если я посоветую королю остаться, подумают, что это ради собственной пользы».

§ 425

Тогда король весьма настойчиво попросил его высказать свое мнение по этому поводу. И граф ему ответил, что если король останется и сумеет выстоять в течение года, то снискает себе великую честь. Затем легат спросил тех, кто сидел за графом Яффаским; и все согласились с монсьором Ги Мовуазеном.

§ 426

Я сидел четырнадцатым напротив легата; он спросил меня, что я думаю об этом; и я ответил ему, что согласен с графом Яффаским. И легат очень раздраженно спросил меня, каким образом королю удастся продержаться со столь малым числом людей, что у него были. И я ему ответил так же раздраженно, ибо мне показалось, что он говорил так, дабы меня уколоть: «Сир, я вам скажу, если угодно».

§ 427

«Говорят, сир (не знаю, правда ли это), что король еще ничего не израсходовал из своих средств, а только деньги церкви³⁰⁰. Пускай же король начнет тратить свои деньги, и пусть пошлет за рыцарями в Морею³⁰¹ и в заморские страны; и когда пойдет слух, что король платит хорошо и щедро, к нему придут рыцари со всех сторон, благодаря чему, если будет угодно Господу, он сможет вести войну в течение года. И оставшись, он сумеет освободить бедных узников, взятых в плен на службе у Господа и его собственной, которые никогда не выйдут оттуда, если король уедет». Там не было ни одного человека, у которого не осталось в плену близких друзей; так что ни один не возразил мне, и все они заплакали.

§ 428

После меня легат спросил у монсеньора Гийома де Бомона, бывшего тогда маршалом Франции, его мнение; и тот ответил, что я очень хорошо сказал. «И я вам докажу, почему» — добавил он. Монсеньор Жан де Бомон, добрый рыцарь, который приходился ему дядей и горел желанием вернуться во Францию, весьма гневно накричал на него: «Вонючая мразь, что ты говоришь? Сядь на место и замолчи!»

§ 429

Король заметил ему: «Мессир³⁰² Жан, вы поступаете дурно; позвольте ему высказаться!» «Конечно, сир, я больше не буду». Ему пришлось умолкнуть; и никто больше не поддержал меня, кроме сира де Шатене. Тогда король нам сказал: «Сеньоры, я всех вас внимательно выслушал, и через восемь дней, начиная с нынешнего, отвечу, как мне угодно будет поступить».

§ 430

Когда мы оттуда вышли, на меня набросились со всех сторон: «Да король будет просто безумен, сир де Жуанвиль, если послушает вас наперекор всему совету королевства Французского». Когда поставили столы, король за трапезой велел мне сесть рядом с ним, куда всегда меня усаживал, когда там не было его братьев. В продолжение обеда он совсем не разговаривал со мной, а было не в его обычае, обедая, не заботиться обо мне. И я, по правде, подумал, что он рассердился на меня за то, что я сказал, будто он еще ничего не израсходовал из своих денег и что он должен их щедро тратить.

§ 431

Пока король слушал молитву, я отошел к решетчатому окну, что находилось в нише у изголовья королевской постели; и, просунув руки через

оконные прутья, думал, что если король отправится во Францию, я уеду к князю Антиохийскому³⁰³ (который считал меня родственником и уже посылал за мной), покуда в эту страну не придет новое войско, которое освободит пленников, как и советовал мне сир де Бурлемон.

§ 432

В этот момент кто-то облокотился мне на плечи и охватил обеими руками мою голову. Я подумал, что это монсеньор Филипп де Немур, который в этот день высказал мне достаточно много упреков из-за совета, данного мною королю, и сказал: «Оставьте меня в покое, монсеньор Филипп». Я случайно дернул головой и по моему лицу скользнула рука короля, и я признал, что это король, по изумруду, который он носил на пальце. И он мне сказал: «Помолчите; ибо я хочу спросить, откуда у вас, молодого человека³⁰⁴, столько дерзости, чтобы наперекор всем знатым и мудрым людям Франции, советующим мне уехать, осмелиться предложить мне остаться?»

§ 433

«Сир, — ответил я, — если бы я держал на сердце зло, я ни за что не посоветовал бы вам так поступить». «Скажите мне, — произнес король, — я поступлю дурно, если уеду?» «Бог свидетель, сир, да», — ответил я. И он спросил меня: «А если останусь я, вы останетесь?» И я ему ответил, что да, если смогу, на свои или чужие средства. «Так радуйтесь, — сказал мне он, — ибо я вам очень признателен за ваш совет; но всю эту неделю никому об этом не говорите».

§ 434

После этих слов я приободрился и смелее отбивался от тех, кто на меня нападал. Уроженцев этой страны называют жеребчиками³⁰⁵; и монсеньор Пьер д'Аваллон, что жил в Сюре³⁰⁶, слышал, как меня называли жеребчиком, потому что я посоветовал королю остаться с жеребчиками. А еще монсеньор Пьер д'Аваллон просил меня защищаться от тех, кто так называл меня, и отвечать им, что лучше быть жеребчиком, нежели как они выдохшейся вьючной лошастью.

§ 435

На следующее воскресенье³⁰⁷ мы все предстали перед королем, и он, увидев, что мы все пришли, перекрестил свои уста (воззвав, как я думаю, к помощи Святого Духа, ибо мадам моя матушка говорила мне, что всякий раз, когда я захочу что-то сказать, я бы призвал на помощь Дух Святой и перекрестил уста), и сказал нам следующее.

§ 436

Речь короля была такова: «Сеньоры, — сказал он, — я много благодарен всем тем, кто посоветовал мне уехать во Францию, равно как и тем, кто дал совет остаться. Но признаюсь, я не вижу губительной опасности для моего королевства, если останусь; ибо у мадам королевы³⁰⁸ много людей для его защиты. А также я обдумал слова местных баронов, сказавших, что если я уеду, Иерусалимское королевство погибнет; ведь после моего отъезда никто не рискнет там оставаться.

§ 437

И вот я решил, что ни за что не допущу гибели Иерусалимского королевства, которое я прибыл сохранить и поддержать; так что мое решение таково, что в настоящий момент я остаюсь. Еще я обращаюсь к вам, знатные люди, здесь присутствующие, и ко всем прочим рыцарям, желающим остаться со мной, чтобы вы смело пришли поговорить со мной; и я дам вам столько, что меня не будут винить, если вы не захотите остаться, но вина ляжет на вас». Много было тех, кто, услышав эту речь, был ошеломлен; и многие плакали.

§ 438

Говорили, что король приказал своим братьям возвратиться во Францию. Не знаю, было ли это по их просьбе или по королевской воле. Слова короля о том, что он остается, были сказаны перед праздником святого Иоанна. А в день святого Иакова³⁰⁹, к которому я некогда совершил паломничество³¹⁰ и который сделал мне много добра, король вернулся к себе после мессы и призвал свой совет, из тех, кто остался с ним, а именно: монсеньора Пьера, камергера³¹¹, вернейшего и честнейшего человека из всех, кого я когда-либо видел в королевском дворце, монсеньора Жоффруа де Саржина, доброго рыцаря и достойного человека; монсеньора Жилия Ле Брена, доброго рыцаря и мудрого человека, которому король пожаловал должность коннетабля Франции после смерти достойного мужа монсеньора Эмбера де Боже³¹².

§ 439

Король заговорил с ними громко, как человек гневающийся: «Сеньоры, уже миновал месяц, как стало известно, что я остаюсь, а я еще не слышал вестей, что вы мне наняли каких-либо рыцарей». «Сир, — ответили они, — мы никак не могли этого сделать; ибо каждый требует так много, желая вернуться в свою страну, что мы не решаемся дать им столько, сколько они запрашивают». «А кого, — спросил король, — вы отыщете дешевле?» «А вот, сир, — сказали они, — сенешала Шампани; но мы не осмелились бы дать ему столько, сколько он требует».

§ 440

В тот момент я находился в королевских покоях и услышал эти слова. Тогда король сказал: «Позовите ко мне сенешала». Я подошел и опустился перед ним на колени; и он усадил меня и сказал мне так: «Сенешал, вы знаете, что я вас всегда очень любил; а мои люди говорят, что находят вас дерзким; как это понимать?» «Сир, я тут ничего не могу поделать; ведь вам известно, что я был взят в плен на реке, и у меня не осталось ничего, я всего лишился». И он спросил меня, сколько я просил. И я ему ответил, что просил две тысячи ливров до Пасхи, в два приема за год.

§ 441

«Так скажите же мне, — продолжал он, — вы наняли кого-нибудь из рыцарей?» И я ответил: «Да, монсьёра Пьера де Понмолена, и еще двоих, каждый из них просил четыреста ливров до Пасхи». И он посчитал на пальцах. «Значит, ваши новые рыцари, — сказал он, — вам обойдутся в тысяча двести ливров». «Посмотрите же, сир, — добавил я, — нужно ли мне восемьсот ливров, дабы обзавестись конем, вооружением и дабы кормить своих рыцарей; ведь не хотите же вы, чтобы мы питались у вас». Тогда он сказал своим людям: «В самом деле, я вовсе не вижу здесь излишка; и я вас оставляю» — обратился он ко мне.

§ 442

После этих событий братья короля и прочие знатные люди в Акре подготовили свои корабли. Перед отплытием из Акры³¹³ граф де Пуатье позаимствовал у тех, кто возвращался во Францию, драгоценности и одарил нас, остававшихся, хорошо и щедро. Оба брата меня просили, чтобы я оберегал короля; и говорили мне, что с ним не остается никого, на кого бы они так рассчитывали. Когда граф Анжуйский увидел, что ему пора садиться на свой корабль, он выказал такую скорбь, что все этим были поражены; и однако же он отплыл во Францию³¹⁴.

§ 443

В скором времени после того, как королевские братья отбыли из Акры, к королю приехали послы императора Фридриха и привезли ему верительные грамоты, и сказали королю, что император послал их, дабы нас освободить. Они показали ему послание, которое император отправил умершему султану (о чем император не знал); и император просил султана, чтоб он проявил доверие к посланным освободить короля. Многие люди говорили, что для нас было бы опасно, если бы послы нашли нас в плену; ибо полагали, что император отправил посланников скорее чтобы задержать нас, нежели освободить. Послы же нас застали на свободе; тогда они уехали³¹⁵.

§ 444

Пока король пребывал в Акре, султан Дамаска направил к нему послов и очень жаловался на эмиров Египта, что убили султана, его двоюродного брата³¹⁶; и пообещал королю, что ежели тот пожелает ему помочь, он освободит ему королевство Иерусалимское, что находилось в его руках³¹⁷. Король решил, что даст ответ султану Дамаска через своих собственных послов, которых он к нему и отправил. С послами, что отбыли туда, поехал брат Ив Бретонский, из ордена братьев-проповедников, который знал сарацинский язык.

§ 445

По пути из своего жилища во дворец султана брат Ив увидел старуху, которая переходила улицу и несла в правой руке миску, где горел огонь, а в левой — склянку с водой. Брат Ив спросил ее: «Что ты хочешь с этим делать?» Она ответила ему, что хочет огнем сжечь рай, а водой погасить ад, чтобы их никогда не было. И он спросил ее: «Зачем ты хочешь это сделать?» «Потому что я не желаю, чтобы кто бы то ни было творил когда-либо добро ради награды в раю или страха перед адом; но лишь дабы снискать любовь Господа, которая столь велика, что может нам дать все блага!»³¹⁸

§ 446

Тогда в Дамаск отправился и начальник королевского арсенала³¹⁹ Жан л'Эрмин, чтобы купить рога и клея для изготовления арбалетов; и он повстречал очень старого человека, сидящего на дамасском базаре. Этот человек подозвал его и спросил, христианин ли он; и тот ему ответил, что да. И старик сказал ему: «Вы, христиане, должно быть сильно ненавидите друг друга; когда-то я видел, как король Бодуэн Иерусалимский, который был прокаженным, одолел Саладина; а у него ведь было только три сотни воинов, у Саладина же три тысячи³²⁰; сейчас же ваши грехи довели вас до того, что мы ловим вас в полях, как животных».

§ 447

И Жан л'Эрмин ответил, что ему лучше помолчать о грехах христиан, ибо сарадины одолеваемы гораздо более великими грехами! А сарацин сказал, что его слова безрассудны. И Жан спросил, почему. И тот ответил, что скажет ему это, но прежде задаст вопрос. И сарацин спросил его, есть ли у него ребенок. И Жан ему ответил: «Да, сын». И сарацин спросил его, что его огорчит больше, если получит пощечину от него или от своего сына. И Жан ему ответил, что был бы больше разгневан на своего сына, если бы он его ударил, нежели на сарацина.

§ 448

«Так вот, я тебе отвечу, — сказал сарацин: вы все, христиане, сыновья Господа, и по имени Христа зоветесь христианами; и он оказал вам милость, послав учителей, чтобы вы знали, когда творите добро, а когда зло. Посему Бог больше недоволен вашим малым грехом, чем нашим большим; ведь мы ничего не ведаем, и слепы настолько, что считаем себя свободными от всех грехов, если успеем омыться в воде до того, как помереть, ибо Магомет говорит нам, что при смерти мы обретаем спасение водой».

§ 449

Когда я возвращался из-за моря и ехал в Париж, со мной был Жан л'Эрмин. Пока мы обедали в палатке, толпа бедных людей выпрашивала у нас милостыню Христа ради и очень шумела. Один из наших людей, бывших там, распорядился и сказал слуге: «Встань и прогони вон этих нищих».

§ 450

«Ах! — сказал Жан л'Эрмин, — вы очень дурно поступаете, ибо если бы сейчас король Франции прислал нам через своих посыльных каждому по сто марок³²¹ серебра, мы бы их не прогнали прочь; а вы изгнали этих посланцев, кои вам предлагают даровать все, чем только можно награждать: ведь они просят вас подать Господа ради, то есть подать им из вашего добра, а они вам даруют Бога. И Господь своими устами сказал, что они властны оделить нас за него; и святые говорят, что бедные могут примирить нас с ним, ибо подобно тому, как вода гасит огонь, милостыня снимает грех. Так никогда не прогоняйте нищих, — сказал Жан, — но подайте им, и Господь воздаст вам».

§ 451

В то время, как король был в Акре, к нему прибыли послы Старца горы. Возвратившись с мессы, он пригласил их к себе. Король усадил их таким образом, что рядом с ним оказался хорошо и красиво одетый эмир; за эмиром сидел слуга в добром снаряжении, державший в руке три кинжала, из которых один входил в рукоять другого; это затем, что если бы эмиру было отказано [в его просьбе], он дал бы королю эти три кинжала, бросая вызов. Позади того, кто держал три кинжала, сидел другой, у кого на руку была намотана тонкая ткань, которую он также подал бы королю в качестве савана, ежели он откажет в просьбе Старцу горы³²².

§ 452

Король попросил эмира высказать свои желания; и эмир ему подал верительные грамоты и сказал так: «Мой господин посылает меня

спросить, знаете ли вы его». И король ответил, что совсем не знаком с ним, ибо никогда его не видал; но много слышал о нем. «А раз вы слышали о моем господине, — сказал эмир, — то я очень удивлен, что вы не прислали ему дары, какие посылают другу, и как это делают каждый год германский император, король Венгрии, султан Вавилона и другие; ибо они знают, что смогут прожить ровно столько, сколько будет угодно моему господину.

§ 453

А если вам не угодно это делать, велите уплатить дань госпитальерам или тамплиерам, которую Старец им должен, и он сочтет себя удовлетворенным». Он платил дань тамплиерам и госпитальерам, так как они несколько не боялись ассасинов, ибо Старец горы ничего не достиг бы тем, что приказал бы убить магистра тамплиеров или госпитальеров; так как хорошо знал, что если велит убить одного из них, его место тотчас же займет другой, столь же сильный. А посему он не хотел терять ассасинов там, где ничего не выиграет. Король ответил эмиру, что вернется после обеда.

§ 454

Когда эмир возвратился, он увидел короля, сидевшего так, что с одной стороны от него был магистр ордена госпитальеров, а с другой — тамплиеров. Тогда король велел ему повторить то, что он сказал утром; и эмир отвечал, что не намерен это повторять, разве что перед теми, кто был утром с королем. Тут оба магистра ему сказали: «Мы вам приказываем говорить». И он им ответил, что повторит, раз они ему приказывают. Тогда оба магистра велели ему сказать по-сарацински, чтобы он пришел на следующий день поговорить с ними к госпитальерам, и он так и поступил.

§ 455

Здесь оба магистра велели ему сказать, что его господин слишком дерзок, коль осмелился передать королю такие грубые слова; и они велели ему сообщить, что если бы не честь короля, к которому они направлены послами, они бы приказали их утопить в зловонном море Акры, несмотря на их господина. «И мы вам приказываем отправиться обратно к своему сеньору и через две недели возвратиться назад и доставить королю от вашего господина такие послания и драгоценности, какие король счел бы удовлетворительными и остался бы вами доволен».

§ 456

Через две недели послы Старца возвратились в Акру и привезли королю сорочку Старца и передали от него королю, что это знак того, что Старец, подобно сорочке, которая ближе любой другой одежды к телу,

желает держать короля ближе всех прочих государей к себе в своей любви. И Старец прислал ему свой золотой перстень, очень тонкой работы, на котором было начертано его имя; и передал королю, что своим перстнем сочетается с ним, ибо желает, чтобы отныне и впредь они составляли единое целое.

§ 457

Среди различных ценностей, присланных Старцем королю, были искусно сделанный хрустальный слон, одно животное, называемое жирафом, тоже из хрусталя, хрустальные яблоки разных сортов, настольные игры и шахматы; и все эти вещи были усыпаны цветами амбры, вделанной в хрусталь посредством красивых виньеток чистого золота тонкой работы. И знайте, что едва послы открыли ларцы, где лежали эти вещи, как вся комната наполнилась благоуханием, так сильно они пахли.

§ 458

Король отправил к Старцу своих послов и передал ему множество драгоценностей, ткани экарлата, золотые кубки и серебряную сбрую; и с послами он направил брата Ива Бретонского, знавшего сарацинский язык. И брат Ив узнал, что Старец не верует в Магомета, а верит в закон Али, приходившегося Магомету дядей³²³.

§ 459

Этот Али возвысил Магомета до себя; и когда Магомет стал господином народа, он презрел своего дядю и отдалился от него. Увидав это, Али привлек сколько смог народа на свою сторону и наставил его в веру, отличной от той, которую проповедовал Магомет: отчего поныне ведется, что все верующие в закон Али говорят, что верующие в закон Магомета — нечестивцы; и так же все верующие в закон Магомета, считают верующих в закон Али неверными.

§ 460

Один из догматов веры Али гласит, что если человек, выполняя приказ своего сеньора, погибает, его душа переходит в тело, более счастливое, нежели то, в котором она была раньше; и поэтому ассасины легко принимают смерть по приказанию их господина, ибо верят, что будут счастливее, чем прежде, когда умрут.

§ 461

Другой догмат заключается в том, что они верят, будто никто не может помереть раньше того дня, который ему определен; но никто не может быть уверен, когда умрет, ибо Господь властен продлить или укоротить

наши жизни. И в этот догмат верят и бедуины; и оттого, отправляясь на войну, не желают надевать доспехи, так как считают, что этим нарушили бы предписание их закона. И когда они проклинают своих детей, то говорят им: «Будь проклят как франк, надевающий доспехи из страха смерти».

§ 462

У изголовья постели Старца отец Ив нашел книгу, где были записаны слова, кои Господь наш изрек святому Петру, когда был на земле. И брат Ив сказал ему: «Ах! Бога ради, сир, читайте почаще эту книгу, потому что это предобрые слова». И тот ответил, что так и делает: «Ибо я очень люблю монсеньора святого Петра; ведь в начале мира душа Авеля, когда он был убит, вошла в тело Ноя; а когда помер Ной, она вселилась в тело Авраама, а после его смерти перешла в тело святого Петра, когда на землю пришел Бог».

§ 463

Когда брат Ив услышал это, он стал убеждать, что его вера не истинная и долго наставлял его добрыми словами, но тот не захотел ему внять. И возвратившись к нам, брат Ив рассказал об этом королю.

Когда Старец отправлялся верхом, перед ним скакал глашатай, неся в руках датскую секиру на длинном древке, целиком покрытом серебром и утыканном кинжалами, и кричал: «Дорогу тому, кто в своих руках держит смерть королей».

§ 464

Я позабыл сообщить вам ответ, данный королем султану Дамаска, и был он таков: король не собирается идти к нему на помощь до тех пор, пока не узнает, восстаноят ли эмиры Египта нарушенное ими перемирие; и для этого он к ним отправит послов; а если они не пожелают возобновить перемирие, ими прерванное, он охотно поможет отомстить за его двоюродного брата, султана Вавилона, убитого эмирами³²⁴.

§ 465

Во время пребывания в Акре король послал в Египет монсеньора Жана де Валансьена, который потребовал от эмиров возместить ущерб и извиниться за оскорбления, нанесенные ими королю. И те ему ответили, что сделают это весьма охотно, лишь бы король пожелал присоединиться к ним против султана Дамаска. Монсеньор Жан де Валансьен их сильно укорял за великие убытки, причиненные ими королю, о которых я рассказывал выше; и он им посоветовал, что лучше всего смягчить сердце короля по отношению к ним, если вернуть ему всех рыцарей, коих они держали

в плену. И они так и поступили; более того, они ему отослали останки графа де Бриенна, дабы предать их погребению в освященной земле³²⁵.

§ 466

Когда монсеньор Жан де Валансьен возвратился в Акру с двумя сотнями рыцарей, освобожденных из плена, не считая другого народ, мадам де Сайетт³²⁶, приходившаяся кузиной графу Готье и сестрой монсеньору Готье, сеньору де Рейнелю (дочь которого Жан, сир де Жуанвиль взял по возвращении из-за моря в супруги³²⁷), приняла останки графа Готье и велела захоронить их у госпитальеров в Акре. И она заказала службу так, что каждый рыцарь пожертвовал свечу и один день серебром, а король, — свечу и золотой безант³²⁸, и все это за счет мадам де Сайетт. Много подивились тому, что король сделал это, ибо всегда видели, что он совершал жертвоприношения из своих денег³²⁹; но он так поступил из вежливости.

§ 467

Среди рыцарей, привезенных монсеньором Жаном де Валансьеном, я встретил почти сорок человек, принадлежавших к шампанскому двору. Я приказал шить им котты и верхнюю одежду³³⁰ из зеленого сукна и повел их к королю, прося его соблаговолить оставить их у себя. И король выслушал, о чем они просили, но ничего не ответил.

§ 468

И один рыцарь из его совета сказал, что я поступаю нехорошо, обращаясь к королю с подобными просьбами, которые обойдутся в лишних семь тысяч ливров. И я ответил ему, что так он может говорить по недомыслию; ведь из нас, шампанцев, потеряно тридцать пять рыцарей шампанского двора, и все они носили знамя; и я сказал: «Король поступит неправильно, ежели послушает вас при той нужде, что он испытывает в рыцарях». После этих слов я горько заплакал; и король попросил меня успокоиться, обещая дать им все, о чем я его просил. Он оставил их всех при себе, как я просил, и определил в мой отряд.

§ 469

Послам из Египта король ответил, что не заключит с ними никакого договора, если ему не пришлют головы всех христиан, развешенные на стенах Каира с той поры, как были схвачены граф де Бар и граф де Монфор, и не отправят еще ему всех детей, что попали к ним в плен совсем маленькими и отреклись; и если они не оставят ему двести тысяч ливров, которые он им доселе был должен. С послами египетских эмиров король направил монсеньора Жана де Валансьена, человека храброго и мудрого.

§ 470

С началом поста³³¹ король со всем своим войском собрался идти укреплять разрушенную сарацинами Цезарею, которая находилась в двенадцати лье от Акры по направлению к Иерусалиму. Монсеньор Рауль де Суассон³³², оставшийся в Акре из-за болезни, также пошел с королем. Не знаю, как это произошло, если только не по Божьей воле, но сарацины за весь год ни разу не нанесли нам никакого ущерба. Пока король отстраивал Цезарею, к нам приехали послы татар и вести, кои они нам принесли, мы расскажем и вам.

§ 471

Как я вам уже говорил, во время пребывания короля на Кипре к нему прибыли послы татар и дали понять, что помогут ему отвоевать королевство Иерусалимское у сарацин. Король отправил с ними своих послов и передал им часовню, которую велел изготовить в виде шатра из экарлата, и чтобы склонить их к нашей вере, велел изобразить в этой часовне все, что составляет наш символ веры: Благовещение, Рождество, Крещение, Господа нашего и все его страсти, Вознесение и сошествие Святого Духа; он послал также чаши, книги и все, что требуется для службы, и двух братьев-проповедников, дабы служить мессы.

§ 472

Послы короля прибыли в антиохийский порт; и от Антиохии до их великого короля был год пути при ежедневном переходе в десять лье. Они нашли, что вся земля покорена татарами, и увидели много городов, разрушенных ими, и огромные горы костей погибших людей.

§ 473

Они осведомились, как татары достигли такого могущества, что перебили и уничтожили столько людей, и позднее сообщили королю то, что узнали. Татары — выходцы из обширных песчаных равнин, где ничего не произрастало. Эти равнины начинались у подножия удивительно высоких скалистых гор, что находятся на краю земли, на Востоке, и эти горы, как утверждают татары, ни разу не преодолел ни один человек; и говорили они, что там обитает народ Гог и Магог, который должен выйти в конце света, когда явится Антихрист, дабы все разрушить.

§ 474

На этих равнинах и проживал народ татар, а подчинялись они пре- свитеру Иоанну, императору Персии, земля которого лежала близ их земель, и многим другим языческим королям, коим они каждый год платили дань и несли службу за пастбища для своего скота; ибо иным они не

живут. Пресвитер Иоанн, персидский император и прочие короли относились к татарам с таким презрением, что когда те приносили им дань, то не желали и смотреть на них и поворачивались к ним спиной³³³.

§ 475

Был среди татар один мудрый человек, который изъездил все равнины и поговорил с мудрецами из всех мест, и, указав им на рабскую зависимость, в которой они находились, предложил собрать совет и решить, как избавиться от рабства, в коем их держали.

И собрал он всех их на краю равнины, возле земель пресвитера Иоанна и все изложил им; и они ему ответили, чтобы готовы выполнить то, что он предложит. Тогда он сказал, что они слабы потому, что не имеют над собой ни короля, ни сеньора. И он научил их, как обрести короля, и они его послушали.

§ 476

И он предложил, чтобы из пятидесяти двух родов, которые там собрались, принесли ему помеченную именем рода стрелу; и по соглашению со всем народом было решено разложить эти пятьдесят две стрелы перед пятилетним ребенком; и из того рода, стрелу которого ребенок возьмет первой, и выберут короля.

Когда ребенок поднял одну из стрел, мудрец велел отступить назад всем прочим родам; и порешили таким образом, что род, из коего должно избрать короля, отберет у себя пятьдесят двух самых мудрых и лучших человека, какие только у них есть.

Когда они выбрали их, каждый принес туда стрелу, помеченную своим именем.

§ 477

Затем было решено, что чью стрелу ребенок подымет, тот и станет королем. И ребенок поднял стрелу этого мудреца, который их наставил; и народ был этим так доволен, что возликовал. Но он велел им замолчать и сказал: «Сеньоры, если вы хотите, чтобы я стал вашим королем, поклянитесь мне Тем, кто сотворил небо и землю, что будете соблюдать мои заповеди». И они поклялись в этом.

§ 478

Его установления должны были держать народ в мире так, чтобы никто не отнимал чужого добра и не бил других людей, если не хочет лишиться руки; и чтобы никто не вступал в связь в чужой женой или дочерью, если не хочет лишиться руки или жизни. Много прочих добрых заповедей он им дал, дабы жили в мире.

§ 479

Установив порядок и обустроив их, он им сказал: «Сеньоры, наш самый сильный враг — пресвитер Иоанн. И я приказываю всем вам приготовиться завтра на него напасть; и если случится так, что он нас победит (от чего сохрани Господь!), пусть каждый поступает наилучшим для себя образом. А если победим мы, приказываю, чтобы преследование длилось три дня и три ночи и чтобы никто не дерзнул протянуть руку к какой-нибудь добыче, но все только убивали бы людей; ибо после того, как мы одержим победу, я поделю добычу между вами столько хорошо и справедливо, что будет удовлетворен каждый». С этим все они согласились.

§ 480

На следующий день они напали на своих врагов и, как угодно было Господу, одолели их. Всех, кто был в доспехах, они перебили; а тех, кого нашли в церковном облачении, священников и монахов, оставили в живых. Все остальные народы земли пресвитера Иоанна, не участвовавшие в этом сражении, подчинились им.

§ 481

Князь одного из этих народов исчез на три месяца, и о нем ничего не было известно. Когда он возвратился, то не испытывал ни голода, ни жажды, и думал, что отлучился всего-навсего на один вечер. И поведал он вот что: он поднялся на превысокую гору и наверху встретил множество красивейших людей, каких никогда не видел, в прекрасных одеждах и украшениях; и на вершине увидел он короля, красивее других, богаче всех наряженного и украшенного, восседавшего на золотом троне³³⁴.

§ 482

Справа от него сидели шестеро увенчанных короной королей, украшенных множеством драгоценных камней, и столько же слева. Подле него, по правую руку, стояла коленопреклоненная королева, которая просила и молила его помыслить о своем народе. По левую стоял на коленях очень красивый молодой человек с двумя крыльями, сиявшими подобно солнцу; и вокруг короля было великое множество прекрасных крылатых людей.

§ 483

Король подозвал этого князя и сказал ему: «Это ты прибыл из войска татар?» И тот ответил: «Да, сир, это я». «Отправишься отсюда к своему королю и скажешь ему, что ты узрел меня, того, кто является Владыкой неба и земли; и скажешь ему, чтобы он возблагодарил меня за победу, которую я ниспослал ему над пресвитером Иоанном и его народом. И еще

передашь от меня, что я дарю ему могущество, дабы подчинить всю землю». «Сир, — ответил князь, — как он поверит мне?»

§ 484

«Скажешь ему, дабы он поверил тебе, что знак моей воли таков: ты пойдешь сражаться с императором Персии всего с тремя сотнями людей из твоего народа; и чтобы ваш великий король уверовал, что в моей власти сделать все, я дарю тебе силу победить персидского императора, который будет сражаться против тебя более чем с тремястами тысячами воинов. Прежде чем отправиться на битву, ты попросишь вашего короля дать тебе священников и монахов, захваченных им в битве; и в то, что они тебе скажут, ты и весь твой народ крепко уверуйте».

§ 485

«Сир, — ответил князь, — я не смогу отсюда выбраться, если ты не прикажешь меня проводить». И король повернулся к великому множеству рыцарей, вооруженных так хорошо, что и взгляд не отвести, и подзвав одного, сказал: «Георгий, поди сюда». Тот подошел и преклонил колени. И король сказал ему: «Встань и доставь этого человека в его шатер целыми и невредимым». И рыцарь исполнил это без промедления.

§ 486

Едва завидев князя, его люди и все войско выказали столь великую радость, что и не передать.

Он попросил священников у великого короля, и тот их ему дал; и сей князь со всем своим народом столь благочестиво приняли их наставления, что все крестились. После этого он отделил триста воинов и велел их исповедать и подготовить к бою и отправился сражаться с императором Персии, и победил его, и изгнал из королевства; тот, бежав, добрался до Иерусалимского королевства; и это был тот самый император, который разбил наших людей и взял в плен графа Готье де Бриенна, как вы услышите позднее³³⁵.

§ 487

Народ этого христианского князя был столь многочислен, что в их лагере насчитывалось, как рассказали нам послы короля, восемьсот часовен на повозках. Их образ жизни был таков, что они совсем не ели хлеба, а питались мясом и молоком.

Наилучшее мясо у них конина; они вымачивают ее в рассоле, а затем высушивают так, что ее можно резать, как черный хлеб. Лучшим и самым крепким напитком у них является молоко кобылиц, приготовленное с травами. Великому королю татар подарили коня, нагруженного мукой,

которого привели из края, что в трех месяцах пути; и он отдал муку послам нашего короля.

§ 488

У них много христиан, кои держатся греческой веры³³⁶, это те, о которых мы рассказали, и другие. Их они посылают на сарацин, когда собираются воевать с ними; а сарацин отправляют на христиан, если воюют с христианами. С ними на битву идут все женщины, не имеющие детей; им они платят так же, как и мужчинам, в соответствии с их силой. И послы короля рассказали, что наемники, мужчины и женщины, вместе едят в жилищах знатных людей, которым они служат; и мужчины, согласно закону, установленному для них их первым королем, не осмеливаются никоим образом коснуться женщин.

§ 489

Всех животных, которые подымают в их войске, они съедают. Женщины, имеющие детей, ухаживают за животными, стерегут их и готовят мясом, кто идет в бой.

Воины кладут сырое мясо у себя меж седлом и чепраком, и когда кровь из него вытечет, едят его совсем сырым. Все, что они не могут достать, бросают в кожаный мешок, а когда чувствуют голод, то открывают его и всегда съедают сперва самое старое мясо. Я видел такой мешок у одного из людей персидского императора, который сторожил нас в плену; и когда он открывал его, мы зажимали себе носы, от чего не могли удержаться из-за зловония, исходившего из мешка.

§ 490

Однако вернемся к нашему повествованию и скажем также, что когда великий король татар принял послов и дары, он послал, обещав безопасность, за несколькими королями, которые еще не явились сдать на его милость; и велел натянуть для них шатер и обратился к ним так: «Сеньоры, король Франции прибег к нашему милосердию и подчинился, и вот дань, которую она нам прислал; и ежели вы не сдадитесь на нашу милость мы отправим его вас подчинить». И из них оказалось достаточно тех, кто из страха пред французским королем сдались на милость этого короля.

§ 491

С вернувшимися послами короля прибыли и их послы; и они привезли королю Франции послание от их великого короля, которое гласило: «Мир — доброе дело; ибо на мирной земле и четвероногие мирно щиплют траву, и двуногие мирно обрабатывают землю, дающую все блага.

§ 492

И мы передаем тебе эти слова, дабы предупредить: ты не обретишь мира, если не установишь его с нами. Ибо поднялись против нас пресвитер Иоанн, и тот король, и тот (он называл многих из них); и всех предали мы мечу. Посему велим тебе посылать нам каждый год столько золота и серебра, сколько потребно удержать нас в друзьях; а если ты не сделаешь этого, мы уничтожим тебя и твоих людей, как поступили с теми, кого называли выше». И знайте, что король сильно раскаялся, что отправил туда послов.

§ 493

Возвратимся же к нашей теме и поведаем также, что в то время, как король укреплял Цезарею, в лагерь прибыл монсеньор Аланер де Сененган, рассказавший нам, что он построил свой корабль в Норвежском королевстве, кое находится на краю света к Западу; и что во время путешествия, которое он совершил к королю, он обогнул Испанию, и пришлось ему проплыть через марокканские проливы. Множество опасностей он миновал, прежде чем оказался у нас. Король оставил его с десятью рыцарями³³⁷.

И он нам поведал, что в норвежской земле ночи летом столь коротки, что нет ни одной, когда бы не встречались дневной свет угасающего дня и дня наступающего.

§ 494

И он со своими людьми принялся охотиться на львов, и они убили нескольких с превеликой опасностью; охотясь на львов, они прищпоривали лошадей как только могли. И когда пускали стрелы, лев бросался на них; и если бы настиг, он бы их вмиг разорвал, но они бросали какой-нибудь кусок негодного сукна, и лев набрасывался на него, рвал и пожирал, думая, что добрался до человека.

Покуда он разрывал эту ткань, другой стрелял в него; и лев оставлял сукно и набрасывался на этого охотника; и охотник тут же бросал кусок ткани, и лев снова принимался за нее. И проделывая это, они стрелами убивали льва³³⁸.

§ 495

Пока король отстраивал Цезарею, к нему прибыл монсеньор Наржо де Туси. И король говорил, что он приходится ему кузеном, так как ведет происхождение от одной из сестер короля Филиппа, которую взял в жены император Андроник³³⁹. Король оставил его с девятью рыцарями на год; а потом тот уехал и возвратился в Константинополь, откуда прибыл.

Он рассказал королю, что император Константинопольский и прочие знатные люди, находившиеся тогда в Константинополе, отправились к народу, коего называют куманами, дабы заручиться их помощью против Ватаца, который был тогда императором греков³⁴⁰.

§ 496

И чтобы их помощь друг другу была верной, императору с его знатными людьми надлежало пустить кровь и собрать ее в большую серебряную чашу. В свою очередь и король куманов со своими знатными людьми сделали то же и, смешав свою кровь с кровью наших людей, вылили в вино и воду и выпили и они и наши люди; и тогда они сказали, что становятся братьями по крови.

Еще они пустили между своими и нашими людьми собаку и изрубили ее с нашими людьми мечами; и сказали, что пускай так будут изрублены они, если изменят друг другу.

§ 497

Кроме того, он рассказал нам о великой диковине, которую видел во время пребывания в их войске: когда помер один знатный рыцарь, ему вырыли в земле огромную и широкую могилу, усадили его на стул и благородно украсили; и с ним положили наилучшую лошадь, какая у него была, и самого лучшего его воина, живого. Воин, прежде чем его опустили в могилу с его сеньором, простился с королем куманов и остальными знатными сеньорами; и пока он прощался с ними, в его суму сыпали много золота и серебра и говорили ему: «Когда я приду в мир иной, ты мне вернешь то, что я тебе даю». И он отвечал: «Исполню это с большой охотой».

§ 498

Великий король куманов передал ему послание, обращенное к их первому королю, в котором сообщал, что сей достойный человек очень достойно прожил и хорошо послужил ему, и просил короля вознаградить воина за его службу. Когда это было исполнено, они опустили воина в яму с его господином и живой лошадью; а потом закрыли отверстие могилы плотно сбитыми досками, и все войско бросилось за камнями и землей; и прежде, чем лечь спать, они в память о тех, кого погребли, возвели над ними высокий холм.

§ 499

Однажды, когда король укреплял Цезарею, я отправился в его жилище, чтобы повидаться с ним. Едва завидев, что я вхожу в его покои, где он беседовал с легатом, король поднялся, отвел меня в сторону и сказал: «Вы знаете, что я вас держу только до Пасхи; так прошу вас сказать, что

мне вам дать, дабы вы остались со мной после Пасхи на один год»³⁴¹. И я ответил ему, что не желаю, чтобы он давал мне из своих денег больше того, что уже выдал; но что я хочу заключить с ним иной договор.

§ 500

«Так как вы гневаетесь, когда у вас что-либо просят, — сказал я, — хочу, чтобы вы условились со мной: ежели я попрошу у вас что-либо в течение всего этого года, вы не рассердитесь, а если вы мне откажете, не рассержусь я».

Услыхав это, король очень громко расхохотался и сказал, что оставляет меня с этим уговором; и, взяв меня за руку, подвел к легату и своему совету и повторил им договор, который мы заключили; и они остались этим весьма довольны, ибо я стал самым богатым во всем войске.

§ 501

Теперь расскажу вам, как я жил и устраивал свои дела в течение четырех лет, проведенных там со времени отъезда братьев короля.

Со мной было два капеллана, которые мне служили службу; едва занималась заря, как один начинал служить мне мессу, а другой дожидался, пока встанут мои рыцари и рыцари моего отряда³⁴².

Прослушав мессу, я отправлялся к королю. Когда король желал проехаться верхом, я составлял ему компанию. Иной раз случалось, что к нему приходили послы, из-за чего нам приходилось утром заниматься делами.

§ 502

Мое ложе в шатре было поставлено таким образом, чтобы никто не мог войти в шатер, не увидав меня лежащим на кровати; и я так сделал, дабы отвести все дурные подозрения относительно женщин.

Когда подошел праздник святого Ремигия³⁴³, я приказал закупить свиней в загон и овец для овчарни, а также муки и вина для домашнего запаса на зиму; и я так поступил потому, что зимой продукты дорожают, ибо море зимой более беспокойнее, нежели летом.

§ 503

И я купил целых сто бочек вина, и велел выпить прежде всего самое лучшее; и приказал разбавлять для слуг вино водой, а для оруженосцев воды в вино добавлять меньше. За моим столом перед рыцарями ставили большие бутылки с вином и водой, они разбавляли его как хотели.

§ 504

Король прислал в мой отряд пятьдесят рыцарей: всегда, когда я обедал, за мой стол садилось десять рыцарей из них с десятью моими;

и они ели друг напротив друга по обычаю страны, сидя на земле, на циновках.

Каждый раз, когда начиналась тревога, я посылал пятерых рыцарей, называемых десятниками, потому что каждый возглавлял десяток других. Всякий раз, когда мы, вооруженные, совершали объезд верхом, все пятьдесят рыцарей по возвращении обедали у меня. На годовые праздники я созывал всех знатных людей войска; из-за этого королю иногда приходилось отзывать кого-нибудь из тех, кого я пригласил.

§ 505

Теперь послушайте о приговорах и наказаниях, которым я был свидетелем в Цезарее, когда там пребывал король.

Прежде всего расскажем вам об одном рыцаре, взятом в борделе, которому по обычаю страны дозволили сделать выбор. Выбор был таков: либо пусть развратница проведет его по лагерю в рубахе за веревку, привязанную к гениталиям, либо он лишится своей лошади и вооружения и будет изгнан из войска. Рыцарь оставил королю своего коня и вооружение и покинул войско.

§ 506

Я пошел к королю просить, чтобы мне дали лошадь для бедного дворянина, который находился в лагере. И король ответил мне, что эта просьба неразумна, ибо лошадь как-никак стоит восемьдесят ливров. А я ему ответил: «Почему вы нарушаете наш договор, гневаясь на то, о чем я вас попросил?» И он сказал мне, рассмеявшись: «Говорите, что хотите, я не сержусь». Однако коня для бедного дворянина я не получил.

§ 507

Второй суд был таким: рыцари из нашего отряда охотились на дикое животное, называемое газелью, нечто вроде косули. На них налетели госпитальеры, разогнали и выгнали наших рыцарей. И я пожаловался магистру ордена госпитальеров. Магистр мне ответил, что проявит в этом деле справедливость по обычаю Святой земли, который был таков, что он заставит братьев, нанесших оскорбление, есть на плащах до тех пор, пока те, кому причинили обиду, не освободят их от этого³⁴⁴.

§ 508

Магистр полностью сдержал это обещание; и когда мы увидели, что они долгое время едят на своих плащах, я пошел к магистру и, застав его за трапезой, попросил, чтобы он велел братьям, кои ели пред ним на плащах, встать; и рыцари, коим нанесена была обида, также просили его об этом. А он мне ответил, что никоим образом не сделает этого, ибо не

желает, чтобы братья поступали низко с теми, кто отправляется в паломничество в Святую землю.

Услыхав это, я уселся на землю вместе с братьями и принялся с ними есть; и сказал ему, что встану не прежде, чем подымутся братья. И он ответил мне, что это насилие, и удовлетворил мою просьбу; и заставил отобедать с ним меня и рыцарей, бывших со мной; а братья пошли есть с другими за высокий стол.

§ 509

Третий приговор, который был вынесен при мне в Цезарее, был следующим. Один из сержантов короля, носивший имя Ле Гулю, поднял руку на рыцаря из моего отряда. Я отправился жаловаться королю. Король сказал мне, что я, как ему кажется, могу отнестись к этому терпимо; ведь сержант только толкнул его. А я ему ответил, что этого ни за что не потерплю; и если он не свершит правосудия, я оставлю службу, потому что его сержанты толкают моих рыцарей.

§ 510

Король вынес решение по моему требованию, и приговор по обычаям страны был таков: сержант пришел в мой шатер, босой, в одной рубахе и штанах, с обнаженным мечом в руке и, опустившись на колени перед рыцарем, взял меч за острие и, протянув рукоять рыцарю, сказал ему: «Сир, даю вам удовлетворение за то, что поднял на вас руку; и я принес вам этот меч, дабы вы, если вам угодно, отрубили мне кисть руки». И я просил рыцаря простить ему оскорбление; и тот так и поступил.

§ 511

Четвертое наказание было таково. Брат Гуго де Жуи, маршал тамплиеров, был послан магистром ордена тамплиеров заключить с султаном Дамаска договор по поводу обширных земель (кои орден по обыкновению держал) так, чтобы султан согласился взять из них одну половину, а тамплиеры другую. Этот договор был заключен, но на условии, что король его одобрит. И со стороны дамасского султана с братом Гуго приехал эмир и доставил письменные условия соглашения.

§ 512

Магистр сказал об этом королю; король был сильно удивлен и ответил, что он слишком смел, коль скоро ведет переговоры и заключает соглашения с султаном, не поговорив с ним; и король пожелал, чтобы он понес наказание. И приговор был таков; король велел поднять полотнища трех своих палаток, и там собралось все население лагеря, кто захотел прийти; и сюда явились магистр ордена тамплиеров и его

приближенные, все босые, пройдя все через войско, так как их шатры были за лагерем. Король усадил подле себя магистра ордена и посла султана и громко сказал магистру:

§ 513

«Магистр, вы скажете послу султана, что вас тяготит то, что вы заключили с ним договор, не поговорив об этом со мной; и поскольку вы не побеседовали со мной об этом, вы освобождаете его от всего, что он вам пообещал и возвращаете ему все его обещания».

Магистр взял договор и передал его эмиру; а потом магистр произнес: «Я возвращаю вам договор, который я неправо заключил, что меня удручает». И тогда король сказал магистру, чтобы он встал и велел подняться всей своей братии; и так он и поступил. «Преклоните же колена и принесите мне извинение за то, что пошли в сем против моей воли».

§ 514

Магистр опустился на колени и протянул полу своего плаща королю, передавая ему все, чем они владели, дабы принять любое наказание, какое он пожелает назначить. «И я говорю вам, — молвил король, — что прежде всего должен быть изгнан из королевства Иерусалимского брат Гуго, заключивший это соглашение».

И ни магистр, который был кумом короля по графу Алансонскому, родившемуся в Шатель-Пелерен, ни королева, ни прочие не смогли помочь брату Гуго в том, чтобы он не покидал Святую землю и Иерусалимское королевство³⁴⁵.

§ 515

Покуда король занимался укреплением Цезареи, к нему возвратились египетские послы и привезли вышеназванный договор о перемирии, согласованный с королем. И условия между эмирами и королем были таковы, что в назначенный день король должен был приехать в Яффу; и в тот день, когда король туда прибудет, эмиры Египта поклялись находиться в Газе, дабы освободить королю Иерусалимское королевство. Король и знатные люди войска дали клятву во исполнение договора, привезенного послами, и мы клятвенно обязались помочь эмирам против султана Дамаска³⁴⁶.

§ 516

Узнав, что мы стали союзниками эмиров, султан Дамаска направил почти четыре тысячи хорошо вооруженных турок в Газу, куда должны были явиться эмиры Египта, ибо хорошо знал, что ежели им удастся дойти до нас, он сможет [многое] потерять. Но это не помешало королю отправиться в Яффу.

Когда граф Яффы узнал, что подходит король, он подготовил свой замок так, что, казалось, это обороняющаяся крепость; на каждой из бойниц (а их там было около пятисот) висел маленький щит с его гербом и флажок, что представляло собой красивое зрелище, так как герб представлял собой червлёный лапчатый крест в золоте.

§ 517

Мы расположились в поле вокруг замка, стоявшего у моря, и окружили его от одной части берега до другой. Король сразу же принял за возводить новое укрепление вокруг старого замка, меж двух берегов. Там я много раз видал, как сам король, дабы получить отпущение грехов, носил корзину ко рвам.

§ 518

Эмиры Египта нарушили договор, заключённый с нами; ибо из-за находившихся в Газе воинов дамаского султана они не решились туда прийти. Тем не менее они сдержали данное нам обещание, прислав королю все головы христиан, коих они повесили на стенах каирского замка с тех пор, как были взяты в плен граф де Бар и граф де Монфор; король велел захоронить их в освященной земле. И они передали ему также детей, которые были захвачены, когда король попал в плен; каковой поступок совершили с сожалением, ибо эти дети уже отреклись. И в придачу к этому они прислали королю слона, которого он отправил во Францию.

§ 519

В то время как мы находились в Яффе, эмир, бывший на стороне султана Дамаска, пришел собрать зерно в деревне в трех лье от войска. Было решено на него напасть. Увидав, что мы подходим, он обратился в бегство. Один молодой слуга благородного происхождения бросился его преследовать и, не сломав своего копья, опрокинул на землю двух его рыцарей; а эмира он ударил так, что сломал об него копье.

§ 520

Послы египетских эмиров попросили короля назначить им день, когда те смогут приехать к королю, и они придут без опоздания. Король решил не отказывать и назначил им день; и они клятвенно обещали королю, что будут в этот день в Газе³⁴⁷.

§ 521

Покуда мы дожидались дня, назначенного королем эмирам Египта, в войско прибыл граф д'Э³⁴⁸, который был оруженосцем, и привез

с собой монсьеора Арнуля де Гина, доброго рыцаря с десятью воинами, и двух его братьев. Он остался на службе у короля, и король посвятил его в рыцари.

§ 522

В этот момент в войско приехал князь Антиохийский с княгиней, своей матерью³⁴⁹, которому король оказал большую честь и с великим почетом посвятил его в рыцари. Ему было не более шестнадцати лет, но я никогда не видел столь мудрого отрока.

Он обратился к королю с просьбой поговорить с ним в присутствии своей матушки; король ему позволил. Речи, сказанные им королю перед своей матерью, были таковы:

§ 523

«Сир, понятно, что моя матушка должна меня держать под своей опекой еще четыре года; но несправедливо, чтобы из-за этого она позволила погибнуть или ослабнуть моим землям; и это, сир, я говорю потому, что город Антиохия гибнет в ее руках. Молю вас, сир, упросить ее дать мне денег и воинов, дабы смог я прийти на выручку моим людям, находящимся там, и помочь им. Сир, она должна это сделать; ибо если я останусь с нею в городе Триполи³⁵⁰, это потребует больших расходов, но эти великие траты, сделанные мною, будут бесполезны».

§ 524

Король преохотно выслушал его и употребил все свое влияние на его мать, дабы она предоставила князю столько, сколько королю удастся выговорить у нее. Едва князь ушел от короля, как отправился в Антиохию, для которой был совершенным чужеземцем. С согласия короля он разделил свой герб, который был красным, внося в него герб Франции, ибо король посвятил его в рыцари.

§ 525

С князем прибыло три менестреля из Великой Армении³⁵¹; они были братьями и отправлялись в паломничество в Иерусалим; у них было три рога. Когда они начинали играть в рога, вы бы сказали, что это голоса лебедей, взлетающих с пруда; и они играли самые нежные и ласковые мелодии, так что чудом было их слушать.

§ 526

Втроем они совершали удивительные прыжки. Им под ноги подстилали полотно и они стоя кувыркались, тотчас же становясь на полотно на ноги. Двое кувыркались назад головой, в том числе и старший; а когда

ему приходилось делать кувырок головой вперед, он осенял себя крестом; ибо боялся, как бы переверачиваясь, не сломать себе шею.

§ 527

Дабы такое доброе дело, как память о графе де Бриенне, который был графом Яффаским, не было предано забвению, мы теперь расскажем вам о нем, ибо он держал Яфффу в течение многих лет и долго защищал ее всеми силами; а жил он большей частью тем, что захватывал [добро] у сарацин и врагов веры. Как случилось однажды, когда он одолел множество сарацин, везших огромное количество золотой парчи и шелка, которые он и захватил; и привезя ткани в Яфффу, он все поделил между своими рыцарями так, что ему из этого ничего не досталось. По своей привычке он, расставаясь со своими рыцарями, запирался в часовне и долго молился, прежде чем вечером идти спать со своей женой, очень доброй и умной дамой, приходившейся сестрой королю Кипра³⁵².

§ 528

Император Персии, носивший имя Барбакан, побежденный одним из татарских князей³⁵³, как я уже рассказал выше, направился со своим войском к королевству Иерусалимскому и взял замок Тивериада, укрепленный коннетаблем монсеньором Эдом де Монбельяром, который по жене был сеньором Тивериады. Превеликий урон нанес император нашим людям; ибо разрушил все, что встретил за стенами замка Шатель-Пелерен, а также Акры, Сафеда и Яффы. И нанеся сей ущерб, он направился к Газе на соединение с султаном Вавилона, который должен был подойти туда, дабы навредить и помешать нашим людям³⁵⁴.

§ 529

Местные бароны и патриарх решили выйти на бой с императором прежде, чем подойдет Вавилонский султан. И в помощь себе они призвали султана Ля Шамеля³⁵⁵, одного из лучших рыцарей во всем языческом мире, коему они оказали столь великую честь в Акре, что постелили золотую парчу и шелк там, где он должен был пройти. Наши люди с султаном дошли оттуда до Яффы.

§ 530

Патриарх³⁵⁶ держал под отлучением графа Готье, потому что тот не хотел ему вернуть одну башню в Яффе, которую называли башней патриарха. Наши люди упросили графа Готье отправиться с ними, чтобы сразиться с императором Персии; и он ответил, что сделает это охотно, но только если патриарх дарует ему отпущение до их возвращения.

Патриарх ни за что не соглашался сделать этого; и однако граф Готье выступил и пошел с нами.

Наши люди составили три отряда, из коих один был графа Готье, второй — султана Ля Шамеля, а патриарх и жители страны составили третий; в отряде графа де Бриенна были госпитальеры.

§ 531

Они скакали, покуда не увидели перед собой своих врагов. Как только наши люди их заметили, они остановились; а враги составляли тоже три отряда. Пока хорезмийцы³⁵⁷ выстраивали свои отряды, граф Готье подъехал к нашим людям и крикнул им: «Сеньоры, Бога ради, вперед! Ведь остановившись, мы даем им время». И не оказалось там никого, кто захотел бы его послушать.

§ 532

Увидев это, граф Готье подъехал к патриарху и попросил у него отпущения грехов, как просил ранее; патриарх же ни в какую не хотел его давать.

С графом де Бриенном находился один храбрый клирик, епископ Рамлы, совершивший вместе с графом множество прекрасных подвигов; и он сказал графу: «Сир, не смущайте вашу совесть тем, что патриарх вам не отпускает грехов; ибо он не прав, а правы вы; и я дарую вам отпущение во имя Отца и Сына и Святого Духа. Вперед, на них!»

§ 533

Тогда они пришпорили лошадей и бросились на отряд персидского императора, который стоял последним. Было тогда превеликое множество убитых с одной и с другой стороны, и там взяли в плен графа Готье; ибо все наши люди бежали столь постыдно, что от отчаянья многие из них потонули в море. Отчаяние охватило их потому, что один из отрядов персидского императора атаковал султана Ля Шамеля, который так защищался против них, что из приведенных им двух тысяч турок у него осталось только двести восемьдесят, когда он покинул поле битвы.

§ 534

Император решил отправиться осаждать султана в замке Ля Шамель, так как ему казалось, что тот не сможет долго продержаться, потеряв столько своих людей. Узнав об этом, султан пошел к своим людям и сказал им, что пойдет сражаться с врагом; ибо если он допустит, чтобы его осадили, он погибнет. Он повел дело таким образом, что всех своих людей, кто был плохо вооружен, отослал в укрытую лошину; и, едва слышав бой барабанов султана, они набросились на войско императора сзади и начали убивать женщин и детей.

§ 535

И, услышав крики своих людей, император, выехавший в поле, дабы сразиться с султаном, которого он видел своими глазами, повернул в лагерь спасать женщин и детей; а султан бросился на него со своими людьми; все прошло столь удачно, что из двадцать тысяч людей императора не осталось никого — ни мужчины, ни женщины, что не были бы перебиты в сражении или преданы мечу³⁵⁸.

§ 536

Прежде, чем отправиться к Ля Шамелю, персидский император привез графа Готье к Яффе; и его повесили за руки на развилке дерева и сказали, что не снимут до тех пор, пока не получат замок Яффу. Вися на руках, граф крикнул обитателям замка, чтобы они не сдавали город, какую бы боль ему не причиняли, а если они его сдадут, он сам их перебьет.

§ 537

Услышав это, император отправил графа Готье, а также магистра ордена госпитальеров и многих других пленников в Вавилон, в подарок султану³⁵⁹.

Тех, кто вез графа в Вавилон, было целых три сотни, и они не были убиты, когда император погиб под Ля Шамелем. И эти хорезмийцы напали на нас в пятницу, атаковав, когда мы были пешими. У них были алые знамена, вырезанные зубцами до древка; а на древках у них были султаны, сделанные из волос, казавшиеся головами дьявола.

§ 538

Многие вавилонские купцы взывали к султану, чтобы он расправился с графом Готье за великие убытки, которые он им нанес; и султан разрешил им прийти отомстить графу. И они отправились в темницу предать его мукам и убить; и мы должны верить, что он на небесах в числе мучеников.

§ 539

Дамасский султан собрал своих людей, находившихся в Газе, и вступил в Египет³⁶⁰. Эмиры двинулись сражаться с ним. Войско султана, напавшего на эмиров, победило, а в следующей битве египетские эмиры разбили арьергард султана Дамаска. Поэтому дамасский султан отступил от Газы, раненый в голову и руку. И прежде, чем он уехал из Газы, эмиры Египта направили послов и заключили с ним мир, нарушив все договоры с нами; и мы оказались в том положении, что у нас не было ни перемирия, ни мира с султаном Дамаска и султаном Вавилона³⁶¹. И знайте, что наибольшее число воинов, какое мы имели, не превышало тысячи четырехста.

§ 540

В то время как король находился с войском у Яффы, магистр ордена святого Лазаря выследил близ Рамлы³⁶², в добрых трех лье, животных и другую добычу, чем и решил хорошо поживиться; и он отправился туда, не поговорив с королем, поскольку не имел никакого положения в войске и жил по своей воле³⁶³. Когда вся добыча была у него в руках, на него напали сарацины и нанесли ему такое поражение, что из всех людей его отряда спаслось только четверо.

§ 541

Как только он вернулся в лагерь, то принялся звать к оружию. Я пошел вооружаться и попросил короля позволить мне туда поехать; он дал мне разрешение и приказал взять с собой тамплиеров и госпитальеров. Прибыв туда, мы обнаружили, что новые сарацины спустились на равнину, где был разбит магистр ордена святого Лазаря. Пока эти новые сарацины рассматривали убитых, предводитель арбалетчиков бросился на них; и прежде, чем мы туда подскакали, наши люди их одолели и многих из них убили.

§ 542

Один королевский сержант и один сарацин сбросили там друг друга на землю своими копьями. Увидав это, другой сержант короля взял их лошадей и увел, дабы украсть; а чтобы его не увидели, он пробирался меж стен крепости Рамлы. Когда он их вел, старая цистерна, по которой он шел, проломилась под ним; он с тремя лошадьми пошел ко дну, и мне сказали об этом. Я поехал туда посмотреть и увидел, что цистерна еще обрушилась на них, полностью всех их накрыв.

Таким образом, мы вернулись оттуда без каких-либо потерь, за исключением того, что потерял магистр ордена святого Лазаря.

§ 543

Едва султан Дамаска заключил мир с эмирами Египта, как велел своим людям, находившимся в Газе, вернуться домой, и те так и поступили. Они прошли по меньшей мере в двух лье от нашего лагеря и так и не осмелились на нас напасть, хотя и было их почти двадцать тысяч сарацин и десять тысяч бедуинов. Предводитель королевских арбалетчиков и его отряд три дня и три ночи следили за ними, пока они не миновали наше войско, опасаясь, как бы они внезапно не напали на наш лагерь.

§ 544

В день святого Иоанна, который был после Пасхи³⁶⁴, король слушал проповедь. Во время ее чтения в королевскую часовню вошел во всеоружии

сержант от предводителя арбалетчиков и сказал королю, что того окружили сарацины. Я попросил короля позволить мне туда поехать, и он мне это разрешил, и сказал, чтобы я взял с собой четыре-пять сотен воинов, назвав мне тех, кого хотел, чтобы я взял. Как только мы вышли из лагеря, сарацины, находившиеся между предводителем арбалетчиков и лагерем, бросились к эмиру, который с почти тысячью воинов стоял на холме напротив предводителя арбалетчиков.

§ 545

И завязалось битва между сарацинами и воинами предводителя арбалетчиков, которых было там около двухста восьмидесяти. Видя, как начали теснить его людей, эмир послал им в помощь столько народу, что они отбросили наших воинов к отряду предводителя. Увидав, что его люди смяты, предводитель арбалетчиков направил к ним сто или сто двадцать воинов, которые оттеснили врага до самого отряда эмира.

§ 546

Пока мы находились там, легат и бароны края, оставшиеся с королем, сказали ему, что он поступил совершенно безрассудно, подвергнув меня опасности. И по их совету король отправил за мной, а также за предводителем арбалетчиков. Турки уже ушли оттуда, и мы вернулись в лагерь.

Многие люди дивились тому, что они не пошли сражаться с нами, и некоторые говорили, что они воздержались от этого только потому, что они и их лошади были изморены голодом в Газе, где они просидели около года.

§ 547

Отступив от Яффы, эти сарацины подошли к Акре и передали сеньору д'Ассюру³⁶⁵, коннетаблю королевства Иерусалимского, что если он не пришлет им пятьдесят тысяч безантов, они уничтожат принадлежащие городу сады³⁶⁶, а он им ответил, что не даст ни одного. Тогда они выстроили свои отряды и подошли через пески Акры так близко к городу, что их обстреляли из арбалета с воротом. Из города вышел сир д'Асюр и расположился на горе святого Иоанна, где находится кладбище святого Николая³⁶⁷, дабы защитить сады. Наша же пехота вышла из Акры и принялась обстреливать сарацин из луков и арбалетов.

§ 548

Сир д'Асюр позвал одного рыцаря из Генуи, который носил имя монсеньора Жана Большого, и приказал ему отвести назад пехоту, что вышла из Акры, дабы она не подверглась опасности. Когда он их отводил, один сарацин крикнул ему по-сарацински, чтобы он сразился с ним, если

желает; и тот ответил, что охотно это сделает. Направляясь к сарацину на поединок, монсеньор Жан взглянул налево и увидел маленький отряд турок, около восьми, который остановился поглядеть на поединок.

§ 549

Он отказался от поединка с сарацином, с коим должен был сразиться, и поскакал к турецкому отряду, что спокойно стоял, собираясь смотреть состязание, и ударил одного из турок копьем в грудь, и тот упал за-мертво. Остальные, увидав это, бросились на него, когда он повернул к нашим людям, и один из них нанес ему сильный удар палицей по шлему с полями; а монсеньор Жан ударил его мечом по тюрбану, которым была обернута его голова, и сбил тюрбан на землю. Эти тюрбаны турки надевают перед сражениями, так как они выдерживают сильный удар мечом.

§ 550

К нему подскакал другой турок и хотел поразить его копьем между плеч; но монсеньор Жан увидел направленное копье и отклонился; и когда сарацин проскакал мимо, монсеньор Жан обратной стороной меча так ударил его по рукам, что выбил копье, упавшее на землю. И таким образом он вернулся и увел своих пехотинцев; а эти три прекрасных удара он нанес на глазах сеньора д'Ассюра и знатных людей из Акры, и всех женщин, которые поднялись на стены, дабы видеть этих людей.

§ 551

Когда это великое множество сарацин, что стояли под Акрой и не осмеливались, как вы слышали, сразиться ни с нами, ни с жителями Акры, узнали (и это была правда), что король с горсткой добрых воинов собрался укрепить город Сайетты³⁶⁸, то двинулись в ту сторону. Когда монсеньор Симон де Монселияр, бывший предводителем королевских арбалетчиков и воинов короля в Сайетте³⁶⁹, услышал о приближении этих людей, он отступил в замок Сайетты, очень мощный и со всех сторон окруженный морем³⁷⁰; и так он поступил, потому, что хорошо видел, что не может оказать им сопротивление. С ним укрылись и люди, сколько было возможно; но поместилось их там мало, ибо замок был тесен.

§ 552

Сарацины ворвались в город, не встретив никакого сопротивления; ибо он не был полностью укреплен. Они перебили более двух тысяч наших человек; со всей захваченной там добычей они ушли в Дамаск. Когда король узнал эти вести, он был очень разгневан (кабы можно было этому помочь!); а местные бароны были этим очень довольны, потому что король собирался укреплять одну возвышенность, где некогда во времена

Маккаевея стоял древний замок. Этот замок находится на пути из Яффы в Иерусалим.

§ 553

Заморские бароны не согласились восстанавливать замок, так как он был отдален от моря на пять лье; поэтому морем к нам не могли поступать никакие продукты так, чтобы их не захватили сарацины, которые были сильнее нас. И когда вести о разрушении бурга³⁷¹ Сайетты дошли до войска, местные бароны пришли к королю и сказали ему, что для него было бы большей честью восстановить бург Сайетты, нежели возводить новую крепость; и король с ними согласился.

§ 554

Покуда король находился в Яффе, ему сообщили, что султан Дамаска позволит ему проехать с надежной охранной грамотой в Иерусалим. Король об этом держал большой совет; в итоге на этом совещании все отговаривали короля от этого похода, потому что ему пришлось бы все равно оставить этот город в руках сарацин.

§ 555

По поводу этого королю привели пример, что когда великий король Филипп покидал Акру, дабы вернуться во Францию³⁷², он позволил остаться в лагере всем своим людям с герцогом Гуго Бургундским, предком того герцога, который недавно помер³⁷³.

В то время, как герцог, а также король Ричард Английский находились в городе, до них дошли вести, что ежели бы они захотели, то смогли бы взять на следующий день Иерусалим, так как все отряды конницы дамасского султана ввиду войны, которую тот вел с другим султаном, ушли к нему. Крестonosцы подготовили своих людей, и английский король возглавил первый отряд, а герцог Бургундский второй, из воинов французского короля.

§ 556

Пока они готовились к взятию города, из войска герцога пришло известие, что он дальше не пойдет; герцог Бургундский возвращался назад, заявив без лишних слов, что не желает, чтобы говорили, что Иерусалим взяли англичане. Когда шел об этом разговор, один рыцарь Ричарда закричал: «Сир, сир, идите сюда, я покажу вам Иерусалим!» И когда тот услышал это, он прикрыл коттой свое лицо и весь в слезах обратился к Господу Богу: «Добрый мой Господь Бог, прошу тебя, не допусти того, чтоб я увидел твой святой град, ибо не могу я вырвать его из рук врагов твоих».

§ 557

Королю привели этот пример затем, что если он, величайший христианский государь, отправится в паломничество, не освободив города от врагов Господа, то и все прочие короли и паломники, что придут после него, совершат паломничество так же, как и он, французский король, и не будут прилагать усилий к освобождению Иерусалима.

§ 558

В тот раз король Ричард совершил за морем столько подвигов, что когда сарацинские лошади шарахались от какого-нибудь куста, их хозяева говорили им: «Ты думаешь, — обращались они к лошади, — это король Ричард Английский?» А когда дети сарацин шумели, матери им говорили: «Ну-ка замолчи, не то я пойду за королем Ричардом, который тебя убьет».

§ 559

Герцог Бургундский, о котором я вам рассказал, был рыцарь очень сильный на руку, но никогда не считался мудрым ни к Богу, ни к миру; и это ясно видно из рассказа о его поступке. И по этому поводу великий король Филипп, когда ему сказали, что у Жана де Шалона есть сын и он носит имя Гуго в честь герцога Бургундского, заметил, что желает, чтобы Господь сотворил его таким же доблестным человеком³⁷⁴, как и герцог, в честь которого он назван Гуго.

§ 560

И у него спросили, почему он не сказал «таким же достойным человеком»³⁷⁵. «Оттого, — ответил он, — что существует большая разница между человеком доблестным и достойным. Ибо есть много храбрых рыцарей в христианских и сарацинских землях, которые никогда не верили ни в Господа, ни в Богоматерь. Отчего и говорю вам, — продолжал он, — что Господь посылает великий дар и большую милость христианскому рыцарю, когда отмечает его телесной храбростью и допускает к служению себе, оберегая от смертного греха. И тот, кто выказывает себя таковым, и должен называться достойным человеком, поелику это достоинство ниспослано ему как дар Божий. А тех, кого я упомянул до этого, можно назвать доблестными людьми, ибо храбры они телом, но не боятся ни Господа, ни греха».

§ 561

О больших деньгах, которые король истратил, укрепляя Яффу, нечего и говорить, их не счесть; ибо он укрепил бург, где было целых двадцать четыре башни, от одного берега до другого; и были очищены от грязи

рвы снаружи и внутри. Там появилось трое ворот, из которых одни ворота и часть стены сделал легат.

§ 562

И чтобы показать вам затраты короля на это, скажу вам, что я спрашивал легата, во сколько ему обошлись эти ворота и кусок стены; а он меня спросил, сколько, по-моему, они стоят; и я рассчитал, что ворота, которые он велел построить, стоили ему пятьсот ливров, а часть стены — триста ливров. И он мне сказал (призвав Господа в свидетели), что ворота со стеной ему обошлись почти в тридцать тысяч ливров³⁷⁶.

§ 563

Когда король закончил укрепление бурга Яффы, он принял решение отстроить стены Сайетты, которые разрушили сарацины. Он двинулся туда в день праздника апостолов Петра и Павла³⁷⁷ и остановился с войском близ хорошо укрепленного замка Ассюр. В тот же вечер король созвал своих людей и сказал им, что ежели они согласны, он отправится брать один сарацинский город, что зовется Наблус и который в древних писаниях называется Самарией³⁷⁸.

§ 564

Тамплиеры, госпитальеры и местные бароны дружно ответили ему, что было бы хорошо попытаться взять этот город; но они ни за что не допустят, чтобы он лично туда отправился, ибо если с ним что-то случится, вся земля будет утрачена. А он ответил, что не пустит их туда, ежели лично не пойдет с ними. И поход не состоялся, поскольку местные сеньоры не согласились на участие в нем короля.

§ 565

Постепенно мы добрались до песков Акры³⁷⁹, где король и войско стали лагерем. Здесь ко мне явилась большая толпа из Великой Армении, которая, заплатив огромную подать сопровождавшим ее сарацинам, направлялась в паломничество в Иерусалим. Через толмача, который знал их язык и наш, они обратились ко мне с просьбой показать им святого короля.

§ 566

Я пошел в палатку к королю, где он сидел, прислонившись к шатровому столбу; и сидел он на песке, без ковра или чего другого под собой. Я сказал ему: «Сир, там снаружи большая толпа из Великой Армении, которая направляется в Иерусалим; и они просят меня, сир, показать им

святого короля; но я совсем не жажду целовать ваши кости». Он звонко рассмеялся и сказал, чтобы я пошел за ними; и я так и поступил. И когда паломники увидели короля, то препоручили его Богу, и король сделал то же самое.

§ 567

На следующий день войско сделало привал в одной местности под названием Пас-Пулен, где множество прекрасных водоемов, которые орошают растение, дающее сахар.

Когда мы стали там лагерем, один из моих рыцарей сказал мне: «Сир, — обратился он, — а ведь я вас устроил в лучшем месте, нежели вчера». Другой рыцарь, занимавший мне место вчера, подскочил разозленный и громко сказал ему: «Вы чересчур дерзки, рассуждая о том, что делаю я». И он бросился на него и вцепился ему в волосы. Я подскочил к нему и ударил его кулаком по спине, и он его отпустил; я ему крикнул: «Вон из моего жилища! Ибо — да поможет мне Бог! — я вас больше ни за что не возьму к себе».

§ 568

Рыцарь ушел в великой скорби и привел ко мне монсьёра Жилья Ле Брена, коннетабля Франции; и ввиду глубокого раскаяния, которое, как видел коннетабль, выказывал рыцарь из-за своего безрассудного поступка, он настоятельно просил меня взять его обратно к себе. А я ответил, что не приму его к себе, если легат не освободит меня от клятвы. Они отправились к легату и изложили ему дело; и легат им ответил, что не может освободить меня, так как клятва была вполне разумной и рыцарь ее вполне заслужил.

И я вам рассказываю об этом, дабы вы остерегались произносить клятву, которую нельзя давать по здравому рассуждению; ибо сказал мудрец: «Кто легко клянется, тот легко нарушает клятву».

§ 569

На следующий день король расположился у города Сюр, который в Библии зовется Тир. Там король созвал знатных людей войска и спросил их совета, хорошо ли будет, если он, прежде чем идти к Сайетте, возьмет город Белина³⁸⁰. Мы все решили, что было бы хорошо королю послать туда своих людей; но никто не советовал ему идти туда лично; с великим трудом его отговорили от этого. Сошлись на том, что пойдут граф д'Э и монсьёр Филипп де Монфор, сеньор Сура, монсьёр Жиль Ле Брен, коннетабль Франции, камергер монсьёр Пьер, магистр ордена тамплиеров со своими братьями и магистр госпитальеров, с его братией.

§ 570

С наступлением ночи мы вооружились и некоторое время спустя с восходом солнца дошли до равнины близ города Белина; а Ветхий Завет именует ее Цезарея Филиппа. В этом городе бьет источник, который называют Жур; а посреди равнины, что перед городом, бьет другой прекрасный родник, называемый Дан. И когда два ручья из этих источников сливаются, то образуют реку под названием Иордан, в которой крестился Господь.

§ 571

По договоренности с тамплиерами, графом д'Э, госпитальерами и бывшими там местными баронам было решено, что отряд короля (в коем тогда был и я, так как король оставил при себе сорок рыцарей из моего отряда) и мудрого монсеньора Жоффруа де Саржина, пойдут между замком и городом; местные же бароны войдут в город слева, госпитальеры — справа, а тамплиеры вступят в город прямо, по дороге, которой мы пришли.

§ 572

Мы продвигались до тех пор, пока не подошли к городу и не увидели, что находившиеся там сарацины разбили королевских воинов и изгнали их из города. Узнав об этом я отправился к старшим из тех, кто был с графом д'Э, и сказал им: «Сеньоры, если вы не пойдете, как нам приказали, между замком и городом, сарацины перебьют наших людей, вошедших в город». Путь же туда был очень рискованным; ибо в том опасном месте, куда мы должны были идти, было целых три стены сухой кладки, а подъем был такой крутой, что лошадь едва могла держаться на ногах; а на холме, где мы должны были пройти, стояло множество конных турок.

§ 573

Разговаривая с ними, я заметил, что наши пехотинцы разрушают стены. И я сказал тем, с кем говорил, что королевскому отряду приказано идти туда, где стояли турки; и раз так приказано, я пойду. И с двумя своими рыцарями я направился к тем, кто разрушал стены, и увидел, что один конный воин вздумал преодолеть стену, но его лошадь упала, придавив его. Тогда я спешил и взял свою лошадь под уздцы.

Богу было угодно, чтобы турки, заметив наше приближение, оставили то место, где мы должны были пройти. Оттуда, где находились турки, к городу спускалась крутая скала.

§ 574

Когда мы оказались там, а турки ушли, находившиеся в городе сарацины пали духом и без сопротивления оставили город нашим людям.

В это время маршал тамплиеров услышал, что я в опасности; и он поскакал ко мне навверх. Пока я стоял навверху, ко мне подъехали немцы³⁸¹ из отряда графа д'Э; и когда они увидели конных турок, бежавших к замку, то пришли в движение, дабы броситься вслед; но я им сказал: «Сеньоры, вы нехорошо поступаете; ведь мы стоим там, где нам велено, а вы хотите идти дальше в нарушение приказа».

§ 575

Замок, возвышавшийся над городом, назывался Субейб и находился в горах Ливана на высоте добрых полулье; а возвышенность, что подымается к замку, усеяна большими камнями, размером с сундук. Немцы, поняв, что преследовать неразумно, вернулись назад. Увидав это, пешие сарацины бросились на них, обрушивая с высоты скал на немцев сильные удары палиц и срывая попоны с их лошадей.

§ 576

Когда бывшие с нами пехотинцы почувствовали опасность, их охватил испуг; и я им сказал, чтобы они убирались, я велю их навсегда лишить королевского довольствия. А они мне ответили: «Сир, игра не в нашу пользу; ведь вы на коне и бежите, а мы пешие, и сарацины нас перебьют». И я им сказал: «Сеньоры, заверяю вас, что не побегу, и останусь с вами пешим». Я спешился и отослал свою лошадь с тамплиерами, стоявшими позади на расстоянии полета стрелы арбалета.

§ 577

При отступлении немцев сарацины сразили стрелой в горло одного моего рыцаря по имени монсеньор Жан де Бюссей; и он свалился предо мной замертво. Монсеньор Гуго д'Эко, хорошо проявивший себя на Святой земле, племянником которого был этот рыцарь, сказал мне: «Сир, подойдите помочь нам перенести моего племянника вниз». «Будь проклят тот, — ответил я, — кто вам в этом поможет! Ибо вы отправились навверх без моего приказа; и если из-за этого с вами стряслась беда, то поделом. Снесите его вниз в отхожее место; а я не уйду отсюда, доколе за мной не придут».

§ 578

Когда монсеньор Жан де Валансьен услышал об опасности, которая нам угрожала, то отправился к монсеньору Оливье де Терму и прочим лангедокским военачальникам и сказал им: «Сеньоры, именем короля прошу вас и приказываю помочь мне съездить за сенешалом». Пока он хлопотал, к нему подошел монсеньор Гийом де Бомон и сказал: «Вы зря трудитесь, ибо сенешал мертв». И тот ответил: «О его смерти или жизни я принесу вести королю». После чего он тронулся в путь и прибыл к нам

на гору, куда мы взобрались; прискакав к нам, он передал мне, чтобы я подъехал поговорить с ним; я так и поступил.

§ 579

Тогда Оливье де Терм мне сказал, что мы здесь находимся в великой опасности; ибо если мы будем спускаться там, где поднялись, то понесем большие потери, потому что с этой стороны дорога очень плоха, и сарацины сверху набросятся на наш отряд: «Но если вам угодно мне довериться, я вызволю вас без потерь». И я его попросил объяснить, что он хочет, обещая сделать это.

§ 580

«Я вам скажу, — ответил он, — как нам спастись. Мы отправимся прямо вдоль склона, как если бы направлялись к Дамаску; находящиеся там сарацины подумают, что мы собираемся напасть на них сзади. А когда мы окажемся на этой равнине, то пришпорим лошадей и, обогнув город, переправимся через ручей прежде, чем они смогут до нас доскакать; и к тому же мы причиним им великий ущерб, ибо подожжем обмолоченную пшеницу, которая лежит на этих полях».

§ 581

Мы поступили так, как он нас научил; и он велел взять тростник, из которого делают флейты, поместить внутрь уголки и воткнуть в обмолоченную пшеницу. Так благодаря совету Оливье де Терма Господь привел нас к спасению. И знайте, что когда мы добрались до лагеря, где были наши люди, то нашли всех разоруженными; так что там не было никого, кто бы принял меры предосторожности. А на следующий день мы возвратились в Сайетту, где находился король.

§ 582

Мы узнали, что король собственноручно похоронил христиан, убитых сарацинами, о чем сказано выше; и сам носил разложившиеся, источавшие зловоние тела, дабы опустить в вырытые ямы, не затыкая себе носа, когда другие затыкали. Он созвал отовсюду рабочих и повелел обнести город высокими стенами и мощными башнями. И когда мы прибыли в лагерь, то обнаружили, что король сам уже определил места, где нам жить: мне он отвел место подле графа д'Э, так как знал, что тот любит мое общество.

§ 583

Я расскажу вам о шутках, которые проделывал с нами граф д'Э. Я обзавелся домом, где обедал со своими рыцарями при свете из

открытой двери. Дверь же выходила в сторону графа д'Э; и он, будучи очень ловким, изготовил маленькую баллисту, из которой стрелял в дом; он выжидал, когда мы садились обедать, и устанавливал свою баллисту так, чтоб вести стрельбу по нашему столу, и стрелял из нее, разбивая кувшины и стаканы.

Я запасаю курами и каплунами; и не знаю, кто дал ему молодую медведицу, которую он выпускал на моих кур; и она прикончила дюжину их, прежде чем туда пришли; и женщина, которая за ними смотрела, колотила медведицу своей прялкой.

§ 584

В то время, как король укреплял Сайетту, в лагерь пришли купцы, рассказавшие нам, что король татар захватил город Багдад и сарацинского апостола, который был сеньором города и именовался багдадским халифом. Купцы нам рассказали и способ, каким они взяли Багдад и халифа; а способ заключался в том, что когда они осадили город халифа, король татар потребовал от него добровольного согласия на брак меж его детьми и своими; и советники халифа предложили ему согласиться на брак.

§ 585

И король татар велел прислать ему человек сорок наиболее знатных людей из его совета, дабы поклялись в заключении брака, и халиф это сделал. Король снова приказал послать к нему сорок человек из самых знатных и храбрых мужей, какие только были у халифа; и халиф так и поступил. На третий раз он передал чтобы халиф направил к нему сорок наилучших людей из своего окружения; и тот исполнил и это. Когда король татар увидел, что в его руках все предводители города, то решил, что простой люд не сможет обороняться без руководителей. Он велел отрубить головы всем ста двадцати знатным людям, а затем приказал осадить город и взял его вместе с халифом.

§ 586

Дабы оправдать свое вероломство и обвинить в совершенном им захвате города халифа, король велел схватить его, посадить в железную клетку и морить голодом, пока тот будет способен сносить его, не умирая. И потом спросил, голоден ли он. И халиф ответил, что да; и это было неудивительно. Тогда король татар приказал принести ему большое золотое блюдо, наполненное украшениями из драгоценных камней, и сказал ему: «Тебе знакомы эти драгоценности?» И халиф ответил, что да: «Они были моими». И тот спросил, любит ли он их. И халиф ответил, что любит.

§ 587

«Раз ты их так любишь, — произнес король татар, — то возьми из них сколько хочешь и ешь». Халиф ответил ему, что не может, ведь это не пища, которую едят. Тогда король ему сказал: «Теперь ты видишь, в чем было твое спасение. Если бы ты раздал свои сокровища (которые сейчас для тебя бесполезны) воинам, то оказался бы защищен от нас, растратив то, чего тебе недостает в самой великой нужде, какую ты когда-либо терпел»³⁸².

§ 588

В то время, когда король укреплял Сайетту, я пришел на рассвете к его мессе, и он мне велел подождать его, так как хотел проехаться верхом; и я так и сделал. Очутившись в полях, мы подъехали к маленькой церквушке и увидели священника, служившего мессу. Король сказал мне, что эта церковь построена в честь чуда, которое сотворил Бог, изгнав дьявола из тела дочери вдовы³⁸³; и сказал мне, что если я не против, он прослушает в ней мессу, которую священник уже начал. И я ему ответил, что как мне кажется, это дело доброе.

§ 589

Когда дело дошло до причастия, я увидел, что клирик, помогавший служить мессу, был высоким, черным, худым и растрепанным, и испугался, что это может быть ассасин, человек дурной, который, подавая королю *pez*³⁸⁴, способен его убить. Я подошел взять *pez* у священника и подал ее королю. Когда месса была окончена и мы сели на коней, то встретили в полях легата; и подъехав к нему, король подозвал меня и сказал легату: «Жалуюсь вам на сенешала, который подал мне *pez* и не захотел, чтобы ее дал бедный клирик».

§ 590

И я сообщил легату причину, по которой я так поступил; и легат сказал, что я сделал очень хорошо. А король ответил: «Вовсе нет». Между ними завязался жаркий спор, и потому меня оставили в покое.

И я вам рассказал эту историю, дабы вы знали о его великом смирении. Об этом чуде, сотворенном Господом с дочерью вдовы, рассказано в Евангелии, где говорится, что Бог, сотворил его *in parte Tyri et Sydonis*. Ибо тогда город, названный мною Суром, звался Тиром, а город Сайетта звался Сидоном.

§ 591

Во время укрепления Сайетты к королю прибыли послы от одного знатного сеньора из глуби Греции, который велел себя величать великим Комнином и сиром Трапезунда³⁸⁵. Они привезли королю в дар различные

драгоценности. Среди прочего они поднесли ему луки из рога, выемки которых крепились к лукам³⁸⁶; и те, кто стрелял из них, говорили, что они очень хорошо срезаны и прекрасно сделаны.

§ 592

Они попросили короля послать к нему девицу из своего дома в жены их сеньору. И король ответил, что не взял за море ни одну из них; и посоветовал им отправиться в Константинополь к императору, который приходился королю кузеном, и попросить его дать их сеньору жену, которая была бы из рода короля и его рода. И король поступил так, чтобы император вступил в союз с этим знатным и богатым человеком против Ватаца, который был тогда греческим императором.

§ 593

Королева, которая недавно оправилась после рождения мадам Бланки³⁸⁷ в Яффе, приехала в Сайетту; прибыла она по морю. Когда я узнал о ее приезде, я встал раньше короля, выехал ей навстречу и довез ее до замка.

§ 594

И когда я вернулся к королю, который был в часовне, он спросил меня, хорошо ли себя чувствуют королева и ребенок; и я ему ответил, что да. А он мне сказал: «Я прекрасно знал, что раз вы поднялись раньше меня, то поехали навстречу королеве; а посему велел не начинать проповеди до вашего приезда».

И я вам говорю об этом, потому что за пять лет, что я находился подле него, ни я, ни кто-либо другой не слышали, чтобы он вспоминал о королеве или своих детях; и не хорошо, как мне кажется, быть столь чужим своей жене и детям.

§ 595

В день Всех Святых³⁸⁸ я пригласил всех знатных людей войска в мой дом, стоящий у моря; и тут подплыл в лодке один бедный рыцарь с женой и четырьмя сыновьями. Я завел их пообедать в свой дом. Когда мы пообедали, я созвал находившихся там знатных людей и сказал им: «Сотворим великую милость и освободим этого бедного человека от его детей; пускай каждый кого-либо возьмет себе, и я возьму одного из них». Все взяли по ребенку, соперничая друг с другом, дабы получить его. Когда бедный рыцарь это увидел, он и жена расплакались от радости.

§ 596

И случилось однажды так, что когда граф д'Э вернулся после обеда у короля и зашел повидаться с находившимися в моем доме знатными

людьми, он забрал у меня ребенка, которому было двенадцать лет и который ему служил столь хорошо и преданно, что когда мы возвратились во Францию, граф женил его и посвятил в рыцари. И всякий раз, когда я бывал там же, где и граф, он не мог оторваться от меня и говорил: «Сир, Бог вам воздаст за это! Ибо этой честью я обязан вам». Что же до других его трех братьев, то не знаю, что с ними случилось.

§ 597

Я попросил короля позволить мне отправиться в паломничество к Тортозской богородице, куда стекалось множество паломников, так как это был первый алтарь на земле, воздвигнутый в честь Матери Божьей³⁸⁹. И много великих чудес творила там Богородица; и среди прочих был один одержимый, в тело которого вселился дьявол. Когда его друзья, кои его туда привели, просили Матерь Божию ему даровать исцеление, враг же, сидевший в нем, ответил им: «Богородица не здесь, а в Египте, дабы помочь приставшим сегодня к берегу королю Франции и пешим христианам против конных язычников».

§ 598

Случившееся в этот день было записано и привезено легату, который сам поведал мне об этом. И будьте уверены, что она нам помогла; и помогла бы еще больше, если бы мы не разгневали ее и Сына, как я уже говорил.

§ 599

Король разрешил мне туда съездить и, посоветовавшись, наказал мне купить ему сто кусков камлота различных цветов, дабы поднести кордельерам, когда вернемся во Францию. Тогда мое сердце успокоилось; ибо я подумал, что он здесь долго не задержится.

Когда мы приехали в Триполи, мои рыцари спросили меня, что я хочу сделать из камлота. Я ответил: «Может быть я похитил его, чтобы заработать».

§ 600

Князь [Антиохии] (спаси его Господь!) устроил нам пышное празднество и чествовал как только мог; и он поднес бы мне и моим рыцарям богатые дары, если бы мы захотели их принять. Но мы не пожелали ничего взять, кроме мощей, которые с купленным мной камлотом я и привез королю.

§ 601

Я послал также и мадам королеве четыре куска камлота. Рыцарь, предносивший их ей, нес их завернутыми в белое полотно. Когда королева

увидела, что он входит в ее комнату, то опустилась перед ним на колени, а он в свою очередь встал на колени перед ней; и королева обратилась к нему: «Встаньте, сир рыцарь, ведь вы несете мощи и не должны опускаться на колени». Но рыцарь ответил: «Мадам, это не мощи, а камлот, который посылает вам мой господин». Услыхав это, королева и ее дамы рассмеялись; и королева сказала рыцарю: «Передайте своему сеньору, что я желаю ему недоброго дня, за то, что заставил меня опуститься на колени перед его камлотом».

§ 602

Тогда как король был в Сайетте, ему принесли камень, расколотый на несколько частей, который был чудеснее всех в мире. Ибо когда поднимали одну часть, меж двух камней можно было увидеть очертания рыбы. Рыба эта была каменной, но глаза, плавники и окраска у нее были, как у живой. Король дал мне камень и внутри я увидел линия коричневого цвета, совсем как настоящего³⁹⁰.

§ 603

В Сайетте король получил известие о смерти матери³⁹¹. И он погрузился в такую великую скорбь, что в течение двух дней с ним совсем нельзя было разговаривать. Потом он прислал за мной камердинера. Когда я предстал перед ним в его комнате, где он был один, и он увидел меня, то протянул ко мне руки и сказал: «Ах, сенешал! Я потерял мою матушку!»

§ 604

«Сир, этому я не удивляюсь, — ответил я, — ибо она смертна, но я удивлен тем, что вы, человек мудрый, впали в такую сильную скорбь; ибо вы знаете, что по словам мудреца, какая бы у человека ни была на сердце печаль, ничего не должно проявляться на лице; потому что тот, кто поступает иначе, доставляет радость врагам и огорчение друзьям».

И много прекрасных служб велел он заказать по ней за морем; а после отправил во Францию целую вьючную лошадь посланий церквам с просьбой молиться за нее.

§ 605

Мадам Мари де Вертю, очень добрая дама и благочестивая женщина, приехала сообщить мне, что королева охвачена великой печалью, и просила меня съездить к ней, дабы ее утешить. И прибыв туда, я застал ее плачущей и сказал ей, что правду говорят, что не следует верить женщинам: «Ведь умерла женщина, которую вы ненавидели больше всего, а вы по ней так скорбите!» И она мне ответила, что плачет не по королеве,

а из-за скорби и мук короля и из-за своей дочери (ставшей впоследствии королевой Наварры), которая осталась на попечении мужчин³⁹².

§ 606

Королева Бланка причинила королеве Маргарите немало страданий, поскольку она не терпела, когда ее сын находился у своей жены, разве что вечером, когда он отпраплялся с ней спать.

Замок, где больше всего любили жить король и королева (потому что покои короля были наверху, а королевы внизу), находился в Понтуазе.

§ 607

И они говорили о своих делах на винтовой лестнице, что вела из одних покоев в другие; и устраивались они так, что привратник, завидев входящую в покои сына королеву, стучал жезлом в дверь, и король бегом возвращался в свою комнату, чтобы мать застала его там; и так же поступал привратник королевы Маргариты, чтобы королева Бланка, являясь к ней, заставала ее у себя.

§ 608

Однажды король находился подле королевы, своей жены, а она была в смертельной опасности после тяжелых родов. Туда явилась королева Бланка и, взяв сына за руку, сказала ему: «Подите отсюда, вам нечего здесь делать». Когда королева Маргарита увидела, что мать уводит короля, она вскричала: «Увы! вы не даете мне поглядеть на моего господина ни живой, ни мертвой». И она лишилась чувств, и подумали, что она умерла; и король, решив, что она умирает, вернулся; и ее с великим трудом привели в чувство.

§ 609

Когда город Сайетта был уже почти полностью укреплен, король приказал организовать в лагере многочисленные процессии, а под конец легат велел молиться, дабы Бог укрепил короля в его воле, и король поступил бы по Божьему соизволению, решив, то ли ему возвратиться во Францию, то ли остаться здесь.

§ 610

По окончании процессий, когда я сидел со знатными людьми страны, король отозвал меня во внутренний дворик и повернул меня к ним спиной. Тогда легат мне сказал: «Сенешал, король очень хвалит вашу службу и охотно окажет вам честь и вознаградит вас; и чтобы успокоить ваше сердце, — продолжал он, — король просил меня передать вам, что он

завершил свои дела и может отправляться во Францию на наступающую Пасху»³⁹³. И я ему ответил: «Да свершит он волю Господню!»

§ 611

Тут легат поднялся и попросил меня сопроводить его до дома, что я и сделал. Потом мы с ним одни заперлись в его комнате, и он, взяв мои руки в свои, стал очень горько плакать; а когда он смог говорить, то сказал мне: «Сенешал, я очень рад и благодарен Господу, что король, вы и другие паломники избежали великой опасности на этой земле. И я скорблю, оттого что мне придется покинуть ваше благочестивое общество и вернуться к римскому двору, к его бесчестным людям».

§ 612

«Но я вам скажу, как я думаю поступить: я собираюсь пробить здесь еще год после вас; и я хочу истратить все свои деньги на укрепление предместья Акры, чтобы всем ясно показать, что из денег я обратно ничего не везу; тогда они не будут преследовать меня».

§ 613

Однажды я поведал легату о двух грехах, о чем рассказал мне один мой священник; и он мне ответил так: «Никто столько не знает о низких грехах, совершенных в Акре, сколько знаю я; Господу следует отмстить за них так, чтобы омыть крепость Акры кровью жителей; дабы пришли потом сюда другие люди, которые тут и поселятся». Пророчество мудрого человека частично исполнилось, ибо город был хорошо омыт кровью жителей; но еще не явились те, кто должен там поселиться³⁹⁴. Да пошлет туда Господь людей добрых и послушных Его воле!

§ 614

После этих событий за мной послал король и приказал мне и моим рыцарям вооружиться. Я спросил его, зачем; и он мне ответил, чтобы сопровождать до Сура, куда было семь лье пути, королеву и его детей. Я ни слова не сказал ему, а это было очень опасное предприятие: ведь у нас тогда не было ни мира, ни перемирия, как с эмирами Египта, так и с султаном Дамаска. Благодаря Богу, мы добрались вполне благополучно, к наступлению ночи и без каких либо помех, когда нам пришлось два раза сходить на землю наших врагов, дабы развести огонь и приготовить пищу для детей, чтобы они поели и отдохнули.

§ 615

Когда король выехал из города Сайетты, который он укрепил высокими стенами, мощными башнями и глубокими рвами, вычищенными

изнутри и снаружи, к нему пришли патриарх и бароны края и сказали ему так:

§ 616

«Сир, вы укрепили города Сайетту и Цезарею и бург Яффы, от чего Святой земле великая польза; а город Акру вы усилили возведенными стенами и башнями. Сир, мы обсудили и решили меж собой, что оставаясь здесь, вы не сделаете ничего большего для королевства Иерусалимского; посему мы вам предлагаем и советуем с наступающим постом ехать в Акру и подготовиться к плаванию за море, дабы вернуться во Францию после этой Пасхи»³⁹⁵.

По совету патриарха и баронов король покинул Сайетту и приехал в Сур, где находилась королева; а оттуда с началом поста прибыл в Акру.

§ 617

Король повелел в течение всего поста снаряжать для возвращения во Францию корабли, которых вместе с галерами было тринадцать. Суда и галеры были подготовлены, и король и королева сели на свои корабли накануне дня святого Марка, после Пасхи³⁹⁶. В праздник святого Марка³⁹⁷ король мне сказал, что в этот день он родился; а я ему ответил, что он с таким же основанием может сказать, что родился вторично в этот день, коль скоро вырвался из этой опасной страны.

§ 618

В субботу мы увидели остров Кипр и гору, что стоит на нем и называется Крестовой. В эту субботу землю окутал туман и спустился с суши на море; из-за этого наши моряки думали, что мы находимся дальше от Кипра, чем были на самом деле, так как видели гору над туманом. И посему они плыли беспечно, отчего и случилось, что наш корабль врезался в песчаную отмель в море. А если бы мы не натолкнулись на этот песчаный нанос, то врезались бы прямо в скалы, которых было не видно; и о них наш корабль разбился бы в щепки, и мы бы погибли и утонули.

§ 619

Едва наш корабль ударился, как поднялся сильный крик, ибо все кричали: «Увы!», моряки и прочие, боясь утонуть, от страха стучали руками. Услышав это, я встал с постели, на которой лежал, и пошел в башню к морякам. Когда я туда пришел, тамплиер брат Раймон, старшина матросов, сказал одному из своих слуг: «Брось лот». И тот повиновался. И едва бросив его, он вскрикнул: «Увы! Мы на земле». Когда брат Раймон услышал это, то разорвал на себе одежду и принялся рвать бороду и кричать: «Горе мне, горе мне!»

§ 620

В это время один из моих рыцарей по имени монсеньор Жан де Монсон, отец аббата Гийома из Сен-Мишеля, проявив великую любезность, без моей просьбы принес мой сюрко, подбитый мехом и набросил мне его на плечи, ибо на мне была только одна рубаха. А я крикнул ему: «Что мне делать с вашим сюрко, что вы принесли, когда мы тонем?» И он мне сказал: «Клянусь своей душой, сир, я лучше соглашусь, чтобы мы все утонули, нежели допущу, чтобы вы от холода схватили болезнь и умерли».

§ 621

Моряки закричали: «Вон галера! Она идет за королем!» Но из четырех галер короля ни одна не подошла к нам; и они поступили мудро, ибо на корабле было почти восемьсот человек, которые бы все перепрыгнули на галеры ради спасения и таким образом потопили бы их.

§ 622

Тот, у кого был лот, спустил его во второй раз и, вернувшись к брату Раймону, сказал, что корабль сошел с земли. И тогда брат Раймон пошел доложить об этом королю, который простерся крестом на корабельном мостике, пред распятием Господа нашего, которое было на корабле, совершенно босой, в одной рубахе, с растрепанными волосами, как и подобает тому, кто уверен, что утонет. Едва занялся рассвет, как мы увидели скалу, о которую бы разбились, если бы корабль не врезался в песчаную отмель.

§ 623

На следующий день король связался с капитанами кораблей, которые прислали четырех подводных пловцов. И те нырнули в море; а когда возвратились, то король и капитаны выслушали их по очереди так, что ни один пловец не знал, что сказали остальные. Тем не менее от четырех пловцов узнали, что при ударе нашего корабля о песчаную отмель песок сорвал с него почти четыре туаза кия, бывшего в основании корабля.

§ 624

Тогда король позвал капитанов и спросил их, какой совет по поводу полученного нашим кораблем удара они подадут. И те посовещались вместе и предложили королю сойти с этого корабля и пересесть на другой.

§ 625

«И мы вам даем этот совет, ибо уверены, что все доски вашего корабля расшатаны и опасаемся, что, выйдя в открытое море, он не сможет выдержать ударов волн и развалится. Ведь когда вы плыли из Франции, один корабль тоже получил удар, и когда он вышел в открытое море,

то не смог противостоять ударам волн и разломился; а все, кто был на корабле, погибли, кроме одной женщины и ее ребенка, что спаслись на обломке корабля».

И я свидетельствую, что они говорили правду; ибо я видел женщину и ребенка в доме графа де Жуаньи, в городе Баффе, коих граф содержал Бога ради.

§ 626

Тогда король спросил камергера монсеньора Пьера, монсеньора Жилия ле Брена, коннетабля Франции, и монсеньора Жервеза д'Экрена, что был королевским кухмейстером³⁹⁸, и архидьякона Никосии, хранителя его печати, ставшего потом кардиналом³⁹⁹, и меня, что мы ему посоветуем по этому поводу. И мы ему ответили, что в делах земных должно верить тем, кто в этом сведущ: «Поэтому мы со своей стороны вам советуем сделать то, что вам предлагают капитаны».

§ 627

Тогда король сказал капитанам: «Взываю к вашей искренности — если бы корабль принадлежал вам и был нагружен вашими товарами, сошли бы вы с него?» И они все ответили, что ни за что; ибо они предпочли бы подвергнуться опасности утонуть, чем бросить корабль стоимостью более четырех тысяч ливров. «А почему же вы советуете мне сойти?» «Потому, — ответили они, — что выбора здесь нет; ведь ни золотом, ни серебром не могут оцениваться ни ваша персона, ни персоны вашей жены и детей, которые находятся здесь; а посему мы не советуем подвергать опасности ни себя, ни их».

§ 628

И король произнес: «Сеньоры, я выслушал ваше мнение и мнение моих людей; так скажу же вам свое: если я покину корабль, то более пятисот человек, находящихся на нем, останутся на острове Кипр из страха перед гибелью (ведь все любят свою жизнь более всего) и может быть, никогда не возвратятся в свою страну. Поэтому я предпочитаю вверить себя, жену и своих детей в руки Господа, чем причинить такой вред столь большому числу людей на корабле».

§ 629

О большом ущербе, который король причинил бы людям его корабля, можно судить по находившемуся на королевском судне Оливье де Терму; он был одним из наиболее отважных и хорошо проявивших себя на Святой земле людей, каких я только видел. Но он не решился остаться с нами, опасаясь утонуть, и сошел на Кипре, где испытал столько

злоключений, что смог вернуться к королю лишь через полтора года; а он был человеком знатным и богатым и мог оплатить свой путь из-за моря. А что делал бы меньший люд, которому нечем было платить, если перед таким человеком оказалось столько препятствий!

§ 630

Избежавши благодаря Богу этой опасности, мы попали в другую; ибо поднялся такой сильный и страшный ветер, что погнал нас и силой прибил к острову Кипр, где мы чуть не утонули; матросы, чтобы устоять против ветра, бросили якоря и никак не могли остановить корабль, пока не бросили пять якорей. Пришлось разрушить стенку королевской комнаты, и никто не осмелился там оставаться из страха, что ветер снесет его в море. Но в этот момент коннетабль Франции монсеньор Жиль де Брен и я лежали в комнате короля; и тут дверь открыла королева, полагая найти короля у себя.

§ 631

И я ее спросил, что ее привело; она сказала, что пришла поговорить с королем, чтобы он пообещал Господу или его святым какое-либо паломничество, благодаря чему Бог избавил бы нас от той опасности, в которую мы попали; ибо моряки сказали, что мы можем потонуть. И я ей ответил: «Мадам, пообещайте паломничество к монсеньору святому Николаю Варанжевильскому⁴⁰⁰, и я ручаюсь вам, что Господь приведет во Францию вас, короля и ваших детей». «Сенешал, — молвила она, — я бы охотно это сделала, но король такой своенравный, что если узнает, что я дала обет без него, то никогда не позволит мне туда пойти».

§ 632

«Сделайте так: чтобы Господь привел вас во Францию, пообещайте ему серебряный кораблик в пять марок за короля, вас и ваших троих детей; и я заверяю вас, что Бог приведет вас во Францию; я же пообещал святому Николаю, что если мы избежим той опасности, в коей оказались ночью, я отправлюсь из Жуанвиля пешком и босой молиться ему». И она мне ответила, что касаясь кораблика в пять марок серебром, то она обещает его святому Николаю, и сказала, чтобы я ей в этом был порукой; и я ответил, что охотно возьму на себя это. Она ушла и немного спустя вернулась к нам и сказала мне: «Святой Николай уберет нас от этой опасности, ибо ветер спал».

§ 633

Когда королева (спаси ее Бог!) вернулась во Францию, она велела изготовить в Париже серебряный кораблик. На корабле были король,

королева и трое детей, все из серебра; матросы, мачты, руль и снасти — все серебряные, а паруса сотканы из серебряной нити. И королева мне сказала, что изделие обошлось в сто ливров. Когда кораблик был изготовлен, королева послала его мне в Жуанвиль, дабы отвезли его в церковь святого Николая, и я так и сделал; и я видел его еще в церкви святого Николая, когда везли сестру короля в Хагенау к германскому королю⁴⁰¹.

§ 634

Вернемся же к нашему повествованию и расскажем также, что после того, как мы избежали тех двух опасностей, король уселся у борта корабля, а мне повелел сесть у его ног и сказал мне так: «Сенешал, Господь наш ясно показал нам свое великое могущество; ведь один из этих малых ветров (не из основных четырех!) чуть было не потопил короля Франции, его жену, детей и все его окружение. Будем же признательны ему и возблагодарим за избавление нас от опасности⁴⁰².

§ 635

«Сенешал, — продолжал король, — когда с людьми случаются подобные беды, тяжелые болезни или прочие напасти, святые говорят, что это угрозы Господа нашего. Ибо подобно тому, как Бог говорит избежавшим тяжких хворей: „Вот видите, я бы мог умертвить вас, если бы пожелал“, может он сказать нам: „Вы хорошо видите, что я мог бы всех вас потопить, если бы захотел“».

§ 636

«Мы же должны, — сказал король, — посмотреть на себя, нет ли чего в нас неугодного ему, и понять, почему он нас так устрасил; а обнаружив что-либо, избавиться от этого, ибо если после явленной им угрозы мы поступим иначе, он поразит нас либо смертью, либо каким-нибудь иным великим несчастьем на погибель нашего тела и души».

§ 637

Король продолжал: «Сенешал, святой сказал: „Господи, зачем грозишь нам? Ведь если бы ты нас всех погубил, то не стал бы беднее; а заполучи ты всех нас, ты не станешь богаче. Поэтому понятно, — говорит святой, — что Бог посылает нам испытания не ради умножения своей выгоды и не во избежание ущерба себе; но только из великой любви, которую он к нам питает, предостерегает он нас своими угрозами, дабы ясно узрели мы свои грехи и избавились от того, что ему неугодно“. Так сделаем же это, — сказал король, — и мы поступим мудро».

§ 638

Запасшись на острове свежей водой и прочим, в чем мы нуждались, мы отплыли от острова Кипр и затем прибыли на остров, который называется Лампедуза, где наловили много кроликов; там мы обнаружили древнюю обитель в скалах и нашли садик, который разбили отшельники, жившие в прежние времена: здесь были виноградник, оливки, фиги и другие деревья. Через сад протекал ручеек из родника. Мы с королем прошли до конца сада и под первым сводом нашли выбеленную известью молельню и крест красный от земли.

§ 639

Мы прошли под второй свод и нашли два совершенно истлевших тела; скелет еще не рассыпался, и кости рук лежали на груди; и они были положены к востоку, как кладут тела в землю. По нашему возвращению на корабль мы не досчитались одного из матросов и командир судна решил, что он остался, дабы стать отшельником; а посему Николая де Суази⁴⁰³, главный сержант короля, оставил на берегу три мешка с сухарями в надежде, что тот найдет их и будет ими жить.

§ 640

Отплыв оттуда, мы увидели в море большой остров, который назывался Пантенеле⁴⁰⁴ и был населен сарацинами, подчиненными королю Сицилии⁴⁰⁵ и королю Туниса. Королева упросила короля послать туда три галеры, дабы набрать фруктов для их детей; и король согласился и приказал командирам галер, чтобы, когда королевский корабль будет проходить мимо острова, они были готовы подойти к нему.

Галеры причалили к острову в гавани, которая там имелась, и случилось так, что когда корабль короля прошел мимо гавани, мы не получили никаких вестей о наших галерах.

§ 641

Моряки начали перешептываться. Король велел их позвать и спросил, что они думают об этом происшествии; и моряки ему сказали, что сдается им, сарадины захватили его людей и галеры. «Но мы вам предлагаем и советуем, сир, не дожидаться их, ибо вы находитесь между Сицилийским королевством и королевством Тунис, а в том и другом вас не слишком любят; и если вы нам позволите плыть дальше, мы, покуда ночь, избавим вас от опасности, пройдя через этот пролив».

§ 642

«Воистину, — ответил король, — я не послушаю вас и не оставляю моих людей в руках сарацин, не сделав по крайней мере все возможное, дабы освободить их. Приказываю вам свернуть паруса, мы пойдем на

помощь!» И когда королева это услышала, она выказала великую скорбь и сказала: «Увы! Это все из-за меня!»

§ 643

Пока сворачивали паруса королевского и прочих кораблей, мы увидели отчалившие от острова галеры. Когда они подошли, король спросил матросов, почему они так поступили, и те ответили, что ничего не могли поделаться, и все это из-за шести сыновей парижских буржуа, которые объедались фруктами в садах; они не могли уговорить их вернуться, а бросать не хотели. Тогда король приказал их посадить в шлюпку; и тут они стали вопить и кричать: «Бога ради, возьмите все, что у нас есть, но не сажайте туда, куда помещают убийц и воров, ведь для нас это вечный позор».

§ 644

Королева и мы все сделали все возможное, чтобы король соизволил смягчиться, но он не желал никого слушать: их посадили в шлюпку и они там оставались, покуда мы не добрались до суши. И там они попали в бедственное положение, потому что когда море волновалось, волны взлетали над их головами, и им приходилось приседать, чтобы ветром не снесло их в море. И это было поделом; ибо из-за их прожорливости мы понесли урон, опоздав на добрых восемь дней, так как король должен был повернуть корабли назад.

§ 645

Прежде чем мы сошли на сушу, в море с нами случилось другое происшествие, связанное с тем, что одна из монахинь⁴⁰⁶ королевы, укладывавая ее спать, не остереглась и бросила полотно, коим была обмотана ее голова, на край железного поставца, где горела свеча королевы; и когда она отправилась спать в каюту над покоями королевы, в которой спали женщины, свеча вспыхнула так, что пламя охватило полотно, а с него перекинулось на холстину, которым была накрыта одежда королевы.

§ 646

Когда королева проснулась, то увидела, что вся комната охвачена огнем; и она вскочила с постели совершенно нагая, схватила полотно и выбросила его горящим в море, а холстину погасила. Те, кто был в шлюпке, негромко закричали: «Огонь, огонь!» Я поднял голову и увидел, как полотно еще горело ярким пламенем на море, которое было очень спокойным. Я как можно быстрее надел свою котту и пошел и сел с моряками.

§ 647

Пока я там сидел, мой оруженосец, спавший подле меня, явился ко мне и сообщил, что король проснулся и спросил, где я. «И я ему ответил,

что вы вышли по нужде; а король мне сказал: „Ты лжешь“. Покуда мы разговаривали, к нам подошел мэтр Жоффруа, клирик королевы, который мне сказал: «Не пугайтесь, так уж случилось». И я ему ответил: «Мэтр Жоффруа, подите, скажите королеве, что король проснулся, пусть она пойдет его успокоит».

§ 648

На следующий день коннетабль Франции камергер монсеньор Пьер и хлебодар⁴⁰⁷ монсеньор Жерве спросили у короля: «Что произошло этой ночью, мы слышали, что говорят о пожаре?» Я не произнес ни слова. И тогда король сказал: «К сожалению, сенешал скрытнее меня, а я вам скажу, — продолжал король, — случилось то, что мы ночью чуть все не сгорели».

§ 649

И он поведал им, как это произошло, а мне сказал: «Сенешал, приказываю вам, чтобы отныне и впредь вы не ложились спать до тех пор, покуда не погасите здесь все огни, за исключением большого огня, что в складочном помещении корабля. И знайте, что я не лягу спать, пока вы не вернетесь ко мне». И так я и поступал, покуда мы были в море; и когда я возвращался, король ложился.

§ 650

Другое происшествие случилось на море; монсеньор Драгоне, знатный человек из Прованса, спал утром на своем корабле, находящемся в добром лье впереди нашего; и, позвав своего оруженосца, сказал ему: «Поди заткни то отверстие, солнце бьет в глаза». Оруженосец понял, что не сможет его закрыть, если не спустится за борт, — и он спустился. Пока он затыкал отверстие, у него соскользнула нога, и он упал в воду; а на этом судне не было шлюпки, так как оно было маленьким; корабль тут же отошел. Мы на королевском судне, увидели его и решили, что это вьюк или бочка, потому что упавший в воду никак себе не помогал.

§ 651

Одна из галер короля подобрала его и доставила на наш корабль, где он рассказал нам, что с ним приключилось. Я спросил его, почему он решил не спастись, поплыть или еще что. И он мне ответил, что у него не было никакой потребности или нужды помогать себе; ибо едва начав падать, он препоручил себя Воверской богоматери, и она поддерживала его за плечи с момента падения и до того, как его подобрала галера короля.

В честь этого чуда я велел изобразить его в моей часовне в Жуанвиле и на витражах в Блекуре.

§ 652

Пробыв десять недель в море, мы вошли в гавань, что находилась в двух лье от замка, называемого Йер, который принадлежал графу Прованскому, ставшему потом королем Сицилии⁴⁰⁸. Королева и весь совет согласились с тем, чтобы король сошел там на сушу, так как это была земля его брата. Король ответил нам, что не сойдет со своего корабля до тех пор, пока не доберется до Эг-Морта, который находился на его земле.

И в этом месте король продержал нас среду и четверг, и нам не удавалось его переубедить.

§ 653

На этих марсельских кораблях есть два руля, соединенные двумя деревянными брусами столь удивительным образом, что можно повернуть корабль направо или налево так же быстро, как боевого коня. В пятницу король присел на одном из брусков, позвал меня и спросил: «Сенешал, о чем вы сейчас думаете?» И я ему сказал: «Сир, с вами, право случится то же, что случилось с мадам де Бурбон⁴⁰⁹, которая также не пожелала выйти в этой гавани и отправилась морем в Эг-Морт. И она проплавала еще семь недель».

§ 654

Тогда король призвал свой совет, сообщил то, что я ему рассказал, и спросил, как они ему предлагают поступить; и все посоветовали ему высадиться; ибо он поступит неразумно, подвергнув себя, жену и детей риску на море, раз уж он у берега. Король согласился с советом, который мы ему дали, чему королева очень обрадовалась.

§ 655

Король с королевой и своими детьми вышел на берег у замка Йер⁴¹⁰. Пока король находился в Йере, дабы достать лошадей для возвращения во Францию, клюнийский аббат, ставший впоследствии епископом Оливы⁴¹¹, подарил ему двух парадных коней, которые ныне стоили бы добрых пятьсот ливров, одного для него, другого для королевы. Преподнеся сей дар, он сказал королю: «Сир, я приду завтра поговорить с вами о своих делах».

На следующий день аббат пришел, и король слушал его с великим вниманием и очень долго⁴¹².

Когда аббат ушел, я пошел к королю и сказал: «Я хочу вас спросить, если позволите, не потому ли вы слушали очень благосклонно клюнийского аббата, что он вчера дал вам этих двух парадных коней?»

§ 656

Король задумался и ответил мне: «В самом деле так». «Сир, — продолжал я, — знаете, зачем я вам задал этот вопрос?» «Зачем?» — спросил он. «А затем, сир, — сказал я, — что предлагаю и советую вам запретить всем вашим присяжным советникам, когда возвратитесь во Францию, брать что-либо от тех, кто собирается обратиться к вам с ходатайством; ибо будьте уверены, если они возьмут, то будут выслушивать охотнее и внимательнее тех, кто им даст, как вы аббата Клюни».

Тогда созвал король весь свой совет и тут же сообщил то, что я ему сказал; и они ответили ему, что я ему подал добрый совет.

§ 657

Король услышал об одном кордельере⁴¹³ по имени брат Гуго; и из-за его громкой славы, король послал за этим кордельером, чтобы повидать его и послушать⁴¹⁴. В день его приезда в Йер мы смотрели на дорогу, которой он шел, и увидели, что за ним следует пешком огромная толпа мужчин и женщин. Король велел ему прочитать проповедь. Начало проповеди было о монахах, и сказал он так: «Сеньоры, я вижу слишком много монахов при дворе короля, в его окружении, коим не подобает здесь быть». И при этих словах добавил: «И я первый среди них».

«И я говорю, что они не в состоянии спастись, иначе Священное Писание лжет нам, чего быть не может».

§ 658

Ибо Священное Писание говорит нам, что монах не может жить вне своего монастыря, не запятнав себя смертным грехом, как рыба не может жить без воды. А если монахи, что с королем, говорят, что это якобы тот же монастырь, то я им отвечаю, что это самый обширный монастырь, который я когда-либо видел; ибо простирается он по ту и по сю сторону моря. Если они говорят, что в этом монастыре можно вести строгую жизнь, дабы спасти свою душу, я в этом им не верю; но говорю вам, что вкусил с ними великое множество разных мясных блюд и выпил много доброго вина, крепкого и чистого; потому я уверен, что будь они в своем монастыре, они не жили бы в таком довольстве, в каком живут с королем».

§ 659

В своей проповеди он наставлял короля, как он должен вести себя, следуя воле своего народа. И под конец своей проповеди сказал, что «прочел он Библию, и книги помимо Библии, и никогда не видывал ни в праведных книгах, ни в книгах язычников⁴¹⁵, чтобы какое-нибудь коро-

левство или сеньория погибло или сменилась власть, или был свергнут король по какой-либо иной причине, кроме бездействия правосудия».

«Пусть же позаботится король, возвращаясь во Францию, — сказал монах, — так вершить правосудие своему народу, чтобы сохранить сим любовь Господа, дабы не лишил его Бог королевства до конца его жизни».

§ 660

Я сказал королю, чтобы он не отпускал монаха от себя сколь это возможно; король мне ответил, что уже просил его об этом, но тот ничего не хочет для него сделать. Тут король взял меня за руку и сказал: «Пойдемте попросим его еще». Мы пришли к нему, и я сказал: «Сир, сделайте то, о чем вас просит государь, останьтесь с ним, покуда он в Провансе». И тот ответил мне очень гневно: «Нет, сир, я не останусь, а пойду туда, где буду угоднее Господу, чем в обществе короля». Он провел с нами один день, а на следующий ушел. Мне же впоследствии рассказывали, что он был погребен в Марселе, где творил много удивительных чудес.

§ 661

В день отъезда из Йера король спустился от замка пешком, так как спуск был очень крутой; и прошел пешком столько, что не мог дожидаться своего парадного коня, и ему пришлось сесть на моего. И когда привели его коня, король сердито набросился на оруженосца Понса; и когда он его хорошенько отчитал, я сказал ему: «Сир, вы должны многое прощать оруженосцу Понсу, ведь он служил вашему деду, и отцу, и вам».

§ 662

«Сенешал, — ответил король, — не он нам служил, а мы ему оказывали услугу, терпя его подле себя с его скверными недостатками. Ведь говорил мне мой дед, король Филипп, что должно воздавать своим слугам одному больше, другому меньше, смотря по тому, как они служат; а еще говорил, что никто не может быть добрым правителем на земле, если не умеет еще и отказать, смело и твердо, равно как и давать. И я потому вас этому поучаю, — продолжал король, — что наше время столь алчно, что мало людей, кои думают о спасении своей души или о собственной чести, когда могут правдами или неправдами завладеть добром другого».

§ 663

Через графство Прованское король доехал до одного города, называемого Экс-ан-Прованс, где, как говорили, покоился прах Магдалины; и мы побывали под очень высоким скалистым сводом, где Магдалина, как рассказывали, провела в уединении семнадцать лет.

Когда король прибыл в Бокер, оказавшись на своей земле и в своей сеньории, я распрощался с ним и поехал через владения дофины Вьеннской, моей племянницы, графа Шалонского, моего дяди, и графа Бургундского, его сына⁴¹⁶.

§ 664

Пробыв некоторое время в Жуанвиле и уладив свои дела, я вернулся к королю, которого застал в Суассоне; и он так сильно обрадовался, что все бывшие там изумились. Я встретил там графа Жана Бретонского и его жену, дочь короля Тибо, которая принесла оммаж королю за все права, кои она должна была иметь в Шампани; и король вызвал графа и находившегося там короля Тибо II Наваррского в парижский парламент⁴¹⁷, дабы выслушать их и рассудить⁴¹⁸.

§ 665

Король Наварры прибыл в парламент со своими советниками и граф Бретонский также. На этом парламенте король Тибо попросил в супруги мадам Изабеллу, дочь короля. И несмотря на разговоры, которые вели за моей спиной наши люди из Шампани, увидав любовь, выказанную мне королем в Суассоне, я позволил себе пойти поговорить с королем Франции об упомянутом браке⁴¹⁹.

«Ладно, — сказал король, — помирите его с графом Бретонским, а потом мы заключим наш брак». И я ему сказал, что из-за этого он не должен мешать браку. А он ответил мне, что ни за что не устроит этот брак, покуда не будет установлен мир, чтобы не говорили, будто он женит своих детей, лишая наследства своих баронов.

§ 666

Я передал эти слова королеве Маргарите Наваррской⁴²⁰ и королю, ее сыну и их советникам; и услышав это, они поторопились заключить мир. И после заключения мира французский король отдал королю Тибо свою дочь; пышные свадебные торжества при большом стечении народа состоялись в Мелене⁴²¹, и оттуда король Тибо привез ее в Провен, куда был совершен въезд в сопровождении множества баронов.

§ 667

После возвращения из-за моря король держал себя столь благочестиво, что с тех пор никогда не носил ни беличьего меха, ни ярко-красной ткани, ни золоченых стремян и шпор. Его одежды были из синего сукна; покрывала и платье были сшиты из вывороченной кожи или из заячьих лапок или ягненка. Он был столь воздержан в еде, что не требовал ничего сверх тех блюд, что ему готовил его повар; их ставили перед ним, и он ел.

Вино он разбавлял в стеклянном кубке; и в соответствии с количеством вина, добавлял воду, и держал кубок сам, пока ему разбавляли вино позади стола. Он всегда кормил бедных и после трапезы приказывал подавать им из своих денег.

§ 668

Когда после обеда входили менестрели знатных людей и приносили свои виеллы⁴²², он, прежде чем слушать послеобеденную молитву, дождался, пока менестрель заканчивал свою песнь; тогда он вставал, а священники стояли перед ним, дабы вознести свои молитвы.

Когда мы навещали его частным образом, он садился у подножия кровати; и когда проповедники или кордельеры, бывшие при нем, напоминали ему о какой-нибудь книге, которую он охотно слушал, он им отвечал: «Не читайте мне ничего; ибо нет после обеда лучшей книги, чем свободная беседа, когда каждый говорит то, что хочет». Когда с ним обедали какие-нибудь знатные иностранцы, он составлял им хорошую компанию.

§ 669

Я расскажу вам о его мудрости. Неоднократно можно быть свидетелем того, что в его совете нет никого столь же мудрого, как он. И кажется, что когда ему излагали что-либо, он не говорил: «Я об этом посоветуюсь», но видя ясную и очевидную правоту, тут же отвечал сам, без совета; и я слышал, как ответил он всем прелатам королевства Франции на просьбу, с которой они к нему обратились и которая была такова.

§ 670

Епископ Ги Оксерский заговорил с ним от имени их всех: «Сир, — сказал он, — присутствующие здесь архиепископы и епископы поручили мне вам сказать, что христианская вера пришла в упадок и ускользает из ваших рук, и что она ослабеет еще больше, если вы не придете на помощь, потому что никто ныне не боится отлучения. Посему просим вас, сир, прикажите вашим бальи и сержантам принуждать пробывших под отлучением год и один день приносить покаяние Церкви».

И король ответил им сам, без совета, что велит охотно своим бальи и сержантам принуждать отлученных, как они того просят, но если ему предоставят доказательства справедливости приговора об отлучении.

§ 671

И они посоветовались и ответили королю, что сведений, относящихся к церковной власти, они ему не дадут. А король им тоже отвечал,

что не ознакомит их с тем, что имеет отношение к нему и ни за что не отдаст приказа своим сержантам понуждать отлученных к принесению покаяния, будь то неправо или право. «Ибо сделав это, я поступлю против Бога и справедливости. И вам приведу такой пример: епископы Бретани в течение семи лет держали под отлучением графа Бретонского, а потом он получил прощение в римской курии; а если бы я его принудил к покаянию после первого года, я поступил бы несправедливо».

§ 672

По нашем возвращении из-за моря случилось, что монахи Сент-Юрбена избрали двух аббатов. Епископ Пьер Шалонский⁴²³ (спаси его Господь!) изгнал их обоих и благословил в аббаты монсьёра Жана де Мимери и вручил ему посох. Я не хотел видеть его аббатом, ибо он причинил вред аббату Жоффруа, который жаловался на него и поехал в Рим. Я держал аббатство в своих руках⁴²⁴, пока упомянутый Жоффруа не добился посоха, а тот, кому епископ его дал, не лишился его; а покуда длился спор, епископ отлучил меня от церкви, отчего в парламенте, заседавшем в Париже, завязалась серьезная тяжба между мной и епископом Пьером Шалонским, а также между графиней Маргаритой Фландрской и архиепископом Реймским, против которого она выдвинула обвинение.

§ 673

На следующем парламенте все прелаты попросили короля прийти поговорить с ними наедине. Когда после разговора с прелатами он вернулся, то пришел к нам, дожидавшимся его в палате тяжб, и, смеясь, поведал нам о бурной сцене с прелатами, когда архиепископ Реймский спросил короля: «Сир, какое удовлетворение вы мне дадите за покровительство над [аббатством] Сен-Реми де Реймс, которое вы у меня отняли⁴²⁵? Клянусь находящимися здесь святынями⁴²⁶, я и за все королевство Франции не пожелал бы взять на себя такой грех, как ваш». «Клянусь находящимися здесь святынями, — отвечал король, — из-за своей алчности вы приняли бы такой грех и за Компьень⁴²⁷. И не давайте ложных клятв».

§ 674

«Епископ же Шартрский⁴²⁸ попросил меня, — продолжал король, — вернуть ему то, что я удерживаю из его имущества⁴²⁹. И я ему сказал, что не сделаю этого, пока мне за него не заплатят то, что положено. И напомнил ему, что он мой человек и принес мне оммаж, а потому он ведет себя дурно и нечестно по отношению ко мне, коль хочет меня лишить принадлежащего мне по праву».

§ 675

«Епископ Шалонский мне сказал, — продолжал король. — „Как вы поступите в отношении сеньора де Жуанвиля, который отнял у этого бедного монаха аббатство Сент-Юрбен?“ „Сир епископ, — ответил король, — вы постановили меж собой, что нельзя слушать в светском суде ни одного отлученного, а я видел послание, скрепленное тридцатью двумя печатями о вашем отлучении: посему я не стану вас выслушивать до тех пор, покуда вы не будете прощены“. И я вам это рассказываю, дабы вы ясно увидели, как он разрешал в одиночку, по собственному разумению свои дела.

§ 676

Аббат Жоффруа де Сент-Юрбен, после того, как я позаботился о нем, оплатил мне за добро злом, затеяв тяжбу со мной. Он известил нашего святого короля, что состоит под его покровительством⁴³⁰. Я же обратился к королю с просьбой, чтобы он велел установить истину, кому именно принадлежит покровительство, ему или мне. А аббат сказал королю: «Сир, да будет угодно Богу, чтоб вы поступили не так, а устроили бы между нами и сеньором де Жуанвилем законный судебный процесс; ведь мы предпочитаем быть под вашим покровительством, а не того, кому оно перешло по наследству». Король тогда спросил меня: «Правду ли он говорит, что аббатство состоит под моим покровительством?» «Конечно, нет, — ответил я, — под моим».

§ 677

Затем король сказал: «Даже если бы это было ваше наследство, вы все равно не имели бы никакого права распоряжаться покровительством над аббатством. Из того, что сказали вы и сенешал, следует, как вы понимаете, что покровительство принадлежит или мне, или ему. И что бы вы ни говорили, я все же велю выяснить истину, ибо выносить это дело на судебный процесс было бы оскорбительно по отношению к моему человеку; ведь я бы тогда публично поставил под сомнения его права, истинность которых он мне предлагает установить». И он узнал истину, а узнав, передал мне покровительство над аббатством и выдал соответствующую грамоту.

§ 678

Случилось, что святой король добился, чтобы король Англии, его жена и дети прибыли во Францию, дабы договориться о мире⁴³¹. Этому миру очень противились люди из его совета и говорили ему так: «Сир, мы изумлены вашим желанием отдать английскому королю столь великую часть своей земли, каковую вы и ваши предшественники завоевали

у него из-за его преступления⁴³². И кажется нам, что если вы думаете, будто у вас нет на нее права, то ваше возмещение королю Англии несправедливо, поскольку вы не отдаете все завоеванное вами и вашими предшественниками; а если вы считаете, что у вас есть на нее право, то сдается нам, вы напрасно теряете то, что возвращаете ему»⁴³³.

§ 679

На это святой король ответил таким образом: «Сеньоры, я уверен, что у предшественников короля английского земли, что я держу, были отвоены по праву; и я ему их отдаю не как его владение, которое бы я держал от его предков или их наследников, но дарю, чтобы установилась любовь между моими и его детьми, двоюродными братьями. И мне кажется, что, отдавая их ему, я поступаю разумно, потому что до сих пор он не был моим человеком, а благодаря им он принесет мне оммаж!⁴³⁴».

§ 680

Это был человек, который больше всех на свете заботился о мире между своими подданными и особенно между соседними знатными и владетельными особами королевства, как граф Шалонский, дядя сира де Жуанвиля, и его сын граф Бургундский, которые постоянно воевали, когда мы возвратились из-за моря. И ради мира между отцом и сыном король на свои средства направил своих советников в Бургундию; и его заботами между отцом и сыном был установлен мир⁴³⁵.

§ 681

Затем началась другая большая война между королем Тибо II Шампанским, графом Жаном Шалонским и его сыном графом Бургундским из-за аббатства Люксей; и чтобы положить конец этой войне монсеньор король послал к ним монсеньора Жервеза д'Экрена, который тогда был королевским кухмейстером Франции; и его усилиями мир был восстановлен⁴³⁶.

§ 682

После этой войны, которую король погасил, последовала другая ожесточенная война между графом Тибо де Баром и графом Генрихом Люксембургским, женой которого была сестра Тибо; и случилось так, что они сражались друг с другом возле Прени, и граф Тибо де Бар захватил в плен графа Генриха Люксембургского и взял замок Линьи, принадлежавший графу Люксембургскому по жене. Дабы прекратить эту войну, король направил камергера монсеньора Пьера, человека, которому он доверял больше всех на свете, и на свои средства; и король добился того, что они помирились⁴³⁷.

§ 683

Что касается тех иноземцев, которых примирил король, кое-кто из его совета говорил ему, что он поступает неразумно, мешая им воевать; если бы он дал им прийти в упадок, они не помышляли бы воевать с ним, когда восстановят силы. На это король отвечал, что они не дело говорят: «Ведь если бы иноземные государи поняли, что я преднамеренно им позволяю воевать, то могли бы столкнуться меж собой и сказать: «Король из хитрости допускает, чтобы мы воевали». А поэтому случилось бы так, что из-за ненависти, которую бы они ко мне питали, они напали бы на меня, и я мог бы многое потерять, не считая того, что заслужил бы гнев Господа, который говорит: «Благословенны все миротворцы».

§ 684

Поэтому не случайно бургундцы и лотарингцы, которых он помирил, любили его и повиновались ему настолько, что, как я видел, приходили со своими тяжбами судиться к нему в королевскую курию в Реймсе, Париже и Орлеане.

§ 685

Король так любил Господа и его благую Мать, что всех, кого уличали в злословии о Боге или Богоматери, или гнусной божбе, он повелевал сурово наказывать. Так, в Цезарее я видел, как он приказал привязать к позорному столбу одного ювелира в штанах и рубахе, со свинными кишками и потрохами вокруг шеи, и в таком количестве, что они доходили ему до носа. Вернувшись из-за моря, я слышал, что он приказал за это же прижечь нос и губы одному парижскому буржуа, но этого я не видел. И сказал святой король: «Я бы хотел быть заклеянным каленым железом при условии, что в моем королевстве не будет мерзкой божбы».

§ 686

Я провел с ним почти двадцать два года, никогда не слышав, чтобы он клялся Господом, Богоматерью или святыми; и когда он хотел что-то подтвердить, то говорил: «Воистину, было так» или «Воистину так».

§ 687

Никогда не слышал я, чтобы он поминал дьявола, если только его имя не встречалось в какой-нибудь книге, когда приходилось его называть, или в житиях святых, о которых повествуют книги. Конечно, это великий позор для королевства Французского и короля, когда он должен терпеть, что [люди], едва заговорив, уже кричат: «Черт тебя побери». И это великий порок языка, когда он дьяволу сулит мужчину или женщину, кои крещением отданы Господу. В замке Жуанвиль произнесший по-

добное слово получал пощечину или шлепок, и эти дурные речения там почти полностью были изжиты.

§ 688

Он меня спросил, омывал ли я ноги бедным в Великий четверг; и я ответил, что нет, ибо это сдается мне неподобающим. И он мне сказал, что я не должен этим брезговать, раз это делал Господь. «И вы победите себя, сделав то, что делает английский король, который оmyвает и целует ноги прокаженным».

§ 689

Прежде чем лечь в постель, он призывал своих детей и рассказывал им о деяниях добрых королей и императоров, и говорил, что с этих людей они должны брать пример. Говорил им также и о поступках дурных государей, кои из-за своего сластолюбия, алчности и хищничества лишились своих королевств. «И я вам рассказываю об этом, — добавлял он, — чтобы вы этого остерегались и не прогневали Господа». Он заставлял их учить молитвы Богоматери и читать пред ним дневную молитву, чтобы приучить их слушать молитвы, когда они вступят во владение своими землями.

§ 690

Король очень щедро раздавал милостыню⁴³⁸ и повсюду в своем королевстве, куда бы ни приезжал, он делал дары церквам, лепрозориям, богадельням, больницам и неимущим дворянам и дворянкам. Он каждый день кормил множество нищих, не считая тех, кто ел в его покоях; и не раз видел я, как он сам нарезал им хлеб и подавал пить.

§ 691

В его время были сооружены многие аббатства, а именно: Руаймон, аббатство Сен-Антуан близ Парижа, аббатство Лис, аббатство Мобюиссон и много других монастырей проповедников и кордельеров. Он построил богадельни в Понтуазе, в Верноне, дом слепых в Париже, аббатство кордельеров в Сен-Клу, которое его сестра, мадам Изабелла, основала с его разрешения.

§ 692

Когда в распоряжении короля оказывался какой-либо бенефиций⁴³⁹ святой Церкви, он, прежде чем передать его, советовался с благочестивыми священниками и прочими; и посоветовавшись, вручал кому-либо бенефиций святой Церкви по совести, законно и по-божески. Никогда не желал он давать какому-нибудь клирику бенефиций, если тот не отказывался от других церковных бенефициев, коими он владел. Посещая

первый раз какой-либо город своего королевства, где он раньше не бывал, он сразу ехал к проповедникам или кордельерам, если они там были, и заказывал им службу⁴⁴⁰.

§ 693

Как король наставил своих бальи, прево и мэров и как он издал новые установления, и как Этьен Буало⁴⁴¹ стал его прево в Париже.

После того, как король Людовик возвратился из-за моря во Францию, он стал очень благочестивым к Господу нашему и очень справедливым к своим подданным. Поразмыслив, он решил, что было бы прекрасным и благим делом улучшить управление королевством Французским. Прежде всего, он издал общие установления для своих подданных по всему Французскому королевству, и они представляют собой следующее⁴⁴²:

§ 694

«Мы, Людовик, милостью Божьей король Франции, повелеваем, чтобы все наши бальи, виконты, прево, мэры и прочие, каким бы делом они ни занимались и на какой бы службе ни состояли, поклялись, что покуда пребудут в должности или при исполнении обязанностей, они будут воздавать по праву каждому, невзирая на лица, как бедным, так и богатым, как иностранцам, так и своим; и будут охранять добрые и проверенные обычаи и кутюмы.

§ 695

И если случится, что бальи, виконты или прочие, вроде сержантов или лесничих, нарушат свою клятву и будут в этом уличены, нам угодно, чтобы они понесли наказание своим имуществом и лично, ежели преступление этого требует; и бальи будут наказаны нами, а остальные — бальи.

§ 606

Также прево, бальи и сержанты присягнут, что будут преданно охранять наши ренты и права и не допустят, чтобы наши права были отняты, упразднены или умалены; и к этому они поклянутся, что не возьмут и не получают сами или через других ни золота, ни серебра, ни бенефициев, ни иного чего со стороны, если это не фрукты, хлеб, вино или другое подношение стоимостью до десяти су; и пусть названная сумма не будет превышена.

§ 697

Кроме того, они поклянутся, что не предложат и не позволят принять никакой дар ни своим женам, детям, братьям и сестрам, ни другому

близкому лицу, а узнав, что подобный дар получен, пусть велят его возвратить как можно скорее. И к этому присягнут, что не возьмут никакого дара, ни от человека, подлежащего их власти, ни от прочих, у коих было бы дело или кои у них будут вести тяжбу.

§ 698

Далее, они дадут клятву, что не сделают и не пошлют никакого подношения ни человеку, который состоял бы в нашем совете, ни его жене, ни детям и никому из близких равно как и тем, кто будет получать свое вознаграждение от нас, или какому-либо ревизору⁴⁴³, которого мы пошлем в их бальяжи или превоства для расследования их дел. Также они поклянутся, что не будут участвовать ни в каких торгах по продаже наших рент, откупов, нашей монеты и прочего, что нам принадлежит.

§ 699

И они дадут клятву и пообещают, что если прознают в своем округе о каких-нибудь чиновниках, сержантах или прево, кои были бы бесчестными, ворами, ростовщиками или исполненными других пороков, из-за чего их следует лишить нашей службы, то не будут их поддерживать благодаря дарам и обещаниям, или из любви или чего прочего, но накажут их и осудят по совести.

§ 700

Далее, наши прево, виконты, мэры, лесничие и прочие пешие и конные сержанты поклянутся, что не будут подносить никаких подарков ни своим начальникам, ни их женам и детям.

§ 701

И поелику мы желаем, чтобы эти клятвы были нерушимы, нам угодно, даже если нам лично клятвы были уже принесены, чтобы они были еще раз даны на широком заседании, перед всеми, клириками и мирянами, рыцарями и сержантами, с тем, чтобы они боялись навлечь на себя грех клятвopеступления не только из страха пред Господом и нами, но и из стыда пред людьми.

§ 702

Мы желаем и требуем, чтобы все наши прево и бальи воздерживались от клятв, оскорбляющих Господа, Богородицу и всех святых, и остерегались игры в кости и посещения таверны. Нам угодно, чтобы изготовление костей было запрещено по всему королевству, и непотребные женщины выдворены из домов; а всякий, кто сдаст дом публичной женщине, отдаст прево или бальи годовую плату за дом.

§ 703

Далее, категорически запрещаем нашим бальи, покуда они на нашей службе, покупать самим или через других лиц без нашего разрешения владения или земли в своих бальяжах или в других местах; а ежели таковые покупки совершатся, нам угодно, чтобы они были переданы и остались у нас.

§ 704

Запрещаем нашим бальи, покуда они будут у нас на службе, заключать браки своих сыновей и дочерей или иных близких им особ, с кем-либо из их бальяжей без нашего специального разрешения; а также помещать их в монастыри своих бальяжей, приобретать для них какие-либо бенефиции и владения Святой Церкви и брать продукты и требовать постоя⁴⁴⁴ в монастырях или поблизости к ущербу монахов. Это запрещение браков и приобретения владений, нами оговоренное, мы не желаем распространять на прево, мэров и прочих младших чинов.

§ 705

Приказываем, чтобы ни бальи, ни прево, ни прочие не держали бы слишком много сержантов или младших чинов⁴⁴⁵, дабы не обременять народ; и нам угодно, чтобы младшие чины назначались публично, в противном же случае пусть их не считают таковыми. Если наших сержантов пошлют в какое-либо отдаленное место или чужой край, желаем, чтобы они непременно имели верительные грамоты их начальства.

§ 706

Приказываем, чтобы ни бальи, ни прево, находящиеся на нашей службе, не обременяли несправедливо добрых людей из своего округа и чтобы никто из наших подданных не был посажен в тюрьму за свой долг, если только это не долг нам.

§ 707

Постановляем, чтобы никто из наших бальи не взимал штрафов ни за долги, ни за обманные действия наших подданных, кроме как на открытом заседании суда, после того, как совет сведущих людей вынес приговор и определил размер штрафа, который им и следует получить.

§ 708

И если случится, что обвиняемый не захочет дожидаться решения предложенного ему суда, но внесет определенную сумму денег в качестве штрафа, как это делается обычно, нам угодно, чтобы именно судебная

курия получила денежную сумму, ежели она разумна и приемлема; в противном же случае мы желаем, чтобы штраф был присужден в соответствии с вышесказанным, так чтобы виновный положился на волю суда. Мы запрещаем бальи, мэрам, прево угрозами, запугиванием или какими-либо наветами мешать нашим подданным платить келейно или открыто в курии штраф и обвинять их без убедительной причины.

§ 709

И постановляем, что те, кто будут держать должности прево, виконта и прочие, не могут их продать другому без нашего разрешения; а если несколько человек покупают названные должности сообща, нам угодно, чтобы один из покупателей нес службу за всех остальных и один пользовался бы привилегиями, полагающимися по обычаю при разъездах, взимании налогов и общественных повинностей.

§ 710

И мы запрещаем перепродавать упомянутые должности своим братьям, племянникам или кузенам после того, как они куплены у нас; и пусть не требуют сами долгов, которые им должны, если это не долги, взыскание коих возлагается на них по службе; а свои собственные долги пускай требуют через бальи, как если бы они не состояли у нас на службе.

§ 711

При решении дел во время разъездов запрещаем как бальи, так и прево изнурять наших подданных переездами с места на место; но пусть разбирают дела, кои к ним есть, на том месте, где обычно их разбирают, дабы наши подданные не отказывались добиваться своего права из-за усталости или расходов.

§ 712

Далее, повелеваем, чтобы они никого не лишали его владений, которые он держит, без рассмотрения причины или без нашего особого приказа; и пусть не обременяют наших людей новыми налогами и поборами, и не созывают их в поход ради того, чтобы собрать с них деньги; ибо мы желаем, чтобы тех, кто должен прибывать на воинскую службу, не призывали в войско без необходимой причины, а тех, кто желает самолично поехать в войско, не принуждали деньгами откупаться от поездки.

§ 713

Затем воспрещаем бальи и прево налагать запреты на вывоз зерна, вина и прочих товаров за пределы нашего королевства без необходимой

причины, а когда нужно будет ввести такой запрет, нам угодно, чтобы решение о нем было принято сообща, в совете мудрых людей, дабы не было подозрений в обмане и мошенничестве.

§ 714

Также желаем, чтобы все бальи, виконты, прево и мэры, покинувшие службу, оставались лично или оставляли доверенных лиц на сорок дней там, где они несли службу, дабы могли ответить новым бальи за ущерб, нанесенный тем, кто пожелал бы на них пожаловаться.

Мы оставляем за собой право разъяснять, улучшать, дополнять или сокращать по собственному усмотрению все то, что мы установили на пользу наших подданных и нашего королевства».

Благодаря этим установлениям управление королевством Франции стало намного лучше, как свидетельствуют многие старые и мудрые люди.

§ 715

Превотство Парижа было тогда продано парижским буржуа, или еще кому; и когда случалось его кому-нибудь покупать, то они покрывали бесчинства своих детей и племянников, и молодые люди полагались на своих родственников и друзей, державших превотство. Поэтому меньшей люд очень притесняли, и не мог он найти суд на богатых людей из-за подарков и подношений, которые те делали прево.

§ 716

На того, кто в те времена говорил правду перед прево или хотел воздержаться от клятвы, чтобы не стать клятвопреступником по поводу какого-либо долга или чего-нибудь еще, за что он держал ответ, прево накладывал за это штраф, и тот бывал наказан. Из-за великих несправедливостей и вымогательств, что творились в превотстве, простой люд не решался оставаться на земле короля, а отправлялся жить в другие превотства и сеньории. И земля короля так опустела, что когда прево вел судебные заседания, на них являлось не более десяти или двенадцати человек.

§ 717

К тому же в Париже и за его пределами было столько злоумышленников и воров, что весь край был полон ими. Король, приложивший много стараний, дабы охранить простой народ, узнал всю правду; тогда он не пожелал больше продавать парижское превотство, а дал хорошее, большое жалованье тем, кто с тех пор стал его охранять. И он уничтожил все дурные поборы, обременявшие народ; и велел выяснить по всему

королевству и по всему краю, нет ли такого человека, который творил бы добрый и скорый суд и щадил бы богатого человека не более, чем бедного.

§ 718

Тогда ему указали на Этьена Буало, который и стал поддерживать и охранять порядок в превотстве так, что все злодеи, воды и убийцы, осмелившиеся остаться в Париже, вскорости были повешены или казнены, и ни происхождение, ни родство, ни золото, ни серебро не могли их защитить. Королевские земли стали спокойнее, и туда начал стекаться народ, зная о царящем там добром правосудии. Их население так выросло, а порядок настолько улучшился, что поступления от купли, продажи, доходы от передачи имущества и прочего увеличились вдвое против того, что король получал прежде.

§ 719

Мы оставляем за собой право разъяснять, улучшать, дополнять или сокращать по собственному усмотрению все то, что мы установили на пользу наших подданных и нашего королевства. Благодаря этим установлениям управление королевством Франции стало намного лучше, как свидетельствуют многие старые и мудрые люди⁴⁴⁶.

§ 720

Король с детства испытывал сострадание к бедным и страждущим; и везде, куда бы он ни приезжал, он обычно кормил каждый день в своем доме сто двадцать бедняков хлебом, вином, мясом или рыбой. В Великий Рождественский пост число бедных возрастало; и король часто им сам прислуживал, подавал пищу, нарезал хлеб пред ними, а на прощание подавал им собственноручно деньги.

§ 721

Даже в канун больших праздников он, прежде чем самому поесть или испить, прислуживал этим бедным. К тому же каждый день за обедом и ужином подле него сидели старики и калеки, и он приказывал подавать им ту же пищу, что и ему и, поев, они получали некоторую сумму денег.

§ 722

Сверх того король раздавал чрезвычайно щедро каждый день большую милостыню бедным монахам, больным, больницам и прочим бедным братствам, а также бедным дворянам, дамам и девицам, падшим женщинам, бедным вдовам и роженицам, бедным труженикам, кои по старости или болезни не могли работать, занимаясь своим ремеслом — число их

всех едва ли можно назвать. Можно смело сказать, что он был счастливее Тита, римского императора, о котором в древних книгах написано, что если он хотя бы один день не оказывал никакого благодеяния, то очень грустил и печалился.

§ 723

Едва он взял власть в своем королевстве и вник во все дела, то начал создавать монастыри и другие церковные заведения, среди которых наиболее высокого и почтенного положения достигло аббатство Руаймон. Он велел построить несколько богаделен в Париже, Понтуазе, Компьене, Верноне и дал им большие ренты. Он основал женское аббатство святого Матфея в Руане для ордена братьев-проповедников и женское аббатство в Лоншане для ордена кордельеров, дав им на содержание большие ренты.

§ 724

И он предоставил своей матери право основать аббатство Лис близ Мелен-сюр-Сен, и аббатство Мобюиссон около Понтуаза, и впоследствии дал им большие ренты и владения. Он повелел выстроить дом Слепых в Париже для городских слепых бедняков, и возвел часовню, чтобы они слушали службу Господню. Этот добрый король построил и картезианскую обитель за Парижем, которая называется Вовер, и выделил достаточные ренты ее монахам, служившим Господу нашему.

§ 725

Спустя некоторое время он приказал возвести за Парижем, по дороге на Сен-Дени, другую обитель, названную домом Дочерей Господних; и повелел разместить там женщин, кои из-за бедности впали в грех распутства, и дал им четыреста ливров ренты на содержание. И построил во многих местах своего королевства обители для бегинок⁴⁴⁷, положив им ренту на жизнь, и приказал принимать туда всех, кто захочет вести целомудренную жизнь.

§ 726

Кое-кто из его близких роптал на то, что он раздавал столь щедрую милостыню и много денег тратил на это; а он говорил: «Я предпочитаю чрезмерно тратиться на милостыню из любви к Богу, нежели на суетную роскошь мира сего». Однако при больших расходах короля на милостыню он всегда выделял большие деньги и на каждодневное содержание своего дома. Щедро и с размахом король проводил заседания и собрания баронов и рыцарей; и при своем дворе повелевал принимать всех так куртуазно, щедро и гостеприимно, как этого не было уже давно при его предшественниках.

§ 727

Король любил всех, кто посвятил себя службе Господу и носил монашеское одеяние; когда они заходили к нему, то всегда получали что-нибудь на жизнь. Он обеспечил братьев-кармелитов, купил им землю на Сене у Шарантона, велел построить обитель, и приобрел им одежду, чаши и все, что полагается для отправления службы Господу нашему. Он оделил братию святого Августина, купил им ригу одного парижского буржуа со всеми пристройками, и приказал выстроить им монастырь за воротами Монмартра.

§ 728

Братьев ордена Мешков⁴⁴⁸ он так же наградил, предоставив земли на Сене близ Сен-Жермен-де-Пре, где они и поселились; но там их уже нет, ибо довольно скоро их орден упразднили. После того, как были поселены братья ордена Мешков, прибыла еще одна разновидность братьев, называемых орденом Белых Плащей⁴⁴⁹, и они обратились к королю, чтобы он им помог обосноваться в Париже. Король купил им дом и землю близ старых ворот Тампля⁴⁵⁰ в Париже, довольно близко от улицы Ткачей. Этот орден Белых Плащей был распущен на Лионском соборе, созванном Григорием X⁴⁵¹.

§ 729

Затем пришли другие братья, называвшие себя братьями Святого Креста и носившие на своей груди крест; и они тоже попросили короля помочь им. Король сделал это охотно и поселил их на улице Перекресток Тамплиеров, которая с тех пор зовется улицей Святого Креста. Вот так добрый король заселил монахами город Париж.

§ 730

После того, о чем я выше рассказал, король на время поста⁴⁵² вызвал в Париж всех баронов. Я послал ему извинения за перемежающуюся лихорадку, которая у меня тогда была, и попросил его отпустить меня; а он мне передал, что непременно желает, чтобы я приехал, ибо у него есть добрые лекари, умеющие хорошо лечить от лихорадки.

§ 731

Я отправился в Париж. Когда я приехал вечером в канун мартовского праздника Богоматери⁴⁵³, то никто, ни королева, ни другие не могли мне объяснить, зачем король меня вызвал. Случилось так по воле Божьей, что под утро я заснул и приснилось мне, что я вижу короля на коленях перед алтарем и несколько облаченных прелатов одевали его в ярко-красную ризу из реймсской саржи.

§ 732

После этого сновидения я позвал монсеньора Гийома, моего многумудрого священника, и рассказал ему о сне. И он мне сказал: «Сир, вот увидите, король завтра примет крест». Я спросил его, почему он так думает. И он ответил, что об этом говорит сон, который мне приснился; ибо ярко-красная саржевая риза означает крест, который стал алым от крови, излившейся из тела, рук и ног Господа. «Что же до того, что риза была из реймской саржи, то это значит, что от крестового похода будет мало проку⁴⁵⁴, как вы сами увидите, ежели Бог пошлет вам жизни».

§ 733

Прослушав мессу в парижской церкви святой Магдалины⁴⁵⁵, я пошел в королевскую часовню, где застал короля, который поднялся на помост с мощами и велел принести ему истинный Крест⁴⁵⁶. Покуда король спускался вниз, двое рыцарей, состоявших в его свите, завели разговор меж собой. И один сказал: «Вы все еще не верите мне, что король не примет нынче крест?» И другой ответил: «Если король примет крест, то это будет один из самых горестных дней для Франции. Ибо, не приняв крест, мы утратим любовь короля, а приняв — лишимся любви Господа, поскольку примем крест не ради него, а из страха пред королем».

§ 734

Так и случилось — король принял крест на следующий день, и с ним трое его сыновей⁴⁵⁷; и от этого крестового похода по пророчеству моего священника было мало проку⁴⁵⁸. Король Франции и король Наварры настаивали, чтобы я тоже принял крест.

§ 735

На это я отвечал, что покуда я был за морем, на службе у Бога и короля, сержанты короля Франции и короля Наварры, как я обнаружил вернувшись, обобрали и разорили моих людей, да так, что хуже и быть не может, и Господу угодно, чтоб я остался дома, дабы помочь им и защитить их, а если я подвергну себя опасностям крестового похода, ясно сознавая, что это обернется несчастьями и ущербом для моих людей, то разгневаю Бога, который пожертвовал собой ради спасения своего народа.

§ 736

Думаю, что те, кто ему посоветовал пойти в поход, совершили смертный грех, потому что пока он находился во Франции в самом королевстве и со всеми его соседями сохранялся мир, а с тех пор, как он уехал, положение дел в королевстве стало все хуже и хуже.

§ 737

Великий грех совершили те, кто посоветовал ему тронуться в поход при его сильной телесной слабости; ведь он не мог перенести ни езду в повозке, ни верхом. Слабость его была столь велика, что он позволил мне пронести его на руках от дома графа Оксерского, где я получил от него дозволение уехать, до обители кордельеров.

Но если бы он, столь ослабевший, остался во Франции, то смог бы еще достаточно долго прожить и сделать много хорошего и доброго.

§ 738

О его путешествии в Тунис я ничего не желаю говорить и рассказывать, потому что, благодарение Богу, там не был и не хочу говорить и писать в своей книге о том, в чем я не был бы уверен. О нашем святом короле скажем лишь то, что после высадки в Тунисе, у замка Карфаген, он заболел дизентерией (а Филипп, его старший сын — перемежающейся лихорадкой и дизентерией, как и король), от чего слег в постель и ясно почувствовал, что должен вскоре перейти из этого мира в иной.

§ 739

Тогда призвал он монсеньора Филиппа, своего сына, и наказал ему сохранить, как завещание, все оставленные им ему наставления, которые приведены ниже по-французски; как говорят, король написал их своей святой рукой.

§ 740

«Дорогой сын, во-первых, я тебя наставляю, чтобы возлюбил Господа сердцем своим, ибо без этого нельзя спастись. Берегись делать что-либо неуютное Богу и впадать в смертный грех, скорее снеси любые мучения, чем соверши смертный грех.

§ 741

Если Бог посылает тебе несчастье, прими его терпеливо и возблагодари за него Господа нашего, и считай, что заслужил его, и что он обратит все тебе на пользу. Если же он ниспосылает тебе благополучие, поблагодари его смиренно, чтоб тебе не стало хуже из-за гордыни или других пороков, коих следует остерегаться, ибо нельзя отвергать даров Божьих.

§ 742

Чаще исповедуйся и выбери исповедником человека мудрого, который сумел бы тебя наставить в том, что ты обязан делать и чего должен остерегаться; держаться и вести себя ты должен так, чтобы твой

исповедник и твои друзья не имели повода упрекнуть тебя в дурных поступках.

Службу в святой Церкви слушай благочестиво, в молчании и без усмешек; молись Господу и сердцем и устами, особенно во время мессы, когда творится освящение.

Имей сердце мягкое и сочувствующее бедным, немощным и несчастным, утешай их и помогай, чем можешь.

§ 743

Поддерживай добрые обычаи своего королевства и упраздняя дурные. Не притесняй свой народ и не обременяй его ни всякими налогами, ни тальями⁴⁵⁹, разве что по крайней необходимости.

§ 744

Если у тебя на сердце какое-то горе, расскажи о нем сразу же своему исповеднику или какому-нибудь мудрому человеку, не пустослову; тогда ты легче его перенесешь.

§ 745

Смотри, чтобы в твоём окружении были клирики и миряне мудрые и преданные, не исполненные зависти, и почаще беседуй с ними; остерегайся и избегай общества дурных людей. Охотно слушай слово Господа и храни его в своём сердце; с радостью твори молитвы и исповедуй грехи. Возлюби то, что тебе на пользу и благо и возненавидь все, что во зло.

§ 746

Пусть никто не осмеливается в твоём присутствии произносить речи, побуждающие к греху, или возводить хулу на другого за его спиной. Не допускай, чтобы при тебе грубо говорили о Боге или его святых. Чаще возноси благодарение Господу за все добро, что он для тебя сделал, дабы быть достойным большего.

§ 747

Творя правый суд, будь справедливым и твердым со своими подданными, иди всегда прямо, не сворачивая ни вправо, ни влево, и поддерживай жалобу бедного, пока не выяснится истина. А если кто обвинит тебя, не доверяй ему, покуда не узнаешь правду; и тогда твои советники, следуя истине, смелее вынесут приговор в твою пользу или нет.

§ 748

Если ты владеешь каким-либо чужим имуществом, полученным тобой или твоими предшественниками, и держишь его незаконно, верни

его без промедления; а если это дело сомнительное, вели мудрым людям быстро и тщательно провести дознание.

§ 749

Следи за тем, чтобы твои люди и подданные жили при тебе в мире и справедливости. Особенно поддерживай добрые города и коммуны королевства в том состоянии, с теми вольностями, что были при твоих предшественниках; и ежели нужно что исправить, то исправляй и улучшай, и проявляй к ним милость и любовь; ведь благодаря силе и богатству больших городов свои и иноземцы побоятся предпринять что-либо против тебя, особенно твои пэры⁴⁶⁰ и бароны.

§ 750

Почитай и люби всех людей святой Церкви, смотри, чтобы у них не отнимали и не умаляли даров и пожертвований, сделанных твоими предшественниками. О короле Филиппе, моем деде, рассказывают, что однажды один из его советников сказал ему, что люди святой Церкви наносят ему немалый ущерб, нарушая его права и ущемляя его правосудие, и очень странно, что он это терпит. И добрый король ответил, что хорошо это знает, но памятуя о милостях и благодеяниях, ниспосланных ему Богом, предпочитает лучше пренебречь своими правами, чем спорить с людьми святой Церкви.

§ 751

Своим отцу и матери оказывай честь и уважение, помни их наставления. Бенефиции святой Церкви давай людям почтенной и непорочной жизни; и делай это по совету мудрых, порядочных людей.

§ 752

Остерегайся воевать с христианами без зрелого размышления, а если тебе придется это делать, то оберегай святую Церковь и тех, кто не совершил никакого зла. Если войны и споры вспыхнут среди твоих подданных, уйми их как можно скорее.

§ 753

Тщательно выбирай добрых бальи и прево и почаще осведомляйся о них и о слугах твоего дома, как они себя ведут, и нет ли у них какого порока, вроде сильной завистливости, лживости или плутоватости. Постарайся изжить на своих землях все мерзкие пороки, особенно искореняй всей своей властью скверные клятвы и ереси. Следи, чтобы расходы твоего дома были разумны и умеренны.

§ 754

И наконец, возлюбенный сын, вели отслужить зауспокойные мессы по моей душе и помолиться во всем твоём королевстве; и особо посвящай мне значительную часть всех своих добрых дел.

Дражайший сын, даю тебе все благословения, кои добрый отец может дать сыну. И да хранят тебя Святая Троица и все святые, и да защитят от всех зол; и пусть Господь дарует тебе милость всегда следовать его воле и почитать его, дабы смогли мы с тобой после этой смертной жизни соединиться с ним и вечно его восхвалять. Аминь».

§ 755

Когда добрый король наставил своего сына монсеньора Филиппа, его недуг начал быстро усиливаться, и он попросил причастия святой Церкви и получил его, как кажется в здравом рассудке и полном сознании, ибо когда его помазали и стали читать семь псалмов, он тоже произносил стихи.

§ 756

И я слышал, как рассказывали монсеньору графу Алансонскому, его сыну, что с приближением смерти он воззвал к святым, дабы они помогли ему и поддержали (особенно к монсеньору святому Иакову), читая молитву, которая начинается: «*Esto domine*», то есть «Боже, стань святителем и хранителем своего народа». И призвал он тогда на помощь себе монсеньора святого Дионисия Французского, читая молитву, в коей говорится следующее: «Господи, ниспосли нам презрение к благам мира сего, чтобы не страшиться никакого несчастья».

§ 757

И тогда же я слышал, как рассказывали монсеньору Алансонскому (спаси его Господь!), что его отец обращался и к мадам святой Женеьеве. Затем святой король велел уложить себя на ложе, посыпанное пеплом, сложил руки на груди и, глядя в небо, отдал Создателю свою душу в тот самый час, когда Сын Господний умер на кресте за спасение людей.

§ 758

Благочестивое и достойное дело оплакивать кончину этого святого государя, охранявшего свое королевство столь свято и верно, совершившего столько прекрасных благодеяний и введшего столько хороших установлений. И подобно работающему над своей книгой переписчику, который раскрашивает ее золотом и лазурью, король украсил свое королевство построенными им красивыми аббатствами, множеством богаде-

лен и обителей проповедников, кордельеров и прочих вышеназванных орденов.

§ 759

На следующий день после праздника святого апостола Варфоломея, в год милостью Божьей 1270 от воплощения Господа нашего добрый король Людовик покинул сей мир; его кости были положены в сундук и привезены и захоронены в Сен-Дени, во Франции, где он сам выбрал себе место погребения⁴⁶¹; там, где он был похоронен, Бог с тех пор за его заслуги сотворил много прекрасных чудес.

§ 760

Позднее, по просьбе короля Франции и по приказу папы, приехали архиепископ Руанский и брат Жан де Самуа, ставший потом епископом⁴⁶²; они прибыли в Сен-Дени, во Францию, и остались там надолго, дабы провести дознание о жизни, делах и чудесах святого короля; и мне велели к ним приехать, продержав меня [подле себя] два дня. Расспросив меня и других, они затем доставили, что узнали, в Римскую курию; и папа с кардиналами тщательно изучили то, что им привезли, а изучив, признали его право и причислили к исповедникам.

§ 761

Это было, как и должно, великой радостью для всего Французского королевства и великой честью для его рода, особенно для тех, кто пожелает на него походить, творя добро, но великое бесчестье тем из его рода, кто не захочет следовать ему в добрых делах; великое бесчестье, повторяю, тем из его рода, кто встанет на путь зла; ибо на них будут указывать пальцем и говорить, что святой король, от коего они ведут происхождение, не потерпел бы такого зла.

§ 762

После того, как из Рима пришли эти добрые вести, король⁴⁶³ назначил день, следующий после праздника святого Варфоломея, для поднятия святого тела⁴⁶⁴. Когда его подняли, то понесли его тогдашний архиепископ Реймский⁴⁶⁵ (спаси его Господь!) и монсеньор Анри де Виллар, мой племянник, бывший тогда архиепископом Лионским, а за ними последовали другие архиепископы и епископы, коих я не знаю, и они вознесли его на возведенный помост.

§ 763

Там произнес проповедь брат Жан де Самуа; и среди прочих великих деяний нашего святого короля он напомнил об одном его удивительном

поступке, который я им засвидетельствовал под клятвой и который я видел; и он сказал так:

§ 764

«Дабы могли вы понять, что это был в свое время справедливейший человек, хочу вам сказать, что он был так справедлив, что даже по отношению к сарацинам пожелал соблюсти обещание, данное на словах. А не сдержит он своего обещания, то он сохранил бы более десяти тысяч ливров». И он поведал им все то, что описано выше. И напомнив им об этом, он сказал: «Не думайте, что я вам лгу; ибо вот я вижу человека, который подтвердил это под клятвой»⁴⁶⁶.

§ 765

По окончании проповеди король и его братья внесли святое тело в церковь с помощью своих родичей⁴⁶⁷, кому была оказана такая честь; и это действительно большая честь, даже если они и не заслужили ее. Помолитесь же за него, дабы он молил Господа послать нам все, в чем будут нуждаться наши души и тела. Аминь!

§ 766

После этого хочу рассказать еще кое-что о нашем святом короле, что послужит к его чести: знайте же, что приснилось мне, будто вижу его у моей часовни в Жуанвиле; и был он, как мне показалось, удивительно веселым и радостным; я тоже обрадовался, видя его в моем замке, и сказал ему: «Сир, когда вы уедете отсюда, я устрою вас в одном моем доме, расположенном в городе Шевийон». И он мне ответил, смеясь: «Сир де Жуанвиль, право же, я вовсе не желаю скоро уезжать отсюда».

§ 767

Проснувшись, я задумался, и мне показалось, что Богу и ему угодно, чтобы я устроил его в своей часовне, и я так и сделал; в честь Господа и короля воздвиг ему алтарь, где всегда будут служить во славу ему; и на это я выделил вечную ренту. А рассказал об этом монсеньору королю Людовику, наследнику его имени; и сдается мне, он исполнил бы волю Бога и нашего святого короля Людовика, если бы достал истинно святые мощи и послал бы их в упомянутую часовню Сен-Лоран в Жуанвиле, дабы приходящие к его алтарю испытывали бы большее благоговение.

§ 768

Довожу до всех, что я рассказал здесь о большей части деяний нашего святого короля, коим был свидетелем или слышал о них, а также о многих

деяниях, о которых читал в одном сочинении на французском языке⁴⁶⁸, и велел написать о них в моей книге. И я вам говорю, чтобы те, кто прочтет мою книгу, нисколько не сомневались в том, что в ней написано и что я действительно видел и слышал, а по поводу прочего, чего я не видел и не слышал, не берусь судить, истинно ли это.

§ 769

Написано в год милостью Божьей 1309, в месяце октябре.

КОММЕНТАРИИ

1. Людовик X (род. в 1289 г.), французский король в 1314–1316 г. В описываемое время был королем Наварры, графом Шампани и наследным принцем Франции.
2. Филиппа IV Красивого, французского короля в 1285–1314 г.
3. Королевство Наваррское Людовик получил после смерти своей матери Жанны, наследной королевы Наваррской в 1305 г.
4. Граф-палатин (*comes palatii, comes palatinum*) — должность графа дворца, с X в. ставшая наследственной в династии графов Шампанских. К XIII в. превратилась в почетный титул.
5. Графства Шампань и Бри Людовик получил после смерти матери Жанны, графини Шампани и Бри в 1305 г.
6. Сенешал — в данном случае придворный чин. Сенешал командовал войсками и вершил суд от имени своего сеньора.
7. Жанна Наваррская (ум. в 1305 г.), королева Наваррская и Французская, дочь и единственная наследница Генриха III, короля Наваррского и графа Шампанского, в 1284 г. вышла замуж за будущего короля Филиппа IV Красивого.
8. Мф 6, 23; Лк 12, 31.
9. Пьер (1251–1284), граф Алансонский и Першский с 1268 г., пятый сын Людовика IX, родившийся в Святой земле.
10. Жан Алансонский участвовал в Восьмом крестовом походе на Тунис, во время которого умер Людовик IX.
11. См. § 755–759.
12. Вероятно, цинга.
13. В 1291 г. город Акру, последний укрепленный оплот христиан в Святой земле, взяли штурмом войска египетского султана аль-Ашрафа. После падения этого города государство крестоносцев на Ближнем Востоке прекратило свое существование.
14. Туаз — старинная мера длины, равная примерно от 4,5 до 7 метров.
15. Оливье де Терм — лангедокский сеньор, в 1228–1241 гг. участвовал в мятежах на юге Франции, затем перешел на сторону короля. Сопровождал Людовика IX в Египет и Святую землю, затем в Тунис. Находился в Святой земле в 1264–1269 гг., 1273–1275 гг. в качестве представителя короля Франции.
16. У Людовика Наваррского было двое братьев — Филипп, граф де Пуатье и Карл, граф де ла Марш.

17. Крестовые походы считались одной из форм паломничества к Гробу Господню в Иерусалим. Отправляясь за море, крестоносец брал символы пилигрима: посох и суму.
18. Людовик, род. в 1244, ум. 1260 г.
19. Людовик IX заболел в 1258 г.
20. Филиппу III, королю Франции в 1270–1285 гг.
21. См. приложение, с. 251.
22. Ливр — в средневековой Франции счетная монета, равнялась примерно 20 су или 240 денье. Конкретная стоимость ливра определялась весом и чеканкой составлявших его денье. Самыми ходовыми во Франции Людовика IX были парижские и турецкие денье. См. приложение, с. 248–250.
23. Коннетабль — высший военный чин во Франции эпохи Людовика IX. Коннетабль был главным военным советником короля и осуществлял высшее командование королевскими войсками.
24. Жиль, сеньор де Тразеньи, был родом из графства Эно (Геннегау). Он входил в число приближенных советников короля и участвовал вместе с ним в Седьмом крестовом походе.
25. Робер де Сорбон (1201–1274) — магистр богословия, автор богословских трудов, преподавал в Париже в 1250–1274 гг. Стал капелланом Людовика IX. Основал в Париже коллеж для бедных богословов (1254 г.), впоследствии получивший название «Сорбонна» и ставший главным учебным заведением Франции.
26. В тексте — *preudomme*. Исследователи эпохи Людовика IX обращают внимание на сложность перевода этого термина. Удачное определение предлагает французский историк Жан Ришар: «„Prud’homie“ — это поведение сообразно кодексу порядочного человека, как его представляли в XIII в. Среди его составляющих фигурировали вежливое обхождение, дух справедливости, умеренность, искренность и стремление соблюдать приличия». См. Richard J. Saint Louis. Paris, 1983. P. 146.
27. В тексте *beguin* — мирянин, придерживающийся подчеркнуто благочестивого образа жизни. Слово нередко обладало негативным смыслом — так называли людей, чье благочестие было неискренним.
28. Тибо V (1240–1270), граф Шампани и король Наварры, женат на дочери Людовика IX Изабелле.
29. Орден нищенствующих монахов, основанный Св. Домиником и признанный в 1216 г. Папой Римским Гонорием III. Был создан с целью вести проповедь, бороться с ересями и готовить грамотных священников. Официальное название — «орден братьев-проповедников». Братьев ордена также называли по имени его основателя доминиканцами.

30. Вероятно, 12 мая 1258 г.
31. Жан I Рыжий, граф Бретани в 1237–1286 гг., сын графа Пьера Моклерка.
32. Жан II, сын Жана I, граф Бретани с 1286 г., герцог с 1297 г., ум. в 1305 г.
33. Виллан — свободный крестьянин. В данном случае Жуанвиль хочет подчеркнуть неблагоприятное происхождение Робера де Сорбона.
34. Garban — легкий юго-западный ветер.
35. См. § 634.
36. Возможно, намек на битву королевских войск с фламандцами при Монс-ан-Певеле (18 августа 1304 г.), во время которой Филипп IV был выбит из седла.
37. Жуанвиль не одобрял последовательную политику централизации Филиппа IV, сопровождавшуюся массовым нарушением сеньориальных прав, к которым, по мнению сенешала Шампани, так бережно относился Людовик IX.
38. То есть дьявол.
39. Симон де Жуанвиль, наследственный сенешал Шампани, ум. в 1233 г.
40. Беатриса д'Осонн, сеньора де Морней и Вокулер, дочь Этьена III, графа д'Осонна, и Беатрисы, графини де Шалон-сюр-Сон.
41. Гийом Овернский, доктор Парижского университета, епископ Парижский в 1228–1249 гг. Известный богослов, преподаватель богословия, находившийся под влиянием философских идей Аристотеля и Фомы Аквинского.
42. Ла-Рошель принадлежала английским королям до 1224 г., когда король Людовик VIII возобновил военные действия в английской Аквитании и занял этот город.
43. Альбижиа — округ города Альби на юге Франции (деп. Тарн), где получило распространение учение катаров, объявленное папством еретическим: приверженцы этой церковной секты считали земной мир порождением дьявола, призывали отвергнуть земные блага и вести аскетическую жизнь как в первые столетия существования христианства. Катары отрицали иерархию официальной церкви, церковное землевладение, десятину и некоторые церковные таинства. Особенно горячий отклик учение катаров встретило на землях Южной Франции, преимущественно в Лангедоке, где ему симпатизировали или прямо поддерживали представители аристократии, в том числе и фактические правители региона графы Тулузские. В 1209 г. Папа Римский Иннокентий III организовал против лангедокских катаров крестовый поход, во главе которого встал северофранцузский сеньор Симон де Монфор. В результате военных действий, которые с перерывами продолжались до 1255 г., Юг Франции был подчинен власти французских королей, земли графов Тулузских вошли в домен короны в 1271 г., а катары подверглись гонениям инквизиции, которую активно поддерживал Людовик IX.

44. Симон IV де Монфор (ок. 1160–1218), знатный французский сеньор, возглавивший крестовый поход против альбигойцев. Добился графств Тулузского и герцогства Нарбоннского. Убит при осаде Тулузы в 1218 г.
45. Так Жуанвиль называет главного богослова евреев, участвовавшего в диспуте.
46. См. § 657–660.
47. См. § 660.
48. Симон II де Клермон (ум. 1280 г.), сеньор де Нель. Один из регентов Французского королевства во время Восьмого крестового похода в 1270 г. на Тунис.
49. Жан II де Нель, граф Суассонский.
50. Пьер де Фонтен, доктор гражданского права, один из приближенных советников Людовика IX, специалист в вопросах судопроизводства, стоял у истоков будущего парламента. Автор «Советов другу» — сборника кутюм Вермандуа, составленного около 1255 г. для образования наследного принца Филиппа.
51. Жоффруа де Вилетт, бальи Тура в 1261–1262 гг.
52. См. приложение, с. 260.
53. См. § 669–671.
54. Прево — в данном случае чиновник короля, отвечавший за управление королевскими землями, отправление правосудия, сохранность королевских прерогатив и сбор налогов. В XII веке прево приобрели слишком большую независимость от короля, поэтому в конце XII — XIII века королевская власть передала основные их функции бальи и сенешалам.
55. Бальи — королевские чиновники; с конца XII века, после реформы управления Филиппа Августа (1180–1223) — особые посланцы короля, которых отправляли в различные части королевского домена проверять деятельность прево и прочих представителей местной королевской администрации. В царствование Людовика Святого бальи постепенно превратились в основных представителей монархической власти в фиксированных округах (бальяжах) и агентов распространения королевского влияния за пределами домена короны. Короли выбирали их из средней знати и зажиточных горожан, преимущественно из земель королевского домена, Иль-де-Франса.
56. Епископат нередко злоупотреблял отлучениями от церкви в отношении светских сеньоров и королевских служащих.
57. Речь может идти либо о Пьере Моклерке, либо его сыне графе Жане I: оба они были отлучены бретонскими епископами от Церкви.
58. Парижский мирный договор 28 мая 1258 г. См. § 678–679.
59. Людовик был женат на Маргарите Прованской, а английский король Генрих III — на её сестре Алиеноре: обе они были дочерьми графа Прованского Раймунда-Беренгария IV.

60. Вассал — человек, добровольно подчиняющийся другому человеку — сеньору — и обязанный ему верностью, советом и помощью. Подчинение скреплялось особым ритуалом — оммажем — и клятвой верности. Взамен вассал часто получал феодал (фьеф) в виде земли или денежной ренты.
61. Маго, графиня Булонская, вдова Филиппа Строптивного (см. примечание 69), ум. в январе 1258 г.
62. По обычаю повреждение печати лишала документ его юридической ценности. Приведенный пример показывает, что Людовик Святой ценил справедливость больше, чем форму права.
63. Камергер — придворный чин; при французских королях камергеры следили за снабжением королевских покоев, отвечали за размещение на постой во время походов и разъездов, ведали малой казной (*Chambres aux deniers*).
64. 25 апреля 1214 г.
65. 29 ноября 1226 г.
66. Бланка Кастильская (1188–1252), дочь кастильского короля Альфонса VIII и Алиеноры Английской, супруга французского короля Людовика VIII, правившего в 1223–1226 гг.
67. Брак Бланки Кастильской и Людовика VIII, который ко времени своей свадьбы еще был только наследным принцем, подготовили с целью примирения французской династии Капетингов и английской династии Плантагенетов после длительной войны (1194–1199 гг.) между королями Филиппом II Августом и Ричардом I Львиное Сердце: Бланка приходилась племянницей английскому королю Иоанну Безземельному, наследовавшему Ричарду в 1199 г. Однако вскоре после свадьбы Людовика и Бланки (23 мая 1200 г.) конфликт между Францией и Англией возобновился, и испанская принцесса больше не могла рассчитывать на поддержку своего дяди, английского короля. Кроме того, она активно помогала своему мужу, принцу Людовику, в его попытке завоевать Английское королевство в 1216–1217 гг., что должно было настроить против нее Плантагенетов.
68. Людовик стал французским королем в двенадцать лет, после смерти своего отца, Людовика VIII (1223–1226), в ночь с 7 на 8 ноября 1226 г. Его совершеннолетие должно было наступить через восемь лет.
69. Филипп Строптивный (ум. 1234), сын короля Филиппа-Августа и его третьей жены Агнессы Меранской. Граф Мортенский, Домфронский и Булонский. Дядя Людовика IX, Филипп не участвовал в первых мятежах против правительства Бланки Кастильской.
70. Коронация состоялась 29 ноября 1226 г. в Реймсе.
71. Жуанвиль не был непосредственным свидетелем происходящего и неточно передает развитие событий. Ситуация развивалась следующим образом. На смертном одре Людовик VIII назначил свою супругу

регентшей королевства до того момента, как его наследник достигнет совершеннолетия. Чтобы ослабить возможную оппозицию французских баронов, Бланка и её советники (многие из них служили еще королю Филиппу Августу) решили посвятить юного Людовика в рыцари и короновать, не дожидаясь, пока он станет совершеннолетним. После коронации бароны потребовали возмещения несправедливостей, причиненных им Филиппом Августом (1180–1223) и Людовиком VIII (1223–1226), которые последовательно проводили политику усиления королевской власти. Они также просили освободить графа Фландрии Феррана Португальского и Рено де Даммартена из заточения, куда их поместили за измену по приказу Филиппа Августа в 1214 г. Бланка отказалась освободить Рено (вскоре он умер в заключении), а Феррана отпустила, заставив выплатить огромный выкуп в 50 000 ливров и выполнить целый ряд дополнительных условий. Сразу после коронации королеве пришлось столкнуться с коалицией баронов, в которую вошли граф Бретани Пьер Моклерк, граф де ла Марш Гуго де Лузиньян и Тибо, граф Шампани. Эта коалиция начала складываться уже в конце правления Людовика VIII. У каждого из них были как общие, так личные мотивы для недовольства: по-видимому, Тибо Шампанского, наследника короля Наваррского, волновало усиление власти короля Людовика VIII над южнофранцузскими землями; Гуго де ла Марш напрасно надеялся получить от Людовика часть земель, завоеванных у Плантагенетов в Аквитании, в том числе Бордо; Пьер Моклерк собирался жениться на графине Фландрской Жанне, чей муж, Ферран, тогда находился в плену у короля, но Людовик VIII помешал его планам. Оскорбленный Пьер заключил с английским королем Генрихом III союз о взаимопомощи в 1226 г. После того, как к Пьеру присоединились Гуго де Лузиньян, один из главных сеньоров Сентонжа Савари де Молеон и брат английского короля Ричард Корнуэльский, союзники начали готовиться к войне. Королеве Бланке удалось расколоть коалицию, добившись примирения с Тибо Шампанским, затем она начала переговоры с Пьером Моклерком и Гуго де Лузиньяном, завершившимся Вандомским миром (16 марта 1227 г.). Чуть позже другие бароны, собравшиеся в Корбейле, задумали захватить юного короля, вместе с матерью находившегося в городе Монлери (§ 73). В начале 1228 г. образовалась новая коалиция, на этот раз во главе с дядей короля Филиппом Строптивым, которого его мятежники хотели сделать регентом вместо королевы; коалиция была направлена против Бланки Кастильской и её союзника Тибо Шампанского. В октябре 1229 г. граф Пьер Бретонский отказался хранить верность королю Франции и принес оммаж английскому королю Генриху III, о чем Жуанвиль рассказывает в § 74.

72. Монлери — город под Парижем.
73. Пьер де Дрё, по прозвищу Моклерк, граф Бретани с 1213 г. по 1237 г. Был близким родственником короля Филиппа Августа, который женил его на наследнице бретонского графства Алисе де Туар. Правил Бретанью до совершеннолетия своего сына Жана Рыжего, наступившего в 1237 г.
74. Формально вассал имел право служить своему сеньору только срок дней (именно под этим предлогом граф Шампанский Тибо IV во время осады Авиньона Людовиком VIII покинул ряды королевской армии со своими рыцарями) и с небольшой военной свитой.
75. Граф Пьер получил Анжу и часть Перша по условия Вандомского мира между ним и королем (1227 г.). Утратил их после нового восстания против короля по перемирию в июле 1231 г.
76. Генрих Щедрый, граф Шампани в 1152–1181 гг.
77. Мария Французская, дочь Людовика VII и Алиеноры Аквитанской, приходилась сводной сестрой Филиппу Августу, сыну Людовика VII и Адели Шампанской, и Ричарду Львиное Сердце, сыну Генриха II Плантагенета и Алиеноры Аквитанской; в 1164 г. она вышла замуж за графа Шампанского Генриха Щедрого.
78. Генрих II, граф Шампанский в 1181–1197, король Иерусалимский в 1192–1197 гг.
79. Филипп II, по прозвищу Август, французский король в 1180–1223 гг. Опытный политический деятель, на протяжении своего правления упорядочил административное управление своих земель, расширил границы королевского домена, нанес поражение английскому королю Иоанну Безземельному, отняв у него часть владений во Франции, в том числе и Нормандию (1204 год). В 1214 г. в битве при Бувине Филипп разгромил коалицию, в которую входили силы германского императора Оттона Брауншвейгского, англичан и мятежных вассалов Феррана Фландского и Рено де Даммартена.
80. Ричард I Львиное Сердце, английский король в 1189–1199, представитель королевской династии Плантагенетов. Участвовал в Третьем крестовом походе, захватил Кипр и город Акру в Святой земле, в 1194–1999 гг. воевал с французским королем Филиппом Августом.
81. Жуанвиль упоминает о событиях Третьего крестового похода (1190–1192), организованного после того, как войска египетского султана Саладина (Салах-ад-Дина) (1175–1193) разбили армию Иерусалимского королевства в битве при Хаттине (4 июля 1187 г.) и захватили Иерусалим. Главным достижением Третьего крестового похода стало отвоевание прибрежных городов и крепостей Иерусалимского королевства, в том числе города Акры, который с этого времени стал столицей христианского государства в Святой земле, заменив в этом качестве Иерусалим.

82. Изабелла, вторая дочь иерусалимского короля Амори (1162–1174). После смерти своего брата короля Балдуина IV Прокаженного (1174–1186) и сестры Сибиллы (ум. в 1192) стала единственной наследницей иерусалимского престола. Вышла замуж за Генриха Шампанского в 1192 г.
83. Алиса, в первом браке супруга короля Кипра Генриха I (ум. в 1218); во втором — супруга Бозмунда V, князя Антиохийского (их брак был расторгнут в 1227 г.). Именно в 1227 г. на Алисе намеревался жениться граф Пьер Бретонский, чтобы воспользоваться её правами на графство Шампань, как представительницы старшей ветви графов Шампанских; после 1239 г. Алиса стала регентшей Иерусалимского королевства. Ум. в 1246 г.
84. Филиппа, в 1215 г. вышла замуж за Эрара де Бриенна. Как и старшая сестра, предьявляла права на графство Шампань.
85. Бриенны — знатный французский род, добившийся графства Бриеннского в X веке. С XIII века Бриенны играли важную роль во Франции и за её пределами благодаря своим матримониальным союзам. Например, Готье III де Бриенн (ум. в 1205 г.) участвовал в обороне Акры в 1188 г., женился на сестре сицилийского короля Вильгельма III и принял титул короля Сицилии. Его брат Жан де Бриенн участвовал в Четвертом крестовом походе и женившись на Марии Иерусалимской, стал иерусалимским королем (1210–1225 г.). В 1229–1237 гг. — регент и император Латинской империи Константинополя. Впоследствии представители семейства Бриеннов станут герцогами Афинскими.
86. Алисой, старшей дочерью Генриха II Шампанского и Изабеллы Иерусалимской.
87. Тибо IV (1201–1253), граф Шампанский и король Наваррский с 1234 г., посмертный сын Тибо III, графа Шампанского в 1197–1201.
88. Иоланду Бретонскую, которая впоследствии выйдет замуж за Гуго, сына графа де ла Марша.
89. Пьер Моклерк был представителем рода Дрё, ведущего свое происхождение от брата французского короля Людовика VI. Отец Пьера, граф Роберт II взял в жены сестру Ангеррана, сира де Куси. У Пьера было трое братьев: граф де Дрё Роберт III, граф де Макон Жан де Брен и архиепископ Реймский Генрих. Три сестры Пьера вышли замуж: за герцога Бургундского, графов де Бар и де Руси. Сам Пьер был в первом браке женат на Алисе де Туар, наследной графине Бретани.
90. Жоффруа де ла Шапель, бальи Ко, советник королевы Бланки.
91. С 1226 по 1234 гг. Пьер Моклерк участвовал в большинстве коалиций и войн против короля Людовика IX. Брак его дочери с Тибо Шампанским позволил бы восстановить союз между ними, который

- Бланке Кастильской удалось расколоть в конце 1226 г.: в этом случае королевскому правительству угрожала бы опасность с двух сторон — с запада, из Бретани, и с востока, из Шампани.
92. То есть королевского домена Иль-де-Франс, который также называли Францией.
 93. Гуго IV, герцог Бургундский (1218–1272).
 94. Роберт, граф Дрё (1218–1234), старший брат Пьера Бретонского. См. примечание 89.
 95. Война против Тибо Шампанского велась в 1229–1230 гг.
 96. В надежде уговорить короля бароны заявили, что собираются наказать Тибо IV за его вероломство по отношению к Людовику, которого он покинул во время осады Авиньона в 1226 г.
 97. Гиг V, граф де Форе, по жене граф Неверский, Оксерский и Тоннерский.
 98. Сентябрь—ноябрь 1234 г.
 99. Граф Шампанский был сюзереном графств де Блуа, де Шартр и де Сансерр и виконства Шатодена. Именно эти сюзеренные права Тибо IV уступил королю: теперь графы Блуаский, Шартрский и Сансеррский были вассалами короля, а не графа Шампанского.
 100. Готье V, граф де Бриенн, герцог Афинский с 1309 г.
 101. Жан, граф де Жуаньи, женат на сестре Готье V де Бриенна.
 102. Мария, дочь Алисы, королевы Кипрской, вышла замуж за Готье IV, графа де Бриенна и де Яффа.
 103. Тибо Великий (ок. 1090–1152) был графом Шампанским, Блуаским и Сансеррским: каждый из его троих сыновей получил одно из его графств: Генрих I (ум. 1181) — графство Шампанское, Тибо (ум. 1191) — графство Блуаское, Этьен — графство Сансеррское (см. § 92).
 104. 23 июня 1241 г.
 105. Альфонс (1220–1271), пятый сын французского короля Людовика VIII и Бланки Кастильской, граф Пуатевинский и Овернский с 1241 г. По условиям Парижского мирного договора 1229 г. с графом Тулузским Раймундом VII женился на дочери Раймунда и после смерти тестя в 1249 г. унаследовал его земли. После смерти Альфонса и его жены в 1271 г. их владения отошли французской короне.
 106. Жан, граф де Дрё, племянник Пьера Моклерка.
 107. Генрих II Плантагенет (1133–1189), английский король с 1154 г., основатель государства Плантагенетов, включавшего в себя Английское королевство и земли на западном фасаде Франции: герцогство Нормандия, герцогство Аквитания, графства Анжуйское и Пуатевинское.
 108. Клуатр — монастырский двор, окруженный крытыми галереями; характерен для романской и готической церковной архитектуры.
 109. Речь идет об монашеском ордене цистерцианцев, основанном в 1098 г. и получившим развитие в аббатское правление Бернарда Клервоского.

- Цистерцианцы носили белые одеяния, символизировавшие их возврат к евангельской чистоте и простоте.
110. Сержант — служащий или воин. В роли служащих сержанты выполняли поручения сеньоров или судей, следили за порядком, сопровождали должностных лиц. На войне сержанты были либо пешими войнами, либо сражались верхом, подчас вооруженные также, как рыцари.
 111. Альфонс, сын португальского короля, был приглашен во Францию Бланкой Кастильской; в 1238 г. он женился на вдове Филиппа Стротивого, Маго, графине Булонской. Уехал из Франции в Португалию, где в 1245 г. стал регентом, а затем, в 1248 г., королем Португалии.
 112. Герман, сын Елизаветы Венгерской и ландграфа Тюрингского, в 1231–1241 гг. — ландграф Тюрингии.
 113. Альфонс де Пуатье должен был принять оммаж от своих вассалов. Сюзеренитет графа Пуатье постирался на графство де ла Марш, графство Овернское, виконтства Туар, Шательро, Тьер, Карлат, сеньории Лузиньян, Тальмон, Партене, Ливрадуа и Комбрай.
 114. Изабелла Ангулемская (ум. в 1246) — наследная графиня Ангулемская. Вышла замуж за английского короля Иоанна Безземельного. Мать английского короля Генриха III. После смерти Иоанна в 1216 г. снова вышла замуж за Гуго X, графа де ла Марша.
 115. Мир с графом де ла Маршем был крайне невыгодным для Людовика IX.
 116. 20 мая 1242 г., в Руаяне. Для английского короля Генриха III мятеж пуатевинских баронов против Альфонса де Пуатье и Людовика IX стал удобным случаем для того, чтобы отвоевать земли во Франции, некогда принадлежавшие его отцу и ему самому, и захваченные французскими государями Филиппом II Августом и Людовиком VIII. Фактически речь шла о продолжении конфликта, начавшегося еще во второй половине XII века между двумя королевскими династиями — Капетингов и Плантагенетов — за господство над Францией.
 117. 23 июля 1242 г.; Генрих III отправился в Блей, где к нему присоединился граф Тулузский Раймунд VII.
 118. Условия мира были тяжелыми для графа де ла Марша. Король оставлял у себя захваченные у графа замки, Гуго приносил оммаж Альфонсу де Пуатье за Лузиньян, а Людовику IX — за Ангулем. Граф также отказывался от сюзеренитета над своими вассалами: Жоффруа де Ранконом, Жоффруа де Лузиньяном, Рено де Понсом и Раулем д'Иссуденом, которые с этого времени приносили оммаж непосредственно королю или графу де Пуатье. Наконец, Гуго де Лузиньян обещал объявить войну своему недавнему союзнику графу Тулузскому Раймунду VII. Однако рента с королевской казны равнялась всего 5000 ливров, а не 10 000.

119. Согласно представлениям той эпохи, король должен был жить со «своего», то есть с доходов своих непосредственных владений. Согласно феодальным обычаям бароны королевства и вассалы короля были обязаны оказывать ему материальную поддержку в четко оговоренных случаях. Однако в XIII веке вследствие усиления королевской власти во Франции, развития римского права и постепенного укоренения представлений о короле как о суверене всего королевства, французские государи стали требовать экстраординарных налогов, которые рассматривались как нарушение традиций.
120. В декабре 1244 г., в Понтуазе.
121. Большой король принес обет крестоносца перед епископом Парижским Гийомом Овернским.
122. Английский хронист Матвей Парижский упоминает, что Бланка Кастильская и Гиймом Овернский с сеньорами королевства пытались убедить короля откупиться от обета крестоносца, что позволяла сложившая практика.
123. Робер (1216–1250), сын Людовика VIII и Бланки Кастильской, граф д'Артуа с 1237 г.
124. Карл (1227–1285), последний сын Людовика VIII и Бланки Кастильской, граф Анжуйский и Мэнский, граф Прованса по браку с Беатрисой, дочерью и наследницей графа Раймунда-Беренгария (1246 г.). В 1253 г. согласился на предложение Папы Римского отвоевать у наследников германского императора Фридриха II Гогенштауфена сицилийское королевство (Сицилию и Южную Италию); в 1266 г. после победы в битвах при Беневенто (1266 г.) и Тальякоццо (1268 гг.) над двумя последними потомками Фридриха, Манфредом и Конрадином, стал Сицилийским королем.
125. Ги де Дампьерр, граф Фландрии, ум. в 1305.
126. Кроме того, в поход отправились графы Булонский, де Монфор, де Вандом, де Суассон, сир де Бурбон и коннетабль Эмбер де Боже. К королю присоединились и недавние мятежники: Гуго де Лузиньян, граф де ла Марш, его сын граф Ангулемский, Пьер Моклерк, Оливье де Терм, Раймунд Транкавель; одновременно с ними обет крестоносца принес граф Тулузский VII, но он умер перед отплытием.
127. О Гоше де Шатильоне см. § 390–392; Несмотря на то, что Папа Римский Иннокентий IV распорядился проповедовать крестовый поход по всей Европе, а король Людовик разослал всем христианским государям письма с призывом последовать его примеру, войско крестоносцев состояло преимущественно из французов. От англичан в походе участвовала небольшая группа знати во главе с дядей короля, Вильгельмом Длинным Мечом, графом Солсбери и Ги де Лузиньяном. Кастильцы, арагонцы были заняты успешно развивающимся наступлением на мусульманские

земли Пиренейского п-ва, португальцы — волнениями, завершившимися низложением короля Санчо II; норвежский конунг Хакон, первоначально изъявивший желание присоединиться к Людовику IX, впоследствии отказался от своего намерения под благовидным предлогом; венгерский король и чешские князья еще недостаточно опомнились от монгольского нашествия 1241 г., тем более, что угроза со стороны монголов по-прежнему сохранялась. Германский император Фридрих II, формально носивший титул короля Иерусалимского, был поглощен распрями с папством и мятежными итальянскими городами.

128. 19 апреля 1248 г.

129. Крестоносцам, отправляющимся в поход, предписывалось покаяние; собственно вооруженное паломничество, которое представлял собой крестовый поход, и было экспедицией во имя покаяния. Чтобы в случае гибели во время путешествия в Святую землю или в боях с мусульманами предстать перед Господом с чистой душой, нужно было покаяться в своих грехах: поэтому перед выступлением в путь следовало исповедоваться священнику и возместить обиженным причиненные несправедливости. Перед началом похода Людовик IX действовал так же, как и Жуанвиль, только в масштабах всего королевства: с помощью папского легата Эда де Шатору он заручился обещанием французского духовенства, монахов цистерцианцев и доминиканцев, молиться за короля и успех его благочестивого предприятия. Чтобы исправить злоупотребления, допущенные им и его предшественниками в отношении своих подданных, французский король в 1247 г. разослал по территории Франции ревизоров в лице монахов нищенствующих орденов — доминиканцев и францисканцев. За этим последовали возмещение несправедливо причиненного ущерба и смена коррумпированных представителей короны: бальи, прево и нижестоящих лиц. Исследователи обратили внимание, что эти меры помимо благочестивых намерений могли объясняться и административно-финансовыми мотивами: выполняя долг покаяния, Людовик одновременно мог преследовать и иные цели — усовершенствовать королевскую администрацию, продвигая на высшие посты молодых и энергичных людей, не успевших освоиться в вверенных им округах, и финансировать крестовый поход за счет штрафов и взысканий, наложенных на провинившихся чиновников.

130. В Меце обычно вели финансовые операции семейства графов Саарбрюкенских.

131. Вассал, который приводил с собой на войну достаточное количество рыцарей, чтобы сражаться с ними под отдельным знаменем. Часто рыцарями, имевшими право на свое знамя, были все, кто занимал видное положение благодаря родственным связям и богатству.

132. Седьмой крестовый поход, в котором участвовал Жуанвиль, продлился с 1248 по 1254 г.
133. Жуанвиль ошибается: Жан был графом Саарбрюкенским в то время, когда сенешал составлял свой труд. На самом деле речь идет о Жоффруа; Жуанвиль засвидетельствует его завещание под Мансурой, в январе 1250 г.
134. Основная часть крестоносцев отправлялась в путь на кораблях, нанятых королем в Генуе или Марселе: в 1247 г. Людовик заключил договор о найме шестнадцати кораблей у генуэзцев и двадцати — у марсельцев. Представители знати могли зафрахтовать судно за свой собственный счет, как поступил Жуанвиль, или приказать его построить, как граф де Сен-Поль и граф Тулузский.
135. Формально Церковь гарантировала неприкосновенность имущества и владений крестоносцев на время их пребывания в походе, но на практике часто случалось обратное: когда английский король Ричард Львиное Сердце на обратном пути из Святой земли попал в плен к императору Генриху VI, Папа Римский не предпринял никаких значимых шагов для его освобождения. Людовик IX и Бланка Кастильская не могли не учитывать подобных вариантов развития: с английским королем Генрихом III не было заключено прочного мира и сохранялась угроза нападения англичан на владения короля Франции в случае его отъезда в Святую землю. Перемирие, заключенное между Людовиком IX и Генрихом III в марте 1243 г., было действительно на пять лет и срок истекал в 1248 г.; французскому королю так и не удалось добиться его продления. В октябре 1247 г. брат английского государя Ричард Корнуэльский от имени короля Генриха потребовал от Людовика IX вернуть ему Анжу, Пуату и Нормандию.
136. В 1248 г. Жан де Жуанвиль был прямым вассалом графа Шампанского, а не короля, и не приносил последнему оммаж.
137. Прево Парижа — королевский чиновник, обладающий полицейскими, судебными и административными полномочиями в Париже, делегированными ему королем.
138. Шатле — резиденция прево Парижа.
139. Косарь — саблевидный меч с одним лезвием. См. приложение, с. 255.
140. Сума и посох были символами паломничества.
141. Поскольку участие в крестовом походе было сопряжено с актами покаяния, крестоносцам возбранялось одевать роскошную одежду и носить украшенное оружие; иногда, как в случае с Жуанвилем, крестовый поход начинали в одежде кающегося грешника.
142. Монастыри, находившиеся под покровительством Жуанвиля. См. примечания 424, 425.
143. В тексте — *grans destriers*.

144. Людовик IX выступил в поход из Парижа 12 июня 1248 г. Он оставил править королевством свою мать Бланку Кастильскую, передав ей свои королевские полномочия и вверив её охране троих своих старших сыновей. После встречи с Папой Иннокентием IV в Лионе он стал спускаться вдоль берега Роны, где и натолкнулся на замок вассала дофина Вьеннского, Роже де Клерье, построенный на речном острове. Роже требовал от крестоносцев уплатить дорожную пошлину, на которую он, как местный сеньор, имел право: Король отказался, и после того как Роже захватил заложников, осадил, взял и разрушил замок. Затем, миновав Авиньон, король прибыл в пункт отбытия, порт Эг-Морт.
145. Появление таких кораблей, прозванных «юиссье» (*huissier* — от *старофр.* *huis*, дверь), во многом было связано с потребностью крестоносцев перевозить лошадей. Внутри корабля лошади удерживались на месте ремнями. Конструкция «юиссье» позволяла коннице прямо высаживаться на берег: судно подходило как можно ближе к берегу, дверь опускалась и всадники верхом выезжали на сушу, где обороняли плацдарм для дальнейшей разгрузки корабля. Один «юиссье» был способен вместить до 60 коней.
146. Гряди, Дух — Создатель (*лат.*).
147. Корабль Жуанвиля ветром отнесло к берегам Северной Африки. Точное место неизвестно.
148. Лье — старинная мера длины, равная примерно от 3,9 до 4,6 км.
149. Кипр в описываемое время был христианским королевством, которым правила династия Лузиньянов.
150. Людовик IX отплыл из Эг-Морта 25 августа 1248 г. вместе со своей женой Маргаритой Прованской, папским легатом Эдом де Шатору, братьями Робером д'Артуа и Карлом Анжуйским. В ночь с 17 на 18 сентября он причалил в гавани города Лимасол.
151. Началу Седьмого крестового похода предшествовала серьезная организационная подготовка. Людовик IX распорядился произвести огромные закупки продовольствия и перевезти его на Кипр в начале 1246 г. Император Фридрих II специально допустил закупщиков короля на рынки Италии и Сицилии. До сих пор спорной остается точная сумма затрат короля на крестовый поход: обычно называют цифру в 1 537 540 турецких ливров (правда, большинство исследователей признает её сильно завышенной). Король не стал прибегать к «помощи» (*aide*), взимаемой с подданных королевства, тем более, что многие крупные бароны готовились отправиться в крестовый поход, и, как следствие, освобождались от подобных выплат. Общий бюджет короны сводился примерно к 250 000 ливров. С целью добыть больше денег король использовал ординарные поступления, например штрафы. Власти стали продавать церквям право самостоятельно, без вме-

шательства короны, избирать прелатов; ограничили расходы на содержание монашеских обителей. Однако основные суммы поступили от городов и духовенства. В случаях особой нужды королевская власть обращалась к горожанам с просьбой (часто принудительной) о денежной помощи или займе: таким образом, Людовик IX смог собрать с многих городов своего королевства до от 3000 до 10 000 ливров. Что касается духовенства, то Лионский церковный собор под председательством Папы Иннокентия IV утвердил право короля собирать десятину (1/10 от доходов) с кардиналов, и двадцатину (1/20 с доходов) с епископов, церковных капитулов, монашеских общин, приходских священников и т. д. Общий объем выплат французского духовенства за первый год составил примерно 190 000 ливров. Взимание церковной десятины продолжалось еще три года, затем королева Бланка продлила срок еще на два года. Выходит, в целом Церковь предоставила Людовику IX большую часть требуемой суммы.

152. Египет был выбран целью Седьмого крестового похода: именно египетский султан аль-Салих Аййуб овладел Иерусалимом в 1244 г. после битвы при Форбии.
153. По-видимому, Кипр изначально был выбран в качестве сборного пункта крестоносной армии: он был удобным стратегическим плацдармом для крестоносцев, поскольку находился поблизости от Святой земли, Палестины и Латинской империи Константинополя. Оттуда армия Людовика IX могла быстро высадиться в любом пункте, выбранном для нападения, в зависимости от задач военного и политического характера.
154. Поскольку крестовый поход был делом добровольным, сеньоры, давшие крестовый обет, были не вправе требовать от вассалов бесплатной помощи. Кроме того, в XIII в. усиливается тенденция платной службы: официально вассал мог служить своему сеньору бесплатно сорок дней, остальное же время мог воевать за деньги. И король, и бароны, отправлявшиеся в крестовый поход, должны были нанимать и отчасти содержать за свои средства рыцарей, оруженосцев, арбалетчиков, пехотинцев. Их жалованье и содержание обходились недешево: например, Людовик платил своим рыцарям 160 турецких ливров в год, арбалетчикам — 80 ливров. Кроме того, королю, возглавившему крестоносное воинство, иногда приходилось помогать баронам, согласившимся отправиться вместе с ним: известно, что перед экспедицией королева Бланка дала графу Раймунду Тулузскому 20 000 ливров взаймы.
155. Основная часть армии крестоносцев встала лагерем в деревушке *Katavrogia* под Лимасолом, а её предводители разместились в столице Кипрского королевства Никосии, находившейся в центре острова.

156. Множество простых рыцарей и мелких сеньоров израсходовали большую часть своих средств на подготовку к крестовому походу. Кроме того, затянувшееся пребывание на Кипре способствовало росту цен на продовольствие: в результате королю пришлось на протяжении всего похода финансово поддерживать крестоносцев, давая им взаймы и беря на жалованье, чтобы избежать уменьшения численности армии.
157. Пафос, Кипр.
158. Мария, дочь Жана де Бриенна, короля Иерусалимского (1210–1225), затем правителя Латинской империи Константинопольского (1229–1237), вышла замуж за Бодуэна де Куртене, ставшего императором Константинопольским после смерти своего тестя; Латинская империя Константинополя едва держалась под натиском византийцев из Никеи и болгар и Мария старалась раздобыть денег и воинов. Жуанвиль и Эрар де Бриенн были ее родственниками.
159. Бодуэн II де Куртене, император Константинопольский в 1217–1261 гг.
160. Поскольку король и легат руководили крестовым походом, Жуанвиль и Бриенн не могли покинуть войско без их разрешения. Легатом при крестоносцах был Эд де Шатору.
161. Жан II де Бриенн, внук короля Жана I, стал графом д'Э только после смерти своего отца в 1270 г.
162. Жан д'Акра, брат Марии и сын короля Иерусалимского Жана I, женился в 1251 г. на Жанне де Шатоден, вдове Жана де Монфора, умершего на Кипре в 1249 г.
163. Мюид — единица объема. Мюид различался в зависимости от областей: в Париже мюид равнялся от 119 до 134 литров.
164. Королевство Армения (так называемая Малая Армения) находилось в Малой Азии и простиралось от Киликии на западе до верховий Евфрата на востоке. Королевство Армения поддерживало тесные связи с княжеством Антиохийским и графством Эдесским.
- 165 См. приложение, с. 143
166. В средние века в Западной Европе так называли Каир, который вырос на месте древней византийской крепости Вавилон. Имеется в виду султан Египта аль-Малик аль-Салих Аййуб; после битвы при Форбии (1244 г.) стал правителем Дамаска, Иерусалима, Тивериады и Аскалона. Ум. в 1249.
167. У Жуанвиля — Hamant.
168. Жуанвиль рассказывает об одном из эпизодов междоусобной борьбы потомков Саладина, стремившихся восстановить государство своего предка, распавшееся после его смерти в 1193 г. В 1248 г. султан Алеппо (Халеба) аль-Малик аль-Назир аль-Юсуф захватил Хомс, изгнав оттуда султана аль-Малика аль-Ашрафа. Султан Египта поддержал изгнан-

ного родственника и зимой 1948–1949 г. осадил Хомс, а не Хаму, как утверждает Жуанвиль.

169. История с отравлением вымышлена, хотя султан Египта действительно страдал от болезни легких.
170. На самом деле 21 мая 1249 г.
171. Численность королевского войска равнялась 2500–2800 рыцарей, 5000–6000 оруженосцев и слуг, 5000 арбалетчиков и 10 000 пехотинцев, то есть примерно 25 000 человек в целом (кроме того, 7000–8000 лошадей).
172. На самом деле 23 мая 1249 г.
173. Морея — участники Четвертого крестового похода так называли Пелопоннес. В 1206 г. крестоносец Гийом де Шамплитт основал так княжество, которым с 1210 г. стали править французские бароны из династии Виллардуэнов. Гийом V де Виллардуэн (князь Мореи в 1246–1278 гг.) привел с собой четыре сотни рыцарей. Герцог Бургундский Гуго IV провел зиму 1948–1949 гг. в Морею.
174. На самом деле 24 мая 1249 г.
175. Дамьетта — город в дельте Нила, стоявший на основном рукаве реки, откуда можно было попасть прямо в Каир.
176. Людовик IX заранее предупредил султана Аййуба о своем нападении, послав ему вызов и предложив принять крещение. Готовясь дать отпор христианским рыцарям, султан разместил основные силы своей армии за городом, чтобы иметь возможность перебросить их в любую точку, где высадутся крестоносцы. Вперед он выдвинул отборный отряд во главе со своим лучшим военачальником Фахр ад-Дином.
177. На самом деле 4 июня 1249 г.
178. На самом деле 5 июня 1249 г.
179. С 1224 г. королевский военачальник и камерарий Франции. Ум. после 1255 г.
180. Эшива де Монбельяр была дочерью Готье де Монбельяра, чей брат, граф Ричард III де Монбельяр, женился на сестре матери Жуанвиля. Во втором браке стала супругой Бальяна д'Ибелена, сеньора Бейрутского (1236–1247).
181. В тексте — *du lignage*.
182. Жан д'Ибелен, граф Яффаский, сын Филиппа д'Ибелена и Алисы де Монбельяр, сестры Готье де Монбельяра (см. § 151). Таким образом, он приходился двоюродным братом графу Тьерри III де Монбельяру и Жуанвилю.
183. Тебя, Бога, хвалим — *лат.*
184. Людовик IX вступил в город утром 6 июня.
185. Условия пейзажа позволяли произвести высадку только на удобном пляже к западу от Дамьютты, как крестоносцы и поступили: но поскольку город находился на противоположном берегу реки, воинам Людовика IX

- неизбежно пришлось бы искать возможности для переправы и затем перерезать линии связи Дамьетты с внутренними областями.
186. Малый мост в Париже был застроен домами и купеческими лавками. В Дамьетте находились склады пряностей, пользовавшихся в Западной Европе большим спросом.
187. Речь идет о Пятом крестовом походе, когда крестоносцы во главе с Иерусалимским королем Жаном де Бриенном также захватили Дамьетту: тогда осада Дамьетты продлилась с 27 мая 1218 по 5 ноября 1219 г. В этом крестовом походе участвовал отец Жана де Жуанвиля, Симон.
188. Пс, 105.
189. При войске крестоносцев состоял патриарх Иерусалимский.
190. Возможно, что имело место расхищение добычи.
191. В тексте — *piette menue*. Одни из способов измерять расстояние. В § 172 Жуанвиль использует другой термин, обозначающий большее расстояние: *piette poingnant* — на расстоянии брошенного камня.
192. Людовику IX и его военному совету стоило немало труда удержать крестоносцев от вылазок в ответ на нападения египтян. Этот запрет вызвал ссору между братом короля, Робером д'Артуа и англичанином графом Вильгельмом де Солсбери, который без разрешения отбыл из лагеря крестоносцев и разграбил мусульманский караван. В наказание граф д'Артуа отнял у англичан всю добычу: в результате оскорбленный граф Солсбери уехал из Дамьетты в Акру.
193. Жуанвиль называет только пять имен, а не восемь.
194. Жоффруа де Саржин, рыцарь из области города Санса, принес Людовику оммаж в 1236 г.; находился в свите короля во время крестового похода. Перед отъездом во Францию в 1254 г. Людовик назначил его командующим французских войск, остающихся в Святой земле («людей французского короля»). Жоффруа де Саржин стал первым из череды рыцарей, командовавших отрядом французских воинов, более-менее постоянно находившихся в Святой земле за счет короля Франции. Жоффруа де Саржин умер в Святой земле в 1269 г. Французский поэт Рютбеф посвятил ему проникновенные строки в своем «Плаче о моем сеньоре Жоффруа де Саржине».
195. В тексте — *mestre des arbalestriers*. С середины XIII в. предводитель арбалетчиков должен был следить за набором и снаряжением арбалетчиков. Часто командовал всей королевской пехотой.
196. Готье д'Отреш был вассалом Гоше де Шатийона, поэтому его боевым кличем было имя его сеньора.
197. Безант — византийская золотая монета. В Западной Европе безантом до начала чеканки своих золотых в XII в. так называли любые золотые монеты — арабские, византийские и т. д.

198. Альфонс, граф де Пуатье, задержался из-за проблем, связанных с наследством графства Тулузского: его тесть Раймунд VII, граф Тулузский, умер перед самым отбытием крестоносцев. По условию мира между графом Тулузским и Людовиком IX в 1229 г., Альфонс, женатый на дочери Раймунда, должен был получить все его владения. Поэтому Альфонс отплыл из Франции только 26 августа 1249 г. и прибыл в Дамьетту 24 октября.
199. Арьербан — призыв в армию всех вассалов вместе с их вассалами (арьер- или подвассалами).
200. 1 октября 1249 г.
201. 28 ноября 1249 г.
202. См. карту, с. 392.
203. 6 декабря 1249 г.
204. Тамплиеры (от франц. Temple — храм) — члены военно-монашеского ордена, возникшего в Святой земле в начале XII века с целью охранять от мусульман христианских паломников, следующих по незащищенной дороге из Яффы в Иерусалим. Тамплиеры, чей орден был во многом создан в подражание монашескому ордену цистерцианцев, приносили тройной обет (безбрачия, нестяжательства и послушания), подчинялись папству. Постепенно орден стал мощной силой, активно участвовавшей в боевых действиях и политической жизни Святой земли. Орден был распущен после суда и обвинений в ереси, выдвинутых французским королем Филиппом IV Красивым (1285–1314) 22 марта 1312 г.
205. Маршал был третьим по важности сановником в ордене тамплиеров после великого магистра и сенешала: он следил за соблюдением дисциплины в ордене, за содержанием коней, поддержанием в порядке материалов и оружия. Особенно значимой была его роль во время кампаний, где ему подчинялись все тамплиеры, способные носить оружие.
206. У Жуанвиля — *Rexi* (от араб. *Rachid*). См. карту на с. 392.
207. Крестоносцы двигались по правому берегу Нила. Однако Жуанвиль ошибается, утверждая, что рукав Нила, который преградил путь их армии, был тем самым рукавом, который вел к Розетте. Тот рукав отходил от Нила с его левой стороны и впадал в Средиземное море к западу от Дамьетты. Ответвление Нила, преградившее путь крестоносцам, на самом деле было рукавом, ведущим к Танису. Он отходил от Нила с правой стороны чуть ниже по течению от крепости Мансуры и вел в северо-восточном направлении, впадая в море к востоку от Дамьетты. Этот рукав назывался каналом Ашмун или Бархр аль-Сагир.
208. В тексте — *chas chastiaus*. Эти приспособления использовались для того, чтобы вести подкопные работы при осаде замков. *Chat* представлял собой крытую галерею на колесах, под защитой которой можно

- было вести осадные работы; к ней пристраивали передвижную башню, откуда вели обстрел противника из луков и арбалетов.
209. В тексте — engins.
210. В тексте — mestre engingneur.
211. Султан Аййуб умер в Мансуре 23 ноября 1249 г. Его сын и наследник Туран-шах в это время находился в Месопотамии. В ожидании султанша Шахарат аль-Дурр и военачальник Фахр ад-Дин скрыли от египетского войска смерть султана, притворяясь, что передают приказы якобы живого Аййуба. Туран-шах прибыл в Египет 28 февраля 1250 г.
212. Шаримшах, город на Ниле, в 25 км от Дамьетты.
213. Эмир Фахр ад-Дин был военачальником и советником египетских султанов аль-Камила и Аййуба.
214. Фахр ад-Дин вел переговоры германским императором Фридрихом II во время его пребывания в Святой земле в 1227 г. Аль-Камил и Фахр ад-Дин поддерживали дружеские отношения с императором.
215. 20 января 1250 г.
216. Греческий огонь — горючая смесь из серы, смолы, селитры и сырой нефти. Использовалась в качестве зажигательной смеси с VII в. византийцами, позднее арабами. Как правило, греческий огонь метали с помощью камнеметов в глиняных сосудах в крепости или корабли противника.
217. В тексте esteingneurs — досл. тушители. Скорее всего речь идет об обслуживающем персонале башен.
218. В тексте quaagiaus — арбалетные болты, короткие и тяжелые арбалетные стрелы с четырехгранными наконечниками.
219. 2 февраля 1250 г.
220. 8 февраля 1250 г.
221. Брод находился к востоку вниз по течению от французского лагеря на Бахр аль-Сагир.
222. Во время этой неожиданной атаки крестоносцев был убит военачальник египтян Фахр ад-Дин.
223. В схватке погиб также Вильгельм, граф Солсбери.
224. Гийом де Соннак, уроженец Руэга, магистр ордена тамплиеров в 1247–1250 гг. Убит 11 февраля 1250 г.; Великий магистр — глава ордена тамплиеров, избирался на общем собрании орденского капитула.
225. Характерное замечание для представителя рыцарского сословия: лук и арбалет не считались благородным оружием.
226. Ронсен (roncin) — как правило вьючная лошадь или лошадь для верховой езды; иногда, как в данном случае ронсенов использовали в роли боевых коней.
227. В тексте — roelle. См. приложение, с. 253.

228. Гамбезон — плотное одеяние, достигавшее бедер, обычно надевавшееся под доспехи, чтобы ослабить давление металла на кожу.
229. Чтобы удобнее было натягивать более тугую, чем у лука, тетиву, к арбалету нередко приделывали своего рода стремя, позволявшее удерживать арбалет при натягивании ногой.
230. Шлем с полями был более легким, чем обычный боевой шлем, и оставлял лицом открытым. См. приложение, с. 252.
231. Прево — в данном случае один из сановников ордена госпитальеров. Госпитальеры — военно-монашеский орден, возникший в начале XII в. из гостеприимного дома Св. Иоанна, основанного в середине XI в. в Иерусалиме. К 1120 г. орден помимо милосердных обязанностей (забота о пилигримах и больных) стал выполнять военные функции.
232. 8 февраля 1250 г.
233. В тексте *hommes lige* — вассалы, принесшие «тесный» оммаж. «Тесный» оммаж подразумевал, что вассал будет хранить верность только одному сеньору.
234. Али (ок. 600–661) был не дядей, а зятем Мухаммада. См. приложение, с. 331.
235. См. приложение, с. 331.
236. Пелисса (*pelice*) — разновидность одежды. См. приложение, с. 260.
237. Вечером 8 февраля 1250 г.
238. Среда, 9 февраля 1250 г.
239. Бейбарс аль-Бундукдари — мамлюкский военачальник, уничтожил отряд графа д'Артуа в Мансуре. Султан Египта в 1261–1277 гг. Остановил продвижение монголов в битве при Айн Джалуде (3 сентября 1260 г.). Став египетским султаном, начал последовательное наступление на позиции христиан в Святой земле: в 1263–1272 гг. он захватил опорные города и крепости христиан — Цезарею, Арсуф, Бофор, Сафед, Антиохию, Крак де Шевалье. См. приложение, с. 332–333.
240. 11 февраля 1250 г.
241. Карл Анжуйский стал королем Сицилийским в 1266 г. См. примечание 124.
242. Журналь — земельная мера, равная площади, которую можно вспахать плугом за день.
243. Подробности этого происшествия неизвестны.
244. См. приложение, с. 332–333.
245. В тексте — *de la Haulequa*, от араб. *haulequa*, *halca*, что означает «окружение», «охрана». Подробнее см. приложение, с. 332–333.
246. Речь идет о крестовом походе французских баронов в 1239 г. под предводительством графа Шампанского Тибо IV. Во время неосторожной вылазки Генриха графа де Бара, Гуго IV герцога Бургундии, Амори де Монфора, Готье де Бриенна и Жана д'Ибелена, задумавших вопреки

- мнению Тибо IV напасть на авангард египетских войск под Газой, крестоносцы были захвачены врасплох и наголову разбиты (13 сентября 1239 г.). Потери составили 1200 человек убитыми и 600 ранеными; Генрих де Бар был в числе погибших, Амори де Монфор попал в плен. Эта битва вызвала в Западной Европе большой резонанс; сам Жуанвиль вспоминает о ней пять раз.
247. Речь идет о Бейбарсе, см. примечание 239.
248. Бейбарс напал на королевство Малую Армению, союзную христианским государствам Святой земли, в 1266 г.
249. Туран-шах, см. примечание 211.
250. В Месопотамии.
251. В тексте — *son aieul*, дед. Дедом Туран-шаха был аль-Камил, который к 1239 г., когда происходили описываемые события, уже умер. Таким образом, речь может идти только о отце Туран-шаха, аль-Салихе Аййубе.
252. Скорее всего, это была цинга. См. § 299, 303, 324.
253. Французский историк Ж. Монфрен предлагает сравнительный ряд: в 1255 г. в Руане корова стоила примерно около 1 ливра, баран — 4 су 6 денье, свинья — 10 су. См.: Joinville J. *Vie de Saint Louis* / Ed. J. Monfrin. Paris; Garnier, 1995. P. 321.
254. Барбакан — обычно укрепление перед крепостными воротами города или крепости.
255. 6 марта 1250 г.
256. Потери крестоносцев были очень велики: по словам брата короля, Карла Анжуйского, из тридцати двух отрядов (*bataille*), выступивших в поход из Дамьетты, в обратный путь двинулось не более шести.
257. 5 апреля 1250 г.
258. Деревня Муньят Абу-Абдаллах, неподалеку от Шаримшаха.
259. Филипп де Монфор — французский сеньор, сын Ги де Монфора, сеньора де Ла-Ферте-Але, племянник Симона IV де Монфора. В 1239 г. прибыл в Святую землю в войске крестоносцев под командованием Тибо IV. В Святой земле женился на дочери Раймунда-Рупена Антиохийского, получившей от отца права на сеньории Торон и Шатонёф. В 1243 г. захватил и присвоил себе власть в одном из самых крупных городов Иерусалимского королевства, Тире. В 1270 г. был убит по приказу султана Бейбарса.
260. Турнирная кольчуга была более тяжелой.
261. В тексте — *cellerier*; в данном случае означает служащего, ответственного за сохранение провизии.
262. Вероятно, речь идет о сарацине, жившем на Сицилии или в Южной Италии, принадлежавших германскому королю Фридриху II: известно, что Фридрих поселил в Лучере сарацин, поставлявших ему в войско конных лучников.

263. В тексте — *chastel*; в данном случае надстройка на корме корабле.
264. В тексте — *le grand amiral*.
265. Император Фридрих II умер 13 декабря 1350 г.
266. На самом деле мать Жуанвиля приходилась Фридриху II более дальней родственницей.
267. Фридрих II поддерживал тесные связи с египетскими султанами. В 1227 г. египетский султан аль-Камил обратился к нему с призывом совместно выступить против султана Дамаска аль-Муаззама; используя дипломатические методы, император сумел договориться с египтянами о передаче Иерусалима христианам (Яффаский договор, 1229 г.); дружеские отношения и переписка между правителями Египта и императором продолжались до самой смерти Фридриха II.
268. В тексте — *palefroy*.
269. По матери Жуанвиль был двоюродным братом графа де Монбельяра и его брата, Ами, сеньора де Монфокона.
270. Формально не император Фридрих II был королем Иерусалимским, а его сын Конрад, рожденный в браке с Изабеллой, королевой Иерусалимской, дочерью короля Жана де Бриенна.
271. Шателен — комендант замка.
272. Речь идет о супруге Людовика Маргарите Прованской, которая оставалась в Дамьетте. См. § 397–400.
273. 28 апреля 1250 г.
274. В тексте — *evesques*; скорее всего, Жуанвиль так называет имамов.
275. Фарас аль-Дин Актай, мамлюкский военачальник, казнен в 1254 г. по приказу султана Айбега.
276. Св. Агнесса была чудесным образом спасена от гибели на костре; затем её зарезал палач.
277. См. § 284.
278. 5 мая 1250 г.
279. Филипп де Немур впоследствии стал камергером короля.
280. Жан Клеман, сир дю Мец в Гатине.
281. Монашеский орден тринитариев (Троицы) был основан в 1198 г. для выкупа пленных христиан.
282. 7 мая 1250 г.
283. Жуанвиль сам себе противоречит, поскольку позднее (§ 419, 424) он напишет, что Гийом Фландрский еще оставался в Акре.
284. Командор тамплиеров в королевстве Иерусалимским был главным казначеем ордена.
285. Орден тамплиеров помогал переводить денежные средства из Западной Европы в Святую землю, выдавая взамен денег вексель: по нему получателю выдавали в пункте прибытия искомую сумму. Постепенно орден тамплиеров стал практиковать и другие финансовые операции,

- связанные с хранением, переводом и заведованием денежных средств. Известно, что до начала XIV в. казна королевства Франция находилась в главной резиденции ордена в Париже, Тампле.
286. Людовик IX пробыл в плену чуть больше месяца.
287. В тексте *galion* — легкое судно.
288. Скорее всего речь идет об одном из представителей династии Аййубидов, по-прежнему правивших в Алеппо и Дамаске; после смерти их родственника Туран-шаха он выдвинули претензии на Египет. Возможно, посланник прибыл от имени султана Дамаска аль-Назира Юсуфа в надежде заключить договор, направленный против мамлюков, узурпировавших власть у потомков Саладина.
289. Иерусалимским королем Жаном де Бриенном, возглавившим крестовый поход в Египет в 1218–1221 гг.
290. *Triste* (*франц.*) — печальный.
291. Отряды итальянцев, которые Людовик нанял на службу.
292. В тексте — *tables*; игра, похожая на триктрак.
293. Сын Филиппа де Немура, паж короля, затем стал маршалом Франции, умер в 1270 г. во время Восьмого крестового похода в Тунис.
294. Азартные игры такого рода, будучи традиционным развлечением знати, были нежелательны во время крестовых походов.
295. См. § 332.
296. Готье, епископ Акры, ум. в 1253 г.
297. Вероятно 12 июня 1250 г.
298. Вероятно, 19 июня 1250 г.
299. Яффа находилась на границе с египетскими владениями.
300. См. примечание, с. 151.
301. См. примечание, с. 173.
302. В тексте — *mesire*.
303. Боэмунд V, князь Антиохии и граф Триполи, ум. в 1252 г.
304. В 1250 г. Жуанвилю исполнилось двадцать пять лет.
305. Жеребчики (*roullains*) — насмешливое прозвище, которое западноевропейцы дали потомкам крестоносцев, выросшим в заморских государствах.
306. Тире.
307. 26 июня 1250 г.
308. Королевы Бланки, матери Людовика IX, правившей в отсутствие сына.
309. 25 июля 1250 г.
310. Вероятно, Жуанвиль имеет в виду свое путешествие к гробнице Св. Иакова в испанский город Кампостелу, бывший одним из признанных центров средневекового паломничества.
311. Пьер де Виллебеон, один из приближенных советников Людовика IX, умер во время крестового похода на Тунис.

312. Эмбер де Боже умер в 1250 г.
313. 10 августа 1250 г.
314. Вместе с братьями короля уехали приближенные Людовика Симон де Нель и Эрар де Валери. Людовик передал с уезжающими послание к прелатам, баронам, рыцарям, горожанам и прочим жителям Французского королевства: в нем он сообщал о перемирии, заключенном на десять лет с египтянами, и объяснял, что нарушение мамлюками условий этого соглашения вынудило его отказаться от решения вернуться из Святой земли. Он остается, писал король, чтобы добиться освобождения пленников из Египта и восстановить оборонительные укрепления городов и замков Святой земли.
315. Фридриху II не доверяли из-за его дружеских отношений с мусульманами.
316. Аль Назир аль-Юсуф, эмир Алеппо, после убийства в 1250 г. Тураншаха стал султаном Дамаска.
317. После убийства Туран-шаха мусульманский Ближний Восток снова оказался в состоянии политического раскола: если раньше им управляли представители династии Аййубидов, потомки султана Саладина, то теперь Египет стал мамлюкским. Аййубиды, старавшиеся вернуть себе контроль над Египтом, 2 февраля 1251 г. были наголову разбиты мамлюками в битве при Аббазе. И та и другая сторона принялись искать союза с Людовиком IX.
318. См. приложение, с. 333–334.
319. В тексте — *artilleur*. Аль-Назир разрешил посланцам короля Людовика закупить снаряжение и материалы в Дамаске в надежде привлечь крестоносцев на свою сторону.
320. Речь идет о битве при Монжизаре (25 ноября 1177 г.), в которой молодой иерусалимский король Балдуин (Бодуэн) IV (1174–1185), в детстве заболевший проказой, застал врасплох и наголову разгромил численно превосходившее войско египетского султана Саладина.
321. Единица веса, чаще всего использовалась для драгоценных металлов. Во Франции известна с середины IX в. В разных областях была своя марка. Так турская марка равнялась 244,75 гр.
322. См. приложение, с. 330–332, 334–335.
323. См. приложение, с. 333–334.
324. См. § 444. Среди прочих соображений, мешавших Людовику принять предложение дамасского султана, было опасение за судьбу христиан, находившихся у египтян.
325. Готье IV, граф де Бриенн, см. § 527–538.
326. Маргарита де Рейнель, мадам де Сайетт (Сидон).
327. Дочь Готье звали Алисой.
328. Золотой безант, вероятно, был равен 10 турским су или 120 денье.

329. Родственники покойного делали пожертвования из своих средств; только король жертвовал свои деньги, но в этом случае поступился данной привилегией.
330. В тексте — *hargaus*, см. приложение, с. 261.
331. В 1251 г. пост начался 1 марта.
332. Рауль де Кевр, граф Суассонский, супруг королевы Кипрской Алисы, второй дочери Генриха II Шампанского.
333. См. приложение, с. 335–336.
334. См. приложение, с. 340.
335. См. § 528–538.
336. Несториане — представители течения в христианстве, основанного Нестором, патриархом Константинопольским в 428–431 гг., считавшим, что Христос лишь впоследствии обрел божественную природу, а сначала был человеком. Осуждено как ересь на Эфесском церковном соборе в 431 г. Несторианство распространилось в Иране и Средней Азии. Несторианином был командующий монгольскими войсками в Сирии Китбука.
337. Возможно, что Аланер привел с собой норвежских крестоносцев; их король Хакон IV собирался отправиться в поход вместе с Людовиком IX, но затем переменил свое решение.
338. См. приложение, с. 345.
339. Жуанвиль ошибается: в Цезарею прибыл не Наржо де Туси, а его сын Филипп. Он присутствовал в лагере крестоносцев в июле 1251 г. Наржо (ум. в 1241 г.) занимал видное место при дворе Латинской империи Константинополя; он был женат на дочери Феодора Враны и Агнессы Французской, сестры короля Филиппа-Августа (сначала она была замужем за Андроником I Комнином, византийским императором в 1183–1185 гг.). Таким образом, Филипп приходился близким родственником Людовику IX.
340. Иоанн III Дука Ватац, император Никейского государства (1221–1254), образованного византийцами после захвата крестоносцами Константинополя в 1204 г. во время Четвертого крестового похода. Существенно расширил территорию Никейского государства, в результате чего владения Латинской империи фактически свелись к Константинополю и его пригородам. О куманах см. приложение, с. 369–384.
341. Жуанвиль должен был состоять на королевской службе до Пасхи (16 апреля) 1251 г.; по новому соглашению с Людовиком этот срок продлевался до Пасхи (31 марта) 1252 г.
342. Жуанвиль скрупулезно различает рыцарей, находившихся у него на жаловании, и рыцарей, подчинявшихся его командованию, но жалование получавших от короля.
343. 1 октября 1251 г.

344. Подобное наказание предписывалось уставом как госпитальеров, так и тамплиеров: провинившийся ел, сидя на земле, со своего плаща до тех пор, пока не получал прощение.
345. Орден тамплиеров, являвшийся значимой военно-политической силой на Ближнем Востоке и официально подчинявшийся Папе Римскому, еще в XII в. начал проводить свою собственную внешнюю политику, часто не совпадавшую с намерениями официальных властей Святой земли, и вмешиваться во внутривосточные дела. Особенно заметно это было в княжестве Антиохийском и графстве Триполи, где орден построил немало мощных крепостей и активно вмешивался в дела управления. До 1187 г. тамплиеры пользовались в Иерусалимском королевстве ограниченным влиянием: королевская власть была слишком сильна. Тем не менее известно несколько случаев, когда рыцари ордена Храма шли наперекор воле иерусалимских государей: в 1173 г. несколько рыцарей тамплиеров перебили посланцев ассасинов, только что заключивших договор с королем Амори. Потребовалось личное вмешательство короля, чтобы схватить виновных, так как великий магистр Эд де Сент-Аман отказывался выдать их правосудию. После падения Первого Иерусалимского королевства (1187 г.) влияние тамплиеров только возросло: внутренние распри баронов и итальянских купеческих факторий, слабость королевской власти, шаткое положение государства сделали орден одной из самых активных политических сил в регионе; Гуго де Жуи после его изгнания из Святой земли стал магистром ордена в Каталонии.
346. Людовик IX задумывался о союзе с египтянами еще летом 1251 г.; этот замысел был воплощен в марте 1252 г. По условиям перемирия, заключенного сроком на пятнадцать лет, египтяне освобождали всех христиан, попавших в плен с 1226 г., возвращали крестоносцам все земли к западу от Иордана, включая Иерусалим, Хеврон и Наблус. Мусульмане оставляли за собой только четыре крепости: Газу, Дорон, Гибелин и Гран-Герен.
347. Крестоносцы безрезультатно прождали египтян в Яффе чуть больше года, с мая 1252 по июнь 1253 г.
348. Жан, сын Альфонса де Бриенна (ум. в Тунисе в 1270 г.) и Марии, графини д'Э, внук иерусалимского короля Жана де Бриенна. В то время он еще не был графом д'Э.
349. Боэмунд VI, князь Антиохийский с 1251 г., сын Боэмунда V и Лючии де Сеньи, племянницы Папы Римского Иннокентия III.
350. В XIII в. графство Триполи принадлежало князьям Антиохийским.
351. Жуанвиль так называет армянское государство, существовавшее на территории современной Армении.
352. Мария, сестра кипрского короля Генриха, см. § 88.

353. См. приложение, с. 343–344.
354. События, о которых дальше расскажет Жуанвиль, произошли в 1244 г. Бароны Святой земли вместе с тамплиерами вмешались в распри Аййубидов, поддержав военную кампанию султана Дамаска, эмиров Трансиордании и Хомса против египетского султана взамен на обещание отдать им часть Египта. В ответ султан Египта призвал на помощь отряды хорезмийцев (у Жуанвиля их возглавляет «император Персии») По пути хорезмийцы захватили Тивериаду и Иерусалим. Битва при Форбии (17 октября 1244 г.), к северу от Газы, завершилась для христиан и их союзников страшным разгромом. Почти все христианское войско погибло; Готье де Бриенн, граф Яффы и великий магистр ордена госпитальеров попали в плен. Последствия этого поражения самым негативным образом сказались на положении Святой земли: христиане навсегда утратили Иерусалим, хорезмийцы навднили земли Иерусалимского королевства, сведя владения христиан к узкой полосе на побережье, египетский султан в октябре 1245 г. занял Дамаск, восстановив на время единство Египта и Дамаска.
355. Аль-Мансур Ибрагим, эмир Хомса (Эмессы или Ла Шамеля).
356. Роберт, патриарх Иерусалимский с 1239 г.
357. См. приложение, с. 343–344.
358. Эмир Хомса аль-Мансур Ибрагим разбил хорезмийцев в октябре 1246 г.
359. Египетскому султану аль-Салиху Аййубу.
360. Жуанвиль возвращается к событиям 1253 г.
361. Мир между дамасским султаном и египетскими мамлюками был заключен в апреле 1253 г. при посредничестве багдадского халифа. Аль Назир оставил мамлюкам южную часть Иудеи и Трансиордании, включая Газу, Иерусалим и Наблус.
362. Рамла находилась на полпути между Иерусалимом и Яффой.
363. Военно-монашеский орден Св. Лазаря набирался из рыцарей, заболевших распространенным в средние века заболеванием — проказой: был основан в 1112 г., первоначально для лечения прокаженных.
364. 6 мая 1253 г.
365. Жан II сеньор Арсуфа, коннетабль Иерусалимского королевства с 1251 г.
366. На землях в пригородах Акры выращивали провизию для городского населения. Дамасское войско мстило христианам за сговор с египтянами.
367. Кладбище Св. Николая находилось на северо-востоке Акры.
368. Сидон, — в Святой земле французский король предпринял впечатляющую программу постройки или реставрации крепостных укреплений городов и замков Иерусалимского королевства. Зимой 1250–1251 гг. был обнесен крепостной стеной бург, примыкавший к Акре с северной стороны; 29 марта 1251 г. начали реставрировать укрепления Цезареи,

- которую обнесли глубоким рвом стеной с шестнадцатью башнями; в марте 1252 г. приступили к восстановлению стен Яффы; после нападения войск аль-Назира на Сидон в мае 1253 г., о чем Жуанвиль повествует ниже, король распорядился подновить стены «Морского замка» и обнести город стеной с крепостью, которую прозвали «Замком на суше». Строительные работы в Святой земле продолжались до самого отъезда короля во Францию в 1254 г. В результате этих работ сеть оборонительных укреплений Святой земли, серьезно пострадавшая после битвы при Хаттине в 1187 г., была практически полностью восстановлена.
369. Возможно, речь идет о предводителе королевских арбалетчиков Тибо де Монлиаре.
370. Так называемый «Морской замок».
371. В данном случае нижний город (у подножия цитадели — верхнего города), где жило основное население города; как правило, нижний город тоже был окружен крепостной стеной, которую в Сидоне не успели достроить.
372. В июле 1191 г.
373. Гуго III Бургундский (ум. в 1193 г.) приходился прапрадедом Роберту Бургундскому, умершему в 1305 г., когда Жуанвиль еще не закончил свою книгу. События, о которых повествует Жуанвиль, произошли до июля 1192 г.
374. В тексте — *aussi preu homme*.
375. В тексте — *aussi preudomme*.
376. Общая сумма затрат Людовика Святого на строительство и реставрацию укреплений Святой земли превышала 100 тысяч ливров.
377. 29 июня 1253 г.
378. Жуанвиль ошибается: Наблус был древним городом Шхемом (*Flavia Neapolis*), а Самария находилась от него поблизости.
379. Песчаная равнина на юге Акры.
380. Арабский город Баниас, в древности — Панаас.
381. Вероятно, рыцари ордена Св. Марии Тевтонской, основанного в 1198 г.
382. См. приложение, с. 352–368.
383. Мф. 15, 21–28; Мк 7, 24–30.
384. *Rez (старофр.)* — особая плитка или доска с изображением распятия, которую с середины XIII в. целовали после окончания службы в знак примирения с Господом.
385. Мануил I Комнин, император Трапезунда, носивший титул Великого Комнина. Трапезундская империя была основана Алексеем I Комнином, потомком византийского императора Андроника I, в 1204 г. на востоке Малой Азии и просуществовала до 1461 г.
386. Не совсем ясный отрывок; по-видимому, речь идет о восточных луках, состоявших из нескольких частей, скрепленных друг с другом.

387. Бланка (1253–1323), дочь Людовика IX, в 1269 г. вышла замуж за сына кастильского короля Альфонса X Фердинанда Кастильского (де ла Серда) (1225–1275).
388. 1 ноября 1253 г.
389. По легенде, Тортозскую церковь заложил сам Св. Петр. Чтобы попасть в нее, Жуанвилю пришлось проехать примерно 200 км.
390. Подобные окаменелости часто встречались на побережье к северу от Бейрута.
391. Королева Бланка Кастильская умерла 26 или 27 ноября 1253 г.
392. Изабелла (1242–1271), дочь Людовика IX, в 1255 г. вышла замуж за Тибо V, графа Шампанского и короля Наваррского.
393. 21 апреля 1254 г.
394. У Акры была дурная репутация, поскольку туда прибывали все, кому было назначено совершать паломничество во искупления свершенных грехов. Жак де Витри, епископ Акры, описал картину падения нравов в этом городе. Для Жуанвиля бойня, устроенная во время штурма Акры мусульманами в 1291 г., являлась естественным воздаянием за грехи жителей.
395. Пасха 1254 г. начиналась 25 февраля.
396. 24 апреля 1254 г.
397. 25 апреля 1254 г.
398. В тексте — *mestre queu*. Кухмейстер — глава кухонной службы короля.
399. Рауль Гропарми, 24 декабря 1261 г. стал кардиналом-епископом Альбано, умер в Тунисе в 1270 г. См. также приложение, с. 265.
400. Популярный у пилигримов храм в Лотарингии.
401. Бланка Французская, сестра короля Филиппа IV Красивого, в 1300 г. была выдана замуж за Рудольфа, сына германского императора Альбрехта I Габсбурга.
402. См. § 39–41.
403. Возможно, тот же сержант короля, о котором Жуанвиль рассказывает в § 385.
404. Пантеллерия, итальянский остров между Сицилией (к юго-западу от нее) и Тунисом.
405. Конрад II (Конрадин), внук императора Фридриха II, король Сицилии в 1252–1258 гг., казнен по приказанию Карла Анжуйского в 1268 г.
406. В тексте — *beguines*. Возможно, речь идет просто о благочестивых женщинах, которых выбирали, чтобы прислуживать королеве.
407. Хлебодар (*panetier*) — придворный чин, прислуживающий королю за трапезой и разрезающий хлеб; в XIII в. хлебодар ведал королевской хлебной службой.
408. Карлу Анжуйскому. См. примечание 124.

409. Иоланда де Шатийон, вдова Аршамбо VII де Бурбона, умершего на Кипре в 1249 г.; жена, которая отправилась вместе с ним в крестовый поход, отвезла его тело на родину.
410. 3 июля 1254 г.
411. Гийом де Понтуаз, около 1258 г. стал епископом Оливы, в Морее, ум. в 1263 г.
412. Аббат пожаловался королю на герцога Бургундского Гуго IV: не добившись от ключников выплаты денег, который монастырь должен был предоставить для подготовки к крестовому походу, герцог наложил арест на приорства Кюни, находившиеся на землях бургундского герцогства. Людовик Святой приказал Гуго вернуть аббату отнятые владения, не дожидаясь возвращения долга.
413. Кордельерами во Франции называли монахов-францисканцев из-за шнура (*cordelette*), которым они подпоясывались.
414. Гуго де Динь (де Баржоль) (ум. в 1257 г.) — монах-францисканец, представитель крайнего направления ордена — спиритуалов, ратовавших за соблюдение первоначальных принципов существования нищенствующего монашества, сформулированным Св. Франциском Ассизским (евангельской бедности, нестяжательства, жизнь посредством подаяния).
415. Вероятно, в книгах античных авторов.
416. Мать Жана де Жуанвиля в первом браке была замужем за Эмоном де Фосиньи, от которого родила двух дочерей, Беатрису и Агнессу, сводных сестер будущего сенешала Шампани. Младшая, Агнесса, в 1223 г. вышла замуж за Пьера, будущего графа Савойского: их дочь, Беатриса, о которой упоминает Жуанвиль, вышла замуж за Гига II, дофина Вьеннского; Жан де Шалон был братом Беатрисы д'Осонн: его сын Гуго в 1236 г. женился на Алисе Меранской, которая принесла ему графство Бургундское.
417. В XIII в. парламент был судебной сессией королевской курии, на которой заслушивали истцов и ответчиков. В царствование Людовика IX парламент начинает заседать в Париже; его собрания становятся периодическими, уточняется процедура. Во второй половине XIII в. начинает меняться состав парламента: королевских вассалов постепенно сменяют профессиональные юристы, как клирики, так и миряне, получившие университетское образование («мэтры»). Усиление роли парламента связано с постепенным усилением королевской власти и расширением королевских владений в XIII в.: в обычай входит апеллировать в королевскую курию из трибуналов, возглавляемых чиновниками короля: бальи и сенешалами. Мало-помалу формируется представление о короле, как о верховном судье всего королевства, а о парламенте — как о высшей судебной инстанции Франции, куда

может обратиться за справедливым приговором каждый подданный. Рост королевского домена и увеличение числа обращений в парламент потребовали регистрации вынесенных приговоров и создания парламентского архива; все более сложной становилась и структура парламента — в 1291 г. были учреждены комиссии, которые отдельно друг от друга принимали жалобы, иски и апелляции, проводили расследования и выносили окончательный приговор.

418. Король должен был уладить спор о наследстве Тибо IV, графа Шампанского и короля Наваррского (ум. в 1253 г.), возникший между его дочерью, Бланкой, вышедшей в 1236 г. замуж за графа Бретонского Жана, и сыном (Тибо V), родившимся около 1240 г.
419. Жуанвиль намекает, что шампанские сеньоры боялись, как бы из любви к королю он не пожертвовал интересами Тибо Шампанского.
420. Маргарита Наваррская, третья супруга графа Тибо IV, и регентша при своем сыне.
421. 6 апреля 1255 г.
422. Виелла — музыкальный инструмент с пятью струнами, на котором играли изогнутым смычком.
423. Пьер, епископ Шалонский в 1248–1261 гг.
424. У светского покровителя (*advocatus*) (см. прим. 425) было право сохранять аббатство под своим надзором, пользуясь его доходами, на тот период, пока не выберут нового аббата, а также фактически оказывать решающее влияние на его выборы. Жуанвили были покровителями монастыря Сент-Юрбен с начала XI в.
425. Покровительство (*garde*) — право светской опеки над монастырем; покровитель или защитник (*advocatus*), как правило, влиятельный светский сеньор, пользовался прерогативами светской власти аббата над монастырскими землями и людьми и при необходимости защищал аббатство и его интересы. Взамен покровитель получал от аббатства доходы и ряд дополнительных прав, в том числе право постоя. Иногда покровительство приводило к фактическому совладению монастырским имуществом между настоятелем аббатства и светским покровителем. Подобное положение вещей нередко становилось причиной затяжных споров между аббатом и покровителем; Архиепископ Реймский Фома де Бомец (1251–1263) претендовал на покровительство над аббатством, равно как и над его замком и принадлежавшими ему двадцатью четырьмя деревнями. В своих архивах Фома нашел доказательство, что в свое время Филипп Август передал право покровительства над аббатством реймскому архиепископу. Дело рассматривалось на заседании королевского совета, и решение было принято в пользу короля. Все попытки Фомы де Бомеца вынести тяжбу на рассмотрение суда пэров или обратиться с апелляцией

- к римской курии не увенчались успехом: французские епископы его не поддержали. В 1268 г. преемник Фомы, архиепископ Жан де Куртене уступил королю право покровительства над аббатством.
426. Речь идет о реликвиях Страстей Господних, которые хранились в специально построенной для этой цели Св. Часовне (Сент-Шапель): гвоздь из креста, на котором был распят Иисус Христос, и терновый венец, купленный у императора Константинопольского в 1238 г.
427. Возможно, архиепископ Реймский рассчитывал получить покровительство над аббатством Сен-Корней де Компьень.
428. Вероятно, Пьер де Шан (ум. в 1259 г.) или Пьер де Минси (1260–1276).
429. Король секвестрировал светское имущество аббатства за задолженность.
430. Аббатству было выгоднее, чтобы его покровителем был король, находившийся далеко, нежели Жуанвиль, который был сеньором большей части монастырских земель. Плата за покровительство была довольно тяжким бременем, поэтому между Жуанвилем и монахами Сент-Юрбена постоянно вспыхивали конфликты. 21 мая 1266 г. аббат Сент-Юрбена Жоффруа вызвал сенешала Шампани на королевский суд. Именно тогда король высказался в пользу Жуанвиля, отказавшись рассматривать дело в суде, о чем и рассказывает Жуанвиль. Впрочем, вердикт Людовика Святого не положил конец столкновениям Жуанвиля и монахов Сент-Юрбена. В конец концов, в 1308 г. сенешал отказался от покровительства над аббатством в пользу короля Филиппа IV Красивого, взамен получив 1200 ливров, которые должны были выплатить ему монахи.
431. Английский король Генрих III высадился во Франции с супругой и сыном Эдмундом 14 ноября 1259 г. На самом деле этой поездке предшествовали длительные переговоры, закончившиеся подписанием 28 мая 1259 г. Парижского мирного договора представителями французской и английской сторон. Ратификация договора англичанами состоялась 10 февраля 1259 г. в Вестминстере. Таким образом, Генрих III прибыл в Париж для того, чтобы лично скрепить примирение с французской династией принесением оммажа.
432. По феодальному праву лишить вассала его земель было возможно только в случае нарушения им его обязанностей перед сеньором; постепенно сложилась норма, когда вассалы могли пожаловаться на своего сеньора в курию верховного сюзерена, в чьем качестве в XII–XIII вв. старались утвердиться французские короли. Формально поводом для лишения английского короля Иоанна Безземельного, отца Генриха III, его владений во Франции послужило обращение в курию короля Филиппа Августа графа де ла Марша Гуго IX де Лузиньяна с жалобой на английского короля, который женился на Изабелле Ангулемской, уже обрученной с Гуго. Филипп Август воспользовался удобным

случаем и вызвал Иоанна Безземельного, как своего вассала, держать ответ за ущемление прав графа де ла Марша. Когда английский король отказался явиться на зов своего сеньора, курия французского короля огласила приговор о конфискации владений Иоанна во Франции. Впрочем, французская пропаганда охотно связывала эту конфискацию с предполагаемым убийством Иоанном своего племянника, Артура, графа Бретонского, который находился у него в плену (1203 г.). Практически сразу после вынесения приговора о конфискации войска Филиппа захватили Нормандию (1202–1204 гг.) и фьефы Иоанна к северу от Луары (1204–1206 гг.). По Шинонскому договору о перемирии от 18 сентября 1214 г. Иоанн Безземельный признал справедливость приговора, вынесенного курией Филиппа Августа, отказавшись от наследства своего отца Генриха II Плантагенета и сюзеренитета над Бретанью. В свою очередь, английская сторона ссылалась на Лондонский договор, подписанный Людовиком VIII (в то время еще наследным французским принцем), который обязался вернуть юному королю Генриху III все земли, захваченные французами у его отца Иоанна Безземельного.

433. Условия Парижского мирного договора (28 мая 1258 г.) были следующими: Генрих III отказывался от Нормандии, Анжу, Турени, Мэна и Пуату; Людовик Святой уступал английскому королю Генриху III Керси и Ажан, обязывался выплачивать в течение двух лет сумму, равную содержанию пятьсот рыцарей. После смерти брата Людовика, Альфонса де Пуатье часть Сентонжа также должна была отойти к английскому королю. Была урегулирована юридическая сторона вассально-ленных отношений французских и английских государей: Генрих III должен был принести оммаж Людовику за свои владения во Франции, в том числе за Гасконь, Байонну и Бордо.
434. Главным последствием Парижского договора было то, что сюзеренитет французского короля снова распространялся на всю Францию, тогда как первую половину XIII в. английские государи отказывались признавать себя вассалами Капетингов. В Париже 4 декабря 1259 г. Генрих III в торжественной обстановке принес оммаж Людовику Святому, признав себя его вассалом за свои французские владения.
435. У графа Шалонского Жана было двое сыновей: старший, Гуго, граф Бургундии (будущего Франш-Конте) по праву своей супруги, Алисы и младший, рожденный во втором браке с Изабеллой де Куртене. С 1251 г. Жан предпринял шаги, направленные на то, чтобы передать все свое наследство младшему сыну: вследствие этого в 1251–1255 гг. между Жаном и его сыном Гуго началась война. После вмешательства короля в 1256 г. Жан уступил и согласился соблюдать права старшего сына и наследника.

436. Война между Тибо II Наваррским (V графом Шампанским) с одной стороны, и недавних противников Жана Шалонского и Гуго Бургундского вспыхнула из-за аббатства Люксей, монахи которого, страдавшие из-за поборов отца и сына во время их междоусобной борьбы, решили искать покровительства Тибо. Король Наваррский согласился на их просьбу и договор о его покровительстве над аббатством был заключен 26 июля 1258 г. Жан и Гуго, посчитав случившееся нарушением их прав, заручились поддержкой графа Тибо де Бара и начали боевые действия, захватив Люксей. При посредничестве Людовика Святого стороны удалось примирить.
437. Война началась из-за спорных сюзеренных прав над лотарингской землей Линьи-ан-Барруа. В 1231 г. граф Генрих II де Бар отдал Линьи в приданое за своей дочерью Маргаритой, которая выходила замуж за графа Люксембургского Генриха: но при этом Генрих де Бар выдвинул условие, что держатели Линьи будут приносить оммаж только ему, графу де Бару, тогда как он был обязан приносить оммаж графу Люксембургскому. Спустя время в дело вмешался Тибо IV, король Наваррский и граф Шампанский, который добился, чтобы его признали сеньором некоторых земель в Линьи. В 1265 г. граф Валеран де Люксембург, брат графа Генриха Люксембургского в свою очередь признал графов Шампанских своими сеньорами за замок и шателлению Линьи, нарушив условия договора 1231 г. В ответ граф Тибо де Бар с союзниками в 1266 г. захватили Линьи. В решающей битве при Прени Тибо разбил своих противников и захватил в плен графа Люксембургского Генриха. Тогда Тибо V Наваррский вторгся в Барруа. После этого враги обратились к арбитражу Людовика Святого. После двух лет дело было улажено: Тибо V временно получал замок Линьи, который он затем должен был пожаловать графу Люксембургскому, в свою очередь жаловавшему замок своему брату Валерану. Генрих Люксембургский получал свободу и выплачивал Тибо де Бару денежную компенсацию в размере четыре тысячи ливров за отказ от сюзеренитета над Линьи.
438. Известно, что с февраля 1256 по февраль 1257 г. из 64 000 ливров, составивших расходные средства королевского двора, на милостыню пошло около 10%.
439. Бенефиций — в данном случае церковная должность, вместе с владением или доходом, за счет которого жил служитель Церкви. Под бенефицием могли понимать как епископство или аббатство, так и приход или службу в часовне. На право передавать бенефиции претендовали как высшие светские власти, так и папство, что было постоянным источником конфликтов.
440. Жуанвиль не случайно указывает на особое место нищенствующих орденов при Людовике Святом, которого некоторые современники

звали «королем монахов»: представители нового течения в монашестве, францисканцы и доминиканцы, в отличие от старых орденов, избравших путь созерцания и молитвы, являли собой образец монашества деятельного и следующего заветам евангельской жизни. Форма благочестия, выбранная монахами нищенствующих орденов, была, по-видимому, особенно близка Людовику, который после крестового похода стал придерживаться аскетичного образа жизни. С другой стороны, Людовик, в своем стремлении даровать подданным справедливый суд и пресечь злоупотребления королевских чиновников, охотно прибегал к помощи францисканцев и доминиканцев, чьи моральные устои казались ему более подходящими для подобных поручений: во время первых ревизий королевства король чаще всего отправлял в роли ревизоров братьев проповедников или миноритов. Доминиканцы занимали особую нишу в управлении короля: именно им Людовик с согласия папства вверил вести инквизиционное расследование в Южной Франции, где еще были сильны позиции приверженцев катарской ереси.

441. Этьен Буало (ок. 1200–1270), выходец из знати Иль-де-Франс. Прево Орлеана (1259 г.), прево Парижа (1261 г.). Последний из прево Парижа, кто получил свою должность на откуп. Автор «Книги ремесел».
442. Эти установления также принято называть «великим ордонансом» из-за размаха предложенных нем мер. Фактически Людовик Святой выдвинул в ордонансе продуманную программу по реформе администрации, правосудия и нравственного очищения во Французском королевстве. Характерно, что между высадкой Людовика в Йере и обнаружением ордонанса в декабре 1247 г. прошло всего шесть месяцев. Ряд исследователей предполагают, что за несколько недель, проведенных в Южной Франции, Людовик мог познакомиться с ситуацией, сложившейся в Лангедоке под властью королевских чиновников — сенешалов, привлечь к работе данные ревизорского расследования 1247 г. По-видимому, сильное воздействие на короля оказали и евангелистические идеи Гуго де Диня о царствии справедливости на земле. Не стоит забывать и о стремлении Людовика Святого искупить грехи, из-за которых ему не было дано отвоевать у мусульман Святой Град. Richard J. Saint Louis. P. 279.
443. Ревизоры (*enquesteurs*) — королевские комиссары, которых посылали из центра на места принимать жалобы населения на злоупотребления местной администрации, бальи, сенешалов, прево и прочих. Первое крупное расследование деятельности королевских чиновников на местах с помощью ревизоров провел Людовик IX в 1247 г. перед тем, как отправиться в крестовый поход.
444. Согласно праву постоя монастыри были обязаны предоставлять кров и провиант королям и их представителям во время их разъездов.

445. В тексте — *bediaus*.
446. Эта статья должна следовать после § 714, как замыкающая текст «великого ордонанса».
447. Бегинки — благочестивые женщины, жившие в общине не принимая монашеского пострига.
448. Братья ордена Мешков — братья августинской конгрегации Святого Эгидия или «братья покаяния во имя Иисуса Христа»; были прозваны «мешками» или «мешковатыми» за рясы из грубого материала.
449. Белые Плащи — монастырское братство, основанное в Париже в 1258 г. у стены Филиппа Августа; были прозваны «Белыми Плащами» из-за цвета своих одеяний.
450. Тампль — резиденция ордена тампдиеров Париже, где до начала XIV в. хранилась казна Французского королевства.
451. Григорий X, Папа Римский в 1271–1276 гг. Созвал в 1274 г. вселенский Лионский собор.
452. 2 мая — 16 апреля 1267 г.
453. 24 марта 1267 г.
454. Реймсская саржа была тканью посредственного качества.
455. Эта церковь находилась неподалеку от королевского дворца на острове Сите.
456. В Сент-Шапель на острове Сите хранилась частица Истинного креста, на котором был распят Иисус Христос.
457. Филипп, наследный принц, Жан Тристан, граф Неверский и Пьер, граф Алансонский.
458. Крестовый поход продлился с 1 июля 1270 г., когда король отплыл из Эг-Морта, до 30 октября 1270 г. Целью крестоносцев был выбран Тунис, который, возможно, мог послужить базой для нападения на Египет. После успешной высадки в войске крестоносцев началась эпидемия, вероятно дизентерии или тифа. От этой болезни 25 августа и скончался Людовик Святой. После его смерти крестоносцы заключили перемирие с эмиром Туниса и отступили, получив от тунисцев выплату военных издержек.
459. Талья — прямой налог в пользу сеньора или короля, взимаемый в случае особой необходимости или по обычаю.
460. Высшие светские и церковные бароны Франции, выделяющиеся из остальной французской аристократии своими символическими и юридическими привилегиями, например, правом держать корону над головой монарха во время церемонии коронации. Изначально, в XII в. пэров было двенадцать: шесть церковных (архиепископ Реймса, епископы Лана, Бове, Нуайона, Шалона и Лангра) и шесть светских — герцоги Нормандский, Бургундский, Аквитанский, графы Фландрский, Тулузский и Шампанский. Создание пэров вписывается

- в перспективу соперничества французских и английских королей за преобладание во Франции в XII–XIII вв.: учреждая звания пэров, французский король Людовик VII (1137–1180) напоминал английскому королю Генриху II Плантагенету о его обязанностях французского барона и вассала.
461. В 1263–1264 гг. Людовик Святой перестроил усыпальницу французских королей в соборе Сен-Дени, приказав возвести надгробия над шестнадцатью могилами королей и королев, покоившихся там со времен Меровингов. Согласно существующей практике тело Людовика было разрезано и выварено в воде с вином: внутренности достались его брату Карлу Анжуйскому, который увез их в сицилийский город Монреале, а кости новый король Филипп перевез во Францию, где 22 мая 1271 г. они были захоронены в соборе Сен-Дени.
462. Подготовка к канонизации Людовика IX была начата папством еще в 1272 г. К лику святых Людовик был причислен только 4 августа 1297 г. папой Бонифацием VIII.
463. Филипп IV Красивый (1285–1314), внук Людовика Святого.
464. 25 августа 1298 г.
465. Пьер Барбе, архиепископ Реймский в 1273–1298 гг.
466. Этим человеком был сам Жуанвиль.
467. Филипп IV с Карлом графом де Валуа и Людовиком, графом д'Эвре.
468. В тексте — *en un romant*.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Жозеф Бедье

ЖАН ДЕ ЖУАНВИЛЬ*

Жан, девятый сеньор Жуанвиля и наследственный сенешал Шампани, родился в 1225 г. Самый давний из его известных предков, рыцарь по имени Этьен, упоминается в документах с 1019 г. как покровитель (*advocatus*) монахов аббатства Сент-Юрбен: таково скромное происхождение его дома. В начале XIII в. союзы с видными родами, прежде всего с семействами Бриенн и Бруа, сделали этот дом богатым и могущественным. Отец Жана де Жуанвиля, Симон, умер ранее 1233 г., Жана вырастила мать — Беатриса, дочь графа Этьена Бургундского. Он женился в пятнадцать лет, в 1240 г., а в следующем году впервые исполнил свои обязанности сенешала Шампани на празднествах, которые давал в Сомюре молодой король Людовик IX в честь посвящения в рыцари графа Альфонса де Путье. Боевое крещение Жуанвиль получил в 1245 или 1246 г. во время частной войны, которую граф Шалонский, его родственник, вел с немцами. В 1248 г. он стал крестоносцем и в августе отплыл из Марселя с нанятыми им девятью рыцарями. В Лимасоле, на Кипре, король принял его к себе на жалованье. Он сражался под Дамьеттой, потом под Мансурой (8 февраля 1250 г.), был взят в плен вместе с остатками армии и выкуплен 6 мая 1250 г. Король отвез его на своем корабле в Акру, и во время этого плавания завязалась их дружба. Жуанвиль вернулся во Францию только в апреле 1254 г., одновременно с Людовиком Святым. Он обнаружил, что его людей «обобрали и разорили», и постарался исправить беды, вызванные его отсутствием. Впрочем, его сеньориальные обязанности не мешали ему часто посещать парижский двор; оставаясь вассалом графа Шампанского, он стал и вассалом короля Франции — с того дня, когда получил от последнего «денежный фьеф». Он был включен в состав королевского совета, где разбирал «тяжбы у ворот». В 1267 г. Людовик Святой вызвал его в Париж, чтобы узнать, возьмет ли тот снова крест, и побудить последовать своему примеру. Жуанвиль отказался, потому что был против этого предприятия. Оба друга больше не увидятся: 5 августа 1270 г. король умрет в Тунисе на ложе посыпанном пеплом. При короле

* *Bedier J. Jean de Joinville // Littérature française / Sous direction de Bedier J. Paris, 1923. P. 108–112. (Перевод Некрасова М. Ю.)*

Филиппе III Смелом, а потом при Филиппе IV Красивом, которого Жуанвиль недолюбливал, он продолжал часто посещать двор. Ему предложили дать показания (сохранилось его свидетельство) в расследовании, которое в 1282 г. завершилось канонизацией его друга Людовика IX. Через двадцать лет, в 1303 и 1304 гг., он, уже в очень преклонном возрасте, сражался с фламандцами при Ла-Бассе и Монс-ан-Певеле в составе королевского войска. Последний раз он присоединился к королевским войскам во Фландрии в 1315 г. — ему тогда исполнилось девяносто лет. Он умер у себя в замке 13 июля 1317 г.

Должно быть, ему было уже за восемьдесят, когда королева Жанна Наваррская, жена Филиппа Красивого, попросила его написать «Книгу благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика». Но она умерла (2 апреля 1305 г.) раньше, чем он закончил свой труд. Это Жуанвиль объясняет в письме, которое служит вступлением к его книге и которое он адресует сыну Жанны, будущему Людовику X Сварливому. Это посвящение датируется самое позднее октябрём 1309 г., судя по «Explicit» одной из рукописей.

История текста длинна и запутана. Ее подробный пересказ можно найти в блестящей «Заметке о Жуанвиле», которую Г. Парис опубликовал в т. XXXII (1896) «Литературной истории Франции»¹; Г. Парис, кроме того, рассматривает здесь все исторические, филологические и литературные вопросы, имеющие отношение к нашему хронисту. Важное значение имеет книга Анри-Франсуа Делаборда «Жан де Жуанвиль и сеньоры Жуанвиля», изданная в 1894 г.²: здесь анализируется и комментируется более тысячи документов, в том числе 547, касающихся Жана де Жуанвиля, составляя историю этого дома с 1019 по 1417 год. Уже Дюканж привел генеалогию дома Жуанвилей в своем издании, опубликованном в 1668 г.³, — знаменитые археологические «Диссертации», которыми дополнено это издание, были перепечатаны в т. VII «Словаря средневековой и варварской латыни» Дюканжа (в издании Дидо-Геншеля)⁴.

«Книгу благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика» можно прочесть либо в превосходном издании Капперонье 1761 г.⁵, либо в одном из изданий XIX в.: Дону и Ноде (1840)⁶, Франсиска Мишеля (1859)⁷, Наталиса де Вайи (1867, 1874, 1882)⁸, поскольку все издатели предпочли старейшую и лучшую из трех рукописей (которую маршал Саксонский привез из Брюсселя как трофей кампании 1746 г.); следует лишь пожалеть, что в своих изданиях, кстати, точных, Наталис де Вайи счел своим долгом переписать текст на псевдошампанском диалекте.

О простодушии Жуанвиля, о его искренности сказано всё. «Невозможно найти, — писал Вильмен, — более наивного очевидца: объекты

как будто родились в мире в тот день, когда он их увидел». Ему вторит Сент-Бёв: «В нем есть доброжелательность, детская прелесть, в нем есть самая юная свежесть». Нужно ли подтверждать подобные суждения? Вот он в день, когда принимает крест совсем молодым двадцатитрехлетним сеньором: кому не памятна эта серьезная и очаровательная сцена? Он созвал к себе во двор на высокий праздник Пасхи всех своих людей, всех своих ленников. У него только что родился сын, которого он назвал Жаном, как зовут его самого; при вешнем свете его вассалы отметили вместе с ним плясками и песнями появление новорожденного: «Всю эту неделю мы праздновали и танцевали... в течение понедельника, вторника, среды и четверга. В пятницу я им сказал: „Сеньоры, я отбываю за море и не знаю, вернусь ли“...», а поскольку он не знал, вернется ли, он попросил их, как делают при приближении смерти, сообщить ему о всяком ущербе, какой он мог им нанести; потом, загладив свои провинности, он выполняет тот обряд отправки в паломничество, которому мысль о близких опасностях придает такую поэтичность: он посещает окрестные святилища, босой и в одной рубаше, и прощается со святыми покровителями семьи: «И, направляясь в Блекур и Сент-Юрбен, я ни разу не позволил себе обратить взор к Жуанвилю, дабы прекрасный замок и двое моих детей, которых я покидал, не растрогали мое сердце». — Вот он у ног короля Людовика; святой, наставляющий его в кратких беседах сократического типа, старается извлечь из его сердца добродетели, о наличии которых ему известно: «„Хочу еще спросить, — продолжал он, — что бы вы предпочли — стать прокаженным или совершить смертный грех?“ И я, никогда ему не лгавший, ответил, что предпочел бы совершить их тридцать, нежели стать прокаженным»... Король промолчал, потому что при разговоре присутствовали францисканцы; но на следующий день произнес: «Вы говорите как безрассудный человек!..» Он также спросил у Жуанвиля, мыл ли тот на страстной четверг ноги бедным. «„Сир, — ответил я, — увы! Ноги этим мужикам я никогда не мыл“». „Поистине, — молвил он, — это дурно сказано“»...

Таким образом, сенешал не лезет в карман за ответом. Не то чтобы он всегда открывал свою душу: «По словам мудреца, — говорил он, — какая бы у человека ни была на сердце печаль, ничего не должно проявляться на лице», и, верный этому аристократическому правилу приличия, он умеет сдерживать свои эмоции, когда ему плохо; но радость он никогда не может сдерживать — она прорывается в простодушных словах и шутках, в веселых остротах, порой заставляя короля «громко хохотать». Главное, что в самые суровые часы крестового похода, например, во время ужасных сцен, следовавших за сражением под Мансурой, его непобедимый оптимизм способен извлекать себе награду даже из трагизма

обстоятельств. Но как подытожить эти рассказы, рельефно показать этот контраст? Это сумел сделать Сент-Бёв на прекрасной странице из «Бесед по понедельникам» (т. VIII):

«Жуанвиль принадлежал к тем, кто направился к Дамьетте водным путем. В одном месте они наткнулись на галеры султана, которые осыпали их, как и других рыцарей, находящихся на берегу, „таким множеством стрел с греческим огнем, что казалось, с неба падали звезды“. Неизменно живое и настоящее изображение! Вскорости опасность становится неотвратимой: приходится выбирать только между альтернативой: или попасть в плен на воде, сдавшись султанским галерам, или всем погибнуть от рук сарацин, высадившись на берег. Жуанвиль предпочитает первый выход. Правда, один из его слуг, родом из Дулевана, смело предлагает ему второй: «„Я полагаю, — сказал этот храбрый человек, — что нам нужно дать перебить нас всех, тогда мы попадем в рай“. Но мы его не послушались», — простодушно говорит Жуанвиль... Он был схвачен, отправлен на вражескую галеру и не раз ощущал нож у горла. „И тут из-за охватившего меня страха, а также и болезни я начал очень сильно дрожать. И тогда я попросил пить...“ Отметим наивность и совершенную искренность. Жуанвиль дрожит, и он может выбрать, чем объяснить свою дрожь, страхом или лихорадкой; он может сказать, как Байи: „Я дрожу, но от холода!“ Высокие слова! — Но он не возвышен и не думает казаться таковым; он боится и говорит об этом.

...Однажды Жуанвилю и его спутникам, которыми битком набили галеры, стали угрожать три десятка разъяренных людей, пришедших с обнаженными мечами или секирами в руках. Уже никто не думал ни о чем другом, кроме как достойно умереть: „И множество народа принялось исповедоваться у одного монаха тринитария“. Жуанвиль признается, что в такой момент он напрасно искал, в чем исповедаться: он не помнил за собой никакого греха. Он довольствуется тем, что осеняет себя знаком креста и становится на колени перед одним из сарацин, который держит секиру, со словами: „Так умерла святая Агнесса“. Однако рыцарь рядом с ним, лучше помнящий свои грехи, за отсутствием священника начинает исповедаться ему, Жуанвилю, и последний, выслушав, произносит формулу: „Отпускаю вам грехи властью, данной мне Господом“. — „Но когда я встал с колен, — простодушно добавляет он, — я уже не помнил ничего из того, что мне было им сказано и поведено“».

Да, Жуанвиль — это сама живость, сама наивность. Какая неподражаемая непосредственность! На гробнице, сохранившейся до Революции, эпитафия, выбитая в XVII в., характеризовала его такими нежными, ласковыми и столь верными словами: «*Ingenium candidum, affabile et amabile*»⁹.

Но, так настаивая на его искренности и детской наивности, не рискуем ли мы создать впечатление, что в день, когда этот милый рыцарь взялся за пугающую задачу составления «Книги благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика», он, возможно, совершил насилие над своей природой, замахнулся на большее, чем ему бы следовало? Сам он несомненно согласился бы с этим при его христианской кротости, прежде всего при его учтивости и при его простоте честного человека, который «ни на что не претендует». Но воздержимся от такого вывода. Думается, он не скрывал, а просто не знал, не ведал о собственном благородстве и, если осмелюсь так сказать, о своей причастности к святости.

Почему он стал крестоносцем, в то время как его шампанский сюзерен не пошел в крестовый поход? Никакие мирские соображения не подталкивали его к этому. Он стал крестоносцем, продолжая прекрасную семейную традицию: пятеро из его предков побывали на Святой земле, и он счел за благо пройти по их стопам. Он стал крестоносцем по тем же причинам, что и Людовик Святой, — потому что этого хотел Бог. То, что он принадлежал к тому типу французов, которые ненавидят войну и которые, если надо, очень хорошо воюют, не стоит даже особо подчеркивать. Его пять ран, полученных при Мансуре, его доблесть под ливанским Субейбом, когда он отослал лошадь в тыл, чтобы пешим, вместе с сержантами, выдержать удар противника, одиннадцать походов, которые он уже совершил к тому времени, когда в девяносто лет снова развернул свой стяг во Фландрии, столько подвигов, совершенных «по сю и по ту сторону моря», достаточно свидетельствуют, что он был хорошим рыцарем. Он заслуживал чести, которую ему оказал граф Суассонский, сказав ему в разгар боя эпические и восхитительные слова: «Сенешал, позволим этому сброду покричать; ибо — клянусь шапкой Господа! (так он клялся) — мы с вами еще поговорим об этом дне в дамских покоях».

И опять-таки что такое его смелость в бою перед достоинством его выносливости? Годами он выдерживал удары всех бичей Востока. Вот он, измученный болезнью, только что вышел на берег в Акре: «Я ожидал лишь смерти, — говорит он, — слыша ее предвестие своими ушами: ибо не проходило и дня, чтобы в церковь не приносили около двадцати, а то и более покойников; и всякий раз, когда их вносили, я со своей кровати слышал, как поют „Libera me, Domine“».

Тогда-то перед ним, перед королем, перед семьями рыцарями, избежавшими катастрофы, встал вопрос: должны ли они вернуться во Францию? Так поступили оба брата короля и много знатных людей, которые сочли, что после стольких испытаний их обет выполнен. Но вернуться во Францию значило бросить последние города, еще оставшиеся

в руках христиан, — Цезарею, Яффу, Сидон, а главное, покинуть двенадцать тысяч пленников, находившихся в Египте. Вот о чем думал Жуанвиль, когда его неотвязно преследовало пение „*Libera me, Domine*“, и вспоминал слова, сказанные ему родственником в момент отправки в поход: «Вы отправляетесь за море, так будьте осторожны при возвращении, потому что ни один рыцарь, ни простой, ни знатный, не возвратится без позора, ежели оставит в руках сарацин меньшей люд Господа нашего, с коим он поехал»...

Его решение было принято 19 июня 1250 г., когда король созвал своих баронов и выслушал их мнения. Кроме одного, который отказался, все посоветовали ему вернуться во Францию. Один Жуанвиль заявил, что надо остаться.

Король загадочно промолчал и отложил свое решение на восемь дней. И Жуанвиль печалился, потому что после совета все подняли его на смех, и, что еще хуже! — король во время последующей трапезы ни разу не заговорил с ним.

Выйдя из-за стола, Жуанвиль грустно прислонился к окну. Просунув руки между прутьями, он думал: так пусть король возвращается во Францию! А он, как бедный странствующий рыцарь, предложит свои услуги князю Антиохийскому, своему родственнику. Ему на глаза легли две руки. Он думал, что это шутка одного из сеньоров: «Оставьте меня в покое, мессир Филипп». Но это был не мессир Филипп. На кисти, зажавшей ему глаза, был надет изумруд. Жуанвиль узнал его: это было кольцо короля. По большому секрету Людовик Святой сообщил ему свою тайну: он останется в Святой земле. Два их христианских сердца сошлись во мнениях.

Они сойдутся, вопреки очевидности, и через семнадцать лет, в тот день, когда король, задумав новый крестовый поход, попросил старого товарища последовать за ним. Жуанвиль отказался: «Господу угодно, — сказал он, — чтоб я остался дома, дабы помочь им [моим людям] и защитить их, а если я подвергну себя опасностям крестового похода, ясно сознавая, что это обернется несчастьями и ущербом для моих людей, я разгневаю Бога, который пожертвовал собой ради спасения своего народа». Он посмел сказать, что «тот, кто примет крест, лишится любви Господа». Король не разгневался: и он, который уезжал, и его друг, который оставался, хотели одного и того же — того, что «угодно Господу».

«Угодно Господу!» Эта идея постоянно вдохновляла Жуанвиля в ходе тех дружеских бесед, когда его пристрастие к религиозной дискуссии и его «легкомыслие» не раз беспокоили святого короля; эта идея побудила его в Сирии написать маленькую «Апологию христианства», замысловатый комментарий к «*Credo*», где он показывает знание Писания, уди-

вительное для молодого рыцаря. И потому-то в течение всей его долгой жизни он во всех поступках остается достойным феодальным сеньором, который, молясь за себя, не забывает помолиться и «за своих людей», — все его поведение показывает, что он всегда старался, по его прекрасному выражению, «обнимать Бога двумя руками, то есть рукой твердой веры и рукой добрых дел».

Поэтому неверно противопоставлять «возвышенность» Людовика Святого «мягкотелой гуманности» его биографа. Нет, между ними не было дистанции, между их душами не было контраста и едва ли не противоречия, отмеченных некоторыми. Они могли оставаться вместе, как в тех беседах, когда король усаживал своего друга рядом с собой «так близко, что моя одежда касалась его». Добрый рыцарь отнюдь не опасался соседства святого.

В конце концов именно он написал прекраснейший из портретов Людовика Святого. Не потому, как известно, чтобы свидетельства современников были редкостью: разве у нас нет хроник Жоффруа из Больё, Вильгельма Шартрского, Гильома из Нанжи? Но все эти хронисты и агиографы были церковниками, и это сказывается даже слишком. Они прежде всего хотели почтить святого поборника церкви, аскета. Долгий процесс его канонизации, начавшийся в 1273 г., потребовал, по словам папы Бонифация VIII, написать больше, чем может унести осел. В Людовике Святом неутомимо хвалили экзальтированного мистика, описывали его экстазы, его умерщвление плоти, его воздержанность, и легенда сделала свое дело. Его окутал густой запах ладана. Жуанвиль отреагировал — безотчетно? Нет, сознательно. Он твердо верит в святость мученика и с силой говорит об этом в начале своей истории; он твердо верит, что этот великий король может служить примером всем своим преемникам, и говорит об этом с силой в конце своей истории; но он не намерен подражать Гильому из Нанжи или другим — он воспроизводит более тайный и более нежный рисунок. Пытаясь всеми силами своего ревностного сердца найти способ лучше послужить памяти того, кого он чтит, он в своей отваге и в своем простодушии счел, что лучший выбор состоит не в том, чтобы в свою очередь впасть в напыщенный тон агиографа, а чтобы написать своего героя таким, каким знал его в те давние времена, когда тот еще не стал святым с витража, когда они оба были молодыми рыцарями. Он решил, что это будет учтивее всего по отношению к его другу. Поэтому он показывает его таким, каким тот был перед Богом и людьми, — в совете, в бою и прежде всего в частной жизни, в повседневности. Именно чтобы создать впечатление повседневной и частной жизни, он, выводя на сцену самого себя, придает своему рассказу о крестовом походе облик личных воспоминаний, и это служит к его

чести, это прекрасно, что некоторые современные критики ошибаются, считая, что он только воспроизвел задним числом рукопись своей молодости, некий личный дневник, появившийся до канонизации короля и написанный без всякой мысли его прославить. Гипотеза хитроумная, но, на наш взгляд, ложная. Сенешал написал историю короля Людовика, историю Людовика Святого и историю Жана де Жуанвиля, и эти три истории образуют шедевр сложный, но возникший единовременно, где все согласовано с целью полностью воскресить образ друга.

Чтобы тот воскрес полностью, Жуанвиль не умалчивает ни об одном из его недостатков. Он признает, что настроение у того бывало «разным». Он показывает его раздражительным, то слабым, то вспыльчивым, а порой, что было естественным для внука Филиппа Августа, жестоким и упрямым. Он признает, что король не был нежен ни к жене, ни к детям. Он не скрывает мрачного рвения в королевском благочестии. Но он также показывает, что к нему прекрасно подходили слова: «Cum revenit ad vitam, vitæ nescius non apparet». Он оказывается при случае остроумцем, почти светским, и сыплются прелестные анекдоты: «Однажды, когда король был в веселом настроении...» Какие приятные правила хорошего тона умел тогда предписывать Людовик Святой! «Ведь, как говорит мудрец, в одежде и доспехах должно украшать себя так, чтобы зрелые мужи не говорили, что вы придаете этому слишком большое значение, а юноши — что слишком малое». Жуанвиль прежде всего не допускает, чтобы им всецело завладели святоши, и использует для этого любую возможность. Жуанвиль недолюбливал монахов и часто, как, впрочем, и его предки, вел борьбу с монахами Сент-Юрбена, чьим поверенным он был; эти конфликты однажды даже побудили его епископа отлучить его, что он перенес с очень легким сердцем. А ведь забавнее всего отмечать высказывания, отражающие те же настроения, и у Людовика Святого: он с жесткой насмешливостью отвечает на несправедливые требования высокопоставленных прелатов; более того, он даже заявляет, что «preudomme — лучше, чем beguin». «Beguin» — это святоша, вызывающий подозрения в фарисействе; «prud'homme» — христианин, который, живя там, где его поместил Бог, в миру, старается соблюдать мирские добродетели. И Людовик Святой говорит Роберу де Сорбону:

«Мэтр Робер, я бы охотно согласился обладать истинным благоразумием, оставив бы за вами все остальное. Ибо благоразумие [preudomme] — столь великое и доброе достоинство, что достаточно лишь произнести это слово, чтобы уста преисполнились благодатью».

Если другие славили короля-монаха, Жуанвиль восславил скорей короля — честного человека [prud'homme], ибо никогда аскетизм последнего не мешал ему гуманно, по-братски, выполнять свои повседневные

королевские задачи. В его честности, по Жуанвилю, и состояла прежде всего его святость — когда он вершил правосудие, сидя под Венсенским дубом; когда в конце трапезы терпеливо слушал менестрелей, игравших перед ним на виолах; когда при Мансуре, возвышаясь над всеми своими рыцарями, он мчался в атаку в золотом шлеме и с немецким мечом в руке; когда, выиграв битву, он видел, как приближается прево госпитальеров, как тот целует ему руку в кольчужной перчатке, и слышал от него, что в безумной сече его брат, граф д'Артуа, только что был убит: «„Ах, сир, — сказал прево, — пусть это послужит вам добрым утешением; ведь никогда еще французскому королю не выпадала столь великая честь, какая выпала вам; ибо, чтобы сразиться со своими врагами, вы вплавь преодолели реку, разбили их и изгнали с поля битвы...“ И король ответил, что возблагодарит Господа за все, что он ему ниспослал; и при этих словах крупные слезы катились у него из глаз».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Paris G. Jean, sire de Joinville // Histoire littéraire de la France où l'on traite des progrès, de l'origine, de la décadence et du rétablissement des sciences parmi les Gaulois et parmi les François... T. 32. Suite du quatorzième siècle.* Paris: V. Palmé; H. Welter (éd. facsimilée); F. Didot: Imprimerie nationale, 1898. P. 291–459.
2. *Delaborde H.-F. (Comte). Jean de Joinville et les seigneurs de Joinville, suivi d'un catalogue de leurs actes.* Paris: Picard et fils, 1894.
3. *Joinville, J. de.* Histoire de S. Louis, IX du nom, roi de France... enrichie de nouvelles observations et dissertations historiques; avec les «Établissements de saint Louis», le «Conseil de Pierre de Fontaines», et plusieurs autres pièces concernant ce règne tirées des manuscrits, par Ch. Du Fresne, sieur Du Cange... Paris: S. Mabre-Cramoisy, 1668.
4. *Du Cange Charles Du Fresne.* Glossarium mediae et infimae latinitatis. Tomus septimus, Continet glossarium gallicum, tabulas, indices auctorum et rerum, dissertationes. Conditum a Carolo Sufresne Domino Du Cange; cum supplementis integris D. P. Carpenterii; adelungii, aliorum, suisque digessit G. A. L. Henschel. Parisiis: F. Didot, 1850.
5. *Joinville J. de.* Histoire de saint Louis, par Jehan, sire de Joinville: les Annales de son règne, par Guillaume de Nangis; sa vie et ses miracles, par le Confesseur de la Reine Marguerite. Le tout publié d'après les manuscrits de la Bibliothèque du Roi et accompagné d'un glossaire [par Melot, l'abbé Sallier et Capperonnier.] Paris: Impr. royale, 1761.
6. *Recueil des historiens des Gaules et de la France.* Tome vingtième, contenant la première livraison des monuments des règnes de Saint Louis, de Philippe

- le Hardi, de Philippe le Bel, de Louis X, de Philippe V et de Charles IV, depuis MCCXXVI jusqu'en MCCCXXVIII. Publié par MM. Daunou et Naudet. Paris: imprimerie royale, 1840.
7. *Joinville J. de*. Mémoires de Jean, sire de Joinville, ou Histoire et chronique du très-chrétien roi saint Louis, publiés par M. Francisque Michel... précédés de dissertations par M. Ambr. Firmin-Didot et d'une notice sur les manuscrits du sire de Joinville par M. Paulin Paris... Paris: Firmin-Didot, fils et Cie, 1859.
 8. *Joinville J. de*. Histoire de saint Louis, par Joinville. Texte rapproché du français moderne et mis à la portée de tous, par M. Natalis de Wailly... Paris: Hachette, 1865 etc.
 9. Чистосердечная, приветливая и любезная натура (лат.).

Малинин Ю. П.

ЛЮДОВИК СВЯТОЙ

В истории бывают люди, которые собой, своей жизнью и деятельностью, определяют лик целой эпохи, и когда они уходят из жизни, то как будто меняется дух времени. К таким людям относится, несомненно, и король Людовик IX (1214–1270), без которого трудно себе представить не только французский, но и вообще западноевропейский XIII в. и который был символом французской монархии на протяжении всех лет ее существования после него. Приобретя ореол святости еще при жизни и канонизированный Католической Церковью вскоре после смерти (1297), он воплощал в себе лучшие черты феодального сюзерена, рыцаря и христианина. Поэтому уже для многих современников он был идеальным королем, и со временем притягательность его личности только возрастала, причем вовсе не потому, что он был причислен к лику святых. Как писал в начале XX в. французский историк О. Молинье, «в суждениях о Людовике Святом царит полное единодушие, все отдавали дань уважения его благоразумию и чувству чести; в отличие от большинства своих предшественников и потомков он всегда прислушивался к голосу совести и в политике следовал нормам справедливости». Даже современные историки, имеющие возможность критически оценить на основании многих документов политическую деятельность этого короля (что, конечно, они и делают), не вносят диссонанса в традиционно пиететное отношение к нему.

Жизнь и личность Людовика IX оказались удивительно хорошо запечатленными в воспоминаниях его современников. Во многом мы обязаны этим процессу канонизации, который продолжался более двадцати лет (1273–1297) и во время которого были опрошены все оставшиеся в живых люди, общавшиеся с королем. Их просили вспомнить все, и в первую очередь те высказывания, которые им приходилось слышать из его уст. Все это тщательно записывалось, и в итоге образовался огромный архив, по поводу которого Папа Бонифаций VIII сказал, что его не увезти и на осле. Этот архив хранился в папской курии и, к сожалению, до нас не дошел, за исключением небольших фрагментов. Но в свое время им свободно пользовались те, кто писал о Людовике IX. По крайней мере один из них — Гийом де Сен-Патю, бывший духовником его жены, королевы Маргариты Прованской в течение 18 лет, перечитал почти все

эти материалы, чтобы написать обширный труд «Жизнь монсеньора Людовика Святого». Яркие воспоминания о короле оставили также его духовник Жоффрау де Болье, его капеллан Гийом де Шартр и, наконец, его друг Жан де Жуанвиль. К ним нужно прибавить авторов хроник, много писавших о нем, причем это были не только французы, как Гийом де Нанжи, но и англичанин Матвей Парижский, и итальянец Салимбене. Изо всех этих сочинений встает настолько живой портрет Людовика IX, что можно ясно представить себе, как он выглядел в разные годы жизни, как вел себя в различных ситуациях, как одевался, что говорил и думал по тому или иному поводу.

Людовик IX как человек и политик был воспитан своей матерью Бланкой Кастильской, испанской принцессой, которая в 12-летнем возрасте была привезена во Францию в качестве жены наследника французского престола, ставшего в 1223 г. — после смерти Филиппа II Августа — королем Людовиком VIII. Но он правил недолго, ибо довольно неожиданно умер в 1226 г.; многие считали, что его отравили. Подозрения были небезосновательными, поскольку у него было немало смертельных врагов среди крупных феодальных сеньоров, с которыми он вел настолько жесткую борьбу жесткой рукой, так что его даже прозвали Львом. После него на престол вступил его старший сын Людовик IX.

Ему исполнилось всего лишь 12 лет. По существовавшему тогда обычаю, хотя его в конце того же 1226 г. миропомазали и короновали в Реймском соборе, управлять королевством до совершеннолетия, наступавшего в 21 год, он не мог. Власть передавалась в руки регента, каковым в своем завещании, составленном накануне смерти, Людовик VIII назначил Бланку Кастильскую. Поскольку государственного права в то время еще не существовало и права регента, равно как и право на регентство, никак не регулировались, это назначение уже само по себе стало причиной серьезных конфликтов. Женщина, да к тому же еще и иностранка, у руля правления королевством — это было немыслимо для многих, а для принцев крови, то есть ближайших родственников правящей династии, и невыносимо, поскольку они сами претендовали на регентство. И конечно же власть, выпавшая из рук усопшего короля и оказавшаяся у женщины, представлялась настолько ослабевшей, что феодальная знать сочла момент особенно благоприятным для расширения и укрепления своей власти и расширения своих владений. Поэтому очень скоро образовалась коалиция, открыто выступившая против регентши. Но ее участники не знали, с кем они имеют дело.

Бланка Кастильская была на редкость волевой, мужественной и решительной женщиной, а как истинная испанка — очень набожной. Будучи еще совсем юной, она лично собрала флот на помощь своему мужу, отправившемуся в Англию завоевывать английскую корону, а деньги она

вытребовала у свекра, короля Филиппа II Августа, заявив ему, что если он их не даст, то она отдаст в залог за золото своих детей, его внуков. В наследство от мужа ей достались очень опытные советники, которые ею руководили. В общем, когда силой (она не раз лично возглавляла королевскую армию), когда мелкими уступками она развалила феодальную коалицию, не допустив никакого умаления ни королевской власти, ни королевского домена, то есть непосредственных владений короля, подлежащих его прямому управлению. В условиях этой ожесточенной политической борьбы рос и выросел Людовик IX. Мать воспитывала его в очень жестких религиозно-нравственных правилах и несомненно посвящала в тайны государственного управления. Во всяком случае он не мог не знать, что происходит в королевстве, и на всю жизнь запомнил, как его с матерью однажды чуть не захватили ее враги, желавшие, устранив Бланку, управлять от имени короля, но тогда их спасли подоспевшие вовремя парижане.

Людовик IX достиг совершеннолетия в 1234 г. Он вырос глубоко религиозным человеком, но от родителей унаследовал сильную волю и твердость духа, поэтому при всей склонности к христианскому милосердию он всегда готов был прибегнуть к силе, если того требовали обстоятельства. Власть от матери переходила к нему, но Бланка Кастильская вплоть до своей смерти (1252) сохраняла столь сильное влияние на него, что по существу была его соправительницей, а в последние годы жизни, когда он отправился в крестовый поход в Египет, оставив именно ее регентшей, вновь лично управляла королевством, и не менее успешно, чем в годы своего первого регентства.

Став полновластным королем, Людовик IX сразу проявил весьма незаурядные политические и административные способности. Центром его управления был, конечно, королевский двор, но что он собой представлял? При Людовике IX он оставался патриархальным: никакой роскоши и чрезвычайная строгость нравов, ибо король не только не терпел порока, особенно плотского, в своем окружении, но и не допускал, чтобы при дворе не соблюдали постов. Главной резиденцией двора был Париж. Именно здесь, в этом «достопочтенном городе, блестящая слава которого распространяется по всему свету», как писал автор XIII в. Николя де Брэ, преимущественно составлялись и издавались королевские акты. Но, как и его предшественники, Людовик IX подолгу на одном месте не жил и вместе со своим двором то и дело переезжал от одного своего замка к другому (особенно любил он Венсенн), часто посещал монастыри или замки вассалов. Цель таких переездов была по крайней мере двоякой. С одной стороны, он реализовывал свое право постоя, особенно в отношении церковных учреждений, которые обязаны были содержать его и весь двор, пока они все там живут, экономя таким образом свои собственные

средства. А с другой — он хотел видеть собственными глазами, что происходит на местах, и иметь возможность беседовать с людьми разного ранга, осведомляясь о положении тех или иных дел. При этом очень важно было, чтобы и его видели, ибо лицемерие короля было своего рода залогом верности и преданности ему.

При дворе было шесть служб — хлебная, винная, кухонная, плодовая, конюшенная и палатная. Последняя служба имела и определенное политическое значение, поскольку была постоянно связана с особой короля. В так называемой палате хранились его одежда и драгоценности, и она заведовала казной, хранившейся в одной из башен луврского замка. В ее ведении был и королевский архив, состоявший главным образом из оригинальных королевских хартий и актов. Поэтому служащие палаты, шамбелланы, нередко становились весьма важными особами.

Наиболее влиятельным в политическом отношении учреждением, функционировавшим при дворе, был королевский совет, или курия. В отличие от прежнего феодального совета, где заседали прямые вассалы короля, совет XIII в. составлялся из высших дворцовых служащих и лиц, приглашавшихся королем, среди которых бывали представители высшей знати и духовенства, а иногда и горожане. Функции совета были очень широкими, и на нем рассматривались дела политические, финансовые и судебные; собирался он королем нерегулярно. В XIII в. применительно к нему, вернее к его заседаниям, стали употреблять новое слово — парламент, то есть беседа, или разговор. Самой важной функцией совета была судебная. Здесь стоит заметить, что в средние века поддержание справедливости, прежде всего с помощью правосудия, считалось первейшей обязанностью всякого государя. Поэтому на протяжении многих столетий культивировался идеал «справедливого короля», антиподом которому был тиран. Справедливый король — это праведный человек, который сам блюдет справедливость, не попирая чужих прав, и поддерживает ее в обществе. Тиран же — это порочный человек, не связывающий себя никакими нормами справедливости и вершащий неправый суд. Людовик IX довольно рано проникся сознанием этого своего нравственного и политического долга, поэтому время от времени он лично вершил суд, и образ этого короля, сидящего под дубом в Венсенском лесу и творящего суд, наподобие царя Соломона, стал легендарным уже среди его современников. Но королевское судопроизводство было крайне несовершенным и неудобным, поскольку совет заседал крайне нерегулярно, да и король под дуб садился, лишь когда настроение приходило; к тому же двор постоянно переезжал с места на место.

Король, надо полагать, много думал над этим во время своего первого крестового похода и египетского плена, поскольку когда он вернулся во Францию, он сразу же занялся подготовкой и проведением самой

важнейшей реформы — судебной. Прежде всего он выделил из совета специальную судебную секцию, за которой и закрепилось название парламента. Этот парламент стал заседать регулярно и всегда только в Париже независимо от места пребывания короля. Он имел свой постоянный штат, который уже при Людовике IX состоял по большей части из профессиональных юристов. По сути дела, этой реформой было положено начало современному судопроизводству, ибо в парламенте дела решались только на основании показаний свидетелей. Особым указом Людовик IX запретил на территории домена судебные поединки, широко распространенные в феодальном обществе. Это была одна из форм древнего Божьего суда: истец и ответчик с оружием в руках решали, кто из них прав, ибо правому помогает Бог. Юрисдикция парламента распространялась на территорию всего королевского домена. Что же касается земель королевских вассалов, где сохранялся сеньориальный суд, то по отношению к ним Парижский парламент приобрел право апелляционного суда, где можно было обжаловать постановления других судов. Парламент, таким образом, стал высшим судом королевства, контролирующим сеньориальное судопроизводство.

Справедливость, которую король желал установить по крайней мере на территории своего домена и которая требовала не посягать на чужое право, особенно злостно нарушалась королевскими служащими — бальи и сенешалями. Это были своего рода наместники короля в территориальных округах домена (бальяжи — на Севере, сенешальства — на Юге), обладавшие очень широкими судебно-административными и финансовыми полномочиями. Понятно, что они то и дело злоупотребляли своей властью, и жалобы на них постоянно шли к королю. Чтобы их обуздать, он в 1254 и 1256 гг. издал указы, четко определяющие их обязанности и права и требующие от них принесения публично, на площади клятвы при вступлении в должность. Они клялись судить по праву, уважать местные кутюмы (нормы обычного права), не взимать незаконные налоги, блюсти королевские права, уважать права других и т. д. Содержание клятвы было столь емким, что в ней предусматривались чуть ли не все виды злоупотребления властью и проявления порока, от которых они обязывались воздерживаться. Конечно, сама по себе клятва вряд ли была способна исправить человеческую натуру, но на основании королевских указов и этих клятв можно было подавать законные жалобы в королевский совет или парламент на действия бальи и сенешалей. Кроме того, их округа стали время от времени посещать ревизоры, а их самих король подолгу не держал в одном округе и года через 3–4 перемещал, дабы они слишком не укреплялись на одном месте. Эти королевские указы, благодаря которым была ослаблена власть сенешалей и бальи, которые ранее, бывало, держали себя как независимые сеньоры, возымели свое действие.

Людовик IX впервые провел денежную реформу с целью стабилизации королевской монеты. До него в области монетного дела царил настоящий хаос. Многие крупные сеньоры, а также города чеканили свою монету, ибо это приносило немалый доход. Но проба монет (содержание драгоценных металлов — золота или серебра) то и дело менялась, как правило, в сторону ее ослабления. Королевскую монету также «лихорадило». В 1263 г. на совете, куда были приглашены представители крупных городов, Людовик IX издал указ о монетной реформе. Этим указом он установил высокую и твердую пробу королевской золотой монеты, экю (999/1000 г чистого металла), и серебряной монеты (23/24 г). В оборот было довольно скоро пущено много этой королевской монеты, которая сразу же стала внушать такое доверие, что, быстро распространившись по всему королевству, стала вытеснять другие деньги, ибо многие купцы начали требовать расчета именно в ней. Король отнюдь не запретил сеньорам чеканить свою монету, ибо уважал чужие права, но повелел, чтобы его монета имела хождение по всему королевству, а в тех областях, где ранее не выпускали свою монету, только бы она и использовалась.

Все эти реформы, безусловно, содействовали укреплению королевской власти и повышению ее авторитета. Однако король постоянно принимал и более конкретные, подчас жесткие меры с той же целью. Он говорил, что «во Франции есть только один король», но это, впрочем, не означало, что он стремился добиться неограниченной власти. Глубоко проникнутый чувством справедливости, он стремился соблюдать феодальные права, но он руководствовался также и идеей общественного блага, или общей пользы. И ради общественного блага он всегда готов был посягнуть на те частные права, использование которых шло в ущерб обществу, равно как и на давно укоренившиеся обычаи, как, например, обычай кровной мести. Так, он добивался искоренения частных войн, которые происходили по давно утвердившемуся сеньориальному праву войны и мира. Сначала он запретил их в домене, а в землях сеньоров ввел «40 дней короля», срок, в течение которого в случае конфликта нельзя было нападать и можно было апеллировать к королю. Позднее он издал более суровый указ, по которому частные войны были запрещены во всем королевстве, и более того — запрещено было ношение оружия. От частных войн больше всего страдали крестьяне, что король прекрасно понимал, и в одной из инструкций он выразительно писал: «Знайте, что мы запретили в нашем королевстве всякие войны, поджоги и помехи земледельческому труду». Его служащие, насколько известно, действительно проводили в жизнь эти указы, карая, например, тех, кто носил оружие, и нередко злоупотребляя при этом своей властью, но покончить с этими нарушениями, конечно, не удалось.

Людовик IX как благочестивый человек вообще был против всякого несправедливого пролития крови, которого можно было бы избежать. По этой причине он запретил проведение рыцарских турниров, поскольку в то время их участники еще сражались боевым оружием, и поэтому бывало немало жертв. Его запреты частных войн, турниров, ношения оружия были очень непопулярны в феодальной среде, где короля даже обвиняли в том, что он покровительствует простым людям и стремится уничтожить привилегии сословия знати. В действительности Людовик IX прежде всего хотел быть справедливым, полагая, что закон равен для всех и никто не может безнаказанно совершать преступления, посягая на чужую жизнь. Когда он сам вершил суд, то назначал очень суровые наказания знатым лицам за тяжкие уголовные преступления и даже не допускал, чтобы таких лиц казнили тайком, утверждая, что всякий суд во всем королевстве «должен производиться открыто и перед народом».

При всем недовольстве теми или иными мероприятиями Людовика IX открытых вооруженных выступлений против него не было. Последняя антикоролевская коалиция действовала в 1240–1242 гг., когда он еще не занялся реформаторской деятельностью и когда была еще жива его мать. С этой коалицией ему пришлось бороться лично, хотя Бланка Кастильская, конечно, помогала ему. Это феодальное движение производило тогда внушительное впечатление, ибо оно охватило почти весь юго-запад и некоторые центральные области Франции и солидарность с ним открыто выразили король Арагона, император Фридрих II и король Англии Генрих III, который переправился через Ла-Манш с войском, правда небольшим, и вступил в область Пуату, которая ранее принадлежала английской короне и бароны которой изъявили желание вернуться под ее власть. Но как и ранее, в годы правления Бланки Кастильской, коалиция была очень непрочной, ибо ее участники были солидарны друг с другом преимущественно на словах. Людовик IX возглавил тогда армию, двинувшуюся в Пуату, где он быстро нанес поражение и восставшим баронам, и англичанам, а на Юге движение было подавлено его сенешалями. И, как писал французский хронист Гийом де Нанжи, «с этого времени бароны Франции перестали предпринимать что-либо против короля».

Королю приходилось защищать и утверждать свои права перед лицом не только светской феодальной знати, но и Церкви. На первый взгляд, при его чрезвычайной набожности между ним и церковью должно было царить полное согласие, и король Франции, как писали в его время, «всегда является щитом церкви». Действительно, он считал себя верным слугой и защитником церкви, но это вовсе не означало, что он готов был поступиться какими-либо своими правами в ее пользу. Он придерживался хорошо уже известной тогда доктрины двух мечей (меч духовной

и меч светской власти), предполагавшей четкое разделение властей. И поскольку духовные сеньоры, епископы, обладали светской властью и светскими сеньориями, то по отношению к ним король выступал в качестве сюзерена и имел право требовать принесения вассального оммажа и выполнения вассальных повинностей, вплоть до несения военной службы — если не личной (а бывало и такое), то предоставлением вооруженных отрядов. Иначе говоря, все то, что принадлежало церкви от мира, было подвластно королю как сюзерену. В письме к Папе Римскому Людовик IX выразил это в наиболее радикальной форме: «Право короля таково, что он может взять, как свои собственные, все сокровища церквей и все их доходы для своих нужд и для нужд королевства».

Он ясно различал церковь небесную и церковь земную. Ради небесной он готов был пожертвовать всем, но что касается земной, представленной духовенством, то несмотря на выказываемое им уважение к нему, он знал, что оно подвержено тем же страстям и порокам, что и миряне (каков мир, таков и клир). Он облагал церкви налогами, требуя особенно много денег при подготовке крестовых походов. Французское духовенство жаловалось на короля Римским Папам, но безуспешно, и в его свите ходила поговорка: «Нынче клирики закабалены сильнее, чем миряне». Насколько известно по сохранившимся документам, к концу правления Людовика IX многие епископы и монастыри были в долгах, которые они делали у ломбардских ростовщиков, чтобы удовлетворить требования короля, как, впрочем, и Пап.

В отношениях с Папами король отнюдь не был послушным сыном Церкви и руководствовался политическими соображениями. Но в одном он сделал большую уступку Риму: он согласился на введение во Франции папской инквизиции. Инквизиция католической церкви была создана по решению одного из Соборов еще в конце XII в. для расследования дел о ереси и ее искоренения. Тогда этим занимались особые комиссии при епископах, которые рвения не проявляли и к суровым наказаниям не прибегали. Но в начале XIII в. по Европе стала быстро распространяться ересь катаров, которая достигла наибольших успехов на юге Франции, в Лангедоке, где получила название альбигойской (по городу Альби, главному центру еретиков). Явно враждебная Католической Церкви, эта ересь вынудила Рим принять самые энергичные меры: с согласия французского короля Филиппа II Августа был объявлен крестовый поход, в котором приняли участие главным образом северофранцузские феодалы. Он положил начало так называемым Альбигойским войнам (1209–1229), последние эпизоды которых приходятся на время правления Людовика IX. Антикоролевское движение в Лангедоке в 1240–1242 гг., которое возглавил тулузский граф Раймонд VII, было напрямую связано с этими войнами,

благодаря которым французская монархия наложила свою тяжелую руку на эту ранее независимую от нее область. Кстати, последний оплот альбигойцев, крепость Монсегюр, был взят только в 1244 г. после десяти-месячной осады.

Одновременно Рим стал всячески активизировать деятельность инквизиции, которая в 1227 г. была окончательно изъята из рук епископов и передана недавно возникшему Ордену доминиканцев. Если раньше церковь исходила из того, что она в борьбе с ересью не может прибегать к насилию, а должна использовать лишь силу убеждения, то теперь ее взгляд на это коренным образом изменился. Инквизиционные трибуналы получили право применять пытки при расследовании дел и при-суждать упорствующих в ереси или совершающих рецидив ереси к казни через сожжение. Формально, правда, такие приговоры выносились и приводились в исполнение не самим церковным судом. Церковное судопроизводство, в том числе инквизиционное, всегда придерживалось правила ни за какие преступления не выносить смертных приговоров, ибо Церковь не может позволить себе пролитие крови. От закоренелых еретиков Церковь отрекалась и передавала их в руки светского правосудия, которое выносило смертный приговор и приводило его в исполнение. Поэтому инквизиция нуждалась в поддержке светской власти. Кстати, только светская власть могла обеспечить и охрану инквизиторов, ибо случаи их убийства, по вполне понятным причинам, были не редки. Однако на введение папской инквизиции было необходимо согласие короля, и короли Англии и Швеции, например, отказались допустить ее в свои государства.

Можно легко понять, почему Людовик IX с Бланкой Кастильской ввели папскую инквизицию в 1233 г., если принять во внимание их чрезвычайную набожность и верность католицизму, а также и то, что южная часть их королевства оказалась наиболее «инфицированной» ересью. Они, конечно, не могли предвидеть, какими страшными гекатомбами будет сопровождаться деятельность папского инквизитора. Им был назначен доминиканец брат Роберт Малый, который сам был некогда катаром, за что получил прозвище Бугр, то есть болгарин. Этот этноним был в то время синонимом еретика, потому что ересь катаров пошла в Европу из Болгарии. Вернувшись в лоно католической Церкви, Роберт Бугр, во искупление прежних грехов, проявил такую рьяность в деле истребления еретиков, что в конце концов его сместили и посадили в тюрьму как человека явно ненормального. Свою деятельность он начал в Лангедоке, а затем переместился в Шампань, Пикардию и Фландрию. В 1239 г. по его приговору в Шампани, в местечке Монт-Эме, однажды сразу было сожжено 183 человека. И как писал хронист Муске, Роберт Бугр «действовал по воле короля», и его «сопровождали королевские сержанты». Что

думал по этому поводу Людовик IX, который несомненно знал о результатах действий инквизитора? Ни один из авторов воспоминаний о нем ничего об этом не сообщает. Может быть, по его настоянию Роберт Бугр, как персона слишком одиозная, был смещен, но против инквизиции как таковой король ничего не имел против, и она все шире разворачивала свою деятельность во Франции. Во второй половине его правления доминиканцы имели инквизиционные трибуналы во многих городах, особенно на юге страны, и все они подчинялись главному инквизитору Франции. О том, как они действовали, и об отношении к ним можно судить по тому, что членам одного из южных трибуналов однажды ночью была устроена засада и всех их перерезали.

На деятельности инквизиции корона неплохо зарабатывала, ибо все имущество еретиков, даже раскаявшихся, конфисковывалось в ущерб правам наследников. Церковь, конечно, претендовала на это имущество, но получала лишь небольшую его часть, в основном же оно отходило к казне. Впрочем, этот источник поступлений в казну скоро иссяк. Когда с помощью инквизиции были разорены многие сеньоры и богатые купцы Лангедока, то остались лишь нищие еретики, которые, в точности следуя учению катаров, вообще отвергали собственность. С них взять было нечего, и тогда начался закат инквизиции.

Вообще введение папской инквизиции, а главное — предоставление ей практически полной свободы действий, ложится черным пятном на царствование Людовика Святого. И дело не только в том, что было слишком много жертв, и жертв часто невинных, но и в том, что инквизиционные суды своей практикой оказали пагубное влияние на светское, королевское судопроизводство. Все их пороки, а именно: секретность, в которую облекалось расследование, пытки, применявшиеся с целью добиться признания вины, произвол никем не контролируемых судей — были переняты светскими судами.

Что касается внешней политики Людовика IX, то хотя он и был самым авторитетным и одним из наиболее сильных на Западе государем, о ком английский хронист Матвей Парижский сказал: «Король Франции является королем земных королей», он никогда не стремился воспользоваться слабостью соседей и за их счет расширить свои владения. Как и во внутренней политике, он руководствовался справедливостью и всегда проявлял желание примирить враждующих в других странах, предлагая свои услуги в качестве посредника и третьей стороны. И все это — ради того, чтобы объединить всех христианских государей и вообще всех христиан в общем крестовом походе. Но ради той же цели он способен был и изменять своему принципу невмешательства в чужие дела.

Очень показательна в этом отношении позиция, занятая Людовиком IX во время ожесточенной борьбы Пап Иннокентия IV и Урбана IV

с последними Гогенштауфенами. Она разгорелась в первой половине XIII в., особенно когда император Фридрих II Гогенштауфен, который был одновременно королем Обеих Сицилий (Южная Италия и Сицилия), начал войну с североитальянскими городами-государствами, формально входившими в состав Священной Римской империи, дабы утвердить там свою власть. В случае успеха он угрожал зажать между своими владениями папское государство, а может, и поглотить его. Людовик IX соблюдал нейтралитет, не поддерживая ни одну из враждующих сторон. Когда Иннокентий IV, прибегнув к старому приему борьбы Пап со светскими государями, объявил о низложении Фридриха II и предложил императорскую корону брату короля Роберу д'Артуа, то Людовик IX за брата отказался от нее и продолжал поддерживать добрые отношения с Фридрихом. Он не раз предлагал свое посредничество, дабы примирить Папу с императором, но Иннокентий IV отказывался от его услуг.

Эти события приняли новый оборот, и Франция оказалась все же увязшей в них после того, как умер Фридрих II (1250). Наследником сицилийской короны был внук Фридриха, юный Конрадин, от имени которого королевством стал управлять незаконный сын усопшего императора Манфред, к которому Людовик IX не питал никаких симпатий, поскольку тот открыто поддерживал хорошие отношения с мусульманами и даже содержал мавританскую гвардию. Иннокентий IV, естественно, не собирался признавать ни Конрадина, ни тем более Манфреда, горя желанием раз и навсегда покончить с Гогенштауфенами. Он начал переговоры с другим братом французского короля, Карлом Анжуйским, о передаче ему сицилийского престола. Карл был человеком крайне честолюбивым, и владений, данных ему старшим братом в качестве удела (графства Анжу и Мэн), ему было мало, поэтому он ухватился за папское предложение. Но необходимо было согласие Людовика IX, который мог запретить брату ввязываться в итальянские дела. Король долго не давал согласия, считая Конрадина законным наследником, но когда на папский престол вступил Урбан IV, француз, знавший короля и умевший к нему подойти, тот дал себя убедить. Ему внушили, что если Сицилией будет управлять свой, надежный человек, то остров станет важной базой снабжения крестоносцев в новом походе на Восток. Он разрешил Карлу собрать войско во Франции и обложил в его пользу французскую церковь налогом. В итоге Карл Анжуйский в начале 1266 г. был провозглашен в Риме королем Обеих Сицилий, а затем в течение примерно месяца завоевал свое королевство, нанеся поражение Манфреду и безжалостно казнив плененного Конрадина.

Очень сложными были отношения французской короны с Англией, поскольку еще в начале XIII в. Филипп II Август захватил большую часть английских владений на континенте у короля Иоанна Безземельного

(Нормандия, Мэн, Анжу, Турень и Пуату), так что у англичан оставалась только Гиень с городами Бордо и Байонном. Поэтому сын Иоанна Генрих III всегда поддерживал антикоролевские оппозиции во Франции, а во время движения 1240–1242 гг., как уже говорилось, даже вторгся с войском в Пуату. Но Генриху III приходилось то и дело вести очень тяжелую борьбу со своей баронской оппозицией. Людовик IX не вмешивался в английские дела и не пытался использовать тяжелое положение, в котором оказался свояк (они были женаты на родных сестрах), чтобы захватить, например, Гиень, что ему советовали сделать. Однако его жена, королева Маргарита Прованская, не раз пыталась оказать помощь мужу любимой сестры в обход своего супруга. Она вообще была большой интриганкой и очень хотела бы обладать такой же властью, какая была в свое время у ее свекрови — Бланки Кастильской. Но для Бланки на первом месте всегда были интересы французской короны, Маргарита же интриговала в пользу своих родичей, совершенно не сообразуясь с политикой супруга. И если бы Людовик IX дал ей волю, то она навлекла бы на его голову немало бед, как сделала это ее сестра Алиенора в отношении своего мужа Генриха III. Но Людовик держал ее в строгости и ни до каких политических дел не допускал; боясь супруга, она действовала, иногда с определенным успехом, через деверей, братьев мужа.

Людовик IX, помня о родственных отношениях и руководствуясь чувством справедливости, не позволявшим ему посягать на Гиень, стремился к миру с Генрихом III, несмотря на явно враждебные действия последнего. Он предложил ему компромисс, по которому тот признал бы факт аннексии земель, захваченных Филиппом II Августом, а за это за ним сохранялась бы Гиень, но за нее он должен был принести оммаж французскому королю как сеньору. Генрих в конце концов согласился, и на этих условиях в 1258 г. был заключен мир в Париже. Мир был, конечно, не прочный, и он не помешал разразиться в следующем, XIV в. Столетней войне между Англией и Францией. Но Людовик IX был им удовлетворен и тем, кто его порицал, говорил, что если раньше английский король «не был моим человеком, то теперь входит в мой оммаж». Мысля еще по феодальному, он верил, что оммаж является гарантией мира и политической стабильности.

Большое значение для внешней политики французского короля имели отношения и с пиренейскими королевствами — Арагоном и Кастилией. С Арагоном у Франции было немало взаимных территориальных претензий, но, как и в случае с Англией, Людовик IX постарался мирно урегулировать все спорные вопросы. По договору, заключенному в Корбейле (1258), он отказался от старых французских претензий на Руссильон и графство Барселона, которые были некогда захвачены Карлом Великим. В ответ король Хайме I отказывался в пользу французской королевы,

своей кузины, от претензий на некоторые земли в Провансе, а в пользу Людовика IX — от претензий на земли в Лангедоке, но сохранял за собой Монпелье. Чтобы укрепить союз двух корон, было заключено соглашение о браке арагонской принцессы Изабеллы и наследника французского престола Филиппа. Правда, в то же время Хайме I поддерживал в Италии противников Карла Анжуйского и женил своего сына и наследника престола Педро на дочери Манфреда Констанции, что позволило позднее его сыну, ставшему королем Педро III, предъявить права на престол Обеих Сицилий и изгнать французов, уже после смерти Людовика IX, с Сицилии.

С кастильским королем Альфонсом X, своим кузеном, Людовик поддерживал самые дружеские отношения, благо не было причин для разногласий. Людовик мудро не пытался предъявлять свои права на кастильский престол, которые, как считали некоторые, он имел по линии своей матери. Свою дочь, Бланку Французскую, он выдал замуж за наследника Альфонса X Фернандо де ла Серда, который, правда, короны не дождался, умерев раньше отца.

Благодаря своей миротворческой политике и приверженности к справедливости Людовик IX пользовался очень большим авторитетом в политическом мире Западной Европы. Поэтому ему часто предлагали выступить в роли третейского судьи для решения тех или иных политических споров. Так, он мирил сыновей Маргариты, графини Фландрии и Эно, вступивших в конфликт из-за материнского наследства, выступал судьей в споре между королем Наваррским и герцогом Бретонским, графом Люксембургским и герцогом Лотарингским. Не раз умиротворял он так называемое Арелатское королевство, лежавшее на восточных рубежах его собственного, хотя мог бы, пользуясь слабостью империи, в состав которой оно входило, спокойно его захватить. По словам Жуанвиля, Людовика уговаривали предоставить всем этим господам передрасться между собой, но он отвечал: «Блаженны миротворцы».

Именно его избрали третейским судьей восставшие английские бароны, которые в 1258 г. издали Оксфордские провизии, по которым создавался совет из 15 баронов, без чьего согласия король Англии, Генрих III, не мог принимать никаких решений. На его суд был вынесен вопрос о законности провизий, и он принял решение в пользу короля, считая, что власть помазанника Божьего никто не может ограничивать, и политическая борьба в Англии вспыхнула с новой силой.

Стоит сказать несколько слов и о крестовых походах Людовика IX. Идея освобождения Гроба Господня была навязчивой и в то же время руководящей в его политике. Но оба его похода: в Египет и Тунис — завершились катастрофически неудачно. Причин тому много. Это и обман со стороны потенциальных союзников во время египетского похода:

норвежский король вопреки обещанию не тронулся в путь, император Фридрих II не только ничем не помог, но и заранее предупредил египетского султана о походе, даже Папа Иннокентий IV, обещавший провести пропаганду крестового похода в Германии, чтобы собрать немецкое войско, в действительности эту пропаганду запретил, желая сохранить немецкое воинство в качестве резерва для себя, в целях борьбы с императором.

Это и отсутствие политических талантов, хотя он и был очень храбрым воином. А также его удивительная доверчивость и своего рода слепота в том, что касалось распространения христианской веры. Как, будучи совсем юным, он поверил, что в христианство можно обратить монголов, и направил к ним посольство со всеми необходимыми предметами культа и монахами, дабы они научили хана, как нужно верить, так и на склоне лет поверил в то, что мусульманский правитель Туниса желает стать христианином. Во многом ради этого он, будучи совсем больным, и тронулся в Тунис, где обрел свое вечное упокоение. По словам одного историка, он так ничего и не понял ни в Востоке, ни в исламе. И все же этими походами, пусть даже и неудачными, скомпрометировавшими крестonosное движение, Людовик IX прибавил себе немало славы как истинный крестonosец, каких в его время было уже мало, и как мученик, при возвращении останков которого во Франции происходило много чудес.

Слава Людовика IX была в то же время и славой Франции. И если его называли «королем королей земных», то о Франции и о французах стали говорить как о новом Израиле и новом народе Израилевом, то есть богоизбранных стране и народе. Когда Людовик IX построил при королевском дворце в Париже Святую капеллу (Сент-Шапель) — там он намеревался хранить терновый венец, приобретенный у константинопольского императора Бодуэна II, — то изображения на ее витражах были сделаны так, чтобы внушать мысль о французском короле как преемнике иудейских царей и главном защитнике истинной веры. А народ такого короля, как писал немного позднее французский политический мыслитель Гийом ле Бретон, «может быть назван народом Израилевым», ибо «из совершенства короля проистекают все блага его подданных».

Отнюдь не случайно на время правления Людовика IX приходится наивысший подъем французской средневековой цивилизации, которая, по словам французского историка Ш. Пти-Дютайи, «никогда еще не доходила в Средние века и не дойдет до такого счастливого расцвета и такой славы». Ее обаяние испытывала на себе почти вся Европа. Французский язык, как самый «усладительный», стал международным языком высшего и вообще образованного общества, играя роль не меньшую, чем в XVIII в.

Во многих странах читали французскую поэзию и французские романы; на французском писали, например, Марко Поло, знаменитый путешественник в Китай, и Брунетто Латини, учитель Данте. Именно в это время появился самый знаменитый памятник французской средневековой литературы — «Роман о Розе», а по заказу самого короля были написаны «Большие французские хроники».

Французские мастера в это время довели готический архитектурный стиль до такой степени совершенства, какая не была превзойдена в последующие эпохи. Построены были знаменитые Реймский и Амьенский соборы и возведена жемчужина готики — всемирно известная Святая капелла в Париже на острове Сите. Архитекторы всего Запада подражали тогда французским образцам.

Париж при Людовике IX впервые становится своего рода европейским городом-светочем. Особую славу придавал ему университет, ставший в XIII в. крупнейшим центром схоластической науки, куда съезжались учиться, работать и преподавать люди со всей Европы. Во времена Людовика IX в нем работали Альберт Великий и Фома Аквинский, Бонавентура и Роджер Бэкон. Король в 1231 г. торжественно признал независимость университета от светской власти, подтвердил его старые привилегии и предоставил новые. Именно тогда стало складываться убеждение, что французы являются наследниками греков и римлян по части учености и других достоинств: «Греки обладали знаниями, прекрасными науками, великой мудростью жизни и большим искусством красноречия, благодаря чему они вознеслись над всем миром. Но римляне своей искусностью впоследствии лишили их всего этого и присвоили себе славу мира, а по прошествии долгого времени эти знания и науки вместе с законами человеческой жизни по воле Божьей и благодаря заслугам наших отцов оказались перенесенными к нам, французам».

В общем Франция в годы правления Людовика IX казалась благословенной страной, пользующейся таким благоденствием, какого не знали многие другие страны в то время и которое сама Франция после его кончины стала постепенно утрачивать. Поэтому этот король, проявлявший всегда справедливость и милосердие, был предметом любви и восхищения не только современников, но и потомков.

Наталис де Вайи

ЭПОХА ЛЮДОВИКА СВЯТОГО*

О королевской власти

Жуанвиль — не правовед, так что от него нельзя требовать определения королевской власти Людовика Святого; но его книга может сообщить нам, как осуществлялась эта власть в многочисленных и разнообразных обстоятельствах; из этих практических сведений проистекают выводы, точность которых едва ли можно оспорить.

Насколько неполной и ограниченной королевская власть была по отношению к магнатам, каждый из которых суверенно правил в своем домене, во многих отношениях независимом от сюзерена, настолько она была полной и в некотором роде абсолютной, применяясь в королевском домене к людям разного состояния, не признававших иных сеньоров, кроме короля. В руках дурного государя такая власть могла бы стать бичом; напротив, в руках христианского государя, осуществляющего ее на благо народа и под взором Бога, она была источником благодеяний.

Нельзя усомниться в том, что Людовик Святой имел высокое представление о королевском сане, краеугольном камне феодальной системы, покоившемся в XIII в. на наследственной основе, что он рассматривал этот сан как священнический, считая, что помазание должно обеспечить ему религиозное почитание. Но главным в этом короле было представление об обязанностях, которые Господь возложил на него: он бы сам счел себя недостойным короны, если бы пренебрег их исполнением. Не имея возможности покинуть Фонтенбло из-за тяжелой болезни, он говорил старшему сыну Людовику: «Я воистину предпочел бы, чтобы пришел шотландец из Шотландии и управлял народом королевства хорошо и по закону, нежели бы ты управлял им плохо» (§ 21). Когда некий францисканец, заявивший в одной проповеди, что несправедливость ведет королей к падению, обрушился на него с нападками, посоветовав добиваться любви народа справедливостью под страхом потери короны, он это одобрил (§ 659). Чем более независимым от людей считал он себя благодаря происхождению своей власти, тем больше он чувствовал ответственность перед Богом.

* *Jean, sire de Joinville. Histoire de saint Louis. Paris; Didot, 1874.* (Пер. М. Ю. Некрасова.)

Таким образом, если Людовик Святой обыкновенно спрашивал мнения советников, прежде чем принять решение, это не было связано ни с политическими соображениями, ни с почтением к старинной традиции, а объяснялось добросовестностью и желанием лучше узнать истину. Это верно, он уступал мнению других, когда речь шла о передвижениях войск в сражении при Мансуре (§ 230–232), о перестройке Сидона (§ 553), о паломничестве в Иерусалим (§ 555–557), об осаде некоторых городов (§§ 563, 564 и 569), о его высадке в Йере (§ 652–654); но когда, чтобы уберечь свой народ от урона, он четырежды подверг себя смертельной опасности (§ 7–16), когда заключил мир с королем Англии (§ 65), когда возвратил Матье де Три графство Даммартен (§ 67), он действовал исключительно по своему разумению и вопреки всему совету. И это было совершенно оправданным, ведь недаром Жуанвиль, порой с полной свободой осуждающий малейшие недостатки Людовика Святого, высоко оценивает тот факт, что во всех этих случаях мнение короля возобладало над единодушным мнением его советников.

Более того: Жуанвиль не раз хвалит его, узнав, что тот принял решение совсем один и без участия совета; Людовик Святой так поступал не от гордыни или властолюбия, но по внушению совести, то есть когда сам, по выражению его биографа, видел «ясную и очевидную правоту» (§ 669). Жуанвиль однажды даже порицает Людовика Святого за то, что тот послушал своих баронов, убедивших его сохранить пшеницу, ячмень и рис, найденные в Дамьетте, для снабжения города: он предпочел бы, чтобы король не посчитался с их единодушным мнением и согласно добрым обычаям Святой земли разделил две трети добычи между паломниками (§ 167–169). То есть мало того, что король был волен не слушать мнения советников или, выслушав его, поступить наоборот, — его даже часто хвалили за такие поступки. И напротив, его могли упрекнуть за то, что он согласился с их единодушным мнением вместо того, чтобы по собственному побуждению принять лучшее решение.

Король осуществлял верховную власть не только как политический или военный руководитель — он это делал и в чисто судебной сфере: один из примеров этого, но не единственный — возврат графства Даммартен (§ 67). Кто может сомневаться, что среди многочисленных приговоров в Венсеннском лесу (§ 59) и в Парижском саду (§ 60) многие были вынесены Людовиком Святым вопреки мнению его советников? Впрочем, есть один факт, доказывающий, что король мог выступать в качестве верховного судьи и подменять существующие суды: это решение, принятое в отношении клирика, которого ограбили три сержанта из Шатле, а он погнался за ними и убил одного за другим. Парижский прево, изложив это дело королю, сказал: «Я его привел к вам, сир, дабы вы изъявили вашу волю». А воля короля выразилась в том, чтобы взять

на жалование убийцу, который уже не мог и помыслить стать священником, и увести его с собой в крестовый поход. Этот окончательный приговор, вынесенный с ходу, при трех трупах, с высоты крыльца Сент-Шапель, был встречен рукоплесканиями толпы (§ 115–118).

Людовик Святой также по собственному побуждению назначил наказание, не предусмотренное, конечно, никаким ордонансом, когда на глазах Жуанвиля «в Цезарее... приказал привязать к позорному столбу одного ювелира в штанах и рубахе, со свиными кишками и потрохами вокруг шеи, и в таком количестве, что они доходили ему до носа» (§ 685). Вопреки очень распространенному предубеждению также по своей воле, а не на основе какого-то уголовного закона Людовик Святой так покарал одного парижского буржуа за богохульство, что суровость наказания осудили уже многие современники. Из этого одиночного факта делался совершенно неверный вывод, что в силу некоего ордонанса, текст которого утрачен, всех богохульников клеймили в уста раскаленным железом. На самом деле это телесное наказание было применено единожды, по личной воле Людовика Святого, а мнимого ордонанса никогда не существовало.

Это следует прежде всего из свидетельства Жуанвиля, который после возвращения из крестового похода был близок к Людовику Святому. «Я слышал, что он приказал за это же прижечь нос и губы одному парижскому буржуа, но этого я не видел» (§ 685). Конечно, Жуанвиль выразился бы не так, если бы такое наказание было наложено несколько раз в силу некоего уголовного закона. Жоффруа из Болье, первым сообщивший об этом факте, Гийом из Нанжи, довольствовавшийся тем, что переписал первое свидетельство, «Хроники Сен-Дени», добавляющие еще несколько подробностей, дружно говорят о приговоре, вынесенном в единственном случае; но еще важнее, что, по свидетельству духовника королевы Маргариты, это решение было принято королем вопреки категорическому мнению его советников¹. Безусловно, они бы так не противились, если бы это наказание предусматривалось каким-то более ранним ордонансом. Правда, в другом месте духовник сообщает, что эта пытка была применена не раз; но он говорит то же самое, и без большего основания, о полных эксcrementов кишках животных, подвешенных на шею богохульникам; во всяком случае, он не упоминает, чтобы эти наказания были записаны в ордонансе Людовика Святого против богохульников, и в этом месте, как и в других, утверждает, что решение о наказании каленым железом было принято королем вопреки мнению совета².

Сказанное мной о верховной власти короля в судебной сфере подтверждается указом, связанным как раз с исполнением ордонанса Людовика Святого против богохульников. Этот ордонанс, который был издан с согласия баронов, так как должен был исполняться и за пределами королевского домена, налагал в основном денежные штрафы, от пяти су

до сорока парижских ливров. Так вот, в указе, которым Людовик Святой вводил этот ордонанс в действие, он резервировал кару самым виновным за собой и потому желал, чтобы его бальи, вынеся им максимально суровый приговор, оставляли бы их в тюрьме, пока их судьбу не решит он сам. Значит, помимо наказаний, предусмотренных ордонансом, существовали чрезвычайные кары, которые мог накладывать только король в силу своей верховной власти. Такой карой, по мнению ученого Тийемона³, и было наказание парижского горожанина каленым железом.

Представление о способах, какими осуществлялась эта верховная власть, было бы неполным, если забыть об административных расследованиях, которые Людовик Святой в своих «Поучениях» рекомендовал в качестве основного долга короля (§ 753) и которые сам велел проводить столь же добросовестно, сколь и настойчиво⁴. В Сокровищнице хартий еще сохранились многочисленные фрагменты учетных книг, заполнявшихся ревизорами (*enquêteurs*), на которых была возложена миссия сбора всех жалоб и занесения их в протоколы. Один из этих актов, датированный 1247 г., временем после Пасхи, дает нам представление об объеме полномочий этих чиновников, сообщая, что от имени короля они разбирали несправедливости, совершенные либо самим королем, либо бальи, прево или сержантами короля⁵. Другой протокол, за август 1246 г., показывает, что результаты расследований должны были отсылаться королю, велевшему их провести: «Если мы записали все эти подробности, то затем, чтобы король достоверно знал о несправедливостях, которые творят прево, а также о бессилии бедняков отстаивать у прево свои права»⁶. Именно с помощью этого действенного контроля Людовик Святой мог следовать повелениям своей совести, неустанно трудясь над исправлением того, в чем был виновен он сам или его служащие.

В итоге он более достойно, чем любой другой государь, сумел выполнить королевский долг и заслужить любовь своего народа. Следует ли из этого вывод, что лучшая власть — это власть абсолютного монарха, подчиняющего себя контролю в форме административных расследований? Нет, потому что в теории такая власть сильно уступает многим нашим современным конституциям. Если на практике она дала блестящие результаты, то лишь потому, что король, как и народ, повиновался высшему закону и, ощущая над собой длань Бога, более думали о своих обязанностях, чем о правах. Сегодня самые научные конституции действуют плохо, потому что мы больше думаем о своих правах, чем об обязанностях.

Хотя эта абсолютная королевская власть и снискала в лице Людовика Святого столь глубокое уважение, не заметно, чтобы он окружал себя очень суровым этикетом. Никакой привратник не задерживал людей, приходивших к королю, когда он сидел у подножия своей кровати, или в своем Парижском саду, или в Венсеннском лесу под сенью дуба и творил

суд; его советники сидели вокруг него, и тяжёбщики поднимались только в момент, когда разбиралось их дело (§ 59). Если прево госпитальеров приблизился к нему на поле сражения при Мансуре и поцеловал руку (§ 244), похоже, он это сделал скорее в знак любви, нежели выполняя некий церемониал, следов которого нигде больше не обнаруживается. Так, когда Жуанвиль однажды преклонил колено у ног короля, тот сразу поднял его и усадил, прежде чем начать беседу (§ 440). Когда Людовик Святой болел, так что Жуанвилю пришлось отнести его на руках из особняка графа Оксерского к францисканцам, он в качестве больного смирился с получением услуги, которой не мог бы требовать как король (§ 737). Титул *sire*, который использовали при беседе с ним (§ 26 и др.), был вежливым обращением к прелатам (§ 46) и применялся между рыцарями (§ 91); сам король так обращался к Жану де Валери (§ 168) или даже к простому клирику (§ 118), а граф Шампанский шутки ради добавлял его к слову *vilain* (§ 91). Слово *signour*, множественное от *sire*, во многих случаях соответствовало нашему *messieurs* [господа], и так же как Жуанвиль пользовался им в общении с сержантами (§ 576), Людовик Святой применял его равно и ко всем членам своего совета (§ 436), и к простым матросам (§ 15). Похоже, при Людовике X Сварливом мода переменялась, потому что Жуанвиль извиняется, что назвал его *son bon seigneur* [своим добрым сеньором], как делал это по отношению к предшествующим королям (§ 856).

Очевидно, что Людовик Святой не придавал большого значения ни этим языковым формулам, ни прочим условностям того же рода: источником уважения, которое он внушал, было его достоинство короля и христианина, о котором не позволяли забыть, даже при близком общении, скромность его костюма и простота манер. Однажды, когда, сидя на ступеньке своей домашней часовни, он велел сыну и зятю сесть рядом с ним, те не посмели ему подчиниться из страха проявить неуважение, и вместо них бок о бок с королем сел Жуанвиль, «так близко, — пишет он, — что мое платье касалось его платья» (§ 37). Таким образом, Людовик Святой соизволял приближать к себе даже самых смиренных из подданных, смягчая различия, выслушивая жалобы, утешая скорби, касаясь язв, чтобы исцелить их, одним словом, показывая, что его самоотверженность столь же безгранична, как и его власть.

Монетная система Людовика Святого

В царствование Людовика Святого монеты чеканились из биллона [низкопробного серебра], серебра или золота. Биллоновыми были монеты стоимостью в один денье или в доли денье. Ливр содержал 240 денье, из расчета 12 денье на су. Действительную стоимость турецкого ливра,

за который давали 240 биллоновых денье, можно было бы оценить в 17 франков 59,187 сантима. Но я не думаю, что для определения действительной стоимости турецкого ливра стоит исходить из этой монеты: денье, используясь только для выплаты мелких сумм или жалованья, выполняли функцию, аналогичную нашей медной монете, а определение стоимости нашего франка на ее основе было бы очень неточным.

Турский серебряный грош, напротив, представляет собой основную базу монетной системы Людовика Святого. Он приравнялся к одному турецкому су и имел действительную стоимость 89,244 сантима, откуда следует, что турецкий ливр стоил 17 франков 84,874 сантима на наши серебряные деньги. Турский полугрош выпускался в тех же условиях, и расчет на его основе дает тот же результат.

Что касается золотого аньеля, он дает совсем другую базу для расчетов. Он имел курс 12 турецких су 6 денье и обладал действительной стоимостью 14 франков 17,432 сантима, так что действительная стоимость турецкого ливра, рассчитанная по этой монете, равнялась бы 22 франкам 67,891 сантима на наши золотые деньги. Это объясняется тем обстоятельством, что в царствование Людовика Святого золото на вес стоило в 12,2 раза дороже серебра, тогда как сегодня, в нашей монетной системе, оно оценивается на вес в 15,5 раз выше, чем серебро.

Какой из этих двух столь различных методов оценки следует выбрать? Рассчитывать ли стоимость ливра из турецкого гроша или золотого аньеля? Или брать то одну, то другую в зависимости от того, пойдет ли речь о сумме, выплаченной в серебряных или золотых монетах? Но что делать, когда неизвестно, была ли данная сумма выплачена золотом или серебром? Последний вариант, возможно, самый распространенный, вынуждает брать среднюю величину между турецким ливром в серебряной и в золотой монете. Тогда получается, что в царствование Людовика Святого турецкий ливр имел действительную стоимость 20 франков 26,382 сантима. На этой основе и рассчитаны приведенные мной оценки сумм в турецкой монете. Что касается парижского ливра, его стоимость определить легко, если нет разногласий насчет стоимости турецкого ливра, составлявшей $\frac{4}{5}$ стоимости парижского.

Итак, если согласиться на вариант, который я только что предложил, то есть за действительную стоимость турецкой монеты принять среднее значение между результатами, рассчитанными, с одной стороны, из стоимости турецкого серебряного гроша, с другой — из стоимости золотого аньеля, для царствования Людовика Святого получаются следующие результаты:

Турское денье — 0 франков 8,443 сантима.

Турское су — 1 франк 1,319 сантима.

Турский ливр — 20 франков 26,382 сантима.

Парижское денье — 0 франков 10,554 сантима.

Парижское су — 1 франк 26,649 сантима.

Парижский ливр — 25 франков 32,978 сантима.

Жуанвиль оценивает *десять сот тысяч золотых безантов*, потребованных в качестве выкупа за Людовика Святого, в пятьсот тысяч ливров (§ 342). Я писал, что речь, вероятно, шла о турецких ливрах, то есть что каждый золотой безант стоил скорее десять турецких су, чем парижских. Действительно, согласно решению, принятому парламентом на Пятидесятницу 1282 г. (*Olim*, t. II, p. 197), золотой безант оценивался только в восемь турецких су; а в одном счете за День всех святых 1285 г. (*Histoire de France*, t. XXII, p. 641) он был оценен в семь парижских су, или восемь турецких су три денье. Если предположить, что Жуанвиль говорил о парижских ливрах, мы уклонились бы слишком далеко от этих данных. С учетом уступки в сто тысяч ливров, на которую согласился египетский султан (§ 343), выкуп обошелся в четыреста тысяч турецких ливров, или восемь миллионов сто пять тысяч сто двадцать восемь франков на наши деньги.

Напомню, что речь идет о действительной стоимости, то есть о стоимости некоей массы золота и серебра, старинная цена которой выражается через цену, которую та же масса имела бы сегодня во франках и сантимах. Это отнюдь не относительная стоимость драгоценных металлов в царствование Людовика Святого, т.е. не большее или меньшее количество товаров, которое можно было купить за некую массу золота или серебра, по сравнению с неизбежно меньшим количеством, которое за ту же массу можно было бы приобрести сегодня.

Об оборонительном оружии

Я, конечно, не стал бы писать ни об оборонительном и наступательном оружии, ни об одежде, если бы не мог руководствоваться, с одной стороны, превосходными определениями г-на Кишерá, профессора археологии нашей Школы хартий и в то же время ее достойного директора, с другой — рисунками, выполненными с высокой точностью г-ном Демеем по оригинальным печатям XIII в. Это для меня большая удача, что я могу сообщить читателю сведения, вполне достойные его доверия. Заранее предупредю, что определения г-на Кишерá буду ставить в кавычки, чтобы их можно было отличить от моих собственных соображений.

Прежде чем рассмотреть в деталях оборонительное оружие, небезполезно составить себе представление о том, как выглядел одетый в латы рыцарь. Вот первый пример — печать Жана Пуалевила от 1257 г. Рыцарь в воинской одежде хватает виллана и *roile* его, то есть *вырывает ему волосы*: ведь *roiler* означает *лишать волос*. Этот ребус вполне во вкусе XIII в., но само изображенное на нем действие не вполне подобает царствованию

Людовика Святого: тот был слишком строгим поборником справедливости, чтобы позволять сеньору бахвалиться *вырыванием волос* у виллана.

Другой образец доспехов сохранился в изображении на печати Готье де Немура от 1265 г. Это тот самый персонаж, который играл в кости с графом Анжуйским во время морского переезда из Египта в Сирию (§ 405) и у которого хватило присутствия духа смахнуть все поставленные деньги себе на колени, прежде чем король схватил доску, чтобы бросить ее в море. Эта печать дает хорошее представление о том, как выглядел рыцарь на поле боя.

Самой важной деталью рыцарского доспеха была кольчуга (*haubert*). Г-н Кишерá определяет ее как «рубаху из колец, с которой соединялся капюшон также из колец, покрывавший шею и голову, оставляя открытым только лицо». На печати одного из присяжных коммуны Фим в Шампани хорошо заметно, как кольчужный капюшон облекает шею и часть головы. На двух первых печатях видно, что кольчуга прикрывает шею и руки и заканчивается чуть выше колен. Некоторые кольчуги использовались для турниров (§ 316); но чем они отличались от остальных, неизвестно. Можно предположить, что они были легче. Право носить кольчугу принадлежало только рыцарям (§ 103).

Была и еще одна деталь, столь же полезная, — гамбезон или поддоспешник (*gamboison*), «облегающая туника или длинный жилет с рукавами, подбитый и стеганный, который рыцари надевали под кольчугу. Для большинства бойцов низкого состояния это был единственный нательный доспех». Священник Жуанвиля считал, что достаточно защищен своим поддоспешником, когда шел один против восьми сарацин (§ 258), и сам Жуанвиль как-то в опасный момент довольствовался этой одеждой (§ 256). Используя гамбезон в качестве щита, он мог отчасти защититься от стрел, осыпавших его коня в день сражения при Мансуре (§ 241). Таким образом, гамбезон защищал от некоторых ран, а также смягчал действие ушибов, от которых боец страдал, даже если в его тело не проникало железо.

«Гербовая (или верхняя) котта (*cotte d'armes*), блуза без рукавов и разрезанная снизу, надевалась поверх кольчуги; на ней часто изображались гербы». Так она выглядит на печати Филиппа, старшего сына Людовика Святого, от 1267 г. Жуанвиль допускал, чтобы рыцари носили котты из хорошей тафты, украшенные гербами, но осуждал ношение расшитых гербовых котт и утверждал, что в крестовом походе таких ни на ком не было (§ 25). Значит, котта графа д'Артуа, которую показали сарацинам под видом королевского, не была расшитой (§ 261); но, должно быть, на ней были гербы, позволявшие сделать такое предположение. На печати Пьера, графа Алансонского, пятого сына Людовика Святого, граф одет в котту без гербов⁷, так же как и рыцари на печатях Жана Пуалевилена и Готье де Немура. Котты были лишены рукавов, чтобы не мешать движению рук,

и разрезаны достаточно высоко, чтобы свободно развеваться по бокам. Значит, король Ричард мог поднять полу своей котты и закрыть ею глаза, чтобы не видеть Иерусалима, когда ему не позволили его освободить (§ 556). Готье де Шатийон легко мог снять котту, чтобы вытащить из нее стрелы, осыпавшие его, когда он в одиночку защищал улицу деревни, где королю предстояло попасть в плен (§ 391).

Я дошел до основной защиты головы — шлема (*heaume*), или «рыцарской каски цилиндрической формы. Надетый поверх кольчужного капюшона, как горшок, он охватывал всю голову. Спереди на нем крестнакрест крепились две металлических ленты; в углах между этими лентами были проделаны щели для глаз и дыхательные отверстия». Самый старый тип этого шлема сохранился, согласно примечанию, добавленному г-ном Демеем к своему рисунку, на печати Роберта, графа д'Артуа, брата Людовика Святого, от 1237 г. Этот шлем тоже не закрывал снизу затылок, и на виде в профиль линия его заднего края упирается в криволинейный край личины, защищающей нижнюю челюсть. В этом отношении шлем Карла, графа Анжуйского, от 1253 г., совсем другой. Что касается шлема Филиппа, старшего сына Людовика Святого, от 1267 г., то он уже заметно отличается от цилиндра с плоским дном: теменная часть этого шлема сужена, и он ближе к форме яйца.

Шлем с полями (*chapeau de fer*) был очень непохож на шлем собственно говоря и представлял собой «легкую каску, состоящую из черепника с опущенными полями, без подбородного ремня». Образец шлема с полями мы видели уже выше, на печати присяжного коммуны Фим. Другой образец демонстрирует печать Жана Пейебьена, сеньора земли Артуа, от 1256 г. Г-н Демей полагает, что на той и другой печатях явственно виден подбородный ремень. Однако спрашивается: достаточно ли глубоко уходит под подбородок та узкая лента, которая вырисовывается на щеке вдоль края кольчуги, чтобы удержать шлем с полями? В крайнем случае оба этих образца можно рассматривать как исключения, не отменяющие общее правило, установленное г-ном Кишерá.

Вечером сражения при Мансуре Людовик Святой снял свой шлем и надел шлем с полями Жуанвиля, *чтобы проветриться*. В самом деле, по соображению г-на Кишерá, ношение большого шлема под африканским солнцем было настоящей пыткой. Можно предположить, что Жуанвиль в тот день пожелал избежать этой пытки, коль скоро мог одолжить королю свой шлем с полями. В других местах сказано, что священник Жуанвиль был в таком же шлеме с полями, когда атаковал восьмерых сарацин, и что Жан Большой, генуэзский рыцарь, носил тот же головной убор, когда, готовясь к конному поединку с сарацином, оставил своего противника в одиночестве и погнался за восемью турками, остановившимися, чтобы поглазеть на зрелище поединка (§§ 548 и 549). Может быть, от шлема

иногда отказывались в пользу шлема с полями, коль скоро мы узнаем, что в один и тот же день среди шампанских рыцарей, которых было немного, один был трижды ранен копьем в лицо, а другому мечом отрубили нос (§ 225)? Возможно, именно из-за отсутствия шлема Пьер, граф Бретонский, в том же бою был тоже ранен в лицо (§ 237), а всего за несколько дней магистр ордена Храма Гийом де Соннак, на масленицу потеряв глаз в сражении, лишился и второго в бою в первую пятницу поста. Я не стану настаивать на этой гипотезе, поскольку фактам, о которых шла речь, можно найти другие объяснения. Не буду ссылаться также на изображение захвата Дамьетты, где видно много бойцов с открытыми лицами. Эта композиция, взятая из рукописи А, возможно, в целом и воспроизводит ту, что украшала оригинальную рукопись, но детали в ней подновлены. Суждение г-на Кишерá совпадает с мнением тех, кто отказывается относить рукопись А ко временам Жуанвиля. «Миниатюра, посвященная взятию Дамьетты, изображает короля в шлеме совершенно иной формы, чем шлемы XIII в. Котта без пояса, наколенники и поножи поверх кольчужных чулок, бацинеты, которые другие бойцы носят в качестве шлемов, — все эти вещи тоже не соответствуют временам Жуанвиля».

Другим важным элементом оборонительного вооружения был «рыцарский щит (*écu, bouclier*) в форме равнобедренного треугольника с двумя выгнутыми сторонами. Он был деревянным и покрывался толстой кожей, на которой был изображен герб рыцаря. Ремень, в который продевали голову, крепился к верхней части щита». Щит, не снимая с шеи, брали в левую руку, чтобы отразить или смягчить удар. В самом начале сражения при Мансуре Жуанвиль лишился щита, который сорвали у него через голову в момент, когда он не держал его рукой (§ 224). Когда Людовик Святой прыгает в море, чтобы соединиться со своими людьми, уже занявшими побережье, щит висит у него на шее; но когда он готовится устремиться на сарацин, он держит щит перед собой, не оставляя свободно висеть на шее (§ 162). Будучи достаточно прочным, чтобы выдерживать сильные удары, щит в то же время был достаточно легким, чтобы не тонуть в воде (§ 235).

Жуанвиль упоминает также два других типа щитов: *рёлль* (*roelle*), «маленький круглый щит лучников, которые носили его на поясе», и *тарч* (*targe*), «щит произвольной формы, использовавшийся бойцами низкого состояния». Один королевский сержант, в которого пешие вилланы метнули греческий огонь, избежал опасности сгореть заживо, приняв горшок огня себе на *рёлль* (§ 240). Пешие сарацины, обращенные в бегство людьми графа Фландрского, бросили много своих тарчей (§ 273). Дважды упоминается эффект, который производили украшенные гербами флажки графа Яффаского, развевавшиеся на тарчах его людей, когда он на своей галере причаливал к берегам Египта (§ 158), и прикрепленные

вместе с тарчами к каждому из пятиста зубцов его замка в честь короля, посещения которого он ожидал (§ 516). Г-н Кишерá полагает, что эти тарчи крепились к шестам, на концах которых реяли флажки.

Перчатки (gants), которые собирался украсть слуга Гийемен, когда они понадобились одному из бургундских рыцарей (§ 417), были не просто предметом одежды: под ними следует понимать «вооружение для защиты кистей рук, соединявшееся с рукавами кольчуги; они делались из замши или оленьей кожи и покрывались железными кольцами». Гийемен брался украсть также шпоры (éregons); они крепились поверх кольчужных чулок, использовавшихся для защиты голеней и ступней. На печати Амори де Краона от 1223 г. изображен образец очень длинной шпоры с одним лучом, которая могла бы наносить коню глубокие раны, если бы ее острие не было притуплено. На смену этому типу шпоры пришла шпора с трехлучевым репейком, воспроизведенная здесь по печати Ги III, графа де Сен-Поля, от 1370 г. В конечном счете самой распространенной стала шпора с большим, или «лучистым», колесиком, очень старый образец которой можно увидеть на печати Жана де Бури от 1211 г.

Я исчерпал перечень видов оборонительного оружия, упомянутых Жуанвилем, и читатель, познакомившись с их определением и обликом, теперь сможет лучше представить себе рыцаря, который при помощи своих людей целиком облачается в доспех. Так Жуанвиль описывает отважного Готье д'Отреша, который, поднявшись на коня, со щитом на шее, со шлемом на голове, велел поднять полотнища своего шатра и вонзил шпоры в бока коню, чтобы устремиться на турок (§ 174).

О наступательном оружии

Наступательным оружием по преимуществу был меч (épee). «Он был прямым, двулезвийным, с закругленным острием, так что мог разить только посредством рубящего удара». Если обратиться к упомянутым выше печатям, то по тому, как рыцари держат мечи, легко заметить, что они готовятся нанести отнюдь не колющий удар: они намерены обрушить свои тяжелые клинки на шлем, чтобы его пробить, или на кольчугу, чтобы рассечь кольца. Меч Жана I, графа Бретонского, в 1238 г., вероятно, был тем тяжелей, что в его клинке не было проделано никакого желобка или канавки: заметен лишь след от простой насечки. Напротив, по всей длине изображенного в 1254 г. меча Альфонса, графа Пуатевинского сделана выемка; но клинок остался достаточно массивным, чтобы наносить грозные удары. Меч Карла, графа Анжуйского, в 1253 г. отличался прежде всего фигурными завершениями яблока и *перекрестия* (quillons) (того, что теперь называют *гардой*). С этими основными типами можно сравнить мечи, изображенные на печатях Матье де Бовуара от 1260 г., Готье де

Немура от 1265 г., Филиппа, старшего сына Людовика Святого, от 1267 г., и Роберта, графа де Дрё, от 1268 г.

В сражении при Мансуре Людовик Святой пользовался немецким мечом (§ 228), которым нанес сильные удары шести туркам, ухватившим его коня под уздцы (§ 236). Именно с мечом в руке он бросился на помощь Карлу Анжуйскому, своему брату, в лагерь которого ворвались турки (§ 267); Гоше де Шатийон бился в одиночку, защищая особу короля, тоже мечом (§ 391). Лезвия этих тяжелых мечей были очень отточенными: сообщается, что они могли разрубить кулак (§ 510), прорубить кисть руки до запястья (§ 349) и отрубить голову (§ 338 и 354). Однако тюрбан так же, как шлем, или, возможно, даже лучше мог защитить от сильного удара меча (§ 549). Рыцарь, отказывавшийся сопротивляться, отдавал свой меч (§ 311), но это не гарантировало ему жизни (§ 334).

Помимо меча, носившегося на поясе, был, по свидетельству того же Жуанвиля, «запасной меч, который крепили к седлу коня» (§ 221).

Нож (*couteau*) представлял собой «кинжал, который рыцари подвешивали к поясу на правом боку», то есть со стороны, противоположной мечу. Это был один из предметов, которые слуга Гийемен в интересах своих хозяев брался раздобыть, украв их (§ 417). Сарацины тоже были вооружены ножами: Жуанвиль, которого захватили в плен на реке, угрожая смертью, рассказывает, что его повалили и приставили нож к горлу (§ 322). Старец Горы, престиж которого сохранялся только за счет убийств, велел показывать ножи тем, кому бросал вызов (§ 451), или шествовал на виду у всех за этой эмблемой (§ 463).

Что касается косаря (*fauchon*), которым воспользовался некий клирик, чтобы отрубить ногу одному сержанту и разрубить голову другому (§ 117), г-н Кишерá полагает, что это «разновидность сабли с кривым клинком, с которой иногда изображаются сержанты и другие бойцы низшего состояния».

«Датская секира (*hache danoise*) — несомненно, топорик с короткой рукоятью и очень выпуклым лезвием, который изображают на рисунках того времени». В толпу христианских пленников ворвался отряд сарацин с мечами в руках и датскими секирами на шее (§ 354); очень похоже, что это оружие невозможно было бы носить таким образом, будь оно снабжено длинной рукоятью. Жуанвиль, замечавший все даже в самые критические моменты, пишет несколькими строками выше, что сарацин, у ног которого он пал на колени, чтобы погибнуть, как Св. Агнесса, держал датскую секиру, как плотник. Значит, это оружие напоминает соответствующий инструмент. Присяжный из Фима изображен на печати с боевым топором, рукоять которого гораздо длиннее, чем у датской секиры. Датскую секиру с длинной рукоятью, всю в серебре, которую Старец Горы велел глашатаю носить перед собой, конечно, нельзя считать обычным образцом этого оружия (§ 463).

«Палицы держат в руках два сержанта на миниатюре, где изображено, как Жуанвиль, преклонив колено, преподносит свою книгу Людовико Сварливому». Именно сержант с палицей (*masse*) предупредил коннетабля об опасности, возникшей для короля в сражении при Мансуре, когда крестоносцев оттеснили к реке (§ 234). Тогда произошла схватка между бойцами, которые бились палицами и мечами (§ 235). Несколько раньше Жуанвиль восхищался подобной схваткой, которая тогда завершилась успехом крестоносцев; он говорит о ней как о прекраснейшем подвиге, потому что в ней не пользовались ни луками, ни арбалетами, а только палицами и мечами (§ 229). Именно палицами сарацины забили Готье д'Отреша, когда, упав с лошади, он простерся на земле (§ 175). Пьер де Невиль, вместе с Жуанвилем и графом Суассонским защищая мост, получил сзади удар палицей, от которого упал на голову своего коня. Таким образом, это было опасное оружие, и сарацины умели им пользоваться, как показывают другие места у Жуанвиля (§§ 549 и 575). Вероятно, палицы, которые применялись в мирной жизни, были не столь тяжелыми, как боевые; но гибкость рукояти должна была повышать силу удара.

Жуанвиль, иногда использующий слово *lance* (копье), чаще всего называет то же оружие словом *glaive*. «Может быть, первоначально между ними было различие, состоявшее в том, что наконечник *glaive* был длинней и тяжелей, чем у обычного *lance*; но для Жуанвиля эти слова означают одно и то же, потому что в одном и том же рассказе то, что он сначала называл *lance*, потом обозначается словом *glaive*». Г-н Кишерá имеет в виду место, где Жуанвиль рассказывает, как один молодой оруженосец сразил двух рыцарей эмира, не сломав своего *lance*, а третьим ударом поразил эмира, преломив *glaive* о его тело (§ 519). Таким образом, слово *glaive* у Жуанвиля никогда не означает «меча» (*épée*); действительно, вполне понятно, что для него это два разных вида оружия, коль скоро он пишет, что бедуины в сражении использовали только мечи (*épée*) и копья (*glaive*) (§ 251).

Один из присяжных Фима из Шампани вооружен точно таким же копьем, какое изображено на конной печати Жана Пейебьена. Это оружие не предназначалось исключительно для рыцарей — ведь были и сержанты-копейщики: Жуанвиль пишет, как королевский и сарацинский сержанты повергли друг друга наземь ударами копий (§ 542). Должно быть, это происходило часто, когда копье не ломалось, а оба бойца были равны по силе и ловкости; они сшибались на всем скаку на конях, стиснув оружие в руке, крепко зажав под мышкой (§ 162) и направив так, чтобы попасть в противника. При других обстоятельствах копье не старались держать неподвижно, словно оно составляло единое целое с телом, а направляли рукой, чтобы попасть в определенное место, как сделал Жуанвиль, целясь под мышку врагу, собиравшемуся сесть на коня (§ 221); порой копье даже использовали в качестве дротика (§ 260). Наконец, еще

один отрывок сообщает нам, что, высадившись в Египте, Жуанвиль и его соратники, укрывшись за щитами и выставив наконечники копий, древки которых были всажены в песок, могли дожидаться атаки сарацинских всадников и без боя прекратить ее (§ 156).

Печать Жана де Шалона от 1239 г. демонстрирует нам, как к стягу (*gonfanon*) можно было прикрепить копейный наконечник, сделав его таким образом наступательным оружием. В отличие от стяга знамени (*banpière*) не разрезалось на несколько косиц, но тоже могло превращаться в наступательное оружие, как показывает печать Матье де Монморанси от 1230 г. Здесь, впрочем, мы располагаем свидетельством самого Жуанвиля, рассказавшего, что во время сражения при Мансуре один жуанвильский горожанин принес ему знамя с его гербом, имевшее наконечник *glaive*, то есть копья (§ 241). Жуанвиль сел на боевого коня и бросился на сарацин, когда те слишком теснили королевских сержантов. Печать Раймунда V, виконта де Тюренна, от 1251 г. дает достаточно точное представление об этой сцене, разве что вместо щита, который Жуанвиль потерял в бою, он использовал гамбезон.

Г-н Кишерá определяет *рогатину* (*espié*) как «короткое копье, имеющее наконечник как у стрелы». Это оружие упоминается у Жуанвиля всего один раз — когда он рассказывает, как Жоффрау де Саржин, чтобы защитить короля, взял свою *рогатину*, которая лежала у него между корпусом и передней лукой седла, зажал ее под мышкой и бросился в атаку на сарацин (§ 309). Одного этого отрывка достаточно, чтобы стало ясно: *рогатина* представляла собой разновидность копья, коль скоро ее с ней обращаются таким же образом. Значит, вероятно, ею могли пользоваться и в качестве дротика, поскольку и само копье при надобности становилось метательным оружием (§ 260).

Пиль (*la pile, le pilet*) был, конечно, метательным оружием. Г-н Кишерá полагает, что имеется в виду «дротик с массивным наконечником веретенообразной формы». Жуанвиль пишет о пилях, которые сарацины *метали* (*lancer*) в достаточно большом количестве, чтобы покрыть землю (§ 270). Здесь явно говорится о пилях, которые мечут рукой; но в других местах (§§ 205, 208, 314 и 391) у Жуанвиля используется уже не глагол *lancer*, а глагол *traire*, эквивалентный нашему *tirer* (стрелять). В одном из этих отрывков пили, которыми выстрелили к облакам, обладают достаточной дальностью, чтобы перелететь через реку и вертикально низвергнуться на христиан, укрытых от взглядов сарацин укреплениями (§ 205). Похоже, чтобы достичь столь сильного эффекта, нужны были луки. Я склонен полагать, что такими же пилями турки осыпали Гоше де Шатийона и ими же отстреливались при бегстве (§ 391). Правда, однажды Жуанвиль, говоря об арбалете, использовал глагол *lancer*, а не *traire* или *tirer*; но там речь шла о греческом огне, который сарацины метали

при помощи арбалета с воротом (§ 206). Говоря о *стрелах* и *болтах*, он, напротив, предпочитает глагол *traire*.

Г-н Кишерá определяет *стрелу* (*saiette*) как «метательный снаряд для лука, с наконечником, имеющим невозвратные шипы», а *болт* (*saigeau*) — как «метательный снаряд с наконечником в форме пирамиды с четырехугольным основанием»; это как раз арбалетная стрела. *Стрела* была легче *болта*, потому что лук отличался меньшей ударной силой, чем арбалет.

Нет никого, кто не имел бы дела с луком (*arc*) и не знал, из чего состоит это наступательное оружие. У Жуанвила есть очень трудное место, где говорится о луках из *cor*, преподнесенных в дар Людовику Святому. «Лук из *cor*, упомянутый в параграфе 591, был сделан из рога (*corne*), — пишет г-н Кишерá, — а не из рябины (*cormier*). Последнее толкование — ошибка отца Карпантье, не обратившего внимания на многочисленные примеры *balista de cornu*, на которые ссылается Дюканж. Карпантье перевел так, как если бы в оригинале было *de cornu*, и ошибся при выборе эквивалента для слова *cornus*, означающего «кизил» (*cornouiller*), а не «рябина» (*cormier*). Я бы полностью согласился с этим рассуждением, если бы Жуанвиль, говоря об одной покупке оснастки для арбалетов, не использовал слова *corne* (§ 446); так что, похоже, он не использовал бы немного дальше слово *cor* для обозначения того, что раньше назвал *corne*. Впрочем, поскольку бесспорно, что для изготовления луков служило дерево, равно как и рог, я счел, что эквивалентом слова *cor* по меньшей мере мог быть кизил (если не рябина).

Арбалет (*arbalète*) представлял собой «лук, насаженный на деревянное ложе с желобком и имеющий на конце этого ложа железное кольцо или стремя, в которое вставляли ногу, чтобы натянуть это оружие (§ 243). Арбалеты с воротом (*arbalète à tour*) натягивались посредством прилаженного к ложу механизма, главной частью которого было колесико (§§ 206 и 547)». Арбалет со стремяем по ударной силе занимал среднее положение между луком и арбалетом с воротом, который, в свою очередь, был намного менее мощным, чем метательные орудия (*engins*) как таковые.

Жуанвиль несколько раз говорит о метательных орудиях, которые использовали сарацины и, может быть, более успешно, нежели крестоносцы (§ 193); но особо он упоминает только *каменьет* (*pierrière*), при некоторых обстоятельствах служивший для метания греческого огня (§§ 203, 209 и 213). Это орудие, конечно, было самым опасным и, нанося наибольший урон, внушало больше всего ужаса крестоносцам (§§ 203–213).

Об одежде

Слово *платье* (*robe*) — одно из тех, что потеряли свое старинное значение. В средневековом языке «это совокупность видимых предметов,

составляющих облачение тела: котта, сюрко, плащ, или накидка, или нарамник». Таким образом, когда Жуанвиль говорит, что сержанты сняли с клирика все платье, это надо понимать так, что они сняли с него всю верхнюю одежду (§ 116). Действительно, он добавляет, что клирик вернулся домой в одной рубахе.

Рубаха (*chemise*) была «первым предметом одежды зажиточных людей. Ее надевали прямо на тело, и она была из ткани. Я, — пишет г-н Кишерá, — не помню ее изображений; должно быть, она имела форму туники». Г-н Виолле-ле-Дюк в своем «Толковом словаре французской утвари» (т. III, с. 173) замечает, что до конца XIV в. женщины, как и мужчины, обычно ложились в постель без рубахи; это наблюдение подтверждается одним рисунком, изображающим свадьбу Людовика Святого. Почти никто, кроме обвиняемых и кающихся, не мог появляться на публике в рубахе. Жуанвиль говорит об одном сержанте (§ 510) и об одном золотых дел мастере (§ 685), которых публично наказывали, и он видел, что они были в рубахах. Один обвиняемый рыцарь смог избежать этого унижения на условии, что покинет лагерь, отказавшись от коня и доспехов (§ 505). Жуанвиль сам наложил на себя добровольное покаяние — паломничество в рубахе и без шоссов — в день, когда покидал свой замок, отправляясь в крестовый поход (§ 122). В этом случае он пользуется словом *langes*, означающим «нижнюю одежду, эквивалентную рубахе, но из шерстяной ткани. *Tisserands de langes* в Париже были ткачами, ткавшими сукно и саржу, а ткачи как таковые назывались *tisserands de linges*».

Когда сержант и золотых дел мастер, о которых только что шла речь, подвергались наказанию в присутствии Жуанвиля (§§ 510 и 685), тот и другой были одеты в рубахи вместе с *портами* (*braies*), или «широкими нижними штанами, крепившимися к пояснице поясом, который назывался *braier*». Именно порты носят два вора, изображенных на восьмой миниатюре «Кредо».

Шоссы (*chausses*), или «одежда для ног, чулки современного француза», тоже снимались в знак покаяния или наказания. Жуанвиль не надевал шоссов, когда исполнял свое паломничество перед отъездом в крестовый поход (§ 122); то же обстоятельство особо подчеркивается в двух разных отрывках, когда речь идет об обвиняемых в Святой земле, которым Людовик Святой вынес приговоры (§§ 510 и 512); возможно, оно подразумевается и еще в двух местах в рассказе Жуанвиля (§§ 505 и 685). Шоссы могли иметь подошвы (*chausses semelées*), тогда они заменяли одновременно чулки и то, что мы называем обувью. Башмаки у Жуанвиля не упоминаются, только сапоги, или *heuses* (§ 291), а также *estivaux*, «нечто вроде легких туфель, которые обычно носили всадники» (§ 117).

Котта была «нижней туникой, только с узкими рукавами». Четырнадцатая миниатюра из «Кредо» изображает котту Иосифа, которую двое

из его братьев приносят Иакову. Хорошо видна пройма, куда вставляли голову, и можно также разглядеть под правым рукавом разрез, позволявший носить котту, не продевая рук в рукава; но, возможно, такой покрой не был общераспространенным. Некоторые места у Жуанвиля показывают, что при тревоге, вскакивая с постели, люди только накидывали на себя котту, не надевая шоссов (§§ 39, 300, 620, 622 и 646). Слуга, которого Жуанвиль встречает, прибывая в Акру, одет в котту и, вероятно, не носит ничего поверх нее, потому что Жуанвиль хорошо запоминает, что она была из алой ткани с двумя желтыми полосами (§ 408). Непохоже, чтобы на самом Жуанвиле была тогда какая-либо верхняя одежда: ведь он сообщает, что, приглашенный на трапезу к королю, отправился туда в корсете, который ему сделали в тюрьме из лоскутов его покрывала (§ 409). А ведь корсет (*corset*) был «нижней одеждой, которую носили мужчины и женщины и которая, как я полагаю, — пишет г-н Кишерá, — отличалась от котты лишь более узким покроем». Вероятно, Жуанвиль не сообщил бы об этом корсете, если бы поверх него была надета какая-нибудь одежда. Впрочем, он упоминает и другой вид нижней одежды — пелиссу (*relisse*), «узкое прямое платье без рукавов, которое носили поверх рубахи». Большие пелиссы арабов (потому что название этой одежды появляется у Жуанвиля, именно когда речь заходит об арабах), возможно, были шире обычных пелисс (§ 250).

Среди верхней одежды не было более распространенной, чем сюрко (*surcot*), «туника, надеваемая поверх котты; одни сюрко были без рукавов, другие — с длинными или половинными рукавами, третьи — с ложными рукавами, или пелеринками». На миниатюре с фронтисписа сюрко Жуанвиля имеет широкие рукава, заканчивающиеся немного ниже локтя, из-под которых видны рукава котты, более длинные и узкие, но того же оттенка. Один из сержантов с булавами одет в бледно-голубое сюрко с широкими рукавами поверх котты, по форме и оттенку рукавов напоминающей котту Жуанвиля. Внизу — двое персонажей, один из которых преклонил колено и одет в синее сюрко поверх котты с красными рукавами, другой, стоящий, — в красном сюрко поверх котты темного цвета. Заметен след изображения ремня, или «пояса, который надевали поверх сюрко»; но в седьмой миниатюре из «Кредо» его тоже можно отчетливо разглядеть на сюрко двух персонажей, стоящих позади Святой Девы. Г-н Кишерá предполагает, что под сюрко для трапез (*à manger*) из параграфа 137 могло подразумеваться сюрко с рукавами (*à manches*), потому что переписчики могли перепутать старинное слово *manges* с глаголом *manger*. Но единственное возражение против этой гипотезы состоит в том, что Жуанвиль использует слово *manches* (а не *manges*), говоря о сюрко без рукавов, в котором Людовик Святой иногда выходил в Парижский сад (§ 60).

Нарамник (*housse*) был «верхней одеждой, разрезанной сверху донизу по бокам и довольно сильно напоминающей современную далматику дьяконов». На миниатюре с фронтисписа Жуанвиль изображен в синем нарамнике, украшенном его золотыми гербами и *подбитом* (*fourrée*) красным. Людовик Святой в день, когда он попал в плен, носил шелковый нарамник (§ 309). Арго (*hargau*) было «одеждой того же типа, что и нарамник; я, — пишет г-н Кишерá, — не знаю, в чем в точности заключалось различие». Жуанвиль говорит о коттах и арго из зеленого сукна, которые он заказал сшить для сорока рыцарей шампанского двора к моменту, когда Жан де Валансьен должен был увезти их из Египта (§ 467).

Накидка (*chape*) представляла собой «плащ прямого покроя, который набрасывался на плечи и застегивался на груди петличным шнуром или аграфом». Среди персонажей, изображенных на печати Нима от 1226 г., один носит накидку, застегнутую фермайем (*fermail*), или «аграфом с большой лицевой поверхностью». Бог-Отец на миниатюре 15 «Кредо» и пророк Софония на миниатюре 22 изображены в накидках. На печати Нима, только что упомянутой, есть еще один персонаж, одетый уже не в накидку, а в плащ (*manteau*): «это название относится к плащу на античный манер, который крепили аграфом на правом плече и перебрасывали через левую руку». Здесь плащ закреплен на левом плече, потому что резчик печати совершил ошибку, нередкую в то время, и не учел, что предметы, помещенные на штампе справа, на оттиске перемещаются влево. Миниатюра с фронтисписа более точно изображает королевский плащ, закрепленный на правом плече и расположенный так, чтобы его было можно перебросить через левую руку.

На той же миниатюре прекрасно можно разглядеть чепец (*coiffe*) Жуанвиля. Он довольно похож на тот, что изображен на печати от 1321 г., которую носил при себе один из присяжных Дуллана. Это был «маленький чепчик из белого холста с клапанами, которые соединялись под подбородком. Этот головной убор был прежде всего мужским: его носили под шляпой или шапероном». Но можно было носить шляпу и без чепца, как порой делал Людовик Святой, когда выходил вершить суд (§ 60).

Шаперон (*chaperon*), «головной убор мужчин и женщин, представлял собой маленький капюшон формы, которую мы называем *домино*». Шаперон одного из присяжных Дуллана немногим отличается от шаперонов сержантов с палицами, изображенных на миниатюре с фронтисписа; шаперон Жуанвиля откинут назад и плохо различим.

«Шляпы (*chapeaux*) XIII в. делали из фетра с ворсом, шерстяной или хлопчатобумажной ткани». На печати города Меца от 1297 г. виден головной убор, точно воспроизводящий внешний облик хлопчатобумажной шляпы — «головной убор в форме ступки, на макушке которого поднимался маленький острый хвостик, как запятая». На собрании всего

двора в Сомюре Людовик Святой был в полотняной шапочке, которая, по словам Жуанвиля, очень не шла ему (§ 94). Что представляла собой шляпа из белого павлина, которую он носил в менее торжественных обстоятельствах (§ 60), *mout bien peigné et sans coife* (весьма хорошо причесанный и без чепца)? Г-н Кишерá не знает, отличалась ли она от других формой; но «своим названием она обязана тому, что снаружи была отделана кончиками павлиньих перьев, уложенных на ткань». Что касается золотой шляпы, по которой можно судить о пышности собрания двора (§ 93), то это была «диадема работы золотых дел мастеров, надеваемая на волосы». Вот, наконец, два головных убора, один из которых, похожий на наши ермолки, носил эшевен из Суассона в 1228 г., другой принадлежал в XIII в. компьеньскому эшевену. Вероятно, один из самых скромных головных уборов того времени — тот, что на печати Жана Пуалевилена валяется на земле.

Жуанвиль несколько раз говорит о тюрбане сарацин, но не использует для этого головного убора особого названия. Словом *touaille*, которым он пользуется, означающим собственно кусок полотна (*toile*) и постоянно применяемым у него для обозначения тюрбана (§§ 310, 374 и 549), он называет также паруса кораблей (§ 146), коврик под ногами трех менестрелей, исполнявших опасный прыжок (§ 526), холст, в который завернули штуки камлота, взятого королевой для упаковки реликвий (§ 601). Он пользуется этим словом и для обозначения совсем других головных уборов, нежели тюрбан: убора камеристки королевы (§ 645) и бедуинских уборов (§ 252).

По той же самой причине, говоря об одежде бедуинов, он прибегает к сравнениям и выражениям, заимствованным из его собственного языка, говоря, что на них широкие пелиссы, покрывающие все тело и ноги (§ 250), и что они почти целиком облачены в стихари (*surplis*), как священники (§ 252). Стихари священников были «церковной одеждой, аналогичной той, какую носят сегодня под тем же названием, но не идентичной ей, потому что средневековый стихарь имел рукава. Пелерины современных стихарейс — это напоминание о рукавах стихарей старинных, ставших к концу средневековья чрезвычайно широкими».

Риза (*chasuble*), о которой говорит Жуанвиль (§§ 731 и 732), также отличалась от современной, как легко увидеть по печати Ги де Мелло, епископа Оксерского с 1247 по 1270 г., того самого, который обращался к Людовику Святому от имени французских прелатов (§§ 61 и 670). Она не имеет, как сегодня, выреза на высоте плеч, а опускается до предплечий, если руки епископа не подняты: правая — для благословения, левая — чтобы держать посох. Часть ризы, покрывавшую руки, служители должны были приподнимать в момент возношения даров, чтобы священник мог показать народу освященную облатку. В память об этом

обычае и сегодня в тот же момент приподнимают нижний конец ризы, хотя такой жест стал ненужным с тех пор, как форма этого облачения дала рукам полную свободу. Под ризой, украшенной расшитыми лентами, образующими подобие буквы «тау», на епископе надета старинная далматика (*dalmatique*), из-под доходящих до локтя широких рукавов, каких ныне не носят, видны узкие рукава стихаря (*aube*), доходящие до запястий. Лента шитья вокруг шеи, которая как будто крепится к верхней оконечности «тау», относится не к фелони, а к омофору (*amict*).

В общем, на печати Ги де Мелло изображена далматика, надетая на стихарь, и ризой — на далматику, так же как в мирском костюме сюрко надевалось на котту, а поверх всего — плащ (§ 60), или накидка (§ 137).

О феодальном служении

В главе XXI Жуанвиль приводит любопытные подробности о прислуживании, которым в дни торжественных церемоний были заняты самые высокопоставленные лица. В то время как он выполнял обязанности стольника (*écuyer tranchant*) при своем господине Тибо Шампанском, который стал королем Наварры (§ 93), ту же службу при Людовике Святом отправлял граф Суассонский (§ 94). Роберт Французский, граф д'Артуа, младший сын Людовика VIII, четыре года как посвященный в рыцари, первый принц крови, прислуживал за столом своего брата, короля Франции (§ 94). Королеве-матери Бланке Кастильской служили граф де Сен-Поль, сын Св. Елизаветы Венгерской, юный принц королевской крови, и граф Альфонс Булонский (§ 96), потомок королей Кастилии, как и королева Бланка, и сам — будущий король Португалии, трон которой тогда занимал его брат Санчо II. Эта картина превосходно выписана Жуанвилем, и всякий, кто прочтет это описание, без колебаний признает, что в духе того времени брат или сын короля воспринимал как честь, когда его избирали среди всех, чтобы прислуживать королю Франции во время такой пышной церемонии.

Но честью считался не только этот вид праздничного прислуживания. На следующий день после того, как граф д'Артуа подавал блюда на пиру, он, вероятно, занял привычное место за королевским столом, где снова прислуживали те же люди, что и прежде. Должности некоторых из этих слуг тоже рассматривались как очень почетные, как, например, должность кухмейстера (*maître-queux*), или главы кухарей. Недаром же Людовик Святой доверил носителю этой должности особую миссию, поручив примирить друг с другом Тибо II — короля Наваррского, графа Шалонского и графа Бургундского (§ 681). Ведь только очень уважаемое лицо могло найти общий язык с королем и двумя крупными феодалами, чтобы они

согласились принять его советы и признать его третьейским судьей. Жуанвиль, говоря о нем в другом месте (§ 626), тоже называет его «монсенъор»⁸ и упоминает среди приближенных Людовика Святого вместе с коннетаблем, шамбелланом и хранителем печати.

Другой факт показывает, что в средние века даже прислуживание на довольно невысоких должностях могло сочетаться с благородным происхождением. Я прочел в «Словаре», изданном Академией, что «порки, приписываемые *valets* (слугам), сделали это название обидным, и в обиходе его заменили на *domestique*». Когда-то это было не одно и то же: слово «*valet*» обозначало всех знатных молодых людей, претендовавших на рыцарское звание, хотя так же называли в то время лиц, выполнявших самую скромную службу. В королевских счетах Филиппа IV Красивого, где был выделен особый раздел для рыцарей и другой — для клириков, под общим названием *valets* объединены и смешаны как знатная молодежь, обучающаяся, чтобы стать рыцарями, так и привратники, гонцы, портные, прачки, охотники с хорьком на кроликов. Для примера упомяну печально известное имя — Готье д'Онэ, казненного в 1314 г. лютой казнью за незаконную любовную связь с Бланкой Бургундской, женой Карла Красивого. Тринадцатью годами раньше он был вписан в число *valets*⁹ на восковых табличках за 1301 г. по причине выплаты 7 ливров 10 су 7 денье, полученных им в качестве жалованья за сто двадцать дней, предшествовавших его посвящению в рыцари.

У Жуанвила есть место, прямо доказывающее, что название *valet* могло сочетаться со знатностью, — это когда он рассказывает, как *uns joennes vallez gentis hom* (один молодой *valet* благородного происхождения) на коне атаковал эмира под стенами Яффы и убил его ударом копья, выбив до того из седла двух из его рыцарей (§ 519). Эти благородные «слуги» могли также определяться как «оруженосцы» (*écuyers*); ведь к ним были применимы оба этих названия — тот оруженосец, которого Жуанвиль передает графу д'Э, примкнувшему к крестоносцам в Яффе, вскоре был посвящен в рыцари Людовиком Святым (§ 521). Тот же граф д'Э, взяв к себе на службу двенадцатилетнего мальчика, сына бедного рыцаря, позже взялся его женить и посвятил в рыцари (§ 596). Это обязательное феодальное услужение продолжалось обычно до двадцати одного года; исключение — князь Антиохийский, ставший рыцарем в шестнадцать лет (§ 522). В качестве другого исключения по государственным соображениям Людовик Святой был посвящен в рыцари, когда ему еще не исполнилось тринадцати.

Не все благородные слуги, или оруженосцы, становились рыцарями: в противном случае они всю жизнь должны были выполнять обязанности подчиненных при рыцарях, бравших их на жалованье. Именно к этому роду людей несомненно следует отнести Гийемена, который в своей алой котте с желтыми полосами пришел в качестве земляка предложить свои

слуги Жуанвилю, только что высадившемуся в Сирии (§ 408). Этот новый слуга, немного далее (§ 417) названный оруженосцем, покупает своему хозяину белые чепцы, причесывает его, служит ему столыником за королевским столом, выбирает для него гостиницу недалеко от бани, но наносит ему ущерб в десять турецких ливров (около 203 франков), при расчете прощенных хозяином за хорошую службу; наконец, он нанимается к бургундским рыцарям, которые очень рады его появлению, надеясь, что при надобности он возьмется украсть для них ножи, ремни, перчатки, шпоры и все остальное, чего им может не хватать. Этот портрет, поразительно правдоподобный, позволяет отнести те пороки, которые способствовали дискредитации слова «valet» у нас, к очень давним временам.

Из того, что знатные молодые люди, обучающиеся, чтобы стать рыцарями, могли в равной мере называться и «слугами» и «оруженосцами», не следует делать вывод, что слуг низкого происхождения могли именовать оруженосцами. Думаю, последнее слово обычно подразумевало знатность. Жуанвиль, похоже, учитывает это различие, когда пишет (§ 157), что по приезде в Египет у него не было ни оруженосца, ни рыцаря, ни слуги, которых бы он привез с собой; если он говорит одновременно об оруженосцах и слугах, то именно затем, чтобы не путать феодальное услужение с тем, которое возлагалось только на простолюдинов. Не следует удивляться и тому, что в этой связи он упоминает рыцарей: последние порой выполняли функции простых оруженосцев. Так, в сражении при Мансуре Жуанвиль вызывается быть рыцарем у коннетабля (§ 233).

Наконец упомяну одно место у Жуанвиля, где тот ясно дает понять, что оруженосцы имели преимущество перед слугами как таковыми. По поводу провианта, который он закупил в Святой земле для своей гостиницы, он сообщает нам, что развел водой вино для слуг и добавил меньше воды в вино для оруженосцев (§ 503). Что касается рыцарей, им подавали чистое вино и воду по отдельности, чтобы они могли его разбавлять, как пожелают.

Об архидьяконе Никосии

Архидьякон Никосии, чьим мнением интересуется Людовик Святой, когда решается вопрос, покидать или нет корабль, пострадавший от сильного удара (§ 626), несомненно был важным лицом, коль скоро он хранил печать короля и потом стал кардиналом. Но Жуанвиль, приводя эти сведения, забыл добавить имя будущего кардинала. В результате изысканий, проведенных моим ученым другом Леопольдом Делилем, выяснилось, что это было имя Рауль. Известно также, что он вернулся во Францию с Людовиком Святым и что в 1257 г. был одним из советников парламента. Значит, он был французом; а единственный француз

по имени Рауль, ставший тогда кардиналом, — это Рауль Гропарми, поначалу хранитель печати, или канцлер, который в 1259 г. был назначен епископом Эврё, а в 1261 г. — кардиналом-епископом Альбано. Поэтому следует без колебаний отождествить безымянного архидьякона Никосии с Раулем Гропарми.

Краткое хронологическое изложение рассказов Жуанвиля

Если книге Жуанвиля чего-то недостает, так это хронологической точности. Помимо того, что большинство событий не датировано, не всегда соблюдается и временная последовательность — то потому, что автор не дает себе в этом труда, то потому, что он был плохо осведомлен. Значит, имеет смысл установить некоторые вехи, которые могли бы служить читателю ориентирами и отмерять путь, который ему предстоит пройти.

Жуанвиль, конечно, не проводил никаких исследований, чтобы точно датировать свои рассказы; он ограничивался тем, что обращался к своей памяти, которая, как правило, была очень хорошей. Но следует точно отличать то, что он видел, от того, что он мог узнать только по слухам. Рожденный в 1224 г., согласно общепринятому мнению, он записал предания, восходившие ко временам Тибо II, графа Шампанского, умершего в 1152 г. (§ 89). В соответствии с преданием он рассказывает также о занятом приключении Арто де Ножана и о расточительности Генриха Щедрого, умершего в 1181 г. (§§ 90 и 91). Наконец, хотя он лично знал Тибо IV, внука Генриха Щедрого, он был еще не в том возрасте, чтобы иметь точные сведения о роли, которую играл этот принц во времена, когда королева Бланка, вынужденная изо всех сил скрывать свою роль, фактически правила от имени малолетнего сына.

Людовику Святому, родившемуся в Пуасси 25 апреля 1214 г., едва исполнилось девять лет, когда 14 июля 1223 г. на пятьдесят восьмом году жизни умер его дед Филипп-Август. Еще более неожиданная смерть 8 ноября 1226 г. лишила его отца, Людовика VIII, которому не исполнилось еще тридцати девяти лет и который оставил его под опекой Бланки Кастильской, незащищенным от всех опасностей долгого царствования в юном возрасте.

Посвященный в рыцари в Суассоне, словно уже достигнув совершеннолетия, и помазанный в Реймсе 29 ноября 1226 г., с тех пор он в силу некой условности внешне был облечен всеми королевскими правами, но крупные феодалы видели в нем всего лишь ребенка, еще не способного царствовать и подчиненного регентству матери-иностранки. Отсюда — мятежи, которые продолжались до 1234 г.

Жуанвиль сообщает о ловушке, которую мятежные бароны, организовавшие в 1227 г. заговор в Корбейле, подстроили юному королю, чтобы

захватить его, и о поддержке, которую оказали ему парижане (§§ 72 и 73). Когда в 1228 г. разразилось всеобщее восстание крупных феодалов, Тибо IV, граф Шампанский, сражался на стороне короля против остальных баронов. Пьер Моклерк, граф Бретонский, в 1229 г. вновь взялся за оружие; но не тогда (как можно было бы заключить из рассказа Жуанвиля), а только в 1234 г. и после того, как вооруженная борьба несколько раз возобновлялась, он был вынужден подчиниться и отказаться от своих владений в Анжу и Перше (§ 75).

Сведениям Жуанвиля в равной мере недостает точности, когда речь заходит о шампанских делах. Создание коалиции баронов против Тибо IV и вмешательство короля, положившее конец войне, относятся к 1230 г. Бароны хотели наказать графа Шампанского за то, что в 1228 г. он сражался против них на стороне короля. Неверно, что они довольствовались срывом намеченного брака между Тибо IV и дочерью Пьера Моклерка, так как помолвка была разорвана только в 1232 г. Неверно, что они согласовали план войны 1230 г. с Алисой, королевой Кипра, потому что эта королева прибыла во Францию только в 1233 г. Что изложено точно, так это условия соглашения, заключенного в 1234 г. между ней и графом Шампанским при посредничестве короля и обеспечившего короне ленную зависимость графства Блуаского, графства Шартрского и виконтства Шатодёнского (§§ 79–87).

В том же 1234 г. Людовик Святой женился на Маргарите Прованской; но Жуанвиль не пишет ни об этом браке, ни о восстании графа Шампанского в 1236 г. — он спешит перейти к крестовому походу, соединившему его с героем его книги. Однако он описывает как очевидец общее собрание двора в Сомюре в 1241 г. (§§ 93–97) и сцену изъявления покорности графа де ла Марша, который в 1242 г. у ног короля просил пощады вместе с женой и детьми (§ 104).

Настигнутый в декабре 1244 г. болезнью, поставившей его на волосок от смерти, Людовик Святой, едва обретя дар речи, объявил, что отправляется в крестовый поход (§§ 106 и 107). Завершив свои приготовления, он поднял паруса в Эг-Морте 28 августа 1248 г. и высадился на Кипре 18 сентября. Всего два года отмечены в книге Жуанвиля, два года, ставшие для него самыми достопамятными из всех: 1248-й, когда он в канун Пасхи покинул свой прекрасный замок и двух своих детей, один из которых недавно родился, и 1270-й, когда добрый король Людовик покинул этот мир на следующий день после поминовения святого апостола Варфоломея (§§ 110 и 759).

Однако не следует полагать, что между этими двумя датами нет никаких указаний, позволяющих читателю следить за ходом событий. Во время крестового похода Жуанвиль старается отмечать, в каком месте происходили события, и поэтому почти все дни или месяцы, упоминаемые

им время от времени, могут быть точно отнесены к конкретному году. Действительно, достаточно соотнести хронологию царствования Людовика Святого с рассказом Жуанвиля, чтобы разделить время, прошедшее между отправкой в крестовый поход в 1248 г. и возвращением в 1254 г., на несколько совершенно определенных периодов пребывания в том или ином месте.

На Кипре они находились с сентября 1248 г. до конца мая 1249 г. На этот период приходится татарское посольство, приезд императрицы Константинополя и война царя Армении против иконийского султана (§ 133–143). Другие события могут быть датированы с большей точностью: ведь бесспорно необходимо уточнить, что дело происходило в 1249 г., когда Жуанвиль пишет (§§ 146 и 147), что приготовление запасов для флота началось в начале марта, что король поднялся на борт в пятницу перед Пятидесятницей (21 мая), поднял парус в субботу, бросил якорь ввиду Лимасола в день Пятидесятницы и что во время мессы буря разметала большое количество кораблей. По его утверждению (§§ 148–150), вновь подняли паруса на следующий день после Пятидесятницы, и, увидев в четверг Дамьетту, крестоносцы высадились там в пятницу перед Троицей (28 мая); однако другие тексты позволяют считать, что стоянка в порту после шторма продлилась до 30 мая и высадка произошла только 5 июня.

Пребывание в Египте продолжалось с июня 1249 г. по 8 мая 1250 г. Жуанвиль сообщает нам, что ко дню Св. Ремигия (1 октября 1249 г., § 180) граф Пуатевинский еще не прибыл, что в начале Филиппова поста (конец ноября, § 184) король двинулся на Каир, что в Николин день (6 декабря, § 185) взяли верх над сарацинами, что на Рождество (25 декабря, § 196) состоялась другая стычка, что реку перешли вброд и дали сражение при Мансуре на заговенье (8 февраля 1250 г., §§ 216–248). За различными случаями, происшедшими в первый день поста (9 февраля, §§ 254–262), и большим сражением в пятницу (11 февраля, §§ 263–279) вскоре последовали болезни и голод; со средопостья (6 марта, § 299) Жуанвиль был вынужден лечь в постель. На Пасху (27 марта, § 293) была крайняя дороговизна. После переговоров, которые ничего не дали, было решено отступить к Дамьетте, и отступление началось во вторник вечером, после восьмидневного праздника (5 апреля, §§ 304 и 305); король попал в плен ночью, а Жуанвиль — на следующее утро (§§ 314–325). В следующую пятницу (8 апреля, § 327) Жуанвиль по забывчивости не соблюдал воздержания; в воскресенье (10 апреля, § 329) он видел, как вместе с другими больными убили его священника Жана. Однако Людовик Святой договорился с Туран-шахом об условиях своего освобождения, когда крестоносцы в четверг перед Вознесением по воде вернулись в Дамьетту, которую предстояло сдать в субботу (30 апреля, § 347). Неожиданное убийство Туран-

шаха поставило все под сомнение, но через двадцать четыре часа (3 мая, § 357) эмиры подтвердили договор, и сдача Дамьетты была назначена на следующий день после Вознесения (6 мая, § 368). Король и пленники были освобождены вечером того же дня (§§ 371 и 375), выкуп выплачивали в субботу и воскресенье до ночи (§ 380, 7 и 8 мая), в то время как пожар, зажженный сарацинами в день их вступления в Дамьетту, все еще продолжался (§ 370).

Учтя шесть дней переезда (§ 404), начиная с ночи 8 мая, мы поймем, что Людовик Святой прибыл в Акру 14 мая 1250 г.; там он остался по март 1251 г. Воскресенье, когда он объявил свое решение остаться в Сирии (§ 435), — должно быть, воскресенье 26 июня, потому что в другом месте Жуанвиль говорит, что это было под Иванов день, а на Иаковлев день (§ 438, 25 июля) король сетовал, что прошел уже месяц с тех пор, как он остался без рыцарей (§ 439). Именно тогда он снова принял Жуанвиля на жалованье (§ 441). Вскоре после этого прибыли его братья (§ 442). Как раз во время пребывания в Акре он получил несколько посланий (§§ 442–443) и сам направил в Египет Жана де Валансьена с требованием освободить христианских пленников (§§ 465–468). В начале великого поста, начавшегося в 1251 г. 1 марта, король приготовился покинуть Акру, чтобы отправиться укреплять Цезарею. К этому моменту было завершено «Кредо» Жуанвиля: он принялся за него после приезда королевских братьев (§ 777).

Пребывание в Цезарее продолжалось с марта 1251 г. по май 1252 г. Единственная дата, указанная Жуанвилем, — дата его нового поступления на королевскую службу (§ 499) под Пасху, которая в 1251 г. выпала на 16 апреля. Основные события, относящиеся к этому периоду, — это возвращение послов, отправленных с Кипра к татарскому царю (§ 470), поступление на службу некоего норвежского рыцаря, а также Филиппа де Туси (§§ 493–495), разные суждения, приведенные Жуанвилем (§§ 505–514), и перемирие, заключенное с египетскими эмирами (§ 515).

Пребывание в Яффе продолжалось с мая 1252 г. до конца июня 1253 г. Именно в этот период прибыли граф д'Э и князь Антиохийский (§§ 521 и 522); тогда же Людовик Святой задумал паломничество в Иерусалим, от которого его вынудили отказаться (§ 554). Крестоносцы имели частые стычки с сарацинами: Жуанвиль, в частности, упоминает ту, что случилась на Иванов день после Пасхи (6 мая 1253 г., § 544). В следующем месяце сарацинский отряд наголову разгромил гарнизон Сидона и разрушил город (§§ 551 и 552).

Людовик Святой покинул Яффу в день праздника святых апостолов Петра и Павла (29 июня 1253 г., § 563) и в первые дни июля прибыл в Сидон, где оставался до февраля 1254 г. Крестоносцы, разбив лагерь перед крепостью Арсуф в тот же день, когда покинули Яффу, прошли через

Акру и Пас-Пулен к Тиру, где разделились на два отряда (§§ 563–569): один двинулся прямо на Сидон вместе с королем, другой, в состав которого входил Жуанвиль, предпринял поход на Белина (§ 570–581). Ложный слух о взятии Багдада татарами (§ 584), послание от властителя Трапезунда (§ 591) и приезд королевы Маргариты (§ 593), а потом усыновление детей бедного рыцаря в день Всех святых (1 ноября 1253 г., § 595) — все эти события, судя по рассказу Жуанвиля, предшествовали получению вести о смерти королевы Бланки (§ 603). Жоффруа из Болье, который писал более чем на тридцать лет раньше Жуанвиля и должен был сохранить более свежие воспоминания, напротив, утверждает, что король был в Яффе, когда до него дошла эта весть. Королева Бланка умерла в ноябре 1252 г., и, видно, Людовика Святого не очень спешили об этом уведомить, если он узнал об этом позже июня 1253 г.

Он покинул Сидон, чтобы подготовиться к возвращению во Францию, и прибыл в Акру в первые дни великого поста (конец февраля или начало марта 1254 г., § 616). Здесь он сел на корабль накануне дня Св. Марка и поднял парус в день этого праздника (25 апреля, § 617), который был и днем его рождения. После десяти недель плавания (§ 652) он причалил близ Йера и согласился высадиться только в следующую пятницу (17 июля 1254 г., § 653). Жуанвиль расстался с королем в Бокере (§ 663) раньше конца июля, снова увиделся с ним через три месяца в Суассоне (§ 664), а потом в Парижском парламенте в декабре (§ 665), где при его посредничестве прошли переговоры о браке, который должны были заключить в 1255 г. Тибо II, король Наварры, и Изабелла, дочь Людовика Святого (§ 666).

Здесь книга Жуанвиля меняет свой характер: в ней следует искать уже не рассказ о событиях царствования, а картину, изображающую правление короля. На этих страницах, посвященных гражданским добродетелям Людовика Святого, есть некоторые детали, заимствованные из первой части, посвященной его христианским добродетелям. Так, дважды упоминается мир, заключенный в 1258 г. с королем Англии вопреки мнению совета (§§ 65, 678 и 679). По случаю договора этот государь в следующем году прибыл во Францию и 4 декабря 1259 г. принес Людовику Святому оммаж в присутствии самых высокопоставленных особ обоих королевств. Жуанвиль не упоминает об этой церемонии, но можно полагать, что он на ней был и в том же году принял участие в заседании парламента на Св. Мартына зимнего, где обсуждался спор между архиепископом Реймским и аббатом Сен-Реми (§ 673). К тому же году или к близкому времени можно отнести ответы Людовика Святого епископам — ответы, о которых Жуанвиль говорит как очевидец, и его собственные распри с аббатом Сен-Юрбена (§§ 61–64 и 669–677). Именно в апреле 1258 г. король слег от тяжелой болезни в Фонтенбло и столь настойчиво советовал

своему сыну Людовику снискать любовь народа, чтобы быть достойным им править (§ 21). Этот юный принц умер в январе 1260 г., и Генрих III проводил его останки в Сен-Дени. Он вернулся в Англию только после Пасхи, и, может быть, во время этого визита, омыв в великий четверг ноги прокаженным, он дал Людовику Святому повод поставить его в пример Жуанвилю (§ 688). Датировка одной королевской грамоты позволяет предположить, что Робер де Сорбон встретился в Корбейле с сенешалем и неосторожно вознамерился прочесть ему лекцию, в какой манере тому следует одеваться, на Пятидесятницу 1260 г. (§§ 35–38). Через шесть лет Жуанвиль присутствовал на совете, на котором Людовик Святой решил, что графство Даммартен должен получить обратно Матье де Три (§§ 66 и 67). К многочисленным подробностям, которые Жуанвиль привел на основе собственных воспоминаний о правлении Людовика Святого, он захотел добавить в качестве приложения несколько отрывков из одного *romant'a*, или хроники на вульгарной латыни, с которым ознакомился. Среди этих заимствований, точное указание на которые я дал выше, самые примечательные относятся к «Установлениям» (Etablissements) Людовика Святого и к «Поучениям», которые он составил для своего сына.

Жуанвиль снова выступает как свидетель, когда рассказывает, что святой король принял крест во второй раз 25 марта 1267 г. (§§ 733 и 734). Похоже, в связи с этим он уволился с королевской службы, чтобы больше не увидеться с королем (§ 737). Сообщив то, что прочел о болезни и смерти Людовика Святого в 1270 г., или же точно передав то, что сообщил непосредственно ему об этом граф Алансонский (§§ 738–759), он возвращается, и уже окончательно, к своей роли очевидца, рассказав о расследовании, проведенном в 1282 г. (§ 760), и о переносе тела святого в 1298 г. (§§ 762–765).

Таковы хронологические рамки, в которые можно заключить повествования Жуанвиля. Добавлю, что в 1309 г. он преподнес Людовику X Сварливому экземпляр своего сочинения и в 1315 г. написал ему письмо, завершающее это издание. По наиболее распространенному мнению, сам Жуанвиль умер в 1317 г., возведя в капелле своего замка алтарь великому святому, память которого он чтит, и оставив другой памятник своей благочестивой любви — книгу, которая никогда не будет забыта.

О печатях

Я хотел бы попытаться объяснить в нескольких словах, какое значение в средние века имели те хрупкие восковые оттиски, иные из которых, избежав тысячи возможностей погибнуть, смогли сохраниться в целости вместе с пергаментом, к нижней части которого много веков тому назад их приложили или подвесили. Это почти чудо, что в Национальных архивах

еще можно увидеть несколько меровингских печатей, сделанных более тысячи ста лет назад, то есть они намного старше самых старинных из наших соборов. Те, изображение которых увидит наш читатель, не столь почтенны, но тоже существуют уже шестьсот лет. Одни, по счастливому исключению, дошли до нас в такой сохранности, что лучшего желать не приходится, другие испытали на себе разрушительное действие времени и известны нам только по полустершимся оттискам или по фрагментам, которые малейший толчок может обратить в пыль.

В XIII в. обычай подписывать акты давно вышел из употребления, и общим правилом стало скрепление их печатью. Действительно, в королевской монограмме, которая обращает на себя внимание в нижней части самых торжественных грамот, не следует видеть подпись: это символ подписи, шифр из всех букв, входящих в имя короля. Такова монограмма, которая воспроизводится здесь по грамоте Людовика IX, данной в Мелёне в 1246 г. и утверждающей вольную, предоставленную жителям Рони аббатством Св. Женевьевы, от которого те находились в личной крепостной зависимости. Эта грамота могла бы быть действительной без монограммы, но не без печати¹⁰. Оттиск печати полностью заменял подпись и возлагал ответственность за документ на лицо, владевшее печатью, которой воспользовались для создания оттиска, даже если действовали без его ведома. Поэтому потеря или кража печати была опасностью, против которой каждый должен был принять все меры, диктуемые осторожностью¹¹. Хранить королевскую печать и следить, чтобы ее прикладывали только к актам, выпускаемым по воле короля, поручалось одному из главных коронных чиновников — канцлеру. Когда должность канцлера была вакантной, эту обязанность выполнял сановник, носивший титул хранителя печати. Во время первого крестового похода Людовика Святого канцлера не было, и хранителем печати был архидьякон Никосии Рауль де Гропарми.

Жуанвиль рассказывает один анекдот, хорошо показывающий, насколько действительность акта зависит от оттиска печати. Людовику Святому предъявили одну хартию, или, иначе говоря, жалованную грамоту, удостоверяющие, что король даровал графство Даммартен наследникам графини Булонской; но от оттиска королевской печати, который, согласно обычаю, был подвешен к хартии на шелковых шнурах, сохранился лишь фрагмент, где была видна половина ног короля и скамеечка, на которую ноги опирались. Считать ли акт действительным? Весь совет сказал: нет. Тогда Людовик Святой распорядился принести грамоту, где внизу был вполне целый оттиск печати, которой он пользовался до отъезда за море, и, показав, что сломанная печать похожа на целую, заявил, что отдает графство (§§ 66 и 67).

Печать, о которой шла речь, была утрачена или, может быть (чтобы она не попала в руки врага), намеренно уничтожена, когда Людовика Святого

в апреле 1250 г. захватили в плен сарацины. Легенда на ней была следующая: LVDOVICVS DI (Dei) GRA (gratia) FRANCORVM REX¹². Эту первую печать вскоре заменили на другую, которую использовали самое позднее с августа 1252 г.: она отличается от старой очень немногочисленными и малозаметными деталями¹³, но их ввели намеренно — то ли чтобы помешать подделывать прежнюю, то ли чтобы снять с нового хранителя ответственность за документы, неправомерно заверенные старым.

Отправляясь в свой второй крестовый поход в 1270 г., Людовик Святой счел необходимым назначить регентов и оставить им печать, легенда на которой сообщала, в каких обстоятельствах он пожелал, чтобы королевская власть отправлялась от его имени: S. (sigillum) LVDOVICI DEI GRA (gratia) FRANCOR (Francorum) REG (regis) IN PARTIBVS TRANSMARINIS AGENTIS¹⁴. Филипп Смелый, по примеру отца, отправляясь в поход в Арагон, учредил печать такого же типа, которую его регенты должны были использовать для актов, издаваемых от его имени в его отсутствие. Других печатей, созданных для регентов, больше не известно, и мера, принятая Людовиком Святым в 1270 г., осталась бы единственной в своем роде, если бы Филипп Смелый посчитался с жадной властью, возможно — слишком пылкой, которую испытывала его мать Маргарита Прованская. По закону ничто ей в этом не препятствовало: ведь если женщины во Франции не могли наследовать корону, никто не оспаривал их права осуществлять регентство от имени малолетнего короля и с тем большим основанием — от имени отсутствующего. Бланка, фактически правившая от имени малолетнего сына, стала законной регентшей, когда Людовик Святой, отправившись в 1248 г. в поход, оставил ей управление своим государством. Печать, используемая для актов, которые ей было положено издавать от имени и в отсутствие сына, была той же, которой она пользовалась для заверения личных документов с 1223 г. и продолжала пользоваться до смерти в 1252 г. (см. рис. 3). Такую продолговатую форму печати обычно предпочитали женщины, а также духовные лица. На лицевой стороне не хватает первой и последней букв легенды: SIGILLV (sigillum) BLACHE (Blanche) DEI GRATIA FRANCORVM REGINE¹⁵, а на оборотной стоит: BLACHA (Blancha) FILIA REGIS CASTELLE¹⁶.

Печать Маргариты Прованской имеет ту же форму, что и печать Бланки Кастильской, но ее исполнение оставляет желать лучшего: столь несовершенный рисунок не может дать даже отдаленного представления о женщине, которую нежно любил Людовик Святой и в которой Жуанвиль описывает сначала веселый нрав и смешливость, а потом героическую отвагу. Здесь можно изучить разве что костюм королевы Франции первой половины XIII в. Хотя эта печать известна только по одному оттиску, подвешенному к грамоте 1294 г., вполне вероятно, что она использовалась с 1234 г., года свадьбы Маргариты Прованской и Людовика Святого. Легенда

на лицевой стороне тоже не сохранилась полностью, но то, чего не существует, можно с полной уверенностью восполнить, а именно букву S — сокращение слова *sigillum* в начале и буквы INE в конце. Таким образом, с одной стороны надо читать: S. (sigillum) MARGARETE DEI GRATIA FRANCORVM REGINE¹⁷, а с другой — AVE MARIA GRA (gratia) PLENA.

Мы знаем, что уже с 1239 г. у Жуанвиля была своя печать. Это один из примеров, показывающих, что в некоторых случаях, как исключение из общего правила, человек мог иметь печать, не будучи ни совершеннолетним, ни рыцарем. Действительно, сам Жуанвиль сообщает, что в 1242 г. он еще не надел кольчуги (§ 103); но в отсутствие легенды (утраченной) на лицевой стороне легенда на контр-печати подтверждает, что с 1239 г. он носил титул сенешала Шампани: S (seel) JEH (Jenans) SIRE DE JOIGVILE (Joingville) SENECHAUS DE CHAMP (Champagne). Три буквы этой легенды написаны задом наперед: с в слове *seneschaus*, с в слове *Champagne* и начальное s, которое надо расшифровывать как *seel* (печати) или *seaus* (печать) в зависимости от того, считать ли это первое слово стоящим в косвенном или в субъектном падеже. Что касается сокращенного имени *Jeh.*, надо принять, что оно означает *Jehans* в субъектном падеже, потому что слова *sires* и *seneschaus* также стоят в субъектном падеже.

Вторая печать Жуанвиля искажена еще сильнее, чем первая. Дюканж напечатал гравюру с ее изображением по лучше сохранившемуся оттиску в своей «Истории Людовика Святого» перед заголовком генеалогии рода Жуанвиля. Гравер ввел в легенду на лицевой стороне варваризм *senescalle*, который фрагмент, сохранившийся в Национальной библиотеке, позволяет скорректировать так: S. (sigillum) JOHANNIS DOMINI JOINVILLE SENESCALLI CAMPANIE¹⁸. Что касается легенды на оборотной стороне, она не вызывает никаких возражений: SECRETUM DNI (domini) JOINVILLE¹⁹. Оттиск, о котором здесь идет речь, принадлежал вместе с актом от 1255 г., к которому он был подвешен, г-ну Фрири, просвещенному любителю из Ремирмона, в 1860 г. принесшему его в дар Национальной библиотеке; оттиск, опубликованный Дюканжем, был прикреплен к акту от 1256 г., и на нем были видны три трепала с главой, обремененной возникающим львом, — герб Жуанвиля. Следы, сохранившиеся на оттиске, подаренном г-ном Фрири, не совпадают с гравюрой, опубликованной Дюканжем, и могли бы соответствовать скорее волку, чем льву; но несомненно, что на обеих миниатюрах в рукописи А художник имел в виду изобразить льва.

Каждая печать, о которой шла речь, состоит из основного оттиска и второго, меньшей величины, накладывавшегося с обратной стороны первого и составлявшего одно целое с ним. Печать, которой производили второй оттиск, была меньше и легче, и обычно ее носил сам владелец, не отдавая хранителю основной печати. Таким образом, это было эффективным средством не допустить злоупотребления доверием. Я не утверждаю,

что какой-нибудь король или королева могли взять себе за правило лично осуществлять подобный контроль, но сеньор ранга Жуанвиля вполне мог усвоить привычку присутствовать при скреплении своих актов и не доверять никому печать, служившую для завершения этой операции.

Добавление дополнительных оттисков, иначе говоря, контрпечатей, к основным стало в XIII в. привычным и по другой причине. Опыт показал, что мошенники могут отделить односторонний оттиск от подлинного акта и прикрепить к подложному, не исказив; такие подлоги пытались предотвратить, добавляя дополнительный оттиск, чтобы нельзя было размягчить воск, нагревая его огнем со стороны, противоположной основному оттиску. С начала XII в. уже вошло в обычай не накладывать кусок воска на пергамент, а подвешивать его на пеньковых, кожаных или шелковых тесемках, которые нельзя было отделить от акта, потому что их заворачивали в еще теплый воск и как бы заделывали в него нажимом печати. Кусок воска с тесемками внутри соответствующим образом сдавливали, и он приобретал две почти параллельных поверхности, на каждой из которых можно было сделать разные оттиски, взаимно защищавшие друг друга. Этот прием стал совсем действенным, когда толщину куска воска уменьшили до минимума, поскольку стало невозможным разрезать его, не повредив хотя бы один из оттисков.

На контр-печати могло не быть легенды или не упоминаться имя владельца, потому что легенда на основном отпечатке, составлявшим одно целое с дополнительным, включала это имя; владелец мог быть и назван, но недостаточно ясно. Однако использовались и такие контр-печати, легенда на которых была достаточно подробной и которыми при необходимости можно было заверять некоторые акты, прежде всего такие, которые действовали ограниченное время и имели второстепенное значение. Бывало также, что их выпускали временно при условии, что будет издан новый акт, заверенный основной печатью.

На оборотной стороне печати Людовика Святого видна только изящная лилия большого размера, занимающая весь овал контр-печати; такие лилии называют *распустившимися* (*épanouies*), потому что они украшены двумя отростками, которые завершаются трилистниками и вырастают из цветка. Обратную сторону печати регентов образует *старинный герб Франции*, усыпанный бесчисленными лилиями. Хотя три лилии впервые появились на оборотной стороне печати регентов в царствование Филиппа Смелого, а во второй раз — на печати Карла V, от бесчисленных лилий, заполнявших все поле щита, до конца еще не отказались даже при Карле VII, именно они были настоящим гербом Людовика Святого и по закону могли изображаться только на королевской печати.

Но чтобы взять себе эмблемой одну лилию и украсить ею поле контр-печати, не обязательно было носить корону Франции. А поскольку

вписывать туда первые слова молитвы пресвятой Деве было тем более позволительно, то контрпечать королевы Маргариты бесспорно не имеет никаких особенностей, удостоверяющих ее сан и особу. Иначе обстоит дело с контрпечатью Бланки, где вместе с ее именем вписан ее титул дочери короля Кастилии: есть искушение предположить, что эту краткую легенду продиктовала она сама и что ее гордость была бы удовлетворена лишь наполовину, если бы, изобразив себя на одной стороне печати королевой Франции при помощи лилий, она не отразила бы на другой название и герб отеческого королевства.

Жуанвиль еще более ясно назван на легенде, вырезанной на обратной стороне печати, которую он использовал в 1239 г., потому что там вместе с его именем указаны его сеньория и достоинство сенешаля; но эта легенда была нанесена на малой, или секретной, печати, а не на контрпечати как таковой. Действительно, она начинается сокращением от слова «печать» (*sceau*), чаще всего встречавшимся на печатях, которые применялись самостоятельно для скрепления актов второстепенной важности. Их использовали также для запечатывания деловых посланий; на внешних сгибах письма Жуанвиля Людовика Сварливого есть следы аналогичного оттиска, который надо было сначала сломать, чтобы прочесть содержимое.

Отпечаток на оборотной стороне второй печати Жуанвиля наиболее любопытен. Внутри круга, образованного надписью *secretum...* вписаны три античных камеи: на левой верхней изображен баран, на правой — бюст мужчины в лавровом венке, на нижней — женщина, сидящая на земле, опершись на правую руку. На фрагменте оттиска г-на Фрири эта третья фигура не сохранилась. Есть несколько средневековых печатей, включающих изображения античных камей. Самый известный персонаж, использовавший этот прием, — Карл Великий: на одной из его печатей легенда, сообщающая по обычаю его имя и титул, обрамляет голову Юпитера Сераписа. Разве не примечательно, что великий император и биограф Людовика Святого имели одинаковое пристрастие к этим обломкам античного искусства, и не следует ли из этого заключить, что самые отдаленные века, равно как и самые разные культуры, связаны меж собой таинственными узами?

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Histoire de France*. Т. XX. P. 34, 118, 398 et 399. — *Chroniques de Saint-Denis*. Edition P. Paris. Т. IV. P. 349, n° 3.
2. *Histoire de France*. Т. XX. P. 68 et 69.
3. *Le Nain de Tillemont L.-S. Vie de saint Louis, roi de France*. Paris. 1847-1851. Т. IV. P. 350 et 351.

4. Мой ученый друг Леопольд Делиль (Delisle) опубликует выдержки из этих исследований в «Recueil des Historiens de France».
5. Qui ex parte domini regis inquirebant de injuriis factis, sive ab ipso rege, sive a baillivis, præpositis seu servientibus ejusdem regis.
6. Haec autem ita diffuse scripsimus ut injuria præpositorum, et etiam quod pauperes jus suum prosequi non possunt coram præpositis, domino regi manifestetur.
7. Однако примечательно, что гербы графа украшают чепрак коня и заднюю луку седла.
8. В отношении настоящего имени этого персонажа из-за разночтений в рукописях существует некоторая неопределенность. Г-н Дону называет его, согласно рукописи А, Жервез *Desoraines* или *Descrangnes*, а позже, согласно рукописи L, *Des Croignes*; в рукописи В написано *De Croigne*. Но поскольку есть латинские тексты, где он именуется *de Escriniiis*, бесспорно, что после *d* надо ставить апостроф, а *o* из первого варианта следует заменить на *c* и что следует читать *d'Escraignes*, *d'Escrangnes* или *d'Escroignes*; я принимаю первую форму, которая проще всех и эквивалентна двум другим.
9. *Collection des historiens de Gaules et de la France...* Paris. 1778–1840. 20 vol. T. XXII. P. 506.
10. Главный элемент этого шифра — буква Н, сохранявшаяся в монограмме по традиции, хотя имя LVDOVICVS в XIII в. уже не писалось как HLVDVICVS.
11. Чтобы предотвратить мошенническое использование печати после смерти лица, которому она принадлежала, существовал обычай ломать ее или хоронить вместе с ним. Национальная библиотека располагает печатью королевы Констанции, второй жены Людовика VII, найденной в ее гробнице во время осквернения могил в Сен-Дени.
12. Людовик, милостью Божьей король Франции (буквально: *французов*) (*лат.*).
13. Прежде всего пятой буквой в слове *Ludovicus*, где стоит не U, а V.
14. Печать Людовика, милостью Божьей короля Франции, задерживаемого (буквально: *действующего*) в заморских странах (*лат.*).
15. Печать Бланки, милостью Божьей королевы Франции, или *французов* (*лат.*).
16. Бланка, дочь короля Кастилии (*лат.*).
17. Печать Маргариты, милостью Божьей королевы Франции, или *французов* (*лат.*).
18. Печать Жана, сеньора де Жуанвиля, сенешала Шампани (*лат.*).
19. Секрет сеньора де Жуанвиля (*лат.*).

Огюст Лоньон ФРАНЦИЯ В 1259 Г.*

Карта феодальной Франции**

Добавить к рассказу Жуанвиля карту Франции времен Людовика Святого оказалось не такой простой задачей, как представлялось поначалу. Действительно, карта феодальной Франции должна быть результатом работ, проведенных для каждой из наших провинций по документам, в большинстве своем рукописным и разбросанным по различным архивным хранилищам, а до сих пор такие работы еще всерьез не предпринимались. Тем не менее мы решительно взялись за дело, даже не имея возможности взять за образец аналогичную попытку для какого-либо из веков эпохи Капетингов, так как понятно, что жалкие исторические атласы, опубликованные в XVIII и XIX вв. и, впрочем, не претендующие ни на какую научность, принимать в расчет мы не могли¹.

Чтобы придать нашей карте некоторую точность, надо было изобразить Францию в определенный год царствования Людовика Святого, и нам представилось, что это должен быть 1259 г., когда Людовик IX, ратифицировав Абвильский договор, заключенный в предыдущем году с Англией, упрочил большую часть завоеваний Филиппа-Августа за счет возвращения некоторых земель и вернул под свой сюзеренитет герцогство Гиенское, оммаж за которое не приносили ни разу с начала века. Эта дата тем удобнее, что в 1258 г. король Франции подписал с королем Арагона Корбейльский договор, по которому оба суверена, отказавшись: французский — от притязаний на фьефы Каталонии и Руссильона, арагонский — от притязаний на земли, подчиненные до альбигойской войны графству Тулузскому, закрепили более чем на три века общую границу своих государств. Таким образом, мы предлагаем читателям такую карту Франции, какой ее сделала политика Людовика Святого.

Мы взяли на себя обязанность провести границы королевства так точно, как только можно, — деликатная задача, самые серьезные трудности в осуществлении которой будут описаны в первом параграфе этих примечаний, и изобразить на карте все герцогства и графства, вхо-

* Longnon A. La France en 1259 // Jean, sire de Joinville. Histoire de saint Louis. Paris; Didot, 1874.

** Эту карту читатель может найти на форзаце книги.

дящие в состав Франции. Мы должны были добавить к ним некоторые виконтства за Луарой, имевшие большие территории (виконтства Беарн, Лимож, Ломань, Нарбонн, Суль, Тюренн и т. д.), многие фьефы, которые, будучи просто сеньориями, имели определенное значение и порой немалую площадь (сеньории Божё, Бурбон, Кастр, Кузи, Иль-ан-Журдан, Мирпуа, Монпелье и Ле-Перш-Гуз), некоторые группы менее значимых сеньорий, располагавшихся как анклавов внутри крупных фьефов, но не зависевших от последних (такие группы были в Лимузене, Перигоре, Виварэ и Понтье), наконец, некоторые отдельные сеньории, также находившиеся в прямой ленной зависимости от короля, которые надо было отделить от соседних крупных фьефов (сеньории Гурдон, Аутафорт и Монбонне). Сплошная цветная линия должна была, по нашему замыслу, служить границей фьефов, зависящих непосредственно от короны, тогда как пунктирная линия того же цвета отделяла бы арьер-фьефы от главного фьефа; но оказалось, что отделение фьефов от арьер-фьефов составляет одну из самых больших проблем.

Действительно, для наших читателей не секрет, что ряд могущественных вассалов короны в то же время зависел от других крупных светских или церковных сеньоров по другим своим землям. Так, граф Шампанский, похоже, был прямым вассалом короля только по небольшой части своих шампанских земель: ведь он приносил оммаж архиепископу Реймскому за большую часть своих владений в диоцезах Реймс и Шалон, епископу Лангрскому — за богатые домены, которые держал от этого епископства, архиепископу Сансскому — за замки Монтеро и Брей, герцогу Бургундскому — за некоторые фьефы, в число которых, может быть, входил город Труа, столица графства Шампанского, и прочим сюзеренам². Если бы мы проводили границы групп феодальных владений, учитывая прежде всего непосредственных вассалов короны, мы бы могли придать владениям прелатов Реймса и Лангра значимость, какой они не имели, и сильно недооценить могущественное графство Шампанское; но о таком варианте нельзя всерьез и думать, тем более что акты оммажа в XII и XIII вв. довольно редко упоминали фьефы, за которые приносился оммаж. Поэтому мы приняли решение, что в аналогичных случаях следует показывать территории, политическая важность которых бесспорна. Поступая таким образом, мы полностью отделяли от владений сюзеренов некоторые фьефы, одновременно зависящие от нескольких сеньоров (см., например, графство Кузи). Когда, напротив, второстепенный фьеф почти целиком зависел от более крупного феодального владения, мы изображали его как зависимую территорию последнего, отделяя только линией из красных точек.

Чтобы ярче выделить некоторые интересные с исторической точки зрения фьефы, мы для окраски территорий использовали два цвета —

розовый и желтый. Розовый обозначает королевский домен, состоявший тогда из четырех основных групп. Тот же цвет использовался для изображения контуров графств Артуа, Пуатье и Анжу, которые король Людовик VIII завещал троим младшим сыновьям; линиями того же цвета, то есть означающими очертания земель, отделенных от короны недавно, на землях герцогства Гиенского в границах до 1259 г. обведены территории, которые Людовик Святой уступил Генриху III. Желтый цвет предназначался для изображения фьефов, зависимых от английского короля.

На нашей карте мы, за очень редкими исключениями, указывали лишь города или центры шателений и превоств; только на территории королевства их было почти тысяча сто. Мы постарались отделить, хоть это не всегда было очень просто, замки, принадлежавшие верховному властителю земли, на которой они стояли, от замков, которые держали в качестве фьефов отдельные сеньоры. Первые показаны черными значками, вторые — красными.

После этих предварительных разъяснений нам остается дать подробные примечания о границах королевства Франции и о каждой из групп феодальных владений, числом более девяноста, которые изображены на карте.

Границы королевства и королевского домена

Поскольку ограниченный объем, которым мы располагаем, не позволяет нам особенно вдаваться в детали относительно границ королевства Франции, мы только расскажем в двух словах об их происхождении и кратко рассмотрим спорные части этих границ.

Возникновение королевства Франции можно датировать, вероятно, 843 г., когда был заключен Верденский договор между тремя сыновьями Людовика Благочестивого. Королевство Карла Лысого в том виде, в каком определял его этот договор, мало чем отличалось по территории от королевства Людовика Святого, поскольку из рассказа Пруденция, епископа Труа, следует, что оно было ограничено с севера Шельдой, с востока Маасом, Соной и Роной, с юга Пиренеями³. Это основные контуры — другие сведения, предоставленные историками IX в., позволяют их чуть-чуть уточнить⁴, а раздел королевства Лотаря между Карлом Лысым и Людовиком Немецким в 870 г. изменил их лишь на очень недолгие годы.

Три отрезка на границе Франции и Империи в XIII в., похоже, не могут быть определены бесспорно. Представляется, что до сих пор точно не установили эту границу по графству Шампанскому, и высказывались противоречивые мнения о сюзеренитете над Лионской областью и над Виваре.

Если бы нам требовалось установить границу Франции и Империи для начала XIV в., а не для середины XIII в., наша задача во многом бы

упростилась для Реймского диоцеза благодаря одной книге церковных доходов, которую вели с 1302 по 1312 гг., и счету на десятину от 1346 г.⁵ — документам, где названия приходов, не входящих в состав Франции, носили пометку *in Imperio*; но тогда границы королевства как раз недавно сместились. Действительно, замки Рокур и Корне, в первой половине XIII в. зависевшие от Империи, в этих документах упомянуты без пометки *in Imperio*. Таким образом, нам надо исходить из того, что мы знаем о сюзеренитете Империи над некоторыми шампанскими фьефами. Одно расследование, проведенное в 1201 г., показывает, что граф Шампанский был вассалом императора по замкам Рокур и Корне в диоцезе Реймс, Дампьерр и Посесс — в диоцезе Шалон, Бельрен, Ла-Фош, Гондрекур, Бурлемон и Рейнель — в диоцезе Туль⁶; об этом имперском сюзеренитете, похоже, еще до конца XIII в. забыли, и позволительно думать, что это произошло вследствие великого междуцарствия в Германии в 1256–1272 гг. Как бы то ни было, мы использовали эти данные, проведя границу поначалу, к западу от Рокура, между этим пунктом и замком Омон (в графстве Ретель), по границе элексьона⁷ Ретель, тогда как близ Корне мы в качестве границы королевства приняли Эну, вероятно, разделявшую шателении Отри и Корне. Бывшее графство Астенуа⁸ в диоцезе Шалон, как нам представлялось, можно было полностью отнести к Империи на основании того факта, что западной частью этой земли владели шателении Дампьерр и Посесс; правда, Астенуа включало в себя также шателении Сент-Мену и Пассаван, не упомянутые в документах императорской канцелярии среди фьефов, которые граф Шампанский держал от императора, но эти документы бесспорно появились до аннексии первого и создания второго из этих феодальных владений⁹. Далее к югу, как мы считаем, граница королевства и Империи проходила по границе диоцезов Лангр и Туль до Клемона, пограничного замка епископского графства Лангр: действительно, власть графов Шампанских в диоцезе Туль тогда распространялась только на пять замков, зависимых от императора, и на четыре других (Бурмон, Линьи, Вокулёр и Сайи), которые не должны были входить в состав королевства¹⁰, так как, по всей видимости, были анклавными, изолированными друг от друга¹¹.

Лионское графство, согласно атласу Шпрунера, зависело от Империи. Это утверждение, верное для Лиона, стоящего на левом берегу Роны, далеко не бесспорно в отношении Лионского графства, или Лионской области, занимавшей правый берег. Тут можно возразить, что в 1157 г. император Фридрих I передал Ираклию, архиепископу Лионскому, весь город Лион и права регалий на всю часть диоцеза левее Соны, не говоря уже о тех же правах на западный берег¹²; что в аббатстве Савиньи¹³, расположенном в пределах Лионского графства и в 22 км к западу от Соны, признавали власть французского короля; что граф де Форс, владевший

Лионским графством по 1173 г., бесспорно держал его от короля, иначе было бы непонятно, почему в 1183 г. передачу этого графства архиепископу утвердил Филипп-Август¹⁴; наконец, что только сюзеренитет короля может объяснить, почему Людовик Святой в ответ на прошение лионцев, угнетаемых судьями архиепископа, отправил в 1269 г. в Лион маконского бальи, чтобы тот взял светское правосудие в свои руки¹⁵, а Лион должен был считаться, хоть и как имперский город, но вместе с тем как дополнительные земли (анпехе) или скорее как центр графства. Правда, существует письмо, написанное Томасом Бекетом королю Людовику VII по случаю избрания Гишара, аббата Понтиньи, архиепископом Лионским (1166), где английский прелат выражает надежду, что новый архиепископ, движимый любовью к королю, подчинит ему город Лион и земли, которыми будет управлять¹⁶; но надо отметить, что этот документ появился до того, как Лионское графство попало в руки архиепископов. Вследствие всего этого мы отнесли это графство к Французскому королевству.

Земля, которую в прошлом веке на административном языке называли Виварè или диоцезом Вивье, состояла из некоторых земель диоцезов Вьенн и Валанс по эту сторону Роны и всего церковного диоцеза Вивье. Мы сочли уместным для двух первых епископств по-прежнему рассматривать Рону как границу королевства, потому что город Турнон, построенный на правом берегу реки в диоцезе Валанс, зависел от короля, как показывает оммаж, принесенный в 1188 г. сеньором этого города¹⁷. Что касается диоцеза Вивье, то, похоже, для XII и XIII вв. вопрос должен решаться в пользу Империи, поскольку императоры из дома Гогенштауфенов даровали епископам Вивье много привилегий¹⁸, а верховные понтифики, которым при Людовике Святом и Филиппе Смелом предъявлялись притязания французских королей на Виварè, заявляли, что эти земли зависят от Империи, ссылаясь на тот факт, что архивы епископства содержат только императорские привилегии¹⁹. След этого спора можно обнаружить в кратком изложении оммажа, принесенного королю Эймаром Пуатевинским за замки Шалансон, Шатонёф, Верну, Рошмор, Ле-Ноньер, *Сен-Жюльен, Ла-Торретт и Пьеррегор*; там отмечается расхождение мнений относительно зависимости замков Вут и Бе [в диоцезе Вивье], которые одни относят к королевству, а другие — к Империи²⁰. Последний документ любопытен также тем, что позволяет нам, выявляя небольшое расхождение между общей границей диоцеза Валанс (от которого зависел Шатонёф) и диоцеза Вивье (в состав которого входили Ле-Ноньер, Верну и Шалансон) и границей между Французским королевством и Империей, провести последнюю по реке Эрьё, притоку Роны, и рассматривать Рошмор, землю в диоцезе Вивье, расположенную всего в 4 км к северу от Вивье, как анклав королевства.

Южная граница королевства расходится с современной границей Франции всего в двух местах: Франция Людовика Святого не включала в себя ни Нижней Наварры, ни Руссильона. Нижняя Наварра была, если верить некоторым авторам, ядром королевства Наварры²¹, которое в XIII в. по ту сторону Пиренеев имело гораздо большую площадь, чем по эту, и из-под власти Каролингов эта страна, вероятно, вышла с IX в.²² Что касается губернаторства Руссильон, его различные части входили в состав графств Руссильон, Конфлан и Сердань — земель, на которые некогда претендовали французские короли и которые Людовик Святой в 1258 г. оставил королю Арагона в обмен на отказ того от притязаний почти на весь Лангедок, а именно на графство Фуа, земли Со, Фенуйедес и Нарбонне, граничившие с Руссильоном²³. Донназан, маленькая территория, отделявшая Сердань от земли Со и принадлежавшая до 1258 г. графу Фуа как вассалу короля Арагона, графа Руссильонского, не упомянутая в Корбейльском договоре, стала маленьким самостоятельным государством, равно независимым от Франции и Испании, и сохранила этот статус до 1620 г.²⁴

Королевский домен мы тщательно отделили от фьефов, зависимых от короны, и указали положение и название почти трехсот городов и замков, обозначив черным значком те, которые принадлежали самому королю, а красным — которые принадлежали отдельным сеньорам. Понятно, что мы не можем в каждом случае объяснять причины своего выбора и такого разделения, произведенных на основе очень многочисленных документов, и нам легко поверят, что мы сознаем все несовершенства и пробелы этой части своей работы в отношении как крупных фьефов, так и домена. Мы ограничимся лишь парой слов о четырех больших группах земель, из которых в середине XIII в. состоял королевский домен.

Основная группа, намного превышавшая по размерам все остальные, занимала центр Франции. В начале XIII в. как показывает один счет за 1202 г.²⁵, король не владел ничем, кроме этой группы, включавшей только те земли, которые позже получили названия Иль-де-Франс и Пикардия, Артуа (которое отделили от домена в 1237 г.), Вермандуа, французский Вексен, нормандский Вексен, графство Эврё, приобретенное в 1200 г.²⁶, Орлеанскую область, Берри, Гатине и графство Санское. Когда после завоевания Филиппом-Августом Нормандии, Мэна, Анжу, Турени и Пуату почти сразу, в 1203 г., был вынесен приговор о конфискации фьефов Иоанна Безземельного, домен был расширен и за счет этих провинций, примыкавших к нему. Однако примечательно, что в королевских счетах XIII в. недавно аннексированные провинции никогда не объединяются со старым доменом, который особо назывался Францией и рос только за счет приобретений, сделанных в его прежних границах²⁷. Домен, вскоре ощутимо сократившийся из-за создания апанажей для трех братьев Людовика Святого, увеличивался также за счет северных провинций,

которые, однако, приобретались мирным путем: графств Алансонского и Вермандуа в 1219 г., графства Бомон-на-Уазе в 1223 г., графства Перш в 1226 г., графства Клермон в 1250 г. и графства Мортен в 1259 г.

Еще две домениальных группы возникли на Юге, когда Парижский договор 1229 г. обеспечил королю обладание частью Лангедока. Одна из этих групп, образованная диоцезами Ним и Юзес, была отделена графством Могио, сеньорией Монпелье и графством Агд от более южной группы, куда входили диоцезы Нарбонн и Каркассон.

Четвертая группа появилась в 1237 г. вследствие приобретения Людовиком Святым графства Макон. Она состояла из этого графства и коммун Шарльё, которую в 1210 г. Филипп-Август объявил неотделимой от короны²⁸.

Можно отметить, что в первой половине XIII в. существовало еще несколько королевских владений, имевших определенное значение, но все они вскоре были утрачены. Так, из счета за 1256 г. мы узнаем о существовании королевских владений в сенешальстве Перигор, самым известным из которых был Лимёй²⁹, но в 1259 г. он перешел под власть английских королей. Графство Овернь, завоеванное в 1210 г. графом Ги, тоже можно считать одной землей, объединение которых с доменом было недолгим: действительно, завоевание Оверни было закреплено договором только в 1230 г., то есть через пять лет после того, как король Людовик VIII предназначил эту провинцию в апанаж своему третьему сыну Альфонсу, вступившему во владение ею в 1241 г.

Фьефы королевства Франции

Этот параграф посвящен фьефам, границы которых показаны на нашей карте; здесь их можно будет найти в алфавитном порядке³⁰, а аррьер-фьефы будут упомянуты внутри статей о главных фьефах. В этой части, как и в предыдущей, мы не можем давать объяснений наших выводов во всех подробностях. Нам приходится быть краткими, и поэтому мы расскажем лишь самое главное о расположении и немного о происхождении этих фьефов; когда изучение документов XIII в. позволяло нам связать их границы с границами военных (губернаторства и земли), судебных (бальяжи и сенешальства) и финансовых (элексьоны) территориальных единиц, чаще всего соответствовавшими бывшим границам групп феодальных владений, или обнаруживало их расхождение, мы это отмечали.

Агд (Agde), графство. — Епископ Агдский стал светским сеньором части своего диоцеза, самого маленького во всем королевстве Франции, когда в 1187 г. виконт Бернар-Атон II надел облачение каноника в кафедральной церкви, передав ей «виконтство или графство Агд» и все зависимые от него земли³¹. Этот фьеф, похоже, состоял из города Агд и части

диоцеза на левом берегу реки Эро³²; но в 1234 г. он несколько уменьшился вследствие уступки королю замка Монтиньяк и оммажа за Флоранзак, Помероль и Бессан³³.

Альби (Albi), графство. — Парижский договор 1229 г. отделил город Альби от Тулузского графства, передав королю часть диоцеза Альби по правому берегу реки Тарн. Эта земля, но без города, была почти сразу пожалована в лен Филиппу де Монфору, племяннику знаменитого Симона. Епископ, который в 1218 г. принял от Амори де Монфора в качестве залога старый замок и все, чем граф владел в Альби и окрестностях³⁴, был в то время сеньором этого города и принес в 1254 г. за него оммаж архиепископу Буржскому, своему митрополиту³⁵. Значит, нам надо было разделить светские владения епископа Альби и южное Альбижуа, которое под властью Филиппа де Монфора и его наследников стало сеньорией, а потом графством Кастр; мы это сделали, присоединив к епископскому городу замки Марсак и Роффиак с окрестностями, полученные в 1212 г. епископом от Симона де Монфора³⁶. Однако надо отметить, что сеньория Кастр включала территорию, которую мы относим к владениям епископа: известно, что Терсак, деревня, расположенная на Тарне между Марсакком и Альби, входила в состав Кастра³⁷. Этот факт, а также свидетельство, что Кадалан, удаленный от Роффиака всего на два лье, тоже зависел от сеньории Кастр³⁸, показывают, что мы напрасно не уменьшили размеров епископского фьефа³⁹.

Ангулем (Angoulême), графство. — Это графство, с 1217 г. принадлежавшее графу де ла Маршу, зависело непосредственно от короны, в том числе и его дополнительные земли в диоцезе Сент, как показывает оммаж, принесенный в 1242 г. королю графом Гуго де Лузиньяном⁴⁰. В 1308 г. оно было присоединено к короне и за последние пятьдесят лет своего существования не должно было претерпеть существенных территориальных изменений; поэтому мы проводим его границы почти по границам провинции Ангумуа. В XIII в. его территория значительно отличалась от территории епископства, с которой первоначально несомненно совпадала. Так, графы Ангулемские распространили свою власть на север, на диоцез Пуатье, где с первой половины XII в. они числили среди своих вассалов сеньора де Вертёйя⁴¹; на восток, на диоцез Лимож; на юг, на диоцез Перигё, где владели замками Вильбуа и Обетерр⁴²; на запад, на диоцез Сент, где от них зависели сеньории Коньяк, Жарнак и Мерпен⁴³. Мы немного сместили границы Ангумуа на запад, чтобы включить в графство сеньорию Аршиак, которой графы Ангулемские владели с XI в.⁴⁴

Анжу (Anjou), графство. — Анжу и Мэн, конфискованные в 1203 г. Филиппом-Августом у английского короля, по завещанию Людовика VIII от 1225 г. были предназначены во владение Жану, его третьему сыну⁴⁵. Карл, самый младший из братьев Людовика Святого, которому было

передано наследство этого принца, умершего в 1236 г., получил в 1246 г. инвеституру на эти графства⁴⁶. Король в то время оставил за собой Луден и аббатство Фонтевро⁴⁷, или, лучше сказать, отделил от Анжу часть диоцеза Пуатье, присоединенную к графству при Фульке Нерра.

Вандомское (Vendôme) графство, зависимое от Анжуйского, распространялось на два диоцеза — Шартр и Мэн; нынешние контуры Вандома соответствуют его контурам. Объединение Троо с этим графством датируется, вероятно, серединой XIII в., поскольку эта земля, включенная в 1200 г. во вдовью долю Изабеллы Ангулемской, королевы Англии⁴⁸, в 1268 г. принадлежала графу Вандомскому⁴⁹, в 1270 г. признавшему, что держит ее от графа Анжуйского и обязан принести один-единственный оммаж за все фьефы, зависимые от этого принца⁵⁰.

Арманьяк (Armagnac), графство. — См. Тулузское графство.

Артуа (Artois), графство. — Название «Артуа» появилось на политической карте Франции только в начале XIII в. — так в то время называли земли, которые Филипп Эльзасский, граф Фландрский, отделил от своего графства, чтобы дать в приданое своей племяннице Изабелле де Эно, первой жене Филиппа Августа. Людовик VIII, сын Изабеллы де Эно, завещал эти земли своему второму сыну Роберту⁵¹, получившему на них инвеституру в 1237 г.⁵² В то время домен графа состоял из Сент-Омера, Эра, Ланса, Арраса, Бапома и Эсдена⁵³. Среди фьефов, подчиненных графству Артуа, различали графства Булонское, Гин и Сен-Поль.

Булонское (Boulogne) графство в 1212 г. перешло в руки принца Людовика, владельца Артуа, когда его вассал, граф Рено, вступил в союз с англичанами, и этот принц управлял им во время малолетства своего брата Филиппа Строптивного, который должен был жениться на Маго, единственной дочери Рено⁵⁴. Кале, отделенный от Булонского графства землями графства Гин, образовал вместе с соседней территорией (землей Марк) анклав графства, и в 1260 г. Роберт VI, граф Овернский и Булонский, уступил его Маго Брабантской, графине д'Артуа, одной из наследниц вдовы Филиппа Строптивного⁵⁵.

Границы графства *Гин* (Guines), к которому Арнуль II по приходе к власти в 1206 г. присоединил баронство Ардр, полученное им по линии матери, Кретьенны д'Ардр, достаточно хорошо известны благодаря добросовестному географическому исследованию покойного г-на Куртуа⁵⁶. Отметим, что на обеих картах, приложенных к превосходному изданию Ламберта Ардрского, которое сделано г-ном де Годфруа-Менильглезом⁵⁷, шателению Англь поместили вне пределов графства Гин, а ведь она входила в состав последнего, как показывает оммаж, который в 1248 г. Арнуль III принес графу д'Артуа⁵⁸.

Графство *Сен-Поль* (Saint-Pol) как будто могло рассматриваться только как арьер-фьеф графства Артуа. Действительно, из разысканий ученого

Дююи вытекает, что это графство зависело от Булонского⁵⁹. Мы провели границы графства Сен-Поль по карте Фландрии 1300 г., приложенной к первому тому «Истории Фландрии» Варнкёнига в переводе Гельдольфа: *Warnkönig, Leopold August. Histoire de la Flandre. Trad. par A. E. Gheldolf. Bruxelles. 1835–1864.*

Астарак (Astarac), графство. — См. Тулузское графство.

Аутафорт (Hautefort), сеньория. — См. Гиень, герцогство.

Беарн (Béarn), виконтство. — См. Гиень, герцогство.

Бигорр (Bigorre), графство. — См. Гиень, герцогство.

Блуа (Blois), графство. — Было бы ошибкой приравнивать средневековое графство Блуа к территории, которую составляли Блезуа, Дюнуа и шартрские земли в ближайшие к нам века на том основании, что этот важный фьеф включал в себя графства Блуа и Шартр и виконтство Шатодён. Во времена Людовика Святого Ножан-ле-Руа, известный тогда под названием Ножан-л'Эрамбер, уже не входил в состав шартрских земель: Готье, граф Блуа, и Маргарита, его жена, уступили его в 1218 г. Филиппу-Августу⁶⁰, и существует список вассалов короля, владевших этой сеньорией, который был составлен немного позже⁶¹. Зато к территории этого графства добавились земли в Турени, а именно Шато-Рено, сеньором которого граф Тибо V стал благодаря браку, и в Орлеанской области — Божанси, фьеф, переставший зависеть от графов в 1291 г., когда его приобрел Филипп Красивый⁶². На юге графство Блуа включало некоторые надель Берри, границы которых можно здесь приравнять к границам бальяжа Блуа, потому что в 1362 г. король Иоанн изъял из Буржского бальяжа сеньории Сент-Эньян, Сель-сюр-Шер и Валансе⁶³, зависевшие от графства Блуа, а по одному судебному решению в XV в. от него отделили и остальные зависимые от него территории Берри⁶⁴. К графству Блуа XIII в. следует добавить также Вьерзон⁶⁵, который в последние годы старого порядка представлял собой самостоятельный бальяж.

Бове (Beauvais), графство. — Это графство с 1015 г. принадлежало прелатам города Бове⁶⁶; епископ Роже, получивший его от графа Блуа в обмен на замок Сансерр, передал его своей церкви. Его контуры, похоже, сохранились до Революции в очертаниях бальяжа Бове, не имеющим никакого отношения к границам элексьона.

Божё (Beaujeu), сеньория. — Из многочисленных документов XIII в., опубликованных покойным Юйяр-Бреоллем, можно сделать вывод, что контуры этой сеньории почти не отличались от границ Божоле в прошлом веке. Сир де Божё держал некоторые важные земли своей сеньории (Бельвиль, Тель, Перрё, Лей, Тизи) от герцога Бургундского⁶⁷, владения которого, однако, отделяло от Божоле Маконское графство. Он был также вассалом графа де Форе за Шамле, Амплепюи и Жу⁶⁸, но Божё, несомненно, держал непосредственно от короля.

Бретань (Bretagne), графство. — Между границами этого графства в середине XIII в. и границами одноименной провинции в 1789 г. нельзя указать никаких различий. Крупных феодалов в Бретани значительно ослабил граф Пьер Моклерк; поэтому на 1259 г. мы обнаружили здесь только три графства — Гоэльо, Ламбаль и Леон, которые нам показались достойными изображения на карте.

Графство *Гоэльо* (Goello) было осколком бывшего могущества младшей ветви бывших графов Бретонских и принадлежало Анри д'Авогуру, сыну Алена, графа де Трегье: Анри, наследие которого составляла большая часть диоцезов Трегье и Сен-Бриё⁶⁹, был ограблен Пьером Моклерком, оставившим ему только шателени Шателодран и Кентен. Контуры этих двух шателений, составлявших графство Гоэльо, мы взяли из работы г-на А. де Бартелеми⁷⁰.

Графство *Ламбаль* (Lamballe), которое Пьер Моклерк отдал в 1235 г. своей дочери Иоланде, выдавая ее за Гуго де Лузиньяна, состояло из шателений Ламбаль и Монконтур, то есть из бывшего графства Пентьевр, от которого отрезали Жюгон⁷¹. Возможностью указать границы графства Ламбаль мы также обязаны работам г-на А. де Бартелеми⁷².

Графство или виконтство *Леон* (Léon) было в 1178 г. конфисковано у Гиомара, после смерти которого в 1179 г. граф Бретонский вернул это графство его сыновьям, за исключением Морле⁷³. Похоже, судя по расследованию 1235 г., до конфискации этот фьеф распространялся и на Ланнион⁷⁴, то есть включал в себя за пределами диоцеза Леон архидиаконат Плугастель диоцеза Трегье. Можно задаться вопросом, не зависел ли от него и архидиаконат Фау в диоцезе Кемпер, так как, с одной стороны, расследование 1235 г. отмечает, что Эрве де Леон, сеньор Шатонёф-дю-Фау, должен был держать свой фьеф от графа Гиомара VII (Леонского) как жювеньор⁷⁵, а с другой стороны, виконт Фау в 1294 г. числится среди вассалов герцога Бретонского в бальяже Леон⁷⁶. Как бы то ни было, мы не сочли возможным наделить это феодальное владение для 1259 г. более обширными пределами, чем епископство. К тому времени графство Леон находилось в упадке: двадцать лет назад, в 1240 г., Эрве III уступил графу Бретонскому город, замок и порт Брест⁷⁷, но без каких-либо окрестностей⁷⁸. В 1274 г. Эрве IV продал сюзерену кутюмы и дорожную пошлину в Сен-Мазэ⁷⁹ и умер через три года после того, как поочередно отдал все свои домены в залог графу Бретонскому⁸⁰.

Графство *Пороэ* (Porhoët), разделенное в 1241 г. между тремя сыновьями графа Эда, умершего за десять лет до этого, состояло только из очень узкой полосы территории между Лудеаком и Жоссленом, который был его центром⁸¹; это соображение не позволило нам поместить его на своей карте.

Бриенн (Brienne), графство. — См. Шампанское графство.

Булонь (Boulogne) графство. — См. Артуа, графство.

Бурбон (Bourbon), сеньория. — Г-н А. Шазо отмечает в своей ученой работе о сирах де Бурбон, что в XI в. этот фьеф почти достиг границ будущей провинции Бурбонне⁸². В середине XIII в. сеньория Бурбон распространялась даже за пределы этой провинции — на шателению Монтегю, которую, как и Монлюсон, Бурбоны держали в лен от графа Альфонса Пуатевинского, властителя Оверни⁸³, и на Кюссе — фьеф, зависимый от епископства Неверского⁸⁴. Поэтому мы присоединили к Бурбонне контуры бальяжей Монтегю и Кюссе, зато изъяли из него на северо-востоке Санкуан, королевскую шателению⁸⁵, а на юге — Виши, резиденцию одного из бальи графа Альфонса⁸⁶. Один акт за 1241 г., представляя нам Аршамбо де Сен-Жерана в качестве вассала сира де Бурбона за Шательдон⁸⁷, показывает, что на юго-востоке границы Бурбонне и Оверни с тех пор не менялись. На северо-востоке Бурбонне в 1228 г. было дополнено фьефом Шарантон, зависимым от графа Блуа⁸⁸, а от этого фьефа в свою очередь зависели Бриер, Орваль, Эпинёй и Мейян⁸⁹. Сюзеренами сира де Бурбон были не только король, граф Пуатевинский, граф Блуа и епископ Неверский: этот сеньор также держал несколько фьефов от архиепископства Буржского⁹⁰ и епископства Клермонского⁹¹.

Бургундия (Bourgogne), герцогство. — Один ценный документ, завещание герцога Гуго IV, датированное 1271 годом⁹², оказал нам полезную услугу, позволив путем сличения с другими, более ранними документами уточнить нашу карту, поскольку в завещании перечислены различные шателении герцогства. Гуго IV был вассалом не только французского короля: он приносил оммаж епископу Шалонскому за Шалон, Брансьон и Верден⁹³ и епископу Лангрскому за Шатийон-на-Сене и Монбар⁹⁴. Он также держал некоторые земли от императора, в том числе фьеф Осонн, который зависел от герцога еще в 1197 г.⁹⁵ и который Гуго IV в 1237 г. приобрел в прямое владение⁹⁶, Шато-Шалон, Луан и другие земли диоцеза Безансон, за который Жан де Шалон, граф Бургундский, принес оммаж герцогу в 1252 г.⁹⁷ В 1259 г. владения герцога немного расширились за счет части диоцеза Шалон по ту сторону Соны, части, зависимой от Империи; эти фьефы, объединенные с бальяжем Шалон, герцоги приобрели в лен или в собственность преимущественно во второй половине XIII в.⁹⁸ Само графство Шалонское хоть и входило в состав Французского королевства, но недавно было приобретено Гуго IV, получившим его, как и фьеф Осонн, от Жана де Шалона в обмен на несколько сеньорий во Франш-Конте⁹⁹.

Веле (Velay), графство. — Епископы Ле-Пюи, в прошлом веке еще носившие титул графов де Веле, в XIII в. были высокими сеньорами части своего диоцеза, расположенной за пределами Оверни; в 1297 г. епископ разделил свою сеньориальную власть с королем Франции¹⁰⁰. Светскую

власть они приобрели не позже 1134 г.: самое позднее тогда король принес в дар епископу весь город Ле-Пюи вместе с различными королевскими правами, включая право чеканки монеты¹⁰¹. В 1167 г. графство Ле-Пюи, только что конфискованное у Гийома VII, графа Овернского, было также подарено епископу; несомненно, прелаты Ле-Пюи стали сюзеренами виконтов де Полиньяков (в 1213 г. виконт принес оммаж епископу Роберту¹⁰²) после этого дара. Немало способствовал увеличению епископских доменов и Филипп Август, подарив епископу в 1214 г. замок Арзон¹⁰³, а в 1215 г. — замки Шалансон, Рошбарон, Шаптёй и Главенас¹⁰⁴. Документы XIII в. позволяют отметить некоторые различия между провинцией Веле восемнадцатого века и епископским графством тринадцатого. Так, на юге провинция охватывала замки Агрэн и Монбонне, во времена Филиппа-Августа и Людовика Святого зависевшие непосредственно от короля¹⁰⁵, но утратила Рошгюд и Сен-Прива-д'Алье — фьефы, зависевшие в 1277 г. от епископа¹⁰⁶ и потом присоединенные к Оверни. На севере Овернь приобрела еще Арзон, который однако остался пограничным с Веле. Наконец, на севере часть шателений Шалансон и Рошбарон перешли в состав Форе. Лишь для справки упомянем фьефы Обенас, Юсель и Сен-Лоран-сюр-Куарон, которые от епископа Ле-Пюи держал граф Тулузский¹⁰⁷, потому что эти фьефы, расположенные на территории Империи, всегда были не более чем анклавом земель епископства.

Гавардан (Gavardan), виконтство. — См. Тулузское графство.

Гиень (Guyenne), герцогство. — Герцогство Гиень, оставшееся под властью короля Англии, несмотря на осуждение Иоанна Безземельного в 1203 г., подпало под сюзеренитет французского короля по Абвильскому договору в 1258 г. До этого договора оно включало в себя диоцезы Бордо, Базас¹⁰⁸, Олорон, Лескар и Эр целиком, Байонну и Тарб — частично¹⁰⁹; в него входил также остров Олерон в диоцезе Пуатье¹¹⁰. Договор добавлял к этому то, что король Франции получал в качестве как фьефов, так и доменов, если только они не были обязаны оммажем его брату графу Альфонсу¹¹¹, в диоцезах Лимож, Перигё и Кагор, а если Альфонс умрет, не оставив потомства, — часть Сентонжа южнее Шаранты и Аженуа, которое Ричард Львиное Сердце дал в приданое своей сестре Жанне, матери графа Раймунда VII Тулузского. Часть Керси, зависимую от графа Тулузского, в том же случае следовало также вернуть королю Англии, если удастся доказать путем расследования, что эта земля входила в состав приданого Жанны. Графство Марш, зависевшее от графа Альфонса, и часть диоцеза Сент, расположенная к северу от Шаранты или входящая в Ангулемское графство, от герцогства Гиень отделялись навсегда¹¹². Непохоже, чтобы этот договор дал английскому королю в диоцезе Кагор других крупных вассалов, кроме виконта Тюренна: ведь благодаря статье, обуславливавшей уступку фьефов, которые король не мог выпустить из

рук, согласием владельцев этих фьефов, епископ Кагорский остался под сюзеренитетом короля, и, вероятно, то же относилось к сеньору Гурдона. Феодалы герцогства Гиень, чьи владения удалось показать на нашей карте, — это виконт Беарнский, граф Бигоррский, сеньор д'Аутафорт, виконты Лиможский и Марсанский, граф Перигорский и виконты де Суль и Тюренн.

Виконтство *Беарн* (Véarn) в XIII в. достигло тех пределов, которые имело в момент присоединения к короне и которые у него сохранились до Революции. Ортес, отнятый в 1107 г. у виконта де Дакса¹¹³, был окончательно присоединен к виконтству Беарн в 1192 г. Гастоном IV¹¹⁴. Со-де-Навай, вошедший потом в состав Гаскони, относился к Беарну до середины XIII в.: Гастон VII, пожаловавший его Гарсии-Арно де Наваю, во время своего примирения с Англией передал эту крепость принцу Эдуарду, герцогу Гиенскому¹¹⁵. На северо-востоке виконтство в 1256 г. получило прирост территории, который не сохранила одноименная провинция, в виде земли Ривьер-Басс, отделенной от графства Бигорр¹¹⁶; самым крупным населенным пунктом этой местности был Мобурге.

Графство *Бигорр* (Bigorre) из-за распрей в связи с наследством графини Перонеллы в 1256 г. лишилось некоторых земель. Граф де Фуа как третейский судья присудил Мате, дочери графини и жене Гастона VII, землю Ривьер-Басс с Мобурге, оставив Эскивату де Шабане остальную территорию графства Бигорр¹¹⁷, похоже, не претерпевшую с того времени серьезных изменений. Эскиват в 1253 г. принес королю Англии оммаж за свое графство¹¹⁸, которое его предшественники держали от епископа Ле-Пюи.

Сеньория *Аутафорт* (Hautefort), вклинившаяся между виконтствами Лимож и Тюренн и графством Перигор, зависела непосредственно от короля с 1212 г., когда король, приняв оммаж от Бертрана де Борна, обязался никогда не отделять ее от короны¹¹⁹.

Виконтство *Лимож* (Limoges) включало в себя только западную часть Лимузена. Сюзеренитет виконта уже не признавали, как прежде, на землях восточнее реки Везер, и даже к западу от нее его власть ослабла¹²⁰. Так, виконт де Комборн и сеньор де Помпадур больше не считали себя вассалами виконта Лиможского, и даже представляется, что он больше не владел замком Бре¹²¹ (коммуна Монжибо). Поэтому мы сочли, что в Лимузене виконтство почти не выходило за пределы элексьона Лимож; однако нам пришлось добавить к нему Иссандон, так как виконтесса Маргарита в 1270 г. заставила виконта де Комборна признать ее сюзеренитет над тем, чем он владел в этой местности¹²² и что позже вошло в элексьон Брив. Не надо также забывать, что в XIII в. виконтство Лимож включало в себя в будущей провинции Перигор шателении Анс, Нонтрон, Марей и Бурзак, за которые виконт Ги VI в 1243 г. принес оммаж епископу Ангулемскому¹²³, и шателению Эксидей¹²⁴. Восточная

часть Лимузена была тогда разделена между несколькими светскими и церковными сеньорами, зависимыми непосредственно от короля, а с 1258 г. — от герцога Гиенского; самыми значительными из них были церкви Тюль и виконты де Вантадур и Тюренн.

Границы виконтства *Марсан* (Marsan), которое в 1256 г. перешло в руки Гастона VII, виконта Беарнского, как супруга Маты Бигоррской¹²⁵, сохранились в виде границ земли Марсан, которая в прошлом веке была одним из подразделений женедалите Гиень.

Графство *Перигор* (Périgord), ставшее в 1212 г. прямым фьефом короны¹²⁶, в 1259 г. должно было отойти под сюзеренитет герцога Гиенского. К этому времени оно включало только половину провинции Перигор: север этой земли, где Людовик Святой учредил сенешальство Перигор, тогда занимали шателени Марей и Нонтрон виконтства Лимож; на востоке находились шателени Эксидей и Анс того же виконтства, сеньория Аутафорт, непосредственный фьеф короны, и западная оконечность¹²⁷ виконтства Тюренн; на юго-востоке были Сарлат, приносящий омжак непосредственно королю, и Лимей, который один счет 1256 г. упоминает как центр королевского домена в Перигоре¹²⁸; на юго-западе можно было видеть сеньорию Бержерак с ее обширными владениями, подчинявшуюся тогда младшей ветви Перигорского дома, глава которого, признавший в 1224 г. сюзеренитет короля Франции¹²⁹, в силу превратностей войны оказался в ленной зависимости от английского короля¹³⁰. К северу от сеньории Бержерак, следовательно, в центре провинции, находились различные сеньории, никак не связанные с графством Перигор: Сент-Астье, принадлежащий капитулу Перигё¹³¹; Гриньоль, апанаж одного из младших отпрысков рода графов Перигорских, для улаживания семейных отношений перешедшего в 1245 г. под сюзеренитет французского короля¹³²; Мюссидан, сеньор которого зависел непосредственно от герцога Гиенского¹³³. Судя по этим фактам, графство Перигор должно было иметь в середине XIII в. почти ту же территорию, что и в 1399 г., когда его конфисковали у графа Аршамбо VI; к этому году оно включало шателени Перигё, Оберош, Бурдей, Монтиньяк, Разак, Верн, Русский, Монпон, Беневан и Монтиньяк-ле-Пти¹³⁴. Мы сочли необходимым добавить к этим территориям сеньорию Риберак, вероятно, зависевшую от графа, и Эстиссак, переданный в 1302 г. Бозону, брату графа Эли III¹³⁵.

Виконтство *Суль* (Soule), просуществовавшее только до царствования Филиппа Красивого, располагалось между Нижней Наваррой и Беарном, поздно присоединенными к Франции, чему и было обязано сохранением своих границ, с другой стороны, их защищали привилегии, которыми земля Суль пользовалась до самой Революции.

Виконтство *Тюренн* (Turenne) простиралось на три диоцеза — Лимож, Перигё и Кагор. Границы этого фьефа указаны на старинных картах, но

для северной части они не согласуются с ценным актом 1251 г. о разделе земель между Раймундом V и его племянницей Элис де Тюрени, дамой де Бержерак; этот документ, где перечислены все составные части виконтства, сообщает нам, что от него зависела земля Брив (*Brivesium*)¹³⁶. Акт раздела 1251 г. не упоминает Аржантат и Сервьер, хотя они принадлежали виконту де Тюренну¹³⁷; но, возможно, Аржантат, как и Сервьер, уже были под властью Раймунда V до того, как он выдвинул притязания на виконтство. Как бы то ни было, юго-восточную оконечность диоцеза Лимож слева от Дордони следует отнести к фьефу Тюрени¹³⁸. Мы включили в виконтство оба надела, сформированные согласно акту раздела 1251 г., так как возможно, что надел Элис, состоявший из замков Монфор, Эйяк, Карлюс, Крейс, Мартель (наполовину), Ларш, Террассон, Салиньяк, Жайяк и Ла-Шассань, считался фьефом, зависимым от этой сеньории. Виконт де Тюрени, имевший нескольких сюзеренов, несомненно, был недостаточно осведомлен о правах каждого из них, так как последовательно принес оммаж за виконтство Брассак в 1190 г. епископу Кагорскому¹³⁹, в 1226 г. — графу Тулузскому¹⁴⁰, а в 1252 г. — церкви Тюль¹⁴¹.

Гин (Guines), графство. — См. Артуа, графство.

Гоэль (Goello), графство. — См. Бретань, графство.

Гранпре (Grandpré), графство. — См. Шампанское графство.

Грез (Grèzes), виконтство. — Этот фьеф, о котором мы также даем некоторые сведения, говоря о графстве Жеводан, перешел в руки короля в 1229 г. и фигурирует в 1258 г. в Корбейльском договоре среди земель, от притязаний на которые отказывается король Арагона дон Хайме I¹⁴²; однако, поскольку непохоже, чтобы у короля на этой территории были личные владения¹⁴³, мы не включили его в королевский домен. Чтобы установить границы виконтства Грез, мы использовали составленный в 1204 г. акт передачи его в залог, совместной, не надо забывать, с виконством Мильо¹⁴⁴, оставшимся во власти графа Тулузского.

Гурдон (Gourdon), сеньория. — Этот фьеф, вклинившийся между виконством Тюрени, Тулузским графством, графством Кагор и герцогством Гиень, зависел непосредственно от короля с 1211 г., когда Филипп Август, приняв оммаж от Бертрана, сира де Гурдона, пообещал не отделять этот фьеф от короны¹⁴⁵.

Даммартен (Dammartin), графство. — Границы этого фьефа, конфискованного в 1214 г. графом Рено и переданного в 1223 г. Филиппу Стротивому, сыну Филиппа-Августа и зятю Рено¹⁴⁶, проведены с помощью некоторых указаний Дюпюи¹⁴⁷ и сведений о составе королевского домена и Шампанского графства.

Дрё (Dreux), графство. — Это микроскопическое графство, данное Людовиком VI одному из младших сыновей, далеко не дает представления о бывшем *pagus Dorcassinus*. С севера его ограничивала королевская

шателения Ане, с востока — графство Монфор, с юга — королевская шателения Ножан-л'Эрамбер, с юго-запада — графство Перш, в то время присоединенное к короне, с запада — сеньория Нонанкур: на основе этих сведений мы сочли, что его территория совпадает с территорией бальяжа Дрё прошлого века.

Жеводан (Gévaudan), графство. — Граф Тулузский, уступая королю по Парижскому договору 1229 г. то, чем владел в диоцезе Менд, передавал короне сюзеренитет над фьефами, зависимыми от виконтства Грез, которые король дон Педро Арагонский в 1204 г. отдал в заклад графу Раймунду VI¹⁴⁸. Значит, эта территория отделилась от другой части диоцеза Менд, где епископ безраздельно владел правами графа до 1306 г., когда разделил власть над ней с королем Филиппом Красивым¹⁴⁹. Мы также отделили от диоцеза Менд некоторые замки, граничащие с Веле и с XIII в. зависимые непосредственно от короля¹⁵⁰.

Жуаньи (Joigny), графство. — См. Шампанское графство.

Иль-ан-Журден (Isle-en-Jourdain), сеньория. — См. Тулузское графство.

Кагор (Cahors), графство. — Появление этого графства приходится на период альбигойских войн. В июне 1211 г. Симон де Монфор отдал его епископу Гийому де Кардальюку в лен от себя; однако в октябре прелат принес за него оммаж королю¹⁵¹. В 1215 г. епископ стал также владельцем замка Пестильяк, за который признал себя вассалом Симона¹⁵², а через несколько лет получил замки Пюи-л'Эвек и Люзеш¹⁵³. Договор 1229 г., по которому Кагорский диоцез, кроме епископского города и фьефов, зависевших в 1223 г. от короля, отошел графу Тулузскому Раймунду VII¹⁵⁴, окончательно поставил епископа под сюзеренитет короля Франции. Кагорское графство не попало в ленную зависимость от Гиенского герцогства по Абвильскому договору 1258 г., потому что через несколько месяцев после составления предварительных условий мира Людовик Святой обязался никогда не выпускать оммаж за него из своих рук¹⁵⁵. Мы не имеем определенных данных о протяженности этого фьефа¹⁵⁶, но, если учесть, что Кагор, Пестильяк и Люзеш были центрами трех прототоиерейств диоцеза Кагор, а Пюи-л'Эвек зависел от протоиерейства Пестильяк, его можно приравнять, до получения более обширных сведений, к территории этих трех церковных владений.

Кастр (Castres), сеньория. — Так назывался фьеф, за который Филипп де Монфор приносил оммаж королю с 1229 г. и который включал в себя всю территорию Альбизуа по ту сторону Тарна, за исключением города Альби¹⁵⁷. Границы, указанные нами между Альби и сеньорией Кастр, мы попытались объяснить выше (в статье «Альби»).

Катр-Валле (Quatre-Vallées), виконтство. — См. Тулузское графство.

Клермон (Clermont), епископство. — Епископ Клермона стал сеньором этого города в начале XIII в. вследствие соглашения с графом Оверн-

ским¹⁵⁸; он зависел непосредственно от короля, как решил парламент вопреки мнению графа Альфонса Пуатевинского, который, ссылаясь на завещание Людовика VIII, своего отца, желал, чтобы его сюзеренитет признавала «вся Овернь». Фьефы прелата, разбросанные по его огромному диоцезу¹⁵⁹, тем не менее составляли две основных группы недалеко от Клермона. Одна из них, к западу от Алье, не заходила на север дальше Понжибо и Клермона¹⁶⁰, но в южном направлении тянулась более чем на шесть лье; среди ее основных населенных пунктов следует отметить Шамальер, Понжибо, Эйдат, Орьер и Шампе, которые в лен от епископа держал дофин Овернский, именовавший себя в XIII в. «графом Клермонским»¹⁶¹. Вторая группа состояла, в числе прочих владений, из Вертезона, который Филипп Август в 1205 г. присудил епископу Роберту¹⁶², Монморена, Мозёна (к юго-востоку и востоку от Бийома), Лезу и Дале (на реке Алье, западнее Вертезона) — фьефов, которые король пожаловал тому же прелату в 1207 и 1212 гг.¹⁶³; кроме того, она включала в себя долину реки Дор между Тьером и Ольбергом, поскольку именно там находились фьефы, за которые граф де Форе приносил оммаж епископу Клермонскому¹⁶⁴.

Комменж (Comminges), графство. — См. Тулузское графство.

Куси (Cousy), сеньория. — В начале царствования Филиппа-Августа сир де Куси уже владел фьефами Куси, Ла-Фер, Марль и Вервен¹⁶⁵; но Марль и Вервен не граничили с двумя другими шателениями, поэтому мы были вынуждены на своей карте назвать сеньорией Куси только шателении Куси и Ла-Фер, границы которых сохранились в XVIII в. в виде границ одноименных бальяжей. Однако мы присоединили к этим территориям Керзи-на-Уазе, который сир де Куси держал в лен от епископа Нуайонского¹⁶⁶.

Ламбаль (Lamballe), графство. — См. Бретань, графство.

Лан (Laon), графство. — Графство Лан, первоначально занимавшее ту же территорию, что и диоцез, было передано епископу первыми королями династии Капетингов, но вскоре феодальное могущество этого прелата ослабло. Одной из главных причин этого упадка было, несомненно, соседство могущественного графства Вермандуа, которое Филипп Август присоединил к короне и от которого зависели замки Гиз и Рибмон¹⁶⁷, расположенные в западной части диоцеза Лан. Кроме того, с 1180 г. многие важные сеньории диоцеза уже зависели непосредственно от короны; это были Марль и Вервен¹⁶⁸, которые епископ хотел поставить в ленную зависимость от себя во время войны короля с Филиппом Эльзасским (1183–1186), но прелату пришлось не только отказаться от этих притязаний, но даже уступить королю сюзеренитет над Ла-Фер — фьефом, которым, как и обоими другими, владел сир де Куси¹⁶⁹. В 1219 г. сеньория Розу-сюр-Серр, до тех пор аллод, была превращена в коронный фьеф¹⁷⁰. С другой стороны, со временем существенно усилилась мощь графа

Руси¹⁷¹, одного из вассалов епископа, так что под епископской властью осталась лишь довольно незначительная территория, двумя главными центрами которой были Лан и Анизи. Эта территория, ограниченная с юга диоцезом Суассон, с запада сеньорией Куси и с востока — графством де Руси, похоже, завершалась на севере на линии, которая сохранится в виде северной границы Лаонне — одной из частей губернаторства Ильде-Франс, границы, которая, впрочем, почти на расходилась с границей бальяжа Лан; важно отметить, что некоторые крепости на этой территории, Серни и Брюйер, в конце царствования Филиппа Августа числились среди королевских замков¹⁷².

Лангр (Langres), графство. — Первым графом-епископом Лангрским был Готье, получивший это графство в 1179 г. от своего племянника герцога Бургундского¹⁷³. Уточнить границы графства на западе, юге и востоке нетрудно, потому что они стали границами Шампани, когда Лангр был присоединен к этой провинции. На севере его границы можно установить при помощи контуров бальяжа Шомон, первоначально одного из четырех больших бальяжей Шампанского графства, и бальяжа Лангр, очертания которого повторяют или почти повторяют границы бывшего графства-пэрства. Тем не менее границу этих двух судебных территориальных единиц нельзя было воспроизводить в точности, так как Монтиньяк-ле-Руа надо было оставить в Шампанском графстве: хоть до Революции он входил в состав бальяжа Лангр, но в XIII в. был резиденцией одного из прево бальяжа Шомон¹⁷⁴. В подтверждение того, что территория графства Лангр тянулась до границы королевства, можно указать, что Шуазель и Эгрмон находились на границе Лотарингии, а Фуван — на границе графства Бургундского, и все эти три сеньории зависели от епископа Лангрского¹⁷⁵. Приписывая епископскому графству на востоке границу Шампани, мы оставляем часть диоцеза Лангр за пределами королевства (ту, что зависела от деканств Без и Фуван) и тем самым не противоречим документам XIII в., отмечавшим, что этот диоцез не целиком относится к королевству Франции¹⁷⁶. Графство Тоннерр почти полностью зависело от епископа Лангрского; этот прелат среди своих вассалов числил также графа Шампанского за крупные домены, которыми этот принц владел в его диоцезе¹⁷⁷, и герцога Бургундского, приносившего ему оммаж за Шатийон-на-Сене и Монбар.

Леон (Léon), графство. — См. Бретань, графство.

Ле-Поте (les Potées), земля. — Эта земля, которая входила в состав бывшего *pagus Porcensis* и название которой представляет собой французскую транскрипцию латинского слова *potestates*, принадлежала капитулу архиепископской церкви Реймса, приносившего оммаж за нее непосредственно королю. Ее границы указаны в письменном обещании верности (aveu) за 1384 г.¹⁷⁸

Лизьё (Lisieux), епископство. — Епископ Лизьё только в XV в. принял титул графа, который, согласно преданию диоцеза, ему пожаловали герцоги Нормандские в XI или XII веке. Его светские владения, состоявшие в XII в. из баронств Тибервиль, Гло, Куртонн, Гасе, Тук, Канапвиль и Бонвиль-сюр-Тук в диоцезе Лизьё и баронства Нонан в диоцезе Байё, похоже, в XIII в. несколько увеличились. Мы провели вероятную границу епископского домена для этого времени, сопоставляя исторические данные о доменах епископа, приведенные г-ном де Формевилем¹⁷⁹, со сведениями о фьефах епископства, содержащимися в реестрах Филиппа-Августа¹⁸⁰. Мы не смогли включить в эти пределы фьефы Гасе, Тук, Канапвиль, Бонвиль и Нонан, потому что они не составляли единого целого с ядром домена.

Лимож (Limoges), виконтство. — См. Гиень, герцогство.

Лионское (Lyonnais) графство. — Ниже (в статье «Форе») мы пишем, как это графство в 1173 г. перешло из рук графа де Форе в руки архиепископа Лионского, державшего Лион и свои владения за Роной от императора. В том же параграфе мы излагаем причины, которые, как нам показалось, доказывают принадлежность Лионского графства к королевству Франции, а не к Империи, как считает Шпрунер¹⁸¹.

Лодев (Lodève), графство. — Раймунд-Гийом де Монпелье, епископ Лодевский, в 1187 г. купил у графа Родезского графство, или виконтство, Лодев, центром которого был замок Монбрён, стоявший в 500 лье от города, и присоединил его к церковному домену. Через три года граф Тулузский утвердил это приобретение и в свою очередь уступил епископу то, чем владел в диоцезе Лодев; все это епископ держал в лен от графа Тулузского¹⁸². Став таким образом светским сеньором своего диоцеза¹⁸³, в 1229 г. по Парижскому договору епископ попал в прямую ленную зависимость от короля Франции.

Ломань (Lomagne), виконтство. — См. Тулузское графство.

Маньоак (Magnoac), виконтство. — См. Тулузское графство.

Марсан (Marsan), виконтство. — См. Гиень, герцогство.

Марш (la Marche), графство. — См. Пуатевинское графство.

Мирпуа (Mirepoix), сеньория. — Мирпуа зависел от графа де Фуа, когда крестоносцы, захватив его в 1209 г., отдали его в качестве компенсации Ги де Леви, маршалу своей армии¹⁸⁴, который держал его в фьеф от Симона де Монфора, а потом от Амори де Монфора, графов Тулузских. Парижский договор 1229 г. перевел эту сеньорию в зависимость от короля¹⁸⁵. Мы не нашли документов, позволяющих с уверенностью провести границы фьефа Мирпуа¹⁸⁶; но, если обратиться к карте сенешальств Лангедока, приложенной к тому IV книги дона Вессета, выясняется, что этот фьеф включал часть будущего диоцеза Мирпуа, расположенную между графством Фуа, с одной стороны, диоцезами Каркассон и Нарбонн —

с другой. Однако его северная граница далеко не достигала той, какую назначили епископству Мирпуа, коль скоро Лорак-ле-Гран оказался в Тулузском графстве; скорей эта граница близка к проведенной в 1790 г. границе департамента Арьеж.

Могио (Mauguio), графство. — Это графство, почти целиком включавшее в себя диоцез Магелонн, попало в ленную зависимость от Святого престола, потому что граф Пьер принес его в дар папе Григорию VII и его преемникам. В 1211 г., во время альбигойской войны, папа Иннокентий III велел отобрать его у графа Тулузского Раймунда VI и в 1215 г. передал церкви Магелонна, которой оно и принадлежало до самой Революции¹⁸⁷. Мы не включили Люнель в пределы графства Могио, так как, хоть эта сеньория и входила в состав диоцеза Магелонн, она зависела непосредственно от короля¹⁸⁸. Кроме того, нам показалось полезным выделить в графстве Могио сеньорию Монпелье, которая почти полностью зависела от епископа и с того времени играла важную роль. Судя по одной фразе автора «Топографического словаря департамента Эро», можно было бы предположить, что графство Могио было намного меньше, чем указали мы¹⁸⁹, но мы только отметим, что, по словам того же автора, Бриссак, один из самых удаленных от Могио и Магелонна населенных пунктов диоцеза (он находился между диоцезом Лодев и Эро), был баронством, зависимым от графства Могио¹⁹⁰.

Монбонне (Montbonnet), сеньория. — Мы дали это название маленькой территории, распространявшейся сразу на Жеводан и Веле, которую надо было отделить от этих графств, потому что ее сеньор был непосредственным вассалом короны. Эта сеньория впервые упоминается в 1219 г., когда Пон де Монлор принес оммаж королю за замки Монбонне (коммуна Бен), Мирманд близ Монбонне, Вабр, Агрэн (коммуна Буше-Сен-Никола), Монтору (коммуна Лаваль-Атже) и Шамбон¹⁹¹; но ленная зависимость этих земель отнюдь не была точно установлена, так как менее чем через тридцать лет Эракль де Монлор, признав, что взял замки Монтору и Шамбон (в Жеводане) в лен у епископа Мендского, исправил свою ошибку и принес королю оммаж за несколько аллодиальных земель¹⁹².

Монпелье (Montpellier), сеньория. — Акт отказа Марии де Монпелье, дочери Гийома VIII, от ее прав на отцовскую сеньорию, датированный 1197 г.¹⁹³, и завещание Гийома VIII, составленное в 1202 г.¹⁹⁴, дали нам точные данные для установления границ этого фьефа, большая часть которого зависела от графства Могио. Сеньория Омелас, присоединенная к сеньории Монпелье в 1194 г.¹⁹⁵, относилась к диоцезу Безье и, следовательно, не зависела от епископа Магелоннского, графа Могио. Один акт 1255 г. отмечает, что епископ Магелоннский передал право получать оммаж от сиров де Монпелье королю Франции¹⁹⁶.

Монфор (Montfort), графство. — Для выяснения феодальной топографии графства Монфор-л'Амори с XIII по XVIII вв. имеется довольно много документов. Г-н де Дион недавно опубликовал анализ этих документов¹⁹⁷, самый ранний из которых, «Scriptum feodogum», относится к 1230 г.

Нарбонн (Narbonne), виконтство. — Там находился еще один из фьефов, которые Парижский договор 1229 г. перевел из-под сюзеренитета графов Тулузских под сюзеренитет короля Франции. Подробное письменное обещание верности, которое Эмери IV, виконт Нарбонна, и его брат Амори в 1271 г. передали королю за фьефы, которые держал от последнего их отец, виконт Амори I¹⁹⁸, показывает, что виконтство почти точно совпадало с тремя деканствами Нарбонн, Монбрён и Рокфор в диоцезе Нарбонн.

Небузан (Nébouzan), виконтство. — См. Тулузское графство.

Невер (Nevers), графство. — Акт 1199 г., которым Эрве де Донзи извещает о своем браке с Маго де Куртене и о том, что он становится графом Неверским¹⁹⁹, ясно показывает, что этот фьеф зависел от короля, а не от герцога Бургундского, как можно было бы заключить из упоминания об оммаже, принесенном Жаном Тристаном, графом Неверским, герцогу Гуго IV²⁰⁰. Графство Невер имело в течение почти всего XII в., то есть до 1199 г., тех же владельцев, что и графство Оксерское, и только к этому году его территория распространилась на диоцез Оксер, включив Кламси и Донзи. Кламси, фьеф, зависимый от графа Шампанского²⁰¹ и уже с давних пор принадлежавший графам Оксерским и Неверским, с 1199 г. надолго вошел в состав Ниверне. То же относится к Донзи, вотчине самого Эрве, баронству, которое зависело от епископа Оксерского²⁰² и от которого в свою очередь зависели Энтрен, Сен-Совёр, Дрюи, Корволь, Эте, Билли и Кон²⁰³. Граф Неверский был еще вассалом графа Шампанского и арьервассалом епископа Отёнского за земли Шательсензуар, Пьерпертюи и Ушон²⁰⁴, которые все три входили в диоцез Отён. Таким образом, графство Невер со времен Эрве де Донзи достигло пределов, которые провинция Ниверне сохраняла еще ко времени Революции; оно даже немного выходило за эти пределы на севере за счет Сен-Совёра, одной из земель баронства Донзи, но не включало на юго-западе Сен-Пьер-ле-Мутье, где с тех пор король учредил резиденцию королевского балья.

Нуайон (Noyon), графство. — Епископ Нуайонский, один из шести церковных пэров, был одним из тех прелатов, которые обладали светской властью еще с начальных времен династии Капетингов. Мы приписали этому графству территорию бальяжа Нуайон, ограниченную сеньориями Нель и Ам на севере и королевскими шателениями Шони на востоке, Туротт на юге, Рессон и Руа на западе.

Овернь (Auvergne), земля и графство. — См. Пуатевинское графство.

Омаль (Aumale), графство. — Омаль в XI в. принадлежал архиепископу Руанскому и был в 1066 г. передан Эду Шампанскому, ставшему его первым графом, на условиях носить архиепископское знамя и служить прелату на войне с десятью рыцарями²⁰⁵. На «карте графств и герцогств-пэрств Э и Омаль», составленной Эстанселеном, указаны границы фьефа Омаль, которые эта территория сохранила и в прошлом веке²⁰⁶.

Оксер (Auxerre) графство. — Объединение этого фьефа с соседними графствами Невер и Тоннерр в эпоху, которую мы хотим воспроизвести, еще не распалось. Оксерское графство, границы которого сохранились до Революции в виде границ анклава внутри губернаторства Бургундии, в большой мере зависело от короля; но граф приносил оммаж также епископу за то, что держал от него в самом Оксере и в окрестностях²⁰⁷, герцогу Бургундскому — за фьеф по ту сторону моста²⁰⁸, и графу Шампанскому — за Майи²⁰⁹.

Пардиак (Pardiac), графство. — См. Тулузское графство.

Перигор (Périgord), графство. — См. Гиень, герцогство.

Перш (Perche), баронства. — Союз пяти баронств Перш, которые их сеньоры держали в фьеф от епископа Шартрского²¹⁰, был окончательно создан в начале XI в. вследствие брака Гийома Гуэ I, сеньора де Монмирай, Отон и Ла-Базош, с Маго, дамой д'Аллиу и де Бру²¹¹. Пять баронств, которыми в 1249 г. владела Маго, дама де Бурбон и графиня Неверская, Оксерская и Тоннеррская, занимали ту же территорию, что и земля, которую географы прошлого называли Перш-Гуэ в качестве одной из частей Орлеанского губернаторства.

Понтьё (Ponthieu), графство. — В середине XIII в. этот фьеф имел меньшую протяженность, чем та часть Пикардии, которую географы прошлого века называли Понтьё. Он не включал в себя, к примеру, Сен-Рикье, который Мария, графиня Понтьё, вместе с Дулланом в 1225 г. уступила королю²¹². На юго-востоке его границы тоже не достигали границ современного Понтьё; наконец, сеньория Гамаш²¹³ на юге и сеньории О и Сен-Валери²¹⁴ на востоке зависели непосредственно от короля. По нашему мнению, это графство для времен Людовика Святого почти точно входит в границы сенешальства Понтьё, если к нему добавить бальяж Монтрёй²¹⁵.

Порсиан (Portien), графство. — См. графство Шампань.

Пуатье (Poitiers), графство. — Людовик VIII своим завещанием передал графство Пуатье и «всю Овернь» третьему сыну²¹⁶; тогда и возник обширный апанаж графа Альфонса, впоследствии благодаря браку с наследницей Тулузского графства ставшего самым могущественным вассалом короля, своего брата. Пуатевинское графство, разделенное на два сенешальства²¹⁷, состояло из провинций Пуату, Они и Сентонж, отвоеванных у английских королей: первая — Филиппом-Августом, две остальных — Людовиком VIII; графство Марш, вассал графа Альфонса,

соединяло эти провинции с Овернью, ставшей дополнительной землей *comitatus Pictavie*. Границы графства немного отличались от границ провинции, которой оно стало позже, в четырех местах: так, на севере оно включало в себя сеньорию Мирбо²¹⁸, некогда зависевшую от Анжуйского графства и позже присоединенную к последнему, а на востоке — шателению Ублан (ныне Леблан) в Берри, границы которой в прошлом веке несомненно стали границами бальяжа Леблан; зато на юге оно оставляло остров Олерон англичанам, а сеньорию Аршиак — графу Ангулемскому. Овернь по условиям завещания Людовика VIII должна была целиком принадлежать Альфонсу; но в 1255 г. парламент постановил, что Клермон, в то время центр светских владений епископа, неотделим от короны²¹⁹. Считалось, что большой бальяж Ле-Монтань в Оверни при Людовике Святом был королевским и, значит, не входил в апанаж; ничего подобного — напротив, в Греводане была резиденция бальи графа Альфонса²²⁰, и это был единственный замок, которым принц владел в Ле-Монтань²²¹. Граф Пуатевинский как сеньор земли Овернь пользовался правами сюзерена на шателении Монлюсон и Монтегю, в то время соединенные с сеньорией Бурбон, анклавными в которой были несколько его доменов, в частности, Сен-Пурсен-сюр-Сиуль²²².

Хотя могущественное *Овернское* (Auvergne) графство было в 1210 г. завоевано Филиппом-Августом, тем не менее наследник прежних графов продолжал носить титул графа Овернского в нескольких доменах, которые у него остались и владение которыми подтвердил за ним договор 1230 г. Эти домены составляли очень небольшую территорию, ограниченную с запада рекой Алье, с востока — Аллиу, а с севера — епископскими землями²²³. Их центром был Вик-ле-Конт.

Название «*Овернское Дофине*» (Dauphiné d'Auvergne) позже стало официальным названием доменов старшей ветви бывшего графского дома Оверни. Известно, что у этой ветви, лишенной с середины XII в. лучшей части Овернского графства, Филипп Август отобрал почти все, что у нее оставалось; тем не менее при Людовике Святом она еще владела полосой земли между Клермоном и Ланжаком, но точные границы ее владений нам неизвестны. Глава рода Дофин, принявший в XIII в. еще титул графа Клермонского, признавал по меньшей мере трех разных сюзеренов. Так, за домены, ближе всего расположенные к епископскому городу, то есть за Шамальер, Понжибо, Эйдат, Орьер (коммуна Вернин) и Шампе²²⁴, он приносил оммаж епископу. Шателении Водабль, Сорьер, Брионн (коммуна Сорьер), Рошфор, Кро и т.д. он держал от графа Альфонса²²⁵; наконец, за замки Вьей-Бриуд, Сент-Ильпиз и, вероятно, Леотуанг он признавал себя вассалом аббатства Бриуд²²⁶.

Границы графства *Марш* (la Marche), которое при Людовике Святом зависело от графа Пуатевинского, как нам кажется, ощутимо не отличались

от границ одноименного губернаторства, которых достигали на севере, включая в себя замки Белабр, Сен-Бенуа-дю-Со²²⁷ и Крозан²²⁸. На востоке графство доходило до земли Комбрей, которую граф Овернский тогда держал от Альфонса Пуатевинского, а именно шателении Аэн²²⁹, Шампаньят²³⁰, Обюссон²³¹ и Феллетен²³²; на западе его границу отмечали шателении Беллак и Ранкон, выпавшие в удел Гийому де Валансу, одному из сыновей графа Гуго Х²³³, и шателения Дорат²³⁴. Нам недостает сведений о южной границе графства Марш.

Реймс (Reims), графство. — Сюзеренитет архиепископов Реймских в XIII в. распространялся на большую часть диоцезов Реймс и Шалон²³⁵, но реальную власть они с XI в. имели только над Реймским графством. Границы этого графства, как нам показалось, должны соответствовать границам земли, на которой до Революции действовала Реймская кутюма, потому что части этого диоцеза, когда-то подчинявшиеся Шампанскому графству, признавали кутюму Витри, одну из четырех больших кутюм графской Шампани.

Ретель (Rethel), графство. — См. Шампань, графство.

Родез (Rodez), графство. — См. Тулуза, графство.

Руси (Roucy), графство. — Граф де Руси, все владения которого входили в диоцез Лан, сам центр своего графства держал от графа Шампанского²³⁶, будучи в то же время вассалом короля за Низи-ле-Конт и епископа Ланского — за замки Пьерпон, Монтегю и Сиссонн²³⁷. Поскольку границы графства Руси на востоке и на юге не отличались от границ губернаторства Шампань, установить их было довольно просто; что касается его границы на западе с Ланским графством и на севере — с королевским доменом, то для их проведения мы воспользовались указаниями, которые дает о феодальной ситуации в пограничных местностях «Топографический словарь департамента Эны» г-на Матона.

Сансерр (Sancerre), графство. — Графство Сансерр стало непосредственным фьефом короны вследствие того, что граф Шампанский Тибо IV в 1234 г. продал его Людовику Святому²³⁸. Для установления границ этого фьефа мы обладаем лишь немногими сведениями. Несомненно, он не доходил на севере до Сен-Гондона, замка, зависимого непосредственно от короля²³⁹, однако включал в себя на левом берегу Луары Сен-Бриссон, Шатийон, Лере и Сансерр²⁴⁰. С другой стороны, те факты, что Обиньи был прямым владением короля²⁴¹, а Буабель зависел непосредственно от короны²⁴², ясно показывают, что графство Сансерр, от которого зависели Конкрессо²⁴³ и фьефы Жард, Ла-Шапель и Дез-Экс-д'Ангийон²⁴⁴, не граничило с графством Блуа.

Сен-Поль (Saint-Pol), графство. — См. Артуа, графство.

Суассон (Soissons), графство. — Сведения, которые дает о площади этого фьефа Клод Дормей²⁴⁵, и карта герцогства Валуа, приложенная к

книге Карлье²⁴⁶, оказали нам большую помощь в выяснении протяженности графства Суассон.

Суть (Soule), виконтство. — См. Гиень, герцогство.

Тоннерр (Tonnerre), графство. — Контуры графства Тоннерр, похоже, ощутимо не отличаются от контуров элексьона. Граф в XIII в. признавал трех разных сеньоров: его основным сюзереном был епископ Лангрский²⁴⁷, которому Людовик Благочестивый в 814 г. отдал замок Тоннерр²⁴⁸. Кроме того, он был обязан оммажем герцогу Бургундскому за земли Гризель и Крюзи²⁴⁹ и епископу Шалона-на-Марне за фьеф, включавший приходы Бражелонь, Бовуар, Баньё-ле-Жюиф, Рисей, Модем и Шанн²⁵⁰.

Тулуза (Toulouse) графство. — На основе документов администрации Альфонса, брата Людовика Святого, можно было бы сделать превосходное топографическое исследование об этом важном феодальном владении, основные черты которого в XIII в. были намечены договором, заключенным в 1229 г. в Париже между Людовиком Святым и графом Раймундом VII. По этому договору Тулузское графство сводилось к диоцезам Тулуза (за исключением сеньории Мирпуа), Ажен, Кагор, Родез и части диоцеза Альби севернее Тарна²⁵¹. Во времена Альфонса домены графа действительно находились только в этих диоцезах²⁵², но другие документы показывают, что сюзеренитет последних графов Тулузских распространялся также на диоцезы Ош, Комменж и Консеран. Раймунд VII, поднимая оружие против короля в 1242 г., питал надежду вернуть ту часть территорий, от которой отказался по Парижскому договору, но единственным результатом его мятежа для него стала утрата графства Фуа в качестве вассала²⁵³.

Графство **Арманьяк** (Armagnac), к которому в середине XII в. присоединилось графство Фезансак, во времена Людовика Святого находилось в довольно неопределенной ситуации с точки зрения сюзеренитета. В 1216 г., во время альбигойской войны, Геральд IV повторно принял у Симона де Монфора, графа Тулузского, графства Арманьяк и Фезансак, виконтство Фезансаге, то, чем он владел в Маньоаке, словом, все свои фьефы за исключением тех, которые держал от церкви Ош²⁵⁴. Однако похоже, что раньше Арманьяк зависел от герцогства Гиени, потому что Геральд V, в 1254 г. обещавший английскому королю выяснить, не был ли его дядя, Геральд IV, вассалом короля Иоанна Безземельного, через недолгое время дал утвердительный ответ²⁵⁵. Это не помешало в 1264 г. графу Альфонсу потребовать оммажа от Геральда, и тот, поначалу отказавшись, подчинился с приближением войск сенешаля Тулузы, двинутых против него²⁵⁶. Позже, наконец, графство Арманьяк вернулось под сюзеренитет Гиени, потому что в 1286 г. Бернар VI принес оммаж Эдуарду I²⁵⁷. Эти обстоятельства и авторитет дона Вессетта, включившего Арманьяк на своей карте бывших сенешальств Лангедока²⁵⁸ в сенешальство Тулузское,

склонили нас рассматривать его как фьеф, зависимый от графа Альфонса. Графство Арманьяк, объединенное в то время с виконтством Фезансаге, было достаточно похоже на землю Арманьяк прошлого века, судя по списку общин, выступавших гарантами обязательств, которые принимали в 1247 г. граф Арнольд-Отон²⁵⁹, а в 1254 г. — граф Геральд V²⁶⁰.

Граф *Астарака* (Astarac), в 1183 г. вассал герцога Гиенского²⁶¹, похоже, во время крестового похода против альбигойцев тоже входил в число вассалов графа Тулузского²⁶², но неизвестно, был ли уже последний сюзереном самого графства Астарак. Однако мы знаем, что в 1230 г. граф Тулузский Раймунд VII дал графу Сентюлю Астарацкому в держание некоторые фьефы в Аженуа или в северной части диоцеза Ош и, следовательно, не имевшие никакого отношения к Астараку: это были замки Сент-Оран, Коссан, Бери, Франсескас и то, чем Раймунд владел в Фимарконе²⁶³. Один поступок Сигнис Астарацкой, вдовы Сентюля I и матери Сентюля II, выявил феодальное положение Астарака: эта принцесса, приехав в 1244 г. в Тулузу, поставила свою особу, особу своего сына и все домены, принадлежавшие ее мужу, под защиту и покровительство Раймунда VII, принявшего оммаж от юного Сентюля²⁶⁴. Через пять лет Альфонс, преемник Раймунда, в свою очередь принял от графа Астарака присягу на верность²⁶⁵. Финансовая территориальная единица, которую в прошлом веке называли элексьоном Астарак, была создана из двух графств — Астарак и Пардиак; поэтому, чтобы указать общие границы этих графств, нам пришлось воспользоваться перечнями, приведенными аббатом Монлезёном²⁶⁶, но с учетом территорий *новых городов* (villes neuves), которые от этих графств отделил Филипп Красивый для создания сужейства (jugerie) Верден.

Графство *Комменж* (Comminges), похоже, включавшее в себя весь диоцез Консеран и большую часть диоцеза Комменж, более века распространялось и на часть диоцеза Тулуза, а именно на замки Мюре и Саматан²⁶⁷. В 1241 г. граф де Комменж признавал сюзеренитет графа Тулузского только над этими двумя сеньориями²⁶⁸, но в 1244 г. Бернар VI принес оммаж Раймунду VII за все, чем владел в диоцезах Комменж и Консеран, хотя с незапамятных времен, как гласит документ, Бернар и его предшественники владели всем этим как аллодом²⁶⁹. Земля Консеран тогда принадлежала младшей ветви рода Комменж в качестве виконтства²⁷⁰. Что касается епископского города Сен-Лизье, на который долго претендовали графы де Комменж, то в 1216 г. третейский суд присудил его епископу Консеранскому²⁷¹, принесшему в 1256 г. за него оммаж графу Тулузскому²⁷².

Виконтство *Фезансаге* (Fézensaguet) мы показали отдельно от графства Арманьяк, хотя с приходом виконта Геральда к власти в последнем оба владения объединились; но этот союз был недолгим, так как Фезан-

саге в 1285 г. достался в наследство Гастону, второму сыну Геральда V, и потомки Гастона владели этой землей до 1403 г.²⁷³ Территорию этого виконтства можно разграничить довольно точно благодаря переписям прошлого века, разделявшим элексьон Арманьяк на несколько коллект, одна из которых называлась Фезансаге²⁷⁴.

Виконтство *Габардан* (Gabardan) при Людовике Святом принадлежало Гастону VII, виконту Беарнскому²⁷⁵, по решению третейского суда от 1256 г. вступившему также во владение соседним виконтством Марсан. Несмотря на это обстоятельство, мы сочли полезным показать эти виконтства по отдельности, так как сюзерены у них были разными. Действительно, Марсан зависел от герцогства Гиень, тогда как Габардан, согласно дону Вессетту, входил в состав графства Тулузского²⁷⁶. Еще в прошлом веке Габардан был отдельной территорией как часть женедалите Бордо.

Сеньория *Иль-ан-Журдан* (Isle-en-Jourdain) была возведена в статус графства только в XIV в.²⁷⁷, но важность роли ее сеньоров побудила нас выделить ее среди соседних фьефов, указав границы, данные ей в прошлом веке²⁷⁸.

Виконт *Ломани* (Lomagne) Везиан II, отказавшись признавать своим сюзереном Ричарда Львиное Сердце, в то время герцога Гасконского, был осажден последним в Лектуре и в конечном счете принес ему оммаж за свой фьеф²⁷⁹. Позже упадок могущества английских королей на континенте несомненно позволил преемникам Везиана сразу же освободиться от их сюзеренитета, но представляется маловероятным, чтобы они могли тогда отказать в повиновении графам Тулузским, чье господство распространялось на Арманьяк и Астарак, более удаленные от центра власти последних. Достоверно известно, что в 1251 г. Арнольд-Отон, виконт де Ломани, принес графу Тулузскому оммаж за Авийяр и всю землю, которую держал в Аженуа²⁸⁰, но надо признать, что в те времена Авийяр рассматривался только как дополнительная земля виконтства Ломань, по большей части входившего в диоцез Лектур, и что мы не нашли никаких сведений о ленной зависимости собственно Ломани во времена Людовика Святого.

Виконтство *Маньоак* (Magnoac), которое дон Вессетт заключил в пределы Тулузского сенешальства²⁸¹, территориально не отличалось от долины Маньоак, одной из Четырех долин (Катр-Валле), на которые с 1216 г. распространялся сюзеренитет графов Тулузских²⁸².

Виконтство *Небузан* (Nébouzan), включавшее земли обоих диоцезов Тарб и Комменж, границы которого сохранились для нас на картах прошлого века, в 1257 г. принадлежало Арнольду Испанскому, вассалу Эскивата де Шабане, графа Бигорра²⁸³, а тот, очевидно, приносил оммаж графу Альфонсу, потому что карта бывших сенешальств Лангедока у дона Вессетта включает виконтство в пределы Тулузского сенешальства.

Графство *Пардиак* (Pardiac), самым значительным населенным пунктом которого был Монлезён, было отделено от графства Астарак в начале XI в. При Людовике XI оно было присоединено к королевскому домену, а потом объединено с Астаракон, образовав элексьон Астарак, и указаниями, необходимыми для проведения границ обоих графств²⁸⁴, мы обязаны книге аббата Монлезёна²⁸⁵.

Название *Катр-Валле* (Quatre-Vallées, Четыре долины) относилось к долинам Оры, Баруссы, Маньоака и Несты, которые к концу XIII в. перешли в руки рода Арманьяк²⁸⁶. Долина Маньоака, судя по старинным картам, от остальных трех была отделена Небузаном.

Графство *Родез* (Rodez), сильно отличающееся от Руэрга, появилось на карте в 1096 г., когда Раймунд де Сен-Жиль, граф Тулузский, заложил Ричарду, виконту де Карлат и Лодеву, часть Руэрга, чтобы покрыть затраты на крестовый поход. Г-н де Гожаль²⁸⁷ точно указывает все изменения, происшедшие с графством Родез, и мы использовали эти указания, чтобы провести границы графства в эпоху, которая нас интересует. Элексьон Родез имеет очертания не графства XIII в., а графства конца XIV в., то есть выросшего, благодаря королевским щедротам, на четыре шателении — Ла-Гиоль, Ла-Рок-Бальзерг, Сен-Женьес и Касссань-Бегоньес²⁸⁸.

Турне (Tournai), епископство. — В общем все согласны, что Турне и его окрестности входили в состав французской монархии в течение всего средневековья, а многочисленные постановления с 1203 по 1483 гг., подтверждающие для королей Франции право регалий в этой епископстве, подкрепляют это мнение для эпохи, которая нас интересует особо. Епископ властвовал в Турне и в Турнези до времен, когда уступил эти территории королю Филиппу Длинному в обмен на несколько доменов во Фландрии²⁸⁹. В качестве границ светских владений епископа Турне мы приняли границы Турнези, указанные на исторических картах Бельгии²⁹⁰.

Фезансаге (Fézensaguet), виконтство. — См. Тулуза, графство.

Фландрия (Flandre), графство. — Окончательно установлена западная граница Фландрии и создано графство Артуа были в 1212 г. в результате возврата Эра и Сент-Омера принцу Людовику Французскому²⁹¹. Восточная граница этого графства не соответствовала границе королевства Франции, так как граф Фландрский держал от императора острова Зеландия, Четыре округа, землю Ваас, графство Алост и Граммон; эти земли были завоеваны графом Балдуином V в 1056 г. во время войны с императором²⁹². Договоры, заключенные в 1257 г. между сыновьями графини Маргариты, дают нам понять, что к этому времени графство Фландрия распространялось и на юг, на земли Империи: к ним относились фьефы Кревкёр и Арлэ и шателения Бушен, или Остреван²⁹³.

Форе (Fogez), графство. — Самый старинный документ, констатирующий связи сюзерен — вассал между королем и графом де Форе, — это акт

оммажа от 1167 г., где Ги III заявляет, что держит от короля замки Монбризон и Монсю и отдает под ленную зависимость от него замки Монтарше, Сен-Шамон, Ла-Тур-ан-Жаре и Шамуссе; в то же время король уступает ему замки Марсийи, Донзи, Клеппе, Сен-При, Лавьё и Сен-Ромен²⁹⁴. Через шесть лет тот же граф заключает соглашение с Гишаром, архиепископом Лионским, по которому уступает последнему Лионское графство²⁹⁵ в обмен на некоторые фьефы; в силу этой сделки Ги III становится вассалом архиепископа за некоторые земли, в том числе за Сен-При, Шамбо, Понсен и Нервьё²⁹⁶. Именно в это время, вероятно, формируется восточная граница Форе, то есть граница с Лионне, которая сохранилась до Революции. На севере граница тоже не должна была сильно меняться, так как Сен-Аон входил в число имений, которые архиепископ уступил графу в 1173 г. На северо-востоке, то есть со стороны сеньории Божё, она была зафиксирована с XIII в., как показывает оммаж, которым сир де Божё был обязан графу де Форе за сеньории Жу, Амплепюи и Шамле. У нее было мало шансов измениться на западе, где Форе граничило с Овернью, но мы должны были допустить некоторый сдвиг на юг, чтобы захватить в графстве Веле XIII в. шателени Шалансон и Рошбарон.

Фуа (Foix), графство. — Граф де Фуа, некогда вассал Тулузского графства за то, что он держал выше Па-де-ла-Барр²⁹⁷, после мятежа Раймунда VII, графа Тулузского, в 1242 г. стал зависеть непосредственно от короны²⁹⁸. Дон Вессет опубликовал два документа, очень ценных для точного воссоздания границ графства Фуа: письменное обещание верности, сделанное графом Роже-Бернаром III королю в 1263 г.²⁹⁹, и соглашение об общей границе графства Фуа и сеньории Мирпуа за 1295 г.³⁰⁰

Шалон (Chalons), графство. — Обычно считают, что переход графства Шалонского под власть епископов города Шалон совпадает с приходом к власти во Франции третьей династии [Капетингов]³⁰¹. Точно установить границы этого графства в XIII в. трудно, и мы были вынуждены, чтобы получить мало-мальски приемлемый результат, сочетать точные указания, содержащиеся в книге г-на Э. де Бартеlemi о бывшем Шалонском диоцезе³⁰², с нашими особыми сведениями о географии Шампанского графства.

Шампань (Champagne), графство. — Важные документы по феодальной географии, опубликованные в книге г-на д'Арбуа де Жюбенвиля³⁰³, позволяют нам привести здесь объяснения относительно границ Шампанского графства. Мы только напомним, что граф держал несколько фьефов от императора в восточных частях диоцезов Реймс и Шалон, а также в диоцезе Туль³⁰⁴, и скажем несколько слов о шести графствах, зависевших в середине XIII в. от Шампанского графства.

Графство *Бриенн* (Brienne), полезные сведения о котором можно найти в недавно изданной книге д'Арбуа де Жюбенвиля «Каталог актов графов де Бриенна»³⁰⁵, в 1259 г. не распространялось на всю территорию

деканства Бриенн в диоцезе Труа. Действительно, в деканство входили: на севере — Пужи, непосредственно зависевший от графа Шампанского³⁰⁶; на западе — Онжон, которым графы де Бриенн владели до 1250 г.³⁰⁷; на юго-западе — несколько приходов шателении Бар-сюр-Об; на юго-востоке — Виль-сюр-Терр, который из-за непринесения оммажа в 1250 г. отобрали у графа де Бриенна, так же как Онжон и Люйер³⁰⁸; наконец, на западе — Сулен и несколько соседних деревень, составлявших тогда преотводство Шампанского графства³⁰⁹.

Графство *Гранпре* (Grandpré), согласно оммажу, принесенному графу Шампанскому в 1216 г., состояло из шателений Гранпре и Бюзанси и фьефов Серне и Отри³¹⁰.

Графство *Жуаньи* (Joigny). — Фьеф, который граф Жуаньи держал от графа Шампанского, в 1201 г. включал шателении Жуаньи, Сези, Ла-Ферте-Лупьер и Шато-Ренар³¹¹; но последний фьеф не составлял единого целого с остальным графством, о территории которого нам дает довольно точное представление элексьон Жуаньи. Надо однако отметить, что некоторые юго-западные приходы этого финансового подразделения (Шарни, Маликорн, Шампиньель, Вильнёв-ле-Жене и Таннерр) могли относиться к доменам рода Куртене³¹².

Графство *Порсиан* (Porcien) составляло лишь небольшую часть старинного *пага* или *комитата* (pagus или comitatus Porcensis), в который когда-то входили сеньории Ретель³¹³, Шомон³¹⁴ и Рюмины³¹⁵. Существует список деревень графства Порсиан за 1400 г.³¹⁶; к этому времени графство состояло из двух групп территорий, не смежных друг с другом; это были шателении Шато-Порсиан и Монкорне³¹⁷. Графы Шампанские передали оммаж за Шато-Порсиан архиепископу Реймскому³¹⁸.

Графство *Ретель* (Rethel) в 1259 г. составляли шателении Шато-Реньо, Мезьер, Доншери, Рокур, Омон, Ретель, Ле-Шатле и Бурк³¹⁹. Хотя Шато-Реньо и Мезьер в документах XIV в. не были отнесены к Империи, несмотря на их положение на правом берегу Мааса, мы не рискнули включить их для XIII в. в пределы королевства. Доншери, имевший то же топографическое положение, тем не менее был включен в состав Франции, так как, похоже, всегда составлял ее часть³²⁰; Рокур, напротив, хоть и находился по эту сторону Мааса, бесспорно принадлежал в XIII в. к Империи. Похоже, с тех времен, которые нас интересуют, очертания графства Ретель мало изменились³²¹; позже их перенял элексьон Ретель, чьи анклав и извилистые границы мы и воспроизводим из-за маленьких размеров нашей карты.

Центр графства *Руси* (Roucy) зависел от графа Шампанского, но, поскольку большая часть прочих земель этого графства находилась в зависимости от епископа Ланского, мы сочли своим долгом рассмотреть этот фьеф отдельно³²².

Э (Eu), графство. — В 1219 г. графиня Алиса уступила королю шателени Арк, Дрианкур (ныне Нёшатель-ан-Бре) и Мортемер³²³; таким образом, контуры графства Э, какими их изображает карта Эстанселена³²⁴, вероятно, возникли в этом году.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Если сравнить карты времен царствования святого Людовика, входящие в эти атласы, с нашей, можно убедиться, что их авторы были далеки от точных представлений об основных чертах феодальной географии нашей страны. Что касается исторического атласа, изданного в Германии К. Шпрунером (*Spruner von Mertz, Karl. Historico-geographische Handatlas. Gotha. 1861*), он включает всего две карты по капетингскому средневековью: одна изображает Францию и Арелатское королевство по 1180 г., другая — те же страны с 1180 по 1460 гг. Неудобство этих карт заключается в том, что на них изображены вместе группы феодальных владений, существовавшие в разное время. К тому же недостаточное знание истории французских провинций побудило ученого немецкого географа допустить ряд серьезных неточностей: так, например, на карте XII в. Суассонское графство простирается до южной границы Суассонского диоцеза и на часть Шалонского графства; в этот фьеф также включены многие важные и старинные шателени Шампанского графства (Ульши, Шато-Тьерри, Вертю). На той же карте автор пожелал упомянуть и выделить некоторые довольно малоизвестные сеньории, как, например, сеньорию Бруа (Марна), название которой Шпрунер несомненно почерпнул из «Генеалогической истории дома Бруа» Дюшена (*Du Chesne, André. Histoire généalogique de la Maison Royale de Dreux et de quelques autre familles illustres (De Bar-le-Duc, De Luxembourg et de Limbourg, Du Plessis de Richelieu, De Broys et de Chasteauvillain) qui en sont descendues. Paris. 1631*) и южную границу которой сместил минимум на восемь лье, так что в нее вошло аббатство Параклет и неявно — большая часть шателений Сезанн, Шантемерль и Пон-сюр-Сен, в то время входивших в графство Шампанское.
2. *Arbois de Jubainville M.-H. d'. Histoire des ducs et des comtes de Champagne. Paris. 1859–1869. T. IV. P. 884–888. T. VII. P. 57–62 de l'Introduction.*
3. *Annales Bertiniani. Anno 843 // Les annales de Saint-Bertin et de Saint-Vaast, pub. par l'abbé C. Dehaisnes. Paris. 1871.*
4. Известно, например, что диоцезы Вивье и Юзес по эту сторону Роны тем не менее не входили в состав государства Карла Лысого.
5. Эти документы были опубликованы Вареном: *Archives administratives de la ville de Reims. Ed. par Pierre Varin. Paris. 1839–1849. T. II. P. 1024–1124.*

6. *Feoda Campanie*, nos 233 et 233 bis.
7. Финансово-податной округ в средние века (*примеч. пер.*).
8. Об этом графстве см. *Longnon, Auguste. Etudes sur les pagi de la Gaule. Première partie.* Paris. 1872. P. 5–24.
9. Расследование, о котором идет речь, было проведено до 1201 г., а Сент-Мену включили в графство Шампанское в 1199 г., Пассаван же был основан только в 1241 г.
10. Вероятно, можно было бы объяснить, почему эти четыре замка тем не менее не числились среди имперских фьефов: Линьи, например, изначально был аллодиальной землей (*Brussel N. Nouvel Examen de l'usage général des fiefs en France.* Paris. 1750. P. 357).
11. В диоцезе Туль был еще один замок, зависимый от графов Шампанских, — Дулеван-ле-Шато, но деканство Ла-Ривьер-де-Блез, которому подчинялся этот приход, было всего лишь анклавом диоцеза Туль, окруженным землями диоцезов Труа, Шалон и Лангр.
12. «Totum corpus civitatis Lugdunensis et omnia jura regalia per omnem archiepiscopatum ejus *citra Ararim*, infra vel extra civitatem, in abbatiis et in earum possessionibus» (*Fisquet H. J.-P. La France pontificale, Gallia christiana.* Paris. 1800–1850. T. IV. Instr. C. 17). Следует особо отметить, что грамота того же суверена в пользу архиепископа Иоанна, датированная 1184 г. и, следовательно, изданная после передачи Лионского графства архиепископу (*Ménéstrier, Claude-François. Histoire civile et consulaire de la ville de Lyon.* Lyon. 1696. Preuves, 2e partie. P. 34), использовала те же выражения.
13. *Bernard A. Cartulaire de l'abbaye de Savigny.* Paris. 1853. T. I. P. XCI et suiv.
14. *Delisle L.-V. Catalogue des actes de Philippe-Auguste, n° 93.* Paris. 1856.
15. *Dupuy P. Traitez touchant les droits du roy très chrestien...* Paris. 1655. P. 867–868.
16. «Civitatem ejus et partes illas, sicut justum est, vobis et regno vestro pro viribus subiciet et subjugabit» (*Du Chesne André. Historiæ Francorum scriptores.* Paris. 1636–1649. T. IV. P. 633).
17. *Delisle L.-V. Catalogue des actes de Philippe-Auguste, n° 220.* Paris. 1856.
18. *Vaissète J. et Vic C. de. Histoire générale de Languedoc.* Paris. 1730–1745. T. III. P. 45.
19. *Le Nain de Tillemont L.-S. Vie de saint Louis, roi de France.* Paris. 1847–1851. T. I. P. 89.
20. *Recueil des historiens des Gaules et de la France.* Paris. 1869. T. XXIII. P. 676.
21. *Expilly J.-J. Dictionnaire historique, géographique et politique des Gaules et de la France.* Paris. 1762–1770. T. V. P. 152.
22. Это мнение как будто принято всеми авторами, специально занимавшимися этой страной, и странно, что ученый аббат Лонгерю приписывает завоевание Нижней Наварры Санчо Сильному, правившему в

- начале XIII в. (*Longuerue L. D. de. Description historique et géographique de la France ancienne et moderne. Paris. 1719. 1re partie. P. 211*).
23. *Marca P. de. Marca hispanica sive Limes hispanicus... Parisiis. 1688. Col. 1544–1545.*
24. *Longuerue L. D. de. Description historique et géographique de la France ancienne et moderne. Paris. 1719. 1re partie. P. 218–219.*
25. Этот счет доходов короля был опубликован Брюсселем: *Brussel N. Nouvel Examen de l'usage général des fiefs en France. Paris. 1750. Pièces justificatives. T. II. P. CXXXIX–CCX.*
26. Графство Эврэ, похоже, приобрели слишком недавно, чтобы его превотства были включены в счет от 1202 г.; но оно, как и нормандский Вексен, вошло в старую часть королевского домена, как свидетельствует счет от 1248 г., где Нормандия не фигурирует (*Recueil des historiens des Gaules et de la France. Paris. 1869. T. XXI. P. 226*).
27. *Brussel N. Nouvel Examen de l'usage général des fiefs en France. Paris. 1750. Pièces justificatives. P. 445.* Применение этого правила можно увидеть в «Счете превотств и бальяжей Франции»: *Compte de prévôtés et des baillages de France // Recueil des historiens des Gaules et de la France. Paris. 1869. T. XXI. P. 260–284*).
28. *Delisle L.-V. Catalogue des actes de Philippe-Auguste, n° 1196. Paris. 1856.*
29. *Brussel N. Nouvel Examen de l'usage général des fiefs en France. Paris. 1750. P. 457.*
30. Эти названия переставлены в соответствии с русским алфавитом (*примеч. пер.*).
31. *Vaissète J. et Vic C. de. Histoire générale de Languedoc. Paris. 1730–1745. T. III. P. 71–72.* Титул виконта вышел из употребления при епископах, которые позже называли себя графами.
32. *Ibid.*
33. *Ibid. T. III. Preuves. Col. 367.*
34. *Fisquet H. J.-P. La France pontificale, Gallia christiana. Paris. 1800–1850. T. I. C. 16.*
35. *Ibid. Instrumenta. P. 8.*
36. *Ibid. Instrumenta. P. 10.*
37. Соглашение 1315 г., приведенное доном Вессеттом: *Vaissète J. et Vic C. de. Histoire générale de Languedoc. Paris. 1730–1745. T. IV. P. 157.*
38. *Ibid.*
39. У дона Вессетта (*Vaissète J. et Vic C. de. Histoire générale de Languedoc. Paris. 1730–1745. T. III. P. 159 и 187*) можно также прочесть, что Ломбер и его окрестности в XIII в. рассматривались сеньорами Кастра как дополнительные земли их сеньории.
40. *Teule, A. Layettes du Trésor des chartes. Paris. 1863–1909. T. II. 1866. P. 477.*

41. *Viton de Saint-Allais N. L'art de vérifier des dates des faites historiques...* Paris. T. II. 1818. P. 379.
42. *Teulet A. Layettes du Trésor des chartes.* Paris. 1863–1909. T. II. 1866. P. 477.
43. *Ibid.*
44. Аршиак, присоединенный к графству Ангулемскому благодаря браку Жоффруа Тайефера с Перронеллой д'Аршиак (*Viton de Saint-Allais N. L'art de vérifier des dates des faites historiques...* Paris. T. II. 1818. P. 377), был в 1249 г. завещан Гуго де Лузиньяном вместе с землями Коньяк и Мерпен его второму сыну Ги, тогда как Жарнак достался Жоффруа, младшему брату Ги (*Teulet A. Layettes du Trésor des chartes.* Paris. 1863–1909. T. II. 1866. P. 499).
45. *Teulet A. Layettes du Trésor des chartes.* Paris. 1863–1909. T. II. 1866. P. 54.
46. *Viton de Saint-Allais N. L'art de vérifier des dates des faites historiques...* Paris. T. II. 1818. P. 857.
47. *Achery L. d'. Spicilegium. Parisiis. 1655–1677. Edition in-4°. T. XI. P. 372–373.*
48. *Martène E. Bullarium privilegiorum ac diplomatum romanorum Pontificum amplissima collectio. Romae. 1739. T. I. C. 1032.*
49. *Thesaurus novus anecdotorum.* T. II. C. 619.
50. *Viton de Saint-Allais N. L'art de vérifier des dates des faites historiques...* Paris. T. II. 1818. P. 816.
51. *Teulet A. Layettes du Trésor des chartes.* Paris. 1863–1909. T. II. 1866. P. 54.
52. *Ibid.* T. II. P. 349.
53. *Ibid.*
54. *Le Nain de Tillemont L.-S. Vie de saint Louis, roi de France.* Paris. 1847–1851. T. I. P. 16.
55. *Viton de Saint-Allais N. L'art de vérifier des dates des faites historiques...* Paris. T. II. 1818. P. 767. Пожалование земли Марк графам Булонским произошло в IX в. (*Ibid.* T. II. P. 760).
56. Это исследование, озаглавленное «Топография du comté de Guines», занимает с. 505–516 издания Ламберта Ардрского, предпринятого г-ном Годфруа-Менильглезом (*Lambert. Chronique de Guines et d'Ardre, par Lambert, curé d'Ardre. Revue... par le Mis de Godefroy Méniglaise.* Paris. 1855).
57. Одна из этих карт специально посвящена изображению графства Гин в XIII в.
58. *Viton de Saint-Allais N. L'art de vérifier des dates des faites historiques...* Paris. T. II. 1818. P. 788.
59. *De la mouvance du comté de Saint-Pol // Dupuy, Pierre. Traitez touchant les droits du roy très chrestien...* Paris. 1655. P. 311–338. Ср. *Baluze E. Histoire généalogique de la maison d'Auvergne.* Paris. 1708. T. I. P. 99: упоминание о постановлении 1321 г., устанавливающим этот факт.

60. *Delisle L.-V. Catalogue des actes de Philippe-Auguste, nos 1865, 1870–1872 et 1891.* Paris. 1856.
61. *Recueil des historiens des Gaules et de la France.* Paris. 1869. Т. XXIII. P. 626–628.
62. *Bernier J. Histoire de Blois.* Paris. 1682. P. 254–255.
63. *Ordonnances des rois de France.* Т. III. P. 607.
64. *Raynal L. Histoire de Berry.* Bourges. 1844–1845. Т. I. P. 53.
65. *Feoda Campanie, no 249. Arbois de Jubainville M.-H. d'. Histoire des ducs et des comtes de Champagne.* Paris. 1859–1869. Т. IV. P. 131.
66. *Alberici monachi trium Fontium chronicon.* Lipsiae. 1698. Anno 1015.
67. См. акт 1202 г. в: *Pérard, Etienne. Recueil des plusieurs pièces curieuses servant à l'histoire de Bourgogne.* Paris. 1664. P. 270, и акт 1277 г. в: *Titres de la maison ducale de Bourbon.* Réd. par Huillard-Bréholles. Paris. 1867–1874. Т. I. P. 116.
68. *Titres de la maison ducale de Bourbon.* Réd. par Huillard-Bréholles. Paris. 1867–1874. Т. I. P. 22 и 105.
69. *Morice Dom Hyacinthe. Histoire ecclesiastique et civile de Bretagne.* Paris. 1750–1756. Preuves. Т. I. C. 888.
70. *Barthélémy A. de. Mélanges historiques et archéologiques sur la Bretagne.* Paris. 1868. 1er fascicule. P. 52–53. Г-н Бартеlemi отметил (с. 71), что Авогур находился в той части прихода Плезиди, которая зависела от Гоэльо.
71. «Eodem tempore (1236) data et atournata fuit Penthevria, excepto Jugonio, Hugoni filio comitis de Marchia, cum filia Petri comitis totius Britannie» (*Chronicon britannicum // Morice, Dom Hyacinthe. Histoire ecclesiastique et civile de Bretagne.* Paris. 1750–1756. Preuves. Т. I. C. 111).
72. О шателении Ламбаль см.: *Barthélémy A. de. Mélanges historiques et archéologiques sur la Bretagne.* Paris. 1868. 2e série. 1er fascicule. P. 123, а о шателении Монконтур — *Ibid.* 1e série. 1er fascicule. P. 46–47.
73. *Morice, Dom Hyacinthe. Histoire ecclesiastique et civile de Bretagne.* Paris. 1750–1756. Т. I. P. 114.
74. *Ibid.* Т. I. P. 168.
75. *Ibid.* — Жювеньор (*juveigneur*) — младший сын сеньора, по обычаю Бретани получавший две трети наследства; в некоторых местах этой и других местностей он мог получать и все наследство (*примеч. пер.*).
76. *Ibid.* Preuves. Т. I. P. с. 1114.
77. *Ibid.* Preuves. Т. I. P. с. 921.
78. Этот факт следует, похоже, не только из условий передачи, но еще и из другого документа за 1274 г., согласно которому Эрве IV отдавал графу Бретонскому любое место для постройки мельницы на земле виконта Леонского и близ Бреста («*Situm seu locum ad faciendum molina in terra nostra circa villam de Brest ubi dicto duci videbitur.*» *Morice, Dom*

- Hyacinthe*. Histoire ecclésiastique et civile de Bretagne. Paris. 1750–1756. Preuves. T. I. C. 1031).
79. *Ibid*. Preuves. T. I. P. c. 1037.
80. *Ogé J.* Dictionnaire historique et géographique de la province de Bretagne. Nantes. 1776–1780. Nouvelle édition. T. II. P. 857. Согласно этому автору, Эрве IV в последние годы жизни продал также Сен-Ренан и Ле-Конкет.
81. Это, во всяком случае, как будто следует из акта раздела, опубликованного доном Морисом: *Morice, Dom Hyacinthe*. Histoire ecclésiastique et civile de Bretagne. Paris. 1750–1756. Preuves. T. I. C. 920.
82. *Chazaud M.-A.* Étude sur la chronologie des sires de Bourbon. Moulins. 1865. P. 130.
83. *Archives nationales*. JJ ii, folio 24 recto.
84. *Chazaud M.-A.* Étude sur la chronologie des sires de Bourbon. Moulins. 1865. P. 138.
85. Счет 1248 г. в: *Recueil des historiens des Gaules et de la France*. Paris. 1869. T. XXI. P. 268.
86. *Boutaric E.-P.* Saint Louis et Alphonse de Poitiers. Paris. 1870. P. 173.
87. *Titres de la maison ducale de Bourbon*. Réd. par Huillard-Bréholles. Paris. 1867–1874. T. I. P. 11.
88. *Ibid*. T. I. P. 29.
89. *Raynal L.* Histoire de Berry. Bourges. 1844–1845. T. II. P. 58.
90. *Chazaud M.-A.* Étude sur la chronologie des sires de Bourbon. Moulins. 1865. P. 138.
91. *Titres de la maison ducale de Bourbon*. Réd. par Huillard-Bréholles. Paris. 1867–1874. T. I. P. 109.
92. Оно напечатано у дона Планше: *Plancher D. U.* Histoire générale et particulière de Bourgogne. Dijon. 1739–1781. T. II. Pr. p. XXV–XXVII.
93. *Ibid*. T. II. Preuves. P. XXIII. Значит, Брансьон, входивший в прошлом веке в состав бальяжа Макон, не принадлежал в XIII в. Маконскому графству; поэтому мы поместили его в Бургундское герцогство.
94. *Viton de Saint-Allais N.* L'art de vérifier des dates des faites historiques... Paris. T. II. 1818. P. 506.
95. *Ibid*. T. II. P. 504.
96. *Teulet A.* Layettes du Trésor des chartes. Paris. 1863–1909. T. II. 1866. T. II. P. 347.
97. *Plancher D. U.* Histoire générale et particulière de Bourgogne. Dijon. 1739–1781. T. II. Pr. p. XIX.
98. См. добросовестное перечисление этих приобретений в издании: *Courtépée, Claude*. Description générale et particulière du duché de Bourgogne. Dijon. 1847–1848. 2e édition. T. III. P. 241.
99. *Teulet A.* Layettes du Trésor des chartes. Paris. 1863–1909. T. II. 1866. P. 347.

100. *Fisquet H. J.-P.* La France pontificale, Gallia christiana. Paris. 1800–1850. Т. II. С. 721.
101. *Ibid.* Т. II. С. 704.
102. Этот оммаж был принесен за Полиньяк и все замки виконта: «*Podemniacum et omnia castella mea que habeo*» (*Vaissète J., et Vic C. de.* Histoire générale de Languedoc. Paris. 1730–1745. Т. III. Preuves. Col. 238).
103. *Delisle L.-V.* Catalogue des actes de Philippe-Auguste, nos 1385–1386. Paris. 1856.
104. *Ibid.*, n° 1532.
105. См. ниже статью о сеньории Монбонне.
106. *Coutumes générales et locales de la province d'Auvergne.* Par Guillaume-Michel Chabrol. Riom. 1784. Т. I. P. XXIV.
107. *Fisquet H. J.-P.* La France pontificale, Gallia christiana. Paris. 1800–1850. Т. II. Instr. P. 233.
108. Город Базас держали в лен от английского короля епископ и капитул. (См. документ от 1279 г. в Национальной библиотеке, департамент рукописей, том 636 коллекции Моро (Moreau), folio 154 recto.)
109. Ценные сведения о феодальной географии Гиени в XIII в. можно найти в томах 634–636 (Bréquigny 10–12) коллекции Моро Национальной библиотеки.
110. Есть упоминание о прево (английском) Олерона в 1242 г. (Национальная библиотека, коллекция Моро, т. 634, folio 41 recto), а в 1253 г. пост «балы острова Олерон» занимал Уильям Арундел (*Ibid.*, т. 635, folio 17 recto).
111. Текст договора гласит, что король не касается «оммажа своим братьям, ежели они что-либо здесь держат», но это, очевидно, преувеличенная предосторожность — из всех братьев святого Людовика какие-то владения в его диоцезах были у одного Альфонса.
112. Оригинал Аввильского договора хранится в Сокровищнице хартий (Национальные архивы) на стороне J 629, n° 4.
113. *Asfeld L. d'.* Chroniques du Béarn. Paris. 1847–1849. P. 393.
114. *Viton de Saint-Allais N.* L'art de vérifier des dates des faites historiques... Paris. Т. II. 1818. P. 259.
115. *Monlezun J.-J.* Histoire de la Gascogne. Auch. 1846–1849. Т. II. P. 340.
116. *Ibid.* Т. II. P. 349.
117. *Ibid.*
118. Департамент рукописей Национальной библиотеки, т. 634 коллекции Моро, folio 97.
119. *Delisle L.-V.* Catalogue des actes de Philippe-Auguste, n° 1409. Paris. 1856.
120. *Marvaud F.* Histoire des vicomtes et de la vicomté de Limoges. Paris. 1873. Т. I. P. 338.
121. *Ibid.* Т. I. P. 301.

122. *Ibid.* Т. I. P. 338.
123. *Gourgues A. de.* Dictionnaire topographique du département de la Dordogne. Paris. 1873. P. XXXVII.
124. Эксидёй, уже во второй половине XII в. принадлежавший виконтам (см. хронику Жоффруа де Вижуа в изд.: *Labbe P. Nova bibliotheca manuscriptorum.* Parissis. 1643. Т. II. P. 307–320), находился под их властью еще в 1375 г., как следует из выписки, сделанной в архивах Нижних Пиренеев (фонды виконтства Лимож, Е 1763) моим коллегой г-ном Робером де Ластейри.
125. *Viton de Saint-Allais N.* L'art de vérifier des dates des faites historiques... Paris. Т. II. 1818. P. 270.
126. *Delisle L.-V.* Catalogue des actes de Philippe-Auguste, n° 1409. Paris. 1856.
127. *Gourgues A. de.* Dictionnaire topographique du département de la Dordogne. Paris. 1873. P. 310.
128. *Brussel N.* Nouvel Examen de l'usage général des fiefs en France. Paris. 1750. P. 457.
129. *Le Nain de Tillemont L.-S.* Vie de saint Louis, roi de France. Paris. 1847–1851. Т. I. P. 342.
130. В коллекции Моро (Национальная библиотека) можно увидеть копии документов 1251 г. (Т. 634, folio 88), 1253 г. (*Ibid.*, folio 100 recto) и 1255 г. (Т. 635, folio 133 recto), констатирующие подчинение Бержерака герцогству Гиень; если верить некоторым авторам, этот город попал под власть англичан в 1235 г.
131. *Gourgues A. de.* Dictionnaire topographique du département de la Dordogne. Paris. 1873. P. 284.
132. *Viton de Saint-Allais N.* L'art de vérifier des dates des faites historiques... Paris. Т. II. 1818. P. 383.
133. *Gourgues A. de.* Dictionnaire topographique du département de la Dordogne. Paris. 1873. P. 1.
134. *Dessalles L.* Périgieux et les deux derniers comtes de Périgord. Paris. 1847. Preuves. P. 94.
135. *Viton de Saint-Allais N.* L'art de vérifier des dates des faites historiques... Paris. Т. II. 1818. P. 383.
136. *Justel Ch.* Histoire généalogique de la maison de Turenne. Paris. 1645. Preuves. P. 53.
137. Раймунд V был сеньором Сервьера еще при жизни своего брата, Раймунда IV (см. один документ 1243 г. в издании: *Justel, Christofle.* Histoire généalogique de la maison de Turenne. Paris. 1645. Preuves. P. 43). В 1263 г. Раймунд V дал согласие на организацию рынка в Аржантате (*Ibid.* P. 57), что, как мы полагаем, доказывает его власть над этим населенным пунктом.
138. Самый крупный населенный пункт этой маленькой территории — Сервьер.

139. *Baluze E. Historia Tutelensis. P. 169.*
140. *Teulet A. Layettes du Trésor des chartes. Paris. 1863–1909. T. II. 1866. P. 323.*
141. *Baluze E. Historia Tutelensis. Col. 559.*
142. *Marca P. de. Marca hispanica sive Limes hispanicus... Parisiis. 1688. C. 1444–1445.*
143. С 1227 г., то есть даже раньше, чем Парижский договор утвердил за королем обладание виконтством Грез, Беро де Меркёр держал замок Грез непосредственно от короны (*Martène E. Bullarium privilegiorum ac diplomatum romanorum Pontificum amplissima collectio. Romae. 1739. T. I. C. 1206*), а потом этот замок был передан епископу Мендскому, потребовавшему и все зависимые от него территории; но парламент отказал прелату в удовлетворении этих притязаний (*Gaujal M.-A.-F. Études historiques sur le Rouergue. Paris. 1858–1859. T. II. P. 102*).
144. *Vaissète J. et Vic C. de. Histoire générale de Languedoc. Paris. 1730–1745. T. III. Preuves. Col. 199.*
145. *Bibliothèque de l'École des chartes. 1re série. T. III. P. 446.*
146. *Delisle L.-V. Recherches sur les comtes de Dammartin. P. 2.* Таким образом, список владельцев шателени Даммартен, записанный в реестрах Филиппа-Августа, был составлен в период с 1214 по 1223 гг. (*Recueil des historiens des Gaules et de la France. Paris. 1869. T. XXIII. P. 689*).
147. *Dupuy P. Traitez touchant les droits du roy très chrestien... Paris. 1655. P. 800.*
148. *Vaissète J. et Vic C. de. Histoire générale de Languedoc. Paris. 1730–1745. T. III. Preuves. Col. 199.*
149. *Fisquet H. J.-P. La France pontificale, Gallia christiana. Paris. 1800–1850. T. I. Col. 96.* Аббат Прузе (*Prouzet J.-B. Histoire du Gévaudan. Mende. 1846–1848. T. II. P. 68 et 72*) указывает некоторые замки, за которые во второй половине XIII в. епископу Мендскому должны были приносить оммаж.
150. Это замки Вабр, Шамбон и Монтору, о которых мы еще будем говорить в связи с сеньорией Монбонне.
151. *Vaissète J. et Vic C. de. Histoire générale de Languedoc. Paris. 1730–1745. T. III. P. 214.*
152. *Ibid. T. III. P. 268.*
153. *La Croix G. de. Series et acta episcoporum Cadurcensium. Cadurci. 1617. P. 90.*
154. «*Episcopatum autem Caturcensem dimittit nobis (Raymundo) rex, excepta civitate Caturcensi et feodis et aliis que habuit in eodem episcopatu rex Philippus, avus ejus, tempore mortis sue*» (*Vaissète J. et Vic C. de. Histoire générale de Languedoc. Paris. 1730–1745. T. III. Preuves. Col. 333*).
155. *La Croix G. de. Series et acta episcoporum Cadurcensium. Cadurci. 1617. P. 122.* В 1306 г. епископ Раймунд Пошель разделил с королем все свои права, сделав свой фьеф их общим владением (*Ibid. P. 161 et ss.*).

- 156 Г-н Перле (*Pérlé R. Histoire politique, religieuse et littéraire du Quercy. Cahors. 1861. Т. I. P. 627*) пишет, что он включал в себя сорок шесть городов, бургов и замков.
157. *Vaissète J. et Vic C. de. Histoire générale de Languedoc. Paris. 1730–1745. Т. III. P. 378.*
158. В XVI в. утверждали, что Клермон был временно доверен в 1202 г. епископу Роберту его братом, графом Ги II; поэтому Екатерина Медичи как графиня Овернская требовала его в собственность и получила по решению парламента от 29 апреля 1551 г. (*Coutumes générales et locales de la province d'Auvergne. Par Guillaume-Michel Chabrol. Riom. 1784. Т. I. P. XVII*).
159. См. это решение в издании: *Boutaric E.-P. Saint Louis et Alphonse de Poitiers. Paris. 1870. P. 57, note 2.*
160. Монферран, город, с давних пор уже соединившийся с Клермоном, зависел от графа Альфонса.
161. *Baluze E. Histoire généalogique de la maison d'Auvergne. Paris. 1708. Т. II. P. 266.*
162. *Delisle L.-V. Catalogue des actes de Philippe-Auguste, n° 894. Paris. 1856.*
163. *Ibid.*, nos 1056 et 1376.
164. Этими фьефами были Меймон (коммуна Ольберг), Ла-Фарж (коммуна Курпьер), Воллор и Мобек (коммуна Экуту) (*Titres de la maison ducale de Bourbon. Réd. par Huillard-Bréholles. Paris. 1867–1874. Т. I. P. 70*).
165. *Gisleberti Chronicon Hanoniense. In usum scholarum... fecit Georgius Heinrichus Pertz. Hannoverae. 1869. Т. XXI. P. 509.*
166. *Colliette. Mémoires pour servir à l'histoire de Vermandois. Т. II. P. 597.*
167. *Viton de Saint-Allais N. L'art de vérifier des dates des faites historiques... Paris. Т. II. 1818. P. 506.*
168. *Gisleberti Chronicon Hanoniense. In usum scholarum... fecit Georgius Heinrichus Pertz. Hannoverae. 1869. Т. XXI. P. 514–515.*
169. *Viton de Saint-Allais N. L'art de vérifier des dates des faites historiques... Paris. Т. II. 1818. P. 717.*
170. *Delisle L.-V. Catalogue des actes de Philippe-Auguste, n° 1869. Paris. 1856.*
171. См. дальше, на слово «Руси».
172. *Recueil des historiens des Gaules et de la France. Paris. 1869. Т. XXIII. P. 185.*
173. *Fisquet H. J.-P. La France pontificale, Gallia christiana. Paris. 1800–1850. Т. IV. Instr. C. 187.*
174. *Arbois de Jubainville M.-H. d'. Histoire des ducs et des comtes de Champagne. Paris. 1859–1869. Т. II. P. 24.*
175. Дюшен датирует акты оммажа, принесенного епископу Лангрскому, 1246 г. для сеньорий Шуазель и Эгрмон (*Du Chesne, André. Histoire généalogique de la Maison Royale de Dreux et de quelques autre familles*

- illustres (De Bar-le-Duc, De Luxembourg et de Limbourg, Du Plessis de Richelieu, De Broyes et de Chasteauvillain) qui en sont descendues. Paris. 1631. Preuves. P. 262), а еще один акт того же рода — 1266 г. для Фуванле-Шато (*Du Chesne, André. Histoire généalogique de la maison de Vergy. Paris. 1625. Preuves. P. 201*).
176. *Recueil des historiens des Gaules et de la France. Paris. 1869. Т. XXI. P. 536.*
177. *Arbois de Jubainville M.-H. d'. Catalogue des actes des comtes de Champagne, nos 2533, 3432 et 3689.*
178. *Archives administratives de la ville de Reims. Ed. par Pierre Varin. Paris. 1839–1849. Т. II. P. 589–592. Cp. Longnon, Auguste. Etudes sur les pagi de la Gaule. 2e partie. Paris. 1872. P. 63–66.*
179. *Formeville H. de. Histoire de l'ancien évêché-comté de Lisieux. Lisieux. 1873. Т. I. P. 3 et 417–469.*
180. *Recueil des historiens des Gaules et de la France. Paris. 1869. Т. XXIII. P. 636–637.*
181. См. ниже
182. *Vaissète J. et Vic C. de. Histoire générale de Languedoc. Paris. 1730–1745. Т. III. P. 70.*
183. В XVII в. в диоцезе Лодев не было ни одного дворянина, который не был бы вассалом епископа и не должен был приносить ему присягу на верность и оммаж (*Fisquet H.-J.-P. La France pontificale. Paris. 1864–1873. Diocèse de Lodève. P. 290*).
184. *Vaissète J. et Vic C. de. Histoire générale de Languedoc. Paris. 1730–1745. Т. III. P. 182.*
185. *Ibid. Т. III. Preuves. С. 327: «Totum episcopatum Tolose, excepta terra marescalli que remanebit ex parte domini regis Francie, dimittet idem dominus rex nobis [Raymundo]».*
186. Кроме приговора третейского суда, устанавливающего ее границу с графством Фуа (*Vaissète J. et Vic C. de. Histoire générale de Languedoc. Paris. 1730–1745. Т. IV. Preuves. С. 104–107*). Бесспорно, что замок Монсегюр входил в сеньорию Мирпуа (*Ibid. Т. III. P. 447*).
187. *Dupuy P. Traitez touchant les droits du roy très chrestien... Paris. 1655. P. 882.*
188. *Vaissète J. et Vic C. de. Histoire générale de Languedoc. Paris. 1730–1745. Т. III. Preuves. P. 316–317.*
189. Г-н Тома, цитируя (*Thomas E. Dictionnaire topographique du département de l'Hérault. Paris. 1865. P. 110*) договор, заключенный в 1132 г. между графом Тулузским и сеньором Монпелье, говорит о «скромных размерах графства Могио».
190. *Ibid. P. 26.*
191. *Delisle L.-V. Catalogue des actes de Philippe-Auguste, n° 1933. Paris. 1856.* Не нужно путать этот Шамбон, находящийся в департаменте Лозер, с Шамбоном в департаменте Верхняя Луара.

192. *Delisle L.-V.* Catalogue des actes de Philippe-Auguste. P. 427, note 1. Paris. 1856.
193. *Vaissète J. et Vic C. de.* Histoire générale de Languedoc. Paris. 1730–1745. T. III. P. 108.
194. *Ibid.* T. III. P. 118.
195. *Ibid.* T. III. P. 80–81.
196. *Fisquet H. J.-P.* La France pontificale, Gallia christiana. Paris. 1800–1850. T. IV. Instr. Col. 370–371. Епископский город Магелонн, анклав на территории сеньории Монпелье, принадлежал епископу.
197. *Dion A. de.* Les fiefs du comté de Montfort-l'Amaury. In-8°, 99 с. Извлечение из «Mémoires et documents de la société archéologique de Rambouillet». Ср. другую брошюру того же автора (in-8°, 16 с.), озаглавленную: *Dion A. de.* Note sur cartulaire de Béatrix de Montfort. Rambouillet. 1863.
198. *Vaissète J. et Vic C. de.* Histoire générale de Languedoc. Paris. 1730–1745. T. III. Preuves. Col. 601–602.
199. *Teulet A.* Layettes du Trésor des chartes. Paris. 1863–1909. T. II. 1866. P. 207.
200. Этот оммаж упоминается в издании: *Courtépée, Claude.* Description générale et particulière du duché de Bourgogne. Dijon. 1847–1848. 2e édition. T. I. P. 138.
201. *Arbois de Jubainville M.-H. d'.* Catalogue des actes des comtes de Champagne, no 3729.
202. Графы, а потом герцоги Неверские числятся среди вассалов церкви Оксера за Донзи до самого прошлого века (*Lespinasse R. de.* Hervé de Donzy, comte de Nevers. Nevers. 1868. P. 26).
203. *Quantin, Maximilien.* Cartulaire du département de l'Yonne. Auxerre. 1873. T. II. P. XXXIX.
204. *Arbois de Jubainville M.-H. d'.* Catalogue des actes des comtes de Champagne, no 912. Небесполезно отметить, что Ушон мог быть только анклавом, относящимся к графству Невер.
205. *Viton de Saint-Allais N.* L'art de vérifier des dates des faites historiques... Paris. T. II. 1818. P. 790.
206. Эта карта находится в пятом томе «Мемуаров» Эстанселена: *Estancelin.* Mémoires sur les comtés et duché-pairies d'Eu et d'Aumale (Archives nationales. KK 1092).
207. *Plancher D. U.* Histoire générale et particulière de Bourgogne. Dijon. 1739–1781. T. II. P. 121–122.
208. *Ibid.*
209. *Arbois de Jubainville M.-H. d'.* Histoire des actes des comtes de Champagne, nos 680, 746 et 862.
210. *Merlet L.* Dictionnaire topographique du département d'Eure et Loir. Paris. 1861. На слова «Alluyes», «Authon», «la Bazoche» и «Brou».

211. *Pitard J.-F.* Fragments historiques sur le Perche. Mortagne. 1866. P. 381.
212. *Viton de Saint-Allais N.* L'art de vérifier des dates des faites historiques... Paris. T. II. 1818. P. 755.
213. В 1223 г. Агнесса, графиня Дрё, взяла Гамаш в лен от короля Франции (*Du Chesne A.* Histoire généalogique de la Maison Royale de Dreux et de quelques autre familles illustres (De Bar-le-Duc, De Luxembourg et de Limbourg, Du Plessis de Richelieu, De Broys et de Chasteauvillain) qui en sont descendues. Paris. 1631. Preuves. P. 271).
214. Тома де Сен-Валери принес оммаж за две этих сеньории Филиппу-Августу (*Lefils, Florentin.* Histoire civile, politique et religieuse de Saint-Valéry et du comté de Vimeu. Abbeville. 1858. P. 103).
215. Монтрёй, который при Филиппе-Августе был резиденцией королевского прево, несомненно вернулся к графам Понтъё, потому что в 1249 г. Матъе де Монморанси именовал себя *comes Pontivi et Monsterolii* (*Du Chesne A.* Histoire généalogique de la maison de Montmorency et de Laval. Paris. 1624. Preuves. P. 104).
216. *Teulet A.* Layettes du Trésor des chartes. Paris. 1863–1909. T. II. 1866. P. 54.
217. Сенешальства Пуатье и Сентонж.
218. Эта сеньория когда-то зависела от Анжуйского графства, но была от него отделена, вероятно, во время формирования апанажа Альфонса в 1241 г., потому что в 1242 г. Пон, сеньор Мирбо, принес оммаж этому принцу (Национальная библиотека, департамент рукописей, коллекция Моро, т. 634, folio 45 recto). Мы присоединили к Мирбо все одноименное деканство (в диоцезе Пуатье), чтобы объединить его с землями Альфонса.
219. *Boutaric E.-P.* Saint Louis et Alphonse de Poitiers. Paris. 1870. P. 57.
220. *Ibid.* P. 139.
221. *Delalo.* Des limites des divisions territoriales et civiles de la haute Auvergne. P. 5657.
222. Г-н Бутарик привел (*Boutaric E.-P.* Saint Louis et Alphonse de Poitiers. Paris. 1870. P. 171–174) список превоств и бальяжей в апанаже Альфонса.
223. *Ibid.* P. 56.
224. *Baluze E.* Histoire généalogique de la maison d'Auvergne. Paris. 1708. Preuves. P. 266.
225. *Ibid.* P. 273.
226. *Ibid.* P. 260, 268 и 278. Приносить оммаж за фьефы, которые дофин держал от церкви Бриуд, он должен был именно в дофинском замке Леотуанг (*Ibid.* P. 272).
227. *Raynal L.* Histoire de Berry. Bourges. 1844–1845. T. I. P. LIV.
228. Крозан в документах 1214 и 1242 гг. упоминается как замок графа де ла Марша (*Teulet A.* Layettes du Trésor des chartes. Paris. 1863–1909. T. I. P. 406. T. II. P. 478).

229. Аэн принадлежал графу в 1243 г. (*Ibid.* Т. II. Р. 499).
230. Шампаньят был в 1243 г. завещан графом Гуго X Гийому де Валансу, одному из младших сыновей (*Ibid.*).
231. Обюссон, виконт которого в 1226 г. должен был признать себя вассалом графа де ла Марша (*Joullietton. Histoire de la Marche et du pays de Combrailles. Guéret. 1814–1815. Т. I. Р. 171*), был приобретен графом Гуго XI в 1262 г. (*Ibid.* Т. I. Р. 192).
232. Феллетен относился к графству Марш, если верно, что Оренгарда, жена графа Одеберта IV, отпустила на волю его жителей.
233. *Teulet A. Layettes du Trésor des chartes. Paris. 1863–1909. Т. II. Р. 499.*
234. Дорат, одно из старейших владений графов де ла Марша, принадлежало им в 1264 г. (*Joullietton. Histoire de la Marche et du pays de Combrailles. Guéret. 1814–1815. Т. I. Р. 204*).
235. Это следует из одной буллы Иннокентия III, датированной 1205 г. (*Arbois de Jubainville M.-H. d'. Catalogue des actes des comtes de Champagne, no 615*).
236. *Feoda Campanie, no 296.*
237. *Mathon. Dictionnaire topographique du département de l'Aisne.*
238. *Arbois de Jubainville M.-H. d'. Catalogue des actes des comtes de Champagne, no 2313.*
239. *Recueil des historiens des Gaules et de la France. Paris. 1869. Т. XXIII. Р. 665.*
240. *Arbois de Jubainville M.-H. d'. Catalogue des actes des comtes de Champagne, no 713. Feoda Campanie, no 252.*
241. *Recueil des historiens des Gaules et de la France. Paris. 1869. Т. XXI. Р. 268.*
242. *Raynal L. Histoire de Berry. Bourges. 1844–1845. Т. I. Р. LV.*
243. *Feoda Campanie, no 252.*
244. *Viton de Saint-Allais N. L'art de vérifier des dates des faites historiques... Paris. Т. II. 1818. Р. 408.*
245. *Dormay C. Histoire de la ville de Soissons. Soissons. 1662–1664. 2 vol. in-4°.*
246. *Carlier C. Histoire du duché de Valois. Paris. 1764. 3 vol. in-4°.*
247. *Plancher D. U. Histoire générale et particulière de Bourgogne. Dijon. 1739–1781. Т. II. Р. 122.*
248. *Fisquet H. J.-P. La France pontificale, Gallia christiana. Paris. 1800–1850. Т. IV. Instr. C. 129.*
249. *Plancher D. U. Histoire générale et particulière de Bourgogne. Dijon. 1739–1781. Т. II. Р. 57.*
250. Согласно авторам «L'art de vérifier des dates des faites historiques» (Т. II. Р. 568), этот фьеф в 1265 г. был отделен от графства Тоннерр и передан Иоланде Бургундской, графине Неверской; но это отделение могло быть только временным — иначе не объяснить его упоминания в числе фьефов, которые граф Тоннерра держал от епископа Шалонского

- в 1296 г. (*Plancher D. U. Histoire générale et particulière de Bourgogne. Dijon. 1739–1781. Т. II. P. 122*).
251. *Vaissète J. et Vic C. de. Histoire générale de Languedoc. Paris. 1730–1745. Т. III. Preuves. Col. 327.*
252. См. перечень балы графства Тулузского в правление этого принца в издании: *Boutaric E.-P. Saint Louis et Alphonse de Poitiers. Paris. 1870. P. 175–179.*
253. *Vaissète J. et Vic C. de. Histoire générale de Languedoc. Paris. 1730–1745. Т. III. P. 435 и 438.*
254. *Ibid.* Т. III. Preuves. Col. 253. Фьефы от Ошского епископства находились в Оше, Жегёне, Вике и Ногаро.
255. *Rymer T. Foedera, conventiones, literae et cujuscunque generis acta publica inter reges angliae... ab ineunte saeculo Duodecimo, viz. ab anno 1101... Londini. 1727–1735. Editio tercera. Т. 1. P. 86.*
256. *Vaissète J. et Vic C. de. Histoire générale de Languedoc. Paris. 1730–1745. Т. III. P. 498.*
257. *Viton de Saint-Allais N. L'art de vérifier des dates des faites historiques... Paris. Т. II. 1818. P. 274.*
258. Эта карта приложена к т. IV «*Histoire générale de Languedoc*».
259. *Monlezun J.-J. Histoire de la Gascogne. Auch. 1846–1849. Т. II. P. 325.*
260. *Ibid.* Т. II. P. 344.
261. *Viton de Saint-Allais N. L'art de vérifier des dates des faites historiques... Paris. Т. II. 1818. P. 283.*
262. *Ibid.*
263. *Vaissète J. et Vic C. de. Histoire générale de Languedoc. Paris. 1730–1745. Т. III. Preuves. Col. 351.*
264. *Ibid.* Т. III. P. 443–444.
265. *Le Nain de Tillemont L.-S. Vie de saint Louis, roi de France. Paris. 1847–1851. Т. III. P. 276.*
266. *Monlezun J.-J. Histoire de la Gascogne. Auch. 1846–1849. Т. II. P. 441–443.*
267. Мюре и Саматан достались графам Комменжа вследствие брака графа Бернара III с Диас де Мюре (*Viton de Saint-Allais N. L'art de vérifier des dates des faites historiques... Paris. Т. II. 1818. P. 265*).
268. *Vaissète J. et Vic C. de. Histoire générale de Languedoc. Paris. 1730–1745. Т. III. Preuves. Col. 405.*
269. *Ibid.* Т. III. Preuves. Col. 448. Однако, как отмечает Ле Нен де Тийемон (*Le Nain de Tillemont L.-S. Vie de saint Louis, roi de France. Paris. 1847–1851. Т. III. P. 69*), отец Бернара VI принес за них оммаж королю в 1227 г.
270. *Expilly J.-J. Dictionnaire historique, géographique et politique des Gaules et de la France. Paris. 1762–1770. Т. II. P. 462.*
271. *Fisquet H. J.-P. La France pontificale, Gallia christiana. Paris. 1800–1850. Т. I. Instr. P. 185.*

272. *Ibid.* T. I. Instr. P. 186.
273. *Viton de Saint-Allais N.* L'art de vérifier des dates des faites historiques... Paris. T. II. 1818. P. 278–279.
274. *M.***, employé dans les finances.* Dénombrement du royaume par généralités, élections, paroisses et feux. Paris: Saugrain. T. II. 1709. P. 144–145.
275. *Monlezun J.-J.* Histoire de la Gascogne. Auch. 1846–1849. T. II. P. 340 et 373.
276. См. карту Лангедока, разделенную по границам бывших сенешальств, в IV томе «Histoire générale de Languedoc» дона Вессетта.
277. *Vaissète J. et Vic C. de.* Histoire générale de Languedoc. Paris. 1730–1745. T. IV. P. 254.
278. *M.***, employé dans les finances.* Dénombrement du royaume par généralités, élections, paroisses et feux. Paris: Saugrain. T. II. 1709. P. 140.
279. *Viton de Saint-Allais N.* L'art de vérifier des dates des faites historiques... Paris. T. II. 1818. P. 281.
280. *Vaissète J. et Vic C. de.* Histoire générale de Languedoc. Paris. 1730–1745. T. III. Preuves. Col. 471.
281. См. карту, приложенную к тому IV «Histoire générale de Languedoc».
282. Геральд IV, граф Арманьяка, принося оммаж Симону де Монфору, графу Тулузскому, упомянул, что делает это и за Маньоак (*Vaissète J. et Vic C. de.* Histoire générale de Languedoc. Paris. 1730–1745. T. III. Preuves. Col. 253).
283. *Monlezun J.-J.* Histoire de la Gascogne. Auch. 1846–1849. T. II. P. 351.
284. Дон Вессетт помещает графство Пардиак (на карте сенешальств) в Тулузское сенешальство; по этой причине, в отсутствие других доводов, мы включили его в число фьефов, зависимых от графа Альфонса.
285. *Monlezun J.-J.* Histoire de la Gascogne. Auch. 1846–1849. T. II. P. 441–443.
286. *Expilly J.-J.* Dictionnaire historique, géographique et politique des Gaules et de la France. Paris. 1762–1770. T. I. P. 262.
287. *Gaujal M.-A.-F.* Études historiques sur le Rouergue. Paris. 1858–1859. T. I. P. 219–226.
288. Карл V пожаловал эти четыре шателении Жану д'Арманьяку грамотами от 13 мая 1370 г. (*Ibid.* T. II. P. 112).
289. *Duru P.* Traitez touchant les droits du roy très chrestien... Paris. 1655. P. 307.
290. См., например: *Maelen, Jos. van der.* Carte archéologique, ecclésiastique et nobiliaire de la Belgique. Bruxelles. 1863.
291. *Delisle L.-V.* Catalogue des actes de Philippe-Auguste, nos 1349–1350. Paris. 1856.
292. *Viton de Saint-Allais N.* L'art de vérifier des dates des faites historiques... Paris. T. III. 1818. P. 4. Мы не будем здесь рассматривать территорию имперской Фландрии: о том, какие земли ее составляли, сообщают

- многочисленные дипломатические документы XIII в., и границы этих земель хорошо известны.
293. *Warnkönig L. A. Histoire de la Flandre. Trad. par A.E. Gheldolf. Bruxelles. 1835–1864. T. I. P. 374 et suiv.*
294. *Titres de la maison ducale de Bourbon. Réd. par Huillard-Bréholles. Paris. 1867–1874. T. I. P. 5.*
295. В документах, относящихся к этому обмену, речь идет не о Лионском графстве, а только о землях, из которых оно состояло.
296. *Ménéstrier C.-F. Histoire civile et consulaire de la ville de Lyon. Lyon. 1696. Preuves, 2e partie. P. 37–38.*
297. Есть текст оммажа (последнего), принесенного графом Фуа графу Тулузскому: он датируется 1241 годом (*Vaissète J. et Vic C. de. Histoire générale de Languedoc. Paris. 1730–1745. T. III. Preuves. Col. 403*).
298. *Ibid.* T. III. P. 435 et 438.
299. *Ibid.* T. III. Preuves. Col. 559–561.
300. *Ibid.* T. IV. Preuves. Col. 104–107.
301. *Barthélemy É. de. Diocèse ancien de Châlons-sur-Marne. Paris. 1861. T. I. P. 33.*
302. См. прежде всего (T. I. P. 267–270) краткое изложение актов оммажа, принесенных графу-епископу Шалонскому в XIV и XV вв.
303. *Arbois de Jubainville M.-H. d'. Histoire des ducs et des comtes de Champagne. Paris. 1859–1869. T. II. P. II–CXXXVIII. T. VII (Livre des vassaux du comté de Champagne et de Brie).*
304. См. выше.
305. *Arbois de Jubainville M.-H. d'. Catalogue des actes des comtes de Brienne. Paris. 1872. Брошюра in-8° на 48 страниц (извлечение из тома XXXIII Библиотеки Школы хартий).*
306. *Feoda Campanie*, no 301.
307. *Arbois de Jubainville M.-H. d'. Catalogue des actes des comtes de Brienne. Paris. 1872, n° 176.*
308. *Ibid.*
309. *Feoda Campanie*, nos 655 et 710.
310. *Arbois de Jubainville M.-H. d'. Catalogue des actes des comtes de Champagne, no 1018.*
311. *Feoda Campanie*, no 257.
312. *Quantin M. Cartulaire du département de l'Yonne. Auxerre. 1873. T. II. P. LXXIII.*
313. Ретель, довольно давно ставший центром отдельного графства, первоначально входил в состав Порсиана; по крайней мере, такой вывод можно сделать из нашего исследования *pagus Porcensis* (*Longnon A. Etudes sur les pagi. 2e partie. Paris. 1872. P. 63–68*).
314. Шомон-Порсиан и его шателения в 1220 г. были отданы их сеньором под оммаж графа Шампанского, поначалу же сеньор владел ими как

- аллодом (*Arbois de Jubainville M.-H. d'. Catalogue des actes des comtes de Champagne*, no 1307).
315. Рюмины уже в 1201 г. непосредственно зависел от графа Шампанского (*Feoda Campanie*, no 350).
316. См. этот список, составленный по реестру из Национальных архивов, в издании: *Longnon A. Etude sur les pays de la Gaule. 2e partie*. P. 84–85.
317. Отдаленность Монкорне вынудила нас назвать графством Порсиан только шателению Шато-Порсиан.
318. *Archives administratives de la ville de Reims*. Ed. par Pierre Varin. Paris. 1839–1849. T. I. P. 383.
319. Эти сведения почерпнуты из актов, анализ которых проведен в издании: *Delisle L.-V. Notice sur le cartulaire du comte de Rethel*.
320. Король Генрих I конфисковал его в 1038 г. у Этьена II, графа Труа, чтобы передать Гозелону, герцогу Лотарингскому (*Arbois de Jubainville M.-H. d'. Histoire des ducs et des comtes de Champagne*. Paris. 1859–1869. T. I. P. 358).
321. Однако оно утратило Рокур, который, следовательно, не вошел в состав элексьона Ретель.
322. См. выше, на слово «Руси».
323. *Delisle L.-V. Catalogue des actes de Philippe-Auguste*, n° 800. Paris. 1856.
324. Мы уже говорили об этой карте в статье о графстве Омаль.

А. Г. Юрченко
ВОСТОК В ОПИСАНИИ
ЖАНА ДЕ ЖУАНВИЛЯ

Царь Киликийской Армении и конийский султан.
Комментарий к § 143

События в Закавказье подробно описал армянский историк Киракос Гандзакеци (1200–1271). Если верить Киракосу, последовательность событий была иной. В 1242 г. монгольский полководец Бачу-хурчи (Байджу-нойон) завершил покорение земли румского султана из династии Сельджукидов Гийяс ад-Дина Кай-Хусрау II (1237–1246)¹. Собственно война шла на территории Армении, подвластной тюркам-сельджукам. Узнав о разгроме войск румского султана, царь Малой Армении покорился монголам в 1242 г. По словам Киракоса, «царь Хетум, владевший Киликией и тамошними областями, видя, что султан понес поражение от них [татар], отправил к ним посланцев с богатыми приношениями, чтобы заключить с ними соглашение о мире, и покорился им. [Посланцы], прибыв к Великому двору, благодаря содействию князя Джалала² были представлены Бачу-нойону, жене Чармагуна Элтина-хатун и другим великим вельможам. Выслушав посланцев царя [Хетума], приняв дары, [татары] потребовали у него выдачи матери султана, жены и дочери его, убежавших и скрывшихся [в Киликии]. Узнав об этом, царь Хетум очень огорчился и молвил: „Лучше бы сына моего Левона они потребовали у меня, нежели их“. И так как он очень боялся их, [боялся], как бы это не стало поводом к большому несчастью, то волей или неволей выдал [татарам] их, а также богато одарил тех, кто приехал за ними. <...> [Татары] заключили с царем союз и, по обычаю своему, дали грамоту, называемую *эль-тамгой*. И в таком положении они ожидали наступления весенней поры, чтобы еще раз совершить нападение на султана и его страну»³.

Райская река Нил и специи. Комментарий к § 189

Родиной дерева алоэ (*Aquillaria agallochum* L.) является Юго-Восточная Азия. Древесина алоэ, шедшая на изготовление курений, — это тяжелая, темная, переболевшая древесина, отличающаяся от более светлой и легкой вокруг нее. Она насыщена смолой и сильно пахнет. Иногда

такие патологически благоуханные выросты очертаниями напоминали людей или животных, что сильно увеличивало их рыночную стоимость. Арабские купцы закупали ароматную древесину в индийских портах, различая пять видов алоэ⁴.

Египетская Александрия была одним из мировых центров торговли пряностями. Казалось бы, здесь легко было выяснить происхождение алоэ, но это не так.

Для европейцев область произрастания алойного дерева была загадкой, которая имела бесспорное решение. Считалось, что куски алоэ и другие пряности приплывают в Египет по Нилу, берущему начало в раю. Эта идея не столь наивна, как может показаться с первого взгляда. Дело в том, что такие реки существуют, например, на Цейлоне, который арабы считали местом пребывания Адама. «Все побережье страны Цейлон, — рассказывает марокканский путешественник Ибн Баттута, — покрыто стволами коричневого дерева, которое приносят сюда горные реки. Великое множество стволов громоздится у берега. Жители Мабара и Малабара берут их на дрова и ничего за это не платят, только преподносят султану ткани для одежды в качестве ответного подарка»⁵.

В христианской географии существовала теория подземных рек, связывавшая четыре библейские реки с раем⁶. Ранний вариант этой теории представлен в сочинении Филосторгия (IV в.), сохранившейся в выписках патриарха Фотия. «Рай, пишет Филосторгий, расположен по линии восточного солнцестояния... Он основывается на том, что река, ныне называемая Фасисом, а в Священном Писании именуемая Фисоном, беря начало в рае⁷, устремляется затем от северо-востока преимущественно на юг и впадает в прилегающий к тем берегам океан напротив острова Тапробана⁸. Там по берегам реки находят так называемый *кариофилон* (гвоздику) — не то плод, не то цветок, и местные жители убеждены, что он — от одного из райских древ. Действительно, вся земля, лежащая выше их края, совершенно пустынна и поражает бесплодностью. Поэтому цветок, приносимый рекой, явно свидетельствует, что она все время течет по земле, нигде не спускаясь в ее недра, иначе цветок сей никоим образом не мог бы быть вынесен на поверхность. <...> То же самое справедливо и в отношении Нила, а о том, что он вытекает из рая, свидетельствуют сказания Моисеевы, в которых он назван Гионом, греки же прежде называли его Египтием. Нил, как можно предположить, проистекал из рая, прежде чем достичь обитаемых мест, поглощается землею, и далее, проложив себе путь под Индийским морем и, таким образом, обойдя его кругом (поверить в это возможно, но кто из людей знает наверняка?), проходит под всей срединной землею; он течет в недрах земли вплоть до Красного моря и под самым морем и выходит на поверхность на левом его берегу у подножия гор называемых Лунными»⁹.

Буквальное понимание теории подземных рек приводило к неожиданным умозаключениям. Жан де Жуанвиль, описывая Нил, полагает, что в водах этой райской реки египтяне с помощью сетей вылавливают имбирь, ревень, дерево алоэ и корицу.

В средневековом латинском травнике упоминается дерево *Aloen lig-pum*: на иллюстрации изображен человек с сачком на берегу реки, текущей из рая¹⁰. В «Книге о простейших лечебных средствах» Платеария Маттеуса (XIII в.) изображена такая же сцена. По Платеарию, алоэ — дерево, растущее в лесах Вавилонии. Человек сачком ловит плывущие по реке веточки этого чудодейственного растения¹¹.

Индийский имбирь (*Atomum zingiber*) — крупное растение на высоком стебле, напоминающем стебель тростника. Используются только корневища: они имеют продолговатую форму, размером с большой палец руки, очень узловатые; распространяют сильный ароматический запах и имеют жгучий вкус. После цветения корневища откапывают, очищают и высушивают на солнце. Благодаря содержанию эфирных масел многие имбирные издавна используют как пряные и лекарственные растения. Имбирь аптечный происходит из Южной Азии.

Ревень (*Rheum palmatum* L.) находил широкое применение в арабской медицине. Использовали освобожденные от наружной коры высушенные корни и корневища. В травниках Хильдегарды Бингенской и Одо из Мены это китайское растение не упоминается. Однако в средневековом латинском травнике он изображен под названием *Reubarbarum*¹².

Корица представляет собой сушеную кору определенных разновидностей лавра (*Laurus Cinnatomum*), растущих в Индии, на Цейлоне и в Китае.

Младший современник Жана де Жуанвиля, Марко Поло, не заблуждается относительно роли Нила: товары из Индии приходят морским путем в аравийский порт Аден, затем их перегружают на суда, плавающие в Красном море, затем вьют на верблюдов и за месяц доставляют к Нилу. «По этой реке товары легко сплавляются до Александрии. Вот так-то, этим путем получают сарацины в Александрии и перец, и пряности, и дорогие товары»¹³.

Истоки Нила. Комментарий к § 190

Рассказ о попытках египетских правителей выяснить истоки Нила традиционен для арабской географической литературы. Отвесные скалы — это ничто иное, как пороги в Асуане. Арабские путешественники проникали значительно дальше. Шихаб-ад-дин Ахмад ан-Нувайри (1279–1331), начальник канцелярии в одной из египетских провинций, написал географическое сочинение «Предел желания относительно дисциплин

адаба», где ссылается на книгу Кудама ибн Джафара (ум. между 922 и 948 гг.), крупного чиновника Багдадского халифата: «Кудама ибн Джафар говорит, что его истоки — с горы ал-Кумр за экватором, из источника, из которого вытекают десять рек. По пять из них сливаются в озеро, и затем из каждого озера вытекает по две реки, и эти четыре реки сливаются в одно большое озеро в первом климате. Из этого озера вытекает река Нил.

Автор книги „Развлечение жаждущего путешествовать по дальним странам“¹⁴ говорит, что это озеро называется озером кура, по племени черных, обитающих вокруг него. Это дикари, которые едят попадающих к ним людей. Из этого озера вытекает река Ганы, а также река ал-хабаша. Выйдя из него, Нил пересекает страну Кура, затем страну *нана* (тоже племя черных, живущих между Каномом и Нубией) и когда доходит до Дункулы, столицы Нубии, отклоняется от западных пределов Нубии к западу и переходит во второй климат. По обоим берегам его поселения нубийцев, а посреди него несколько обширных островов, обитаемых, с городами и деревнями. Затем он пересекается порогами, и суда нубийцев спускаются до них, а суда из Верхнего Египта поднимаются до них. Там зубчатые скалы, через которые суда могут пройти только во время подъема Нила. Затем Нил течет к северу. На восточном берегу его из городов Верхнего Египта Асуан»¹⁵. Если сравнить эти описания с рассказом Жана де Жуанвиля, то становится ясным, что представления крестоносцев об истоках Нила не простирались дальше Асуана, исходной точки арабских поисков.

Орден ассасинов. Комментарий к § 249

Исмаилитов Сирии и Ирана со времени первого крестового похода их оппоненты сунниты, а вслед за ними и западные рыцари, считали сектой убийц. Крестоносцы по аналогии со своими орденами называли их орденом ассасинов. В восприятии европейцев это был опасный и таинственный противник, умеющий любым путем настичь намеченную жертву. Практика политических убийств не была изобретением ассасинов. Всеобщее неприятие вызвало то, что, исмаилиты, вернее, низариты, открыто признали убийство политическим средством борьбы. В первую очередь, их жертвами становились государственные деятели, военачальники или правители провинций, препятствовавшие распространению исмаилитской пропаганды.

Горным старцем крестоносцы называли главу сирийских исмаилитов, чей замок — Масйаф — находился в горах Северного Ливана. Другим центром исмаилитов был Аламут в Кухистане. Повелитель Аламута Алад-дин Мухаммад (1221–1255) был вождем всех исмаилитских общин. Западным наблюдателям известна суть идейных расхождений между сун-

нитским большинством и исмаилитским меньшинством. Низариты — представители одного из направлений шиитского ислама — приписывали Али божественную сущность. Это обстоятельство известно Жуанвилю, что же касается его утверждения, что Али был дядей Мухаммада, то оно ошибочно. Али ибн аби Талиб (ум. 661) — двоюродный брат Мухаммада, муж его дочери Фатимы, четвертый праведный халиф. Шииты считают Али наделенным божественной силой, благодатью — *бараккой* — которой обладали пророки Адам, Ибрахим, Муса, Иса и Мухаммад.

В ожидании Истинного имама низариты объявили период скрытых имамов. Аш-Шахрастани исследовал учение исмаилитов: «Они говорили, что земля никогда не лишена живого *ка'има*, имама — видимого, открытого, или тайного, скрытого. Если имам был видимым, то допустимо, что его *доказательство (худджа)*¹⁶ будет скрытым. Если же имам был скрытым, то его доказательство и его эмиссары непременно будут видимыми. Они говорили, что постановления имамов обращаются по семи, как дни недели, семь небес, семь планет. Постановления *накибов*¹⁷ обращаются по двенадцати. Отсюда у *имамитов-катитов* имело место недоразумение, поскольку они число *накибов* установили для имамов. Затем после скрытых имамов было появление *Ведомого Аллахом по правильному пути, Исполнителя повеления Аллаха* и его потомков как последовательный ряд указаний одного имама на другого. Согласно их учению, кто умер, не познав имама своего времени, тот умер языческой смертью. Равным образом, кто умер, не исполнив свой долг — присягу имаму, тот умер языческой смертью. <...> Самое известное их прозвище — *батиниты*. Это прозвище закрепилось за ними именно из-за признания ими того, что всякое явное имеет скрытое (*батин*), каждое откровение имеет толкование»¹⁸.

В то же время на практике отношение суннитов к исмаилитам было резко отрицательным. Благочестивый паломник Ибн Джубайр в 1183 г. проехал через приморские горные области Ливана. Его рассказ демонстрирует всю степень нетерпимости суннитов: «На склонах горы Ливан располагаются крепости еретиков-исмаилитов — секты, отделившейся от ислама; они приписывают человеческому существу божественные черты. Судьба послала им дьявола в образе человеческом по имени Синан, который увлек их ложью и выдумками и очаровал их таким образом, прибегнув к этой хитрости. И они сделали его своим обожаемым божеством, вверив ему свои души и полностью подчинившись ему и исполняя его приказы; так что если он велит кому-либо из них броситься с высокой горы, тот так и поступает, спеша к своей гибели в угоду ему. Аллах сводит с пути кого хочет, и наказывает, кого хочет, по своему всемогуществу»¹⁹.

Сторонним наблюдателем, каким был раби Вениамин Тудельский, совершивший поездку по Ближнему Востоку (в середине XII в.), сирийские

ассасины воспринимались как сплоченная диссидентская группа: «Вблизи Гевала живет народ, называемый хашишины, который не принимает учения Магомета, а признает своим пророком некоего Канбата: ему эти горцы во всем повинуются на жизнь и на смерть. Зовут его шейх ал-Хашишин: он их старейшина, и его приказания исполняются всеми безусловно. Место его жительства город Кармос [Кадмос]: это [древний] Кедемоф, в земле Сихона. Означенные горцы питают друг к другу неограниченное доверие, следуя правилам своего старейшины. Этих людей все страшатся, потому что они готовы убивать даже властителей, если приказано это сделать. Земля их обнимает пространство восьмидневной ходьбы. Они ведут войну с эдомитянами, которых зовут франками²⁰, и с властителем Триполи»²¹.

Мамлюки Египта. Комментарий к § 280–286

Войско египетских султанов включало тюркскую конницу. Это были мамлюки (рабы), кипчаки, попавшие в плен к монголам и проданные в рабство купцам, которые вывозили их в Сирию и Египет. Да и сам мамлюкский султан Египта Бейбарс (1260–1277) был родом из кипчакской степи. В свое время он был куплен эмиром Айдакином ал-Бундукдари, а 1254 г. аййубидский султан Салих назначил его командиром одной из частей своей личной гвардии. Опытный полководец, Бейбарс разгромил крестоносцев Людовика IX при Мансуре (1250) и монгольский арьергард под командованием нойона Китбука при Айн-Джалуте (1260). Не получив должную награду за эту победу, он вступил в сговор с эмирами и убил султана Кутуза, после чего был провозглашен правителем Египта. «Когда во главе управления Египтом стал скиф (т. е. кипчак), то еще более потребовалось [в Египте] скифское племя, из них составлялось войско», — писал византийский историк Георгий Пахимер (1242 — ок. 1310).

Кипчакские юноши проходили специальную подготовку и становились профессиональными военными. Было две категории тюркских мамлюков — *бахриты*, купленные аййубидским султаном Салихом и размещенные им в казармах на острове Рода в дельте Нила (*бахр* — «море, река»); и бурджи-мамлюки — организованный султаном Калауном мамлюкский корпус из монголов и черкесов, размещавшийся в башнях (*бурдж*) каирской цитадели.

Средневековый египетский ученый, автор последней большой энциклопедии мамлюкской эпохи Шихаб ад-дин Абу-л-Аббас Ахмед ибн Али ал-Калкашанди (1355–1418) в разделе о Дешт-и Кипчаке кратко излагает историю этого явления:

«Говорит он: у них (кочевников-кипчаков) нет ни приверженности к религии, ни уравновешенности разума. Затем, вслед за этим, он говорит:

вместе с тем они относятся к лучшим из тюрков по характеру из-за своей верности, смелости, избегания вероломства, совершенства станов, милосердия, безупречности достоинств. Потом он говорит: из них состоит большинство войска Египта: его цари, эмиры, воины. Так, когда ал-Малик ас-Салих Наджм ад-дин Аййуб хотел купить мамлюков, [он покупал] из них. Затем из [этих] мамлюков происходили и те, кто достигал [сана] царя и султана. Так один народ склонялся к другому, и возникло стремление к их умножению, так что в Египте по внешнему облику люди стали похожими на них, и охрану всех границ [его] осуществляли они. Из них [происходят] луны его шествий, сердца его меджлисов, вожди его войск, великие люди его земли. Ислам превозносит их отношение к защите веры, ведь они ради Аллаха отдавали все силы своего народа.

Говорит он: достаточно [сказать об их] первой победе в день [битвы] при 'Айн Джалуте, когда ал-Малик ал-Музаффар Кутуз, тогдашний владыка Египта, в 658 г. хиджры [1260 г.] сломил войска Хулагу, царя татар. И это после того, как войска всех стран были не в силах одолеть их и когда они смогли уничтожить [силу] султана Джалал ад-дина Мухаммада ибн Хорезмшаха и перебили его войско. И это притом, что египетская армия по сравнению с войском Джалал-ад-дина была подобна одной точке от круга и одному глотку от моря. Но Аллах одаривает победой того, кого захочет.

Что же касается этого нашего времени, то после того как стал [править] султан ал-Малик аз-Захир Баркук из рода черкесов, он предпочел [брать] мамлюков из своего рода. Тогда уменьшилось [число] мамлюков-тюрков в краях Египта, так что уцелело их очень мало, только остатки и потомки их»²².

Доктрина исмаилитов. Комментарий к § 445

Возможно, в 1250 г. во времена Тадж-ад-дина, главы сирийских исмаилитов, было отправлено посольство к королю Людовику, прибывшему в Сирию. Жан де Жуанвиль говорит об ответном посольстве к исмаилитам, и благодаря этому мы располагаем свидетельством из первых рук о положении дел в Сирии. Доминиканец Ив Бретонский отправился с исмаилитскими посланцами и посетил их вождя в горной цитадели в Массайфе. Ив говорил по-арабски и обсуждал с сирийским предводителем религиозные вопросы во внутренних покоях его резиденции. Жуанвиль писал спустя 50 лет после того, как Ив представил свой отчет; когда он сообщает со слов Ива, что исмаилитский предводитель возводил душу Петра через Авраама, Моисея и Авеля, не вполне ясно, какая именно исмаилитская доктрина имеется в виду. Однако судя по описанию вождя сирийских исмаилитов, этот человек обладал открытым характером

и учтивыми манерами. У его ложа была книга, которую Ив принял за христианскую, и, похоже, он спокойно воспринимал попытки доминиканца исправить его теологические взгляды. Любопытно, не восходит ли рассказ Жуанвиля о шиизме в целом к впечатлениям Ива от его визита в Масйаф. Жуанвиль включает в эту категорию не только исмаилитов, но и бедуинов (батинитов?) Египта. В его изложении первоначально Али возвысил Мухаммада, но Мухаммад отверг Али, так что последний установил новый, свой собственный закон. Он включал принцип фатализма и благоприятной реинкарнации, если человек погибал, выполняя приказ своего господина. Существует предположение, что Ив обладал доступом к каким-то литературным источникам: именно из этих источников он, должно быть, позаимствовал пример, который, по словам Жуанвиля, действительно произошел на египетских улицах — женщина, очевидно, знаменитая Рабия древних мистиков, которая несла воду в Ад и огонь в Рай, чтобы люди не имели никакой корысти в служении Господу²³. Разговор брата Ива со старухой — это метафора, в простых и ясных образах закодирован главный пункт мистической доктрины исмаилитов.

Обмен дарами. Комментарий к § 451

По мысли М. Дж. С. Ходжсона, поведение исмаилитского имама по отношению к королю Людовику никак нельзя назвать очень любезным. В качестве предостережения имам послал к королю, высадившемуся в Акре, трех человек: главу посольства, человека с кинжалами, а за ними следовал человек с саваном. Мне кажется, то была эпоха символов, когда ритуальный обмен загадками входил в дипломатический церемониал. Загадки следовало разгадывать. По крайней мере, эта мысль следует из теории игры Йохана Хейзинга²⁴. Три кинжала, последовательно вложенные один в рукоять другого, демонстрировали не только мастерство кузнеца, но и превосходство дарителя, обладающего необыкновенными вещами. Одновременно три кинжала были символом, разгадав который, нужно было дать ответ в символической форме. Почти такой же обмен дарами-символами между Александром и Дарием описан в поэме «Искандер-наме» Низами Гянджеви²⁵, что отражает реальную практику дипломатических контактов средневекового Востока. Неясно, на каких основаниях Ж. Ле Гофф назвал исмаилитских послов террористами, ведь они не под покровом ночи заявили в шатер короля: «И хотя эти террористы (terroristes), до самой смерти верные своему Старцу Горы, прибыли со страшной миссией, все же в них воплотилось то, что христиане феодального мира ценили больше всего: вера и верность. Ужасный и восхитительный Восток»²⁶. Вопреки мнению Ж. Ле Гоффа, в рассказе Жака де Жуанвиля нет ни ужаса, ни восторга. Участникам диалога ясно, что три кинжала

означают вызов, поскольку за кинжалами следует саван. На этот вызов французский король дал симметричный ответ: на следующей аудиенции он появился не один, а с двумя великими магистрами, представлявшими орден госпитальеров и орден тамплиеров. Имаму было известно, что эти ордена не боялись кинжалов исмаилитов, поскольку на место убитого великого магистра тут же был бы избран новый.

Пресвитер Иоанн и Чингис-хан. Комментарий к § 476

В знаменитой литературной мистификации 1145 г., адресованной императору Византии Мануилу Комнину, пресвитер Иоанн предстает могущественным правителем трех Индий²⁷.

Миф об этом царе с неожиданной силой возродился во время Пятого крестового похода, а именно в период сражений под Дамьеттой в 1219–1221 гг. Среди крестоносцев распространился слух о необычайном союзнике, который нанес сокрушительное поражение мусульманам на востоке и скоро объявится у границ Египта²⁸. Ясно, что речь шла о военной кампании Чингис-хана против хорезмшаха. Чингис-хан в воображении лидеров крестоносцев рисовался царем Давидом, потомком пресвитера Иоанна, и эту ассоциацию подкрепляли сведения о военных успехах монголов в Хорезме и Хорасане.

Л. Ольшки убедительно показал существование двух фаз в развитии легенды о пресвитере Иоанне — западной и азиатской²⁹. По его мнению, новая тенденция получила толчок в середине XIII в. и была связана с политической мифологией Монгольской империи. В силу дипломатических контактов между Западной Европой и Монгольской империей легенда о пресвитере Иоанне, царе Великой Индии, претерпела существенные изменения. Считалось, что Чингис-хан покорил Индию и убил пресвитера Иоанна.

Доминиканец Андре де Лонжюмо, вернувшись из Малой Азии, в донесении Лионскому собору 1245 г. утверждал, что нынешний монгольский хан — сын христианки, «ибо отец его, когда покорил себе всю Индию и того, кто называется пресвитером Иоанном (имя, которое дается всем царям Индии), убил, то взял в жены его дочь, а от нее родился тот царь, что ныне правит у тартар». Сведения из донесения брата Андре вошли в хронику Матфея Парижского. В 1246 г. царь Малой Армении Хетум отправил своего брата парона Смбата Спарапета в Монголию, к Гуюкхану. В письме, посланном из Самарканда, Смбат сообщает кипрскому королю Генриху Лузиньяну о том, что христианский царь Индии признал владычество монголов. Эта трактовка событий полностью совпадает с известиями, принесенными с Востока послами Людовика IX в 1248 г.

В историческом обзоре доминиканца Винцента де Бове (†1264), Чингис-хан в грандиозной битве побеждает царя Давида, сына пресвитера Иоанна. Вильгельм де Рубрук, исследуя вопрос о пресвитере Иоанне во время своего путешествия по Центральной Азии, пришел к мысли о бессодержательности этой темы, поскольку несториане «говорили о нем больше, чем в десять раз превышает истину. То же самое делают несториане, прибывающие из этих стран, то есть они производят много шума из ничего»³⁰.

Миф о пресвитере Иоанне оказался столь значимым для Запада в силу простого обстоятельства: царь Индии считался христианином и рассматривался как потенциальный союзник в мировой битве с исламом. Именно это обстоятельство не позволило легенде (или надежде) исчезнуть под напором реальных фактов. В XIV в. царство пресвитера Иоанна было перенесено в Эфиопию. Оно вновь рисовалось непобедимым и недостижимым.

Коронация Чингис-хана. Комментарий к § 476

Подробности коронации Чингис-хана неизвестны³¹. Неизвестен, собственно говоря, внутренний сценарий искомого события. Это означает, что на коронации не присутствовали представители других политических культур, чьи наблюдения только и дают материал для историко-культурных сопоставлений. Спустя почти сорок лет от предполагаемой даты коронации в Монголию прибыли послы французского короля Людовика IX. В их отчете 1248 г. изложена монгольская имперская легенда о том, как 52 рода избрали Чингиза ханом посредством случайного выбора стрелы с именем претендента. Мирное соглашение не привело к смерти ни одного племенного вождя или старейшины, и все они поклялись соблюдать законы Чингис-хана.

Есть основания полагать, что Чингис-хан взял власть силой, а не отдался на волю случая. Его главные соперники — хан керейтов и хан найманов — были убиты, а их владения, скот и люди перешли к Чингис-хану. Ни о каком мирном объединении племен, за исключением небольшого числа групп, и речи не шло. Автор «Тайной истории монголов» не питает иллюзий на этот счет. Сюжет о стрелах конструирует идеальное прошлое, мирный договор 52 родов, следующих пути, предначертанному Вечным Небом. Выбор глав родов подтверждает выбор Неба. Эту политическую мифологию разрабатывали тюрки-несториане, они же и сообщили версию коронации послам Людовика IX. Остается неясным, почему названы именно 52 рода.

Наша задача — указать ранние материалы, подтверждающие практику избрания царя у тюрков путем случайной выборки. Михаил Сириец (XII в.) передает следующие легендарные сведения: «Когда они [тюрки]

вторглись в области персов и начали занимать города, они захотели избрать себе царя. И собрались главы племен, по человеку от племени, приблизительно, 70 человек, знатных и наиболее уважаемых среди них, из 70 племен. И когда они уселись в круг, каждый со своей палкой в руке, они начертили на земле круглую фигуру, т. е. круг, и все условились твердо: тот, чья палка упадет в центр фигуры, будет царем. Каждый из них бросил свою палку так высоко, как мог, и все упали вне круга. Одна упала на середину [круга] и стала стоймя, прямо воткнувшись в землю. Это была [палка] человека из незначительного племени, и он воцарился»³².

В текстах, собранных Н. Я. Бичуриным, сообщается, что в 610 г. китайский император Да-е (династия Тан) пожаловал тюрскому старейшине Шегую звание главного хана и передал ему через посланника бамбуковую стрелу с белым пером. Тюркский хан Шаболо Хилиши в 634 г. разделил свои владения на десять аймаков и в каждом поставил одного начальника, снабженного одной стрелой. Эти управители именовались *десять ше* и также *десять стрел*. Стрела выступает знаком власти³³.

Законы Чингис-хана. Комментарий к § 478

У Жана де Жуанвиля, персидского историка Джувайни и армянского писателя Григора Акнерци речь идет о законах (Ясе Чингис-хана), которые, по теории Т. Барфилда, радикально изменили степное кочевое общество³⁴. У Винцента де Бовэ Чингиз, избранный ханом, называет три греха, а именно: ложь, воровство и прелюбодеяние, за которые с тех пор положена смертная казнь. То же самое о законах Чингис-хана сообщают послы Людовика IX: «Его установления должны были держать народ в мире, так чтобы никто не отнимал чужого добра и не бил других людей, если не хочет лишиться руки; и чтобы никто не вступал в связь с чужой женой или дочерью, если не хочет лишиться руки или жизни. Много прочих добрых заповедей он им дал, дабы жили в мире» (*Жан де Жуанвиль*. § 478). В свою очередь, Джувайни отмечает, что до прихода Чингис-хана к власти «они не были едины, и между ними не стихали войны и не прекращалась вражда. Некоторые из них считали воровство и насилие, разврат и безнравственность занятиями, свидетельствующими о мужественности и превосходстве. <...> Он установил новые законы и заложил фундамент правосудия; и те их обычаи, что были неподобающими, как пьянство или прелюбодеяние, искоренялись»³⁵.

Монгольская имперская мифологема известна и Григорию Акнерци, который записал ее со слов самих монголов. Божественные заповеди, переданные золотым орлом Чингизу, называются Ясой, их нарушение карается смертью. Христианский контекст избранничества Чингиза указывает на несторианскую обработку сюжета. Эту историю следует

отнести к низовому классу имперских легенд, находивших сочувствие в тюрко-монгольской кочевой среде, вовлеченной в круговорот мировых событий. «Тогда, по повелению Бога, явился им ангел в виде орла золотокрылого, и, говоря на их языке, призвал к себе их предводителя, которого звали Чангыз. Он пошел и остановился перед ангелом в виде орла, на расстоянии брошенной стрелы. Тогда орел сообщил им на их языке все повеления Божии. Вот эти божественные законы, которые он им предписал и которые они на своем языке называют Яса: во-первых, любить друг друга; во-вторых, не прелюбодействовать; не быть предателями; почитать старых и нищих; и если найдется между ними кто-либо нарушающий эти заповеди, таковых предавать смерти. Дав эти наставления, ангел назвал предводителя *кааном*, который с тех пор стал прозываться Чангыз-Каан. И повелел ему ангел господствовать над многими областями и странами и множиться до безмерного числа. Так это и случилось»³⁶. География распространения мифа выглядит поразительно: о нем узнали и в Лионе, и в Багдаде, и в Сисе, столице Киликийской Армении, и в лагере французского короля Людовика в Палестине.

Яса, в первую очередь, регулировала отношения внутри «золотого рода» Чингис-хана: коллективный способ принятия важных решений; выборы преемника, которому должны были подчиняться все остальные; иерархию; организацию войска и охоты, как подготовки к войне; способы управления завоеванными землями, что подробно изложено только в сочинении Джувайни. Цель Ясы — в сохранении единства Монгольской империи, которое мыслилось как единство рода. Никакого отношения к жизни населения завоеванных территорий эти правила не имели.

Правило Чингис-хана. Комментарий к § 479

Что отличало монгольскую военную систему от предшественников, так это ее железная дисциплина. Хуннская и тюркская кавалерийские армии были склонны к дезорганизации во время боя, так как каждый дрался для своей личной выгоды. Монгольская армия была обучена воевать как скоординированная группа, следующая сигналам флагов и горнов. Те, кто ломал ряды либо для продвижения, либо для отступления, те, кто организовывал личный бой, не обращая внимания на приказы, или те, кто останавливался для грабежей, жестоко наказывались. Согласно имперской легенде, запрет заниматься захватом добычи во время боя был введен Чингис-ханом перед битвой с пресвитером Иоанном.

По сведениям Жуанвиля, приказ Чингис-хана звучал так: «А если победим мы, приказываю, чтобы преследование длилось три дня и три ночи и чтобы никто не дерзнул протянуть руку к какой-нибудь добыче, но все только убивали бы людей; ибо после того, как мы одержим победу,

я поделю добычу между вами столь хорошо и справедливо, что будет удовлетворен каждый».

В «Тайной истории монголов» имеется следующая параллель к сюжету о военной добыче: «<...> на осень в год Собаки Чингис-хан положил воевать с татарами <...>. Прежде чем вступить в битву при урочище Далан-нэмургес, Чингис-хан, с общего согласия, установил такое правило: „Если мы потесним неприятеля, не задерживаться у добычи. Ведь после окончательного разгрома неприятеля добыча эта от нас не уйдет. Сумеем, поди, поделиться. В случае же отступления все мы обязаны немедленно возвращаться в строй и занимать свое прежнее место. Голову с плеч долой тому, кто не вернется в строй и не займет своего первоначального места!“ В сражении при Далан-нэмургесе мы погнали татар. <...> В нарушении указа задержались, оказывается, у добычи трое: Алтан, Хучар и Даритай. За несоблюдение приказа у них отобрано, через посланных для этого Чжебе и Хубилая, все, что они успели захватить, как то: отогнанные в добычу табуны и всякие захваченные вещи»³⁷.

Алтан и Хучар по генеалогической иерархии были выше Чингис-хана, а Даридай-отчигин был младшим из братьев его отца — их непослушание было обусловлено претензией Чингис-хана на более высокий статус. Помня об этом, Чингис-хан неизменно опирался не на родственников, а на своих нукеров.

Правило Чингис-хана было известно и Рашид-ад-дину: «Он издал указ, чтобы никто не [смел] заниматься захватом добычи, а чтобы забрали добычу [только] после того, как будет покончено с войною и враг будет уничтожен, [только тогда] все бы полностью мирно разделили между собою. Все согласились на этом»³⁸.

Этому правилу следовало войско Бату во время венгерского похода, чем, видимо, поразило воображение венгров: «Татары же, видя, что войско венгров обратилось в бегство, как бы открыли им некий проход и позволили выйти, но не нападали на них, а следовали за ними с обеих сторон, не давая сворачивать ни туда, ни сюда. А вдоль дорог валялись вещи несчастных, золотые и серебряные сосуды, багряные одеяния и дорогое оружие. Но татары в своей неслыханной жестокости, нисколько не заботясь о военной добыче, ни во что не ставя награбленное ценное добро, стремились только к уничтожению людей»³⁹.

«Правило Чингис-хана» сохраняло свое значение и в последующую эпоху. Степные войны всегда велись для грабежа, что обычно было чревато потерей контроля над боем и поражением. Ибн Рузбихан (1457 — до 1533), персидский хронист, приближенный и историограф Мухаммада Шейбани-хана, правителя кочевых узбеков, устами предводителя разъяряет гвардии, чем может обернуться поиск добычи во время сражения:

«В то время когда ханская гвардия, [состоявшая] из славных амакчиев и храбрых чухраев, намеревалась выступить, с вдохновенных уст высокостепенного ханского величества сошли слова: „Вы, которые являетесь воинами и амакчиями [моей] гвардии, должны мужественно выступить на врага и никоим образом вы не должны обращать внимания на добычу и грабеж и во время сражения не стремиться к мирским благам. Вашим полем зрения должно быть сражение с врагом и победа над ним, и не следует, завидев добычу и предмет грабежа, тотчас же набрасываться на них. Если вы поступите так, то останетесь без помощи и не увидите лица победы [даже] во сне. Если же вы под сенью знамени его высочества Мухаммад-Тимур-султана проявите терпеливость и не направитесь никуда, кроме как на врага, на битву и сражение, то Всемиловитый и Всевышний Господь удостоит вас поддержки, а ханское величество сочтет своим долгом выдать вам из казны благоустройства равную долю того, что другие узбеки унесли с помощью набегов и грабежа, потому что вы во время битвы под сенью счастливого знамени его высочества Тимур-султана, проявляя терпение, выжидаете и совсем никуда не отклоняетесь для набегов и захвата добычи. Ханские наместники вознаградят вас из ханских урожаяв и имущества“.

В общем, им было указано стать в день боя под сень знамени его высочества Султан-Мухаммад-Тимура, совершенно отказаться от разбоя и грабежа имущества и захвата добычи и никоим образом не отделяться от султанского высочества, если даже воины разграбят все богатства мира»⁴⁰.

Несторианская легенда. Комментарий к § 481–486

Легенда о вознесении на небо князя из войска Чингис-хана демонстрирует видение грандиозной битвы народов кочевниками-несторианами. Для них Чингис-хан был некой эмблемой, символом, точкой кристаллизации собственных мифологем. Здесь нет достоверности в ее бытовом понимании, но есть достоверность высшего порядка.

Вечное Небо, которое покровительствовало Чингис-хану и возложило на него право управлять миром, в воображении несториан превратилось в небесного царя с великолепной свитой. Культ Тенгри в несторианских декорациях породил фантастическую феерию. В новой картине мира планы земных побед Чингис-хана составлялись на небесах. Истинной войной была небесная война. В противном случае все превращалось в банальный грабеж и вымогательство. Для внешних наблюдателей так оно и было.

Современные историки реконструируют внешний ход событий, полагая, что в этом и заключается смысл истории. Война Чингис-хана с мусульманским миром не сводима только к битвам людей, — сталкивались

мифологемы. Средневековые описания этих событий, как правило, воспроизводят ту мифологему, что придает событиям смысл. Если диалог понимать как совмещение мифологем, то, скорее всего, он невозможен. На практике это означает невозможность описать события одновременно глазами противоборствующих сторон. Мусульманский историк ан-Насави называет Чингис-хана врагом Аллаха⁴¹ и тем самым переводит реальное событие в разряд метафизического. Монголы не вели религиозных войн.

Несторианская легенда была осмыслена в крестоносном ключе, что отчасти объясняет ее католический блеск и рыцарскую этикетность. В легенде говорится о битве Чингис-хана с христианским царем Индии. О такой же грандиозной битве сообщает и Марко Поло. В обоих повествованиях победу одерживает Чингис-хан. На этом сходство завершается.

Некий предводитель кочевого племени, подданный пресвитера Иоанна, перешел на службу к монголам. Вскоре с ним произошла удивительная история. Он поднялся на высокую гору и был восхищен на небо. Вертикальное перемещение вверх знаменует попадание в божественный мир. Там он видит короля, восседающего на золотом троне. По левую руку преклонил колена Георгий в рыцарском облачении.

У небесного короля уже была готова программа: «Отправишься отсюда к своему королю и скажешь ему, что ты узрел меня, Того, кто является Владыкой неба и земли; и скажешь ему, чтобы он возблагодарил меня за победу, которую я ему послал над пресвитером Иоанном и его народом. И еще передашь от меня, что я дарую ему могущество, дабы подчинить всю землю». При желании здесь можно увидеть интерпретацию монгольской легенды о Теб Тенгри, загадочной личности в истории возвышения Темучина. «И в то время появился человек, о котором я слышал от надежных монголов, — сообщает Джувайни, — что в лютые холода, которые преобладают в тех краях, он обнаженным ходил по степи и горам, а потом возвращался и рассказывал: „Всевышний говорил со мной и сказал: „Я отдал все лицо земли Темучину и его детям и нарек его Чингис-ханом. Велите ему вершить правосудие так-то и так-то“»⁴².

Небесный король предсказывает победу монголов над «императором Персии» (возможно, речь идет о султанине Джалал-ад-дине). Анализируя этот сюжет, Л. Фридман показал, что смысл легенды заключается в получении Чингис-ханом божественного мандата на завоевание мира, что нашло подтверждение в реальных военных успехах⁴³. По наблюдению Л. Фридмана, интерес пророчества в том, что это не простое изложение мифа или фольклорный сюжет, а идеологическая легенда, связанная непосредственно с политическими событиями в Святой земле.

Точно такая же имперская программа известна и Григору Акнерци. Повеления Бога Чингис-хану передает золотокрылый орел. «Когда этот

безобразный и злонравный народ узнал о том, что Господь повелел ему властвовать на земле, то, собрав войско, он пошел на персов и взял у них один город. Но персы, собрав силы, взяли этот город назад и отняли у них еще их собственный. Тогда татары, сделав воззвание по всем местам, где жили их племена, бросились на персов, победили их и овладели городом и всем их имуществом»⁴⁴. Создается впечатление, что в XIII в. на просторах Евразии не осталось историков, незнакомых в том или ином варианте с монгольской мифологемой Вечного Неба. Спорадические военные кампании монголов были частью космической войны во исполнение воли Неба.

Вернемся к несторианской легенде. Согласно высшей инструкции, предводитель может отобрать для битвы с «императором Персии» всего триста воинов. Против него же выступит триста тысяч воинов. Победа малого числа над великим и будет знаком воли Владыки неба и земли. Соотношение численности войск следует понимать так: триста верных всадников получают поддержку небесного воинства. Мириады невидимых помощников обрушатся на врага и принесут победу. Обычные сообщения средневековых хроник о 100 000 или 500 000 армиях являются проекцией небесных битв на земные сражения. Стотысячные армии — это армии Бога.

Если речь идет о «божественном» послании, как в нашем случае, то небесное воинство останется незримым на земле. Если же послание будет перекодировано и превратится в историческое известие, то мы получим фантастические цифры как реальные. Обычно происходит совмещение тех и других текстов, и тогда свои воины не видят небесных помощников, а враги с ужасом их обнаруживают. Как вариант: свои видят одинокого всадника, громящего вражью силу. Отсюда самый известный ритуал: поединок двух всадников перед началом сражения, который обе стороны расценивали как божий суд.

Как действуют армии Бога, покажу на примере битвы русских со шведами из «Жития Александра Невского»: «Было же в то время чудо дивное, как в прежние дни при Езекии-царе. Когда пришел Сеннахириб, царь ассирийский, на Иерусалим, желая покорить святой град Иерусалим, внезапно явился ангел Господень и перебил сто восемьдесят пять тысяч из войска ассирийского, и когда настало утро, нашли только мертвые трупы. Так было и после победы Александровой: когда победил он короля, на противоположной стороне реки Ижоры, где не могли пройти полки Александровы, здесь нашли несметное множество убитых ангелом Господним. Оставшиеся же обратились в бегство, и трупы мертвых воинов своих набросали в корабли и потопили их в море. Князь же Александр возвратился с победою, хваля и славя имя своего Творца»⁴⁵.

В вялотекущих исследовательских спорах о численности средневековых армий, как правило, не учитывается божественная арифметика. Триста тысяч воинов «императора Персии» — число, достойное Владыки неба и земли. Арабский и христианский мир расценил монгольские победы как кару Бога, что и породило миф о несусветных полчищах Чингис-хана.

Несторианскому сюжету о небесном воинстве Чингис-хана соответствует персидский вариант, где Чингис-хан ожидает помощи от ангелов и дивов⁴⁶.

В несторианской легенде есть поразительный, на мой взгляд, момент. Из описания неясно, какой Бог сидит на золотом троне. Правда, он представился: «Я, Тот, кто является Владыкой неба и земли». Священники и монахи, верующие в этого Бога, совершают крещение. Очевидно, что небесный король есть Бог христиан-несториан. А где же тогда Тенгри? Функции Тенгри взял на себя небесный король, и теперь он покровительствует Чингис-хану. В этой функциональной размытости образа и заключается болевой момент. Тенгри вытеснен фигурой небесного короля, но замещение не прошло даром: небесный король озабочен успехами только Чингис-хана. Внешне ничего не изменилось, роковые перемены коснулись содержания образа. Несторианский Бог сохранил свой небесный трон и сверкающую свиту взамен на исполнение функций Тенгри. Монгольскую элиту, как известно, внешнее разнообразие чужого религиозного опыта не волновало. Вот как несторианские опыты отразились в практике дипломатических контактов с европейцами. Архиепископ Петр на вопрос о вероисповедании монголов «ответил, что они веруют в единого владыку мира, и когда отправили посольство к рутенам, поручили [сказать] такие слова: „Бог и сын его — на небе, Чиархан — на земле“»⁴⁷. Католическая Европа не поняла сути несторианской утопии. Никакого Бога на небе у монголов не было, поклонялись они Вечному Небу.

Последние хорезмийцы. Комментарий к § 486

Появление монголов в Персии и на Кавказе в 1240 г. в качестве доминирующей военно-административной силы изменило геополитическую ситуацию всего региона. Для тех из современников, кто задумывался о сути перемен, она породила трудно принимаемые вещи. Как в новых условиях ощущали себя местные элиты? Ресурсы и амбиции князей (армянских ишханов, грузинских эриставов и румских султанов) на фоне монгольской мощи выглядели крайне ничтожно. Все их помыслы не шли дальше захвата каких-нибудь соседних крепостей. Грозой для них был хорезмийский султан Джалал-ад-дин, разбивший грузинское

войско⁴⁸ и внушавший трепет правителям Рума, однако султан был смелен монголами. Остатки хорезмийского войска, после гибели султана в 1231 г., бежали в Сирию и Египет, где 17 октября 1244 г. нанесли поражение крестоносцам⁴⁹. Это обстоятельство не могло не взволновать западных наблюдателей, поскольку рыцари проиграли хорезмийцам, в свою очередь проигравшим монголам.

Летом 1247 г. западная разведка в лице главы дипломатической миссии доминиканца Асцелина изложила широкий взгляд на ситуацию: «Хорезмийцы, спасаясь от преследования, бежали в пределы Персии, и особенно наводнили город Грузии, Тифлис, где были убиты семь тысяч человек. После того же, когда тартары вошли в эти пределы, хорезмийцы вновь обратились в бегство, пока не нашли убежища в землях султана Турции. А затем, приглашенные султаном Вавилона, правителем Египта, направились в царство Иерусалимское и разбили христиан под Газой, и с соизволения Божьего, множество франков истребили, и святейший Гроб Господень разрушили, а также внутри и за пределами святого города убили еще большее число христиан, и произошло это в 1244 г. от Рождества Христова. Эти же хорезмийцы, после того как сотворили сие с соизволения Божьего и прочую нечестивость, были наконец самим Господом рассеяны по разным местам и уже почти все обратились в ничто»⁵⁰. Святой Град был навеки утрачен для латинского мира⁵¹.

Сей прискорбный факт был отмечен и крестоносцем Жаном де Жуанвилем, который дополняет рассказ королевских послов о разгроме султана Джалал-ад-дина (названного императором Персии) князем, возглавлявшим несторианское войско у монголов: «Он отделил 300 воинов и велел их исповедовать и подготовить к бою и отправился сражаться с императором Персии, и победил его и изгнал из королевства; тот, бежав, добрался до Иерусалимского королевства; и это был тот самый император, который разбил наших людей и взял в плен графа Готье де Бриенна, как вы услышите позднее» (*Жан де Жуанвиль*. § 486). На самом деле, Джалал-ад-дин давно уже был мертв, а хорезмийцами командовали несколько эмиров.

События выглядели так. После смерти Джалал-ад-дина его эмиры и предводители отрядов поступили на службу к конийскому султану Ала-ад-дину Кей-Кубаду. Это произошло в августе 1231 г. Конийский султанат, используя хорезмийцев, расширил свои владения за счет земель Аййубидов, владетелей Египта. 4 мая 1237 г. Ала-ад-дин Кей-Кубад был отравлен, а новый султан заточил хорезмийского эмира в тюрьму, где тот и умер вскоре. Войско хорезмийцев поступило на службу к владетелю ал-Джазиры аййубиду ал-Малику ас-Салиху. В течение десяти лет (1237–1246) хорезмийские военные силы играли важную роль в событиях, происходивших на Ближнем Востоке. В основном они занимались

грабежами и вымогательством. В 1241 г. хорезмийцы были разгромлены объединенными силами сирийских наместников. В 1244 г. их вновь пригласил на службу владетель Египта ал-Малик ас-Салих, против которого выступили владетель Дамаска и владетель Хомса в союзе с крестоносцами. Конное войско хорезмийцев стремительно прошло через Палестину, разгромив несколько городов. 11 июля 1244 г. хорезмийцы захватили Иерусалим, перебили в нем всех христиан, извлекли из церквей мощи святых и сожгли как церкви, так и мощи. В цитадели Иерусалима укрылось шесть тысяч госпитальеров и тамплиеров. При посредничестве владетеля Карака ал-Малика ан-Насира они выговорили себе возможность уйти из города. Но когда рыцари удалились от Иерусалима, хорезмийцы напали на них и перебили почти всех. До Яффы добралось только 300 рыцарей.

Сирийские Аййубиды в войне с египетской ветвью Аййубидов пошли на военный союз с крестоносцами. Противники встретились в сражении 17 октября 1244 г. близ Газы. На правом фланге сирийских Аййубидов стояли крестоносцы: 1500 конных рыцарей. Этим войском командовал правитель Тира Филипп де Монфор и граф Яффы Готье де Бриенн. Левый фланг занимали войска владетеля Карака, а центр — войска владетеля Хамы. Когда хорезмийцы и египтяне разгромили войско Хамы, они окружили крестоносцев и взяли в плен 800 рыцарей. Тогда же попал в плен и Готье де Бриенн.

В мае 1246 г. взбунтовавшиеся хорезмийцы потерпели сокрушительное поражение в битве с войсками Египта, часть отрядов подалась в Египет, а часть перешла на службу к монголам. На таком фоне начался крестовый поход Людовика IX (1245–1254).

Охота на львов. Комментарий к § 494

Арабский шейх Усама ибн Мункыз (середина XII в.), не раз охотившийся на диких кошек в сирийской пустыне, рассказывает несколько удивительных случаев со львами. Охота на львов была истинным мужским развлечением. Всадники встречали льва, вооружившись копьем. «Я выдержал со львами много боев, которых мне не перечесть, — признается Усама ибн Мункыз, — и убил из них столько, что никто не может в этом сравниться со мной, хотя во многом другом у меня есть соперники; я приобрел такой опыт и умение в бою со львами, какого не имеет никто, кроме меня. Скажу еще, что львы, как и другие дикие животные, боятся сынов Адама и бегут от них. Лев беспечен и ленив, пока не ранен, а когда получит рану, то действительно становится львом; тогда-то и следует его бояться»⁵². Охотничий прием, описанный Жуанвилем, он упоминает.

Клятва на крови. Комментарий к § 496

1. Обычай клятвы на крови не был ни половецким, ни монгольским; это общестепной обычай. Еврейский путешественник XII в. раби Петахия Регенсбургский описывает обычай клятвы на крови, который он наблюдал у половцев, кочующих около Днепра: «В этой земле не ходят иначе, как с провожатым. Вот каким образом каждый из сынов Кедара (половцы) связывает себя клятвою со своим спутником. Он втыкает иголку в свой палец и дает тому, кто должен с ним идти, высосать выступившую кровь, и с той минуты он становится как бы его плотью и кровью. Есть у них еще и другой род клятвы: наполняют медный или железный сосуд в форме человеческого лица, и пьют из него оба, странник и провожатый; после чего провожатый никогда не изменит своему спутнику»⁵³.

Рашид-ад-дин также утверждает, что «монгольский обычай таков, что они приносят друг другу клятву кровью», и описывает, как Он-хан, налив в рог немного крови, послал одного из своих нукеров к Джочи-Касару для заключения клятвы⁵⁴. Клятва на крови редко описывается в монгольских письменных источниках, скорее всего, в силу своей широкой известности⁵⁵.

2. В приписке к Люксембургской рукописи книги Иоанна де Плано Карпини сохранились сведения венгерских послов о том, что великий хан Гуюк начал подготовку к западному походу. «А король Бела, взволнованный и утраченный этими услышанными разговорами, дал своего сына, [уже] избранного королем, в мужья дочери короля команов⁵⁶, причем свадьба была заново отпразднована в Венгрии. А во время этой свадьбы десять команов сошлись для клятвы над собакой, разрубленной надвое мечом, по их обычаю, — [клятвы в том], что будут отстаивать землю венгров также, как верные [люди венгерского] короля, против тартар и варварских народов»⁵⁷.

Рашид-ад-дин описывает клятву, «крепче которой нет среди монгол. Клятва эта заключается в следующем: они вместе зарубают мечом жеребца, быка и кобеля и [при этом] говорят: „О господь неба и земли, слушай, какую клятву мы приносим! Эти [самцы] — корень и мужское начало этих животных. Если мы не сдержим своего слова и нарушим договор, пусть мы станем такими же, как эти животные“»⁵⁸.

Тюркские знамена. Комментарий к § 537

Речь идет о кипчакском войске, которым предводительствовал хорезмийский султан Джалал-ад-дин, поэтому франки называли их хорезмийцами. Красный цвет полотнищ знамен был излюбленным цветом у тюрков⁵⁹. Навершие делалось из конских грив. Влияние степной культуры

отразилось на древнерусских знаменах, на которых ниже навершия крепился яркого цвета бунчук (челка стяговая). На миниатюрах она окрашена в багряный цвет⁶⁰.

Манна небесная. Комментарий к § 567

У Жуанвиля речь идет о растении под названием асклепиада (*Calotropis procera* R. Br.); сахаристая манна выделяется в ее узлах и соцветиях. Сахаристую манну также собирали с тамариска и верблюжьей колючки. Дело в том, что эти растения не выращивали, они произрастают сами по себе. То есть это дикое растение.

В 1279 г. францисканец Салимбене видел собрата по ордену, Иоанни-на ди Олле, который вернулся из Египта и среди прочих чудесных вещей привез в стеклянном сосуде манну. Это обстоятельство подтолкнуло Салимбене к сравнениям манны со многими вещами: «Манна похожа на росу и на иней, и на белое семя кориандра, и на муку, и на мед. Все это не лишено тайны и прекрасно может соответствовать Сыну Божию»⁶¹ (Салимбене де Адам. Хроника, с. 372).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Киракос Гандзакеци*. История Армении / Пер. с др.-арм., пред. и комментарий Л. А. Ханларян. М., 1976. Гл. 35.
2. Подробнее см.: *Орбели И. А.* Асан Джалал, князь Хаченский // Известия императорской Академии наук. СПб., 1909. Сер. VI. Т. III. № 61.
3. *Киракос Гандзакеци*. История Армении / Пер. с др.-арм., пред. и комментарий Л. А. Ханларян. М., 1976. Гл. 36.
4. *Абу Рейхан Бируни*. Избранные произведения. Т. IV: Фармакогнозия в медицине (Китаб ас-сайдана фи-т-тибб) / Исслед., перевод, прим. и указ. У. И. Каримова. Ташкент, 1973. § 740.
5. *Хенниг Р.* Неведомые земли. М., 1962. Т. III. С. 203.
6. *Райт Дж. К.* Географические представления в эпоху крестовых походов. М., 1988. С. 237–238.
7. *Фисон* — одна из четырех рек Эдема (Быт. 2:11). Обычно под этой рекой подразумевают реку Ганг в Индии.
8. Совр. Цейлон — Шри Ланка.
9. Сокращение «Церковной истории» Филосторгия / Пер. с древнегреч. В. А. Дорофеевой // Церковные историки IV–V вв. М., 2007. III. 10.
10. A Medieval herbal. A facsimile of British Library Egerton MS 747. Introduction by M. Collins. London, 2003, fol. 2r.
11. *Воронова Т. П., Стерлигов А. Б.* Западноевропейская книжная миниатюра VIII–XVI вв. СПб.; Бурнемут, 1996. С. 136–137.

12. A Medieval herbal. A facsimile of British Library Egerton MS 747. Introduction by M. Collins. London, 2003, fol. 84r.
13. Книга Марко Поло / Пер. старофр. текста И. П. Минаева; ред. и вступ. ст. И. П. Магидовича. М., 1956. С. 207.
14. Ал-Идриси (1100–1165), арабский ученый-географ. Работал при дворе сицилийского короля Рожера II.
15. Арабские источники XIII–XIV вв. по этнографии и истории Африки южнее Сахары / Пер. с араб. Л. Е. Куббеля, В. В. Матвеева, М. А. Толмачевой при участии Н. А. Добронравина. М., 2002. Т. 4. С. 397.
16. *Худжжа* (ал-хакк 'ала-л-халк) — «доказательство (бога для людей)». Этот термин получил широкую известность в исмаилитской практике — так называли главу пропаганды, которого назначал имам — «владыка времен». Число *худжжей* (по примеру учеников Христа и *накибов* пророка Мухаммада) — двенадцать.
17. В самом широком и распространенном значении *накиб* — глава, старейшина «семьи пророка» (*шарифов*), назначавшийся халифом. В каждом большом городе шарифами управлял один из *накибов*. До конца X в. *накибами* были старейшины алидской знати, но затем и аббасидская ветвь «семьи пророка» получила собственного *накиба*. У исмаилитов *накиб* — уполномоченный имама — «владыки времени».
18. *Мухаммад ибн 'Абд ал-Карим аш-Шахрастани*. Книга о религиях и сектах (Китаб ал-милал ва-н-нихал). Часть 1. Ислам / Пер. с араб., введ. и коммент. С. М. Прозорова. М., 1984.
19. *Ибн Джубайр*. Путешествие / Пер. с араб., вступит. ст. и примеч. Л. А. Семеновой. М., 1984. С. 181–182.
20. То есть крестоносцами, обосновавшимися на Ближнем Востоке.
21. Три еврейских путешественника / Пер. и примеч. П. В. Марголина. Иерусалим; М., 2004. С. 94–95.
22. *Григорьев А. П., Фролова О. Б.* Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди // Тюркологический сборник 2001. Золотая Орда и ее наследие. М., 2002. С. 285.
23. *Ходжсон М. Дж. С.* Орден ассасинов. Борьба ранних низаритов исмаилитов с исламским миром. СПб., 2004. С. 255–256.
24. *Хэйзинга Й.* Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М., 1992. С. 124–138.
25. *Низами Гянджеви*. Искендер-Наме: [Поэма об Александре Македонском] / Пер. с фарси и коммент. Е. Э. Бертельса, А. К. Арендса. Баку, 1983. С. 108.
26. *Ле Гофф Ж.* Людовик IX Святой. М., 2002. С. 418–419.
27. *Helleiner K. F.* Prester John's Letter: A Medieval Utopia // The Phoenix III, 1. 1959. P. 47–57; *Slessarev V.* Prester John: The Letter and the Legend. Minneapolis, 1959.

28. *Zarncke F.* Der Priester Johannes. Erste Abhanlung, enthaltend Capitel I, II und III. Leipzig, 1879. Cap. IV. S. 1–22.
29. *Olschki L.* Marco Polo's Asia. An Introduction to His «Description of the World» called «Il Milione» / trans. from the italian by J. A. Scott. Berkeley and Los Angeles, 1960. P. 391–392.
30. *Sinica Franciscana*, vol. I: Itinera et relationes Fratrum Minorum saeculi XIII et XIV. Collegit, ad fidem codicum redegit et adnotavit P. Anastasius Van Den Wyngaert O.F.M. Quaracchi — Firenze, 1929. (*Itinerarium*. XVII. 2).
31. Ср.: *Дмитриев С. В.* 1) Версии коронации Темучина с точки зрения политической логики: I. Теб-Тенгри // *Mongolica*. III. СПб., 1994. С. 72–74; 2) Версии коронации Темучина с точки зрения политической логики: II. Ван-хан // *Mongolica*. IV. СПб., 1998. С. 25–29; *Скрынникова Т. Д.* Два акта интронизации Чингис-хана // *Социогенез Северной Азии*. Иркутск, 2005. Ч. 1.
32. *Гусейнов Р. А.* Сирийские источники XII–XIII вв. об Азербайджане. Баку, 1960. С. 52.
33. *Бичурин Н. Я.* [Иакинф] Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Редакция текста, вступ. ст., комм. А. Н. Бернштама и Н. В. Кюнера. М.; Л., 1950. Т. I.
34. *Барфилд Т.* Монгольская модель кочевой империи // *Монгольская империя и кочевой мир*. Улан-Удэ, 2004. С. 254.
35. Чингис-хан. История завоевателя мира, записанная Ала ад-дином Ата-Меликом Джувайни / Пер. с англ. Е. Е. Харитоновой. М., 2004. I. 14–16.
36. История монголов инока Магакии, XIII в. / Пер. и объясн. К. П. Патканова. СПб., 1871. § 2–3.
37. *Козин С. А.* Сокровенное сказание. М.; Л., 1941. Т. I. § 153.
38. *Рашид-ад-дин*. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2 / Пер. с перс. О. И. Смирновой. Прим. Б. И. Панкратова и О. И. Смирновой. Ред. А. А. Семенова. М.; Л., 1952. С. 120–121.
39. *Фома Сплитский*. История архиепископов Салоны и Сплита / Вступ. ст., пер. и коммент. О. А. Акимовой. М., 1997. Гл. XXXVI.
40. *Фазлаллах ибн Рузбихан Исфакхани*. Михман-наме-йи Бухара («Записки бухарского гостя»). М., 1976. С. 125–126.
41. *Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави*. Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны) / Изд. критич. текста, пер. с араб., пред., коммент., прим. и указатели З. М. Буниятова. М., 1996. Гл. 36.
42. Чингис-хан. История завоевателя мира, записанная Ала ад-дином Ата-Меликом Джувайни / Пер. с англ. Е. Е. Харитоновой. М., 2004. I. 29.
43. *Friedman L. J.* Joinville's Tartar Visionary // *Medium Aevum* 27/1. 1958. P. 1–7.

44. История монголов инок Магакии, XIII в. / Пер. и объясн. К. П. Патканова. СПб., 1871. § 3.
45. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. XIII век. СПб., 2005. С. 363.
46. Подробнее см.: Юрченко А. Г. Историческая география политического мифа. Образ Чингис-хана в мировой литературе XIII–XV вв. СПб., 2006. С. 65.
47. Матузова В. И. Английские средневековые источники, IX–XIII вв.: Тексты; Перевод; Комментарий. М., 1979. С. 152.
48. Цулая Г. В. Джелал ад-Дин в оценке грузинской летописной традиции // Летописи и хроники. 1980. М., 1981. С. 124–125; Анонимный грузинский «Хронограф» XIV века / Пер. со старогрузин. Г. В. Цулая. М., 2005. Вып. 1. Текст. С. 28–29.
49. Бунятов З. М. Государство хорезмшахов — Ануштегинидов. 1097–1231. М., 1986. С. 191–192.
50. *Simon de Saint-Quentin. Histoire des Tartares* / Publiée par J. Richard. Paris, 1965. XXX. 88.
51. Ришар Ж. Латино-Иерусалимское королевство. СПб., 2002. С. 302.
52. Усама ибн Мункыз. Книга назидания / Пер. с арабского М. А. Салье, под ред. и с прим. И. Ю. Крачковского. М., 1958. С. 182.
53. Три еврейских путешественника / Пер. и примеч. П. В. Марголина. Иерусалим; М., 2004. С. 264.
54. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. М.; Л., 1952. С. 133.
55. Тузатов А. И. Анда-побратимство и сакральные элементы родовых представлений в древней и средневековой Монголии // Владимирцовские чтения — V. Доклады научной конференции. М., 2006. С. 215.
56. В рукоп. ошибочно *Romanorum*.
57. Латинский текст см.: LT, р. 117. Подробнее о приведенном документе с дальнейшей литературой см.: *Pelliot P. Recherches sur les Chrétiens d'Asie Centrale et d'Extrême-Orient, opera postuma publicata a cura di J. Dauvillier e L. Hambis. Paris, 1973, p. 14.* (дополнение Ж. Довилье).
58. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. М.; Л., 1952. С. 117.
59. Гусейнов Р. А. Сельджукская военная организация // Палестинский сборник. Л., 1967. Вып. 17 (60). С. 134.
60. Рабинович М. Г. Древнерусские знамена (X–XV вв.) по изображениям на миниатюрах // Новое в археологии. Сб. статей в честь А. В. Арциховского. Л., 1972. С. 177; см. также: Новгородова Э. А. Знамя — вместилище души (сулдэ и туг) у тюрко-монгольских народов // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока: Тез. докл. междунар. конф. 29 мая—3 июня 1989 г. М., 1989. Ч. 3; Дмитриев С. В. Знаменный комплекс в военно-политической культуре средневековых кочевников Центральной Азии // *Para-bellum. Военно-исторический*

журнал. СПб., 2002. № 14; Гёкеньян Х. Знамя/штандарт и литавры у алтайских народов // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2005. Кн. 2; Худяков Ю. С. Знамена древних тюрков и кыргызов в Центральной Азии в эпоху раннего Средневековья // Тюркологический сборник 2003–2004. Тюркские народы в древности и средневековье. М., 2005.

61. Салимбене де Адам. Хроника / Пер. с лат. М., 2004. С. 372.

А. Г. Юрченко

СМЕРТЬ ПОСЛЕДНЕГО ХАЛИФА

Зимой 1258 г. Багдад был сокрушен монгольской армией, а багдадский халиф ал-Муста'сим (1242–1258) был предан. Весть об этом событии в лагерь Людовика в Палестине, укреплявшего город Сайетту (Сидон, Сайдā), принесли купцы. Сообщалось, что хан приказал посадить халифа в клетку и морить голодом. Назидательный характер беседы между этими персонажами является самым поразительным моментом драмы. Хана интересует, почему его противник не потратил золото на воинов. Жан де Жуанвиль принимает этот эпизод за чистую монету. Нас же интересует, почему эта версия нашла столь широкий отклик. Ссылка Жана де Жуанвиля на источник сведений, являясь единственной в своем роде, указывает на два обстоятельства: смерть халифа была мифологизирована почти мгновенно и произошло это в подвижной культурной среде.

Всех современников, без исключения, в истории смерти последнего халифа интересовала судьба его сокровищ. Сочувствия к халифу не проявил никто. Уступив монголам, халиф утратил реальный облик. Бездарный и слабовольный персонаж почти мгновенно стал жертвой старинной легенды. Легенда без остатка поглотила то немногое, что делало халифа исторической фигурой.

Как выглядит насильственная смерть наместника Аллаха через призму магического противостояния рода Аббасидов и рода Чингис-хана? Кто и с какой целью сочинил нелепую историю о смерти халифа в клетке, наполненной золотом? Ситуация с историческими свидетельствами такова: открытому, публичному варианту назидательного наказания противостоит сообщение осведомленного придворного историка Рашид-ад-дина о тайном умерщвлении халифа ал-Муста'сима и его сыновей.

Был ли у халифа шанс остаться в живых? Согласно так называемому пророчеству Чингис-хана касательно сроков войны и покорения мира знатные противники должны уничтожаться. Пророчество было записано францисканцем Бенедиктом Поляком летом 1246 г. в кочевой ставке великого хана Гуюка. Оно гласит: «И приходят они, чтобы сражаться непрерывно в течение восемнадцати лет, и они не остановятся до тех пор, пока не останется [в живых] ни знатного, ни императора, ни королей»; «Он [Чингис-хан] также установил, чтобы [тартары] покорили все земли мира, и не заключали бы мира ни с кем, разве только те сами открыто и

безоговорочно не сдадутся им, и на этот случай приказал щадить простых людей, а всех более знатных умерщвлять»¹.

Зимой 1258 г. халиф сдался на милость победителей. По требованию ильхана Хулагу (1217–1265) хозяин сокровищ указал на секретные золотохранилища. Судьба халифа была предрешена. Вскоре последовала развязка, однако, что произошло на самом деле, мы не знаем, поскольку современники настаивают на разных сценариях драмы.

Версия армянского историка Киракоса Гандзакеци (1200–1271) опирается на рассказ свидетеля событий, князя Гасана, который принимал участие в штурме Багдада на стороне монголов. С позиции христиан, падение Багдада и смерть халифа событие всемирного масштаба, причем событие благое.

Армяне полагали, что ильхан собственной рукой убил халифа, что исключено. Хулагу не был столь кровожаден. Загадочно выглядит приказ хана принести в жертву реке Тигр одного из сыновей халифа. Если такой акт, действительно, имел место, то за ним стоят хорезмийские «консультанты», разъяснившие монголам важность жертвоприношения реке. По сведениям Джувайни, мать последнего хорезмшаха, Теркен-хатун, приказывала топить в Амударье знатных заложников, чтобы власти ее сына не угрожали соперники².

«Город был полон войск и народа. Семь дней [татары] провели на стене, и никто из них — ни из города, ни из татарского войска — не выстрелил из лука, не пустил в ход меч. Спустя семь дней горожане стали просить мира и выходить к нему (Хулагу) с [изъявлением] любви и покорности. И приказал Хулагу так и сделать. Из городских ворот стали выходить несметные толпы людей, перегоняя друг друга — кто раньше добежит до него. И он распределил пришедших между воинами, приказал увести подальше от города и потихоньку уничтожить, чтобы другие не знали. И всех их убили. Спустя четыре дня вышел и халиф с двумя сыновьями и со всей знатью, взяв с собой очень много золота и серебра, драгоценных камней и дорогой одежды, чтобы преподнести Хулагу и его вельможам. [Хулагу] первым приветствовал его, укоряя за промедление и за то, что не пришел к нему тотчас же, затем спросил: „Кто ты, Бог или человек?“. И тот сказал: „Человек и слуга божий“. Хулагу спросил: „Так это Бог велел тебе оскорбить меня, назвать собакой и не дать мне, собаке божьей, есть и пить? И вот я, собака божья, от голода съем тебя“. И он собственноручно убил [халифа], приговаривая: „Это большая честь для тебя, что убиваю тебя я, а не кто-либо другой“. И сыну своему приказал убить одного из сыновей халифа, а другого сына — принести в жертву реке Тигр, „ибо она не согрешила против нас, — сказал он, — а содействовала нам при уничтожении нечестивцев“. Затем он сказал: „Этот человек своим высокомерием заставил нас пролить много крови, пусть пойдет даст

ответ Богу, а мы не виноваты“. Были умерщвлены и другие вельможи. Затем он приказал войскам, охранявшим городские стены, сойти [вниз] и истребить обитателей города от мала до велика. И они убили несметное и бесчисленное множество мужчин, женщин и детей, как будто скосили колосья на поле. Сорок дней не переставая трудились мечи, так что убийцам надоело, они бросили это дело, руки их устали; тогда стали нанимать за плату других и [продолжали] безжалостно убивать. Старшая жена Хулагу, которую звали Тохуз-хатун, была христианкой. Она сжалилась над христианами, проживавшими в Багдаде, несторианами по исповеданию, а также и [представителями] других народов и попросила своего мужа не убивать их. И их вместе с имуществом и достоянием [Хулагу] оставил. Он приказал воинам захватить все имущество и добро горожан. На долю каждого досталось очень много золота и серебра, драгоценных камней и жемчуга, дорогой одежды, ибо город тот был очень богат и не было равного ему на всем свете. Сам Хулагу завладел сокровищами халифа и нагрузил ими три тысячи шестьсот верблюдов, а лошадям, мулам и ослам не было счета. Другие дома, полные сокровищ, он запечатал своим перстнем, приставив к ним стражу, ибо не мог увезти все — [сокровищ] было слишком много. Ведь город на реке Тигре выше Катисбона, на расстоянии около пяти дней пути от Вавилона, был построен 515 лет назад в 194 (745) г. армянского летосчисления измаильтянином Джафаром и все это время был в государстве ненасытной пиявкой, высасывающей [кровь] всей вселенной. Нынче же, в 707 (1258) г. армянского летосчисления, он должен был воздать за пролитую кровь и за содеянное зло, когда переполнилась мера грехов его перед всеведущим Богом, который воздает воистину справедливо: нелицеприятно и праведно. Так пресекалось грозное и буйное царство мусульманское, просуществовавшее 647 лет»³.

В расхищении монголами богатств халифа не было ничего необычного; с 945 г. существовал обычай при смерти или смещении халифа грабить дворец, пока в нем ничего не оставалось⁴. По сведениям персидского историка ал-Джюзджани (1193 — после 1260), находившегося вдалеке от места событий, в Дели, Хулагу «забрал все сокровища багдадские, исчисление и счет которых не могут быть начертаны пером и не поддаются человеческому определению. Из денег, драгоценных камней, редкостей и дорогих украшений он все увез в свой лагерь <...>. Кое-что, в виде подарка и доли, отослал к Берке, мусульманину, а часть утаил. Люди, заслуживающие доверия, рассказывали следующее: „То, что дошло до Берке, последний не принял, умертвив послов Хулаву. По этой причине возникла вражда между Берке и Хулаву“»⁵. По абсолютно невероятному утверждению собеседников ал-Джюзджани, сокровища халифа послужили причиной смерти послов Хулагу. На самом деле вражда между монгольскими правителями вспыхнула намного позже и по иному поводу.

Рассказ ал-Джузджани отражает ситуацию переживания катастрофы, ибо мусульманский мир лишился лидера. Неприглядная повседневность вытеснена достоверностью мифа. Мусульмане полагали, что богатства царствующего дома могут принадлежать только Аббасидам. Почему эта тема так волновала современников?

Переход халифских сокровищ в руки монгольского хана означал утрату халифом жизненной силы и сакральной составляющей его власти, ибо золото и драгоценные камни — это светлая противоположность разлагающейся плоти. Сокровища перешли к истинному царю. В таком случае приказ уморить халифа голодом, заперев его в сокровищнице, или попытка заставить его съесть золотые монеты пародирует его прежнюю сакральную чистоту и неуязвимость. Мифологический сценарий казни никогда не был реализован на практике. В планы Хулагу не входило давать назидательный урок халифу, по крайней мере, придворный историк Рашид-ад-дин ни говорит об этом ни слова. Каким бы образом ни казнили халифа, предварительно он был лишен сияющих золотом великолепных одеяний и изолирован. Перемещение фигуры из условного центра на периферию происходило в несколько этапов и преследовало снятие сакрального ореола. В свои дворцы халиф уже не вернулся, за городом для него были поставлены шатры. В ритуальном плане повелитель правоверных должен был превратиться в простого смертного. Возможно, таким образом монголы пытались избежать вредоносного следствия, предсказанного звездочетом Хусам-ад-дином. Однако эти подробности, известные официальным историкам, были недоступны или не заинтересовали внешних наблюдателей. Для христианского мира гибель халифа была гибелью сакральной фигуры. Это обстоятельство объясняет устойчивый характер легендарной версии совершенно немыслимого события.

Версия армянского церковного писателя Григора Акнерци совмещает два плана воображаемой драмы. Хан приказывает три дня морить халифа голодом, а затем бросить под копыта всадников. Фольклорный вариант смерти от голода в сокровищнице вскоре вытеснил все остальные сценарии. Наша задача — ответить на вопрос, почему смерть в золотой темнице стала популярной версией? К тому же в исследовательской литературе не учитывается множественность версий смерти халифа, а фольклорный вариант, например, использован Н. Н. Крадиным как исторический аргумент: «Монгольские ханы неоднократно демонстрировали подданным свою щедрость и презрительное отношение к богатству. Достаточно сослаться на хрестоматийный пример, приведенный еще Рашид-ад-дином, когда в 1258 г. Хулагу пытался заставить плененного халифа есть золото из сокровищниц Багдада»⁶. Такого примера в сборнике Рашид-ад-дина нет, но он есть в книге Марко Поло, а это разные вещи. Более того, если верить Рашид-ад-дину, золото халифа очень даже интересовало Хулагу.

По сведениям Киракоса Гандзакеци, для вывоза сокровищ, присвоенных Чингизидами, понадобилось несколько тысяч верблюдов.

В хронике Григора Акнерци сказано: «Созвав великий сейм, в котором приняли участие старые и новые войска, конница армянская и грузинская, монголы в несметном числе пошли на Багдад и вскоре взяли этот великий и славный город, полный множества жителей, великих сокровищ, бесчисленного количества золота и серебра. Они без всякой пощады умертвили жителей; только часть их увлекли в неволю. На долю всадников досталось множество превосходных одежд и большое количество золота из халифской сокровищницы. Татары, схватив халифа, тучного и разжиревшего владетеля Багдада, со всеми его сокровищами привлекли к Гулаву, который спросил его: „Ты владетель Багдада?“. Тот отвечал: „Я самый“. Гулаву приказал бросить его в темницу на три дня без хлеба и воды. Через три дня он приказал привести перед себя халифа и спросил его: „Как поживаешь?“. Халиф гневно отвечал, как бы желая устроить Гулаву: „Так в том состоит ваша человечность, что вы в течение трех дней морили меня голодом?“. Дело в том, что еще до начала осады халиф говорил жителям города: „Не бойтесь ничего! Как только татары придут, я вынесу против них знамя Магометово, от которого убегут все татарские всадники, и мы спасемся“. После того Гулаву приказал подать блюдо, наполненное червонцами и поставив перед халифом, сказал ему: „Бери, ешь золото, чтоб утолить свой голод и жажду, и насытись им!“. На это халиф сказал: „Не золотом бывает жив человек, а хлебом, мясом и вином“. Гулаву сказал халифу: „Если ты знал, что человек живет не сухим золотом, но хлебом, мясом и вином, что же ты медлил прислать ко мне все это золото? Тогда бы я не разгромил твоего города и не захватил бы тебя. Вместо того ты сидел себе беззаботно, ел да пил“. После того Гулаву приказал бросить его под ноги войску, и таким образом умертвил мусульманского халифа. Совершив это татары с несметною добычею и с сокровищами воротились в восточную страну»⁷.

Подробный рассказ Рашид-ад-дина (1247–1318), отражает монгольскую версию событий. В начале 1257 г. монгольские войска достигли Асадабада и Хулагу еще раз послал гонца с приглашением халифу. Халиф отказывался, отправив письмо с обещаниями, посулами и просьбой, чтобы Хулагу-хан повернул назад. Халиф обязался вносить в монгольскую казну назначенную сумму. Хулагу пошутил в ответном послании: «Раз мы прошли такой путь, то как можно, не повидавшись возвращаться обратно. После приема, свидания и беседы мы с его разрешения пойдем назад».

Мусульмане, бежавшие от монголов в Индию, рисовали утопическую картину, которая сегодня воспринимается как неудачная шутка. Ал-Джуджани, рассказывая об осаде Багдада, сообщает следующее: «Когда

эмир Абу-Бакр [сын багдадского халифа ал-Мустасима] вышел и прибыл в лагерь Хулаву [Хулагу], то все его войско — неверные и мусульмане, устроило [торжественную] встречу и соблюло обычаи почетного приема. По прибытии его во дворец Хулаву, последний шагов на сорок вышел ему навстречу, оказал ему почет и, усадив его против собственного места, присел перед эмиром Абу-Бакром на колени уважения и сказал: „Я пришел выразить покорность и намерен подчиниться. Берка, дядя мой, принял мусульманство из рук шейха Сейф-ад-дина Бахарзи Сахури (?). Я также хочу сделаться мусульманином и спросил своих эмиров, кто самый великий из мусульман. Они указали мне на его величество халифа. Я пришел [сюда], чтобы принять мусульманство из рук повелителя верующих“⁸.

Вернемся к рассказу Рашид-ад-дина. В конце января 1258 г. монголы сомкнули кольцо вокруг багдадских стен, набросали вал, установили камнеметы и начали осаду. Обстрел крепостных стен велся железными пороховыми снарядами (*те хо пао*)⁹. Для мусульман это было ошеломительной новостью, на которую современные историки не обратили внимания¹⁰.

Хулагу приказал написать шесть ярлыков: «Мы-де пощадим казиев, ученых, шейхов, потомков Алия, *аркаунов*¹¹ и тех людей, что не будут воевать с нами». Грамоты привязали к стрелам и пустили с шести сторон в город. Такая рассылка посланий породила ситуацию, в которой одна подробность кажется вымышленной. От града монгольских стрел нельзя было укрыться даже в халифском дворце. Багдадский историк Ибн ал-Фувати, очевидец событий, сообщает: как-то халиф сидел и играл с маленькой арабкой, вдруг в окно влетела стрела и убила малышку. На стреле было написано: «Когда Аллах желает вынести свой [окончательный] приговор, он отнимает у мыслящих разум их»¹².

В первых числах февраля монголы овладели верхом всей стены восточной стороны. Халиф отчаялся и заявил о желании покориться. Он выслал к монголам послов со скудными дарами на том основании, что если послать их множество, то это будет доказательством страха, и враг осмелеет. Хулагу не обратил внимания на послов и они вернулись ни с чем. На следующий день вышел старший сын халифа с множеством даров, но пользы от этого не было. Вскоре вышло багдадское войско, и в нарушение договоренности было перебито за пределами города. Ханду-битикчи, одному из старших эмиров, попала стрела в глаз, и Хулагу приказал поспешить взятием Багдада. Он повелел ходже Насир-ад-дину отправиться к Воротам Ристалища для дарования пощады народу. Сулейман-шаха, главного звездочета халифа, казнили со всеми подначальными людьми и последователями. Группа, обеспечивавшая астрологическими прогнозами противников монголов, была уничтожена.

Халиф вышел из города со всеми тремя сыновьями. С ним было три тысячи человек сейидов, имамов, казиев, вельмож и сановников города. «Он повидал Хулагу-хана, и государь не проявил никакого гнева, а ласково и любезно расспросил [о здоровье] и затем промолвил халифу: „Скажи, чтобы жители города сложили оружие и вышли, дабы мы произвели им счет“. Халиф послал в город, чтобы кликнуть клич сложить жителям оружие и выходить. Горожане толпами, сложив оружие, выходили, и монголы их убивали. Было повелено, чтобы халиф, [его] сыновья и родичи разбили шатры у ворот Кальваза, в лагере Китбуга-нойона. К ним приставили нескольких монголов. Халиф уже воочию видел свою гибель и сожалел о своем неблагоразумии и что не слушал советов. Среда 7 числа месяца сафара [13.II] была началом поголовного грабежа и убийства. Войска разом вошли в город и предавали огню сырое и сухое, кроме домов немногих *аркаунов* и некоторых чужеземцев. В пятницу 9 числа месяца сафара [15.II] Хулагу-хан въехал в город для осмотра дворца халифа. Он расположился во [дворце?]. . . и пировал с эмирами. Он повелел призвать халифа и сказал: „Ты-де хозяин, а мы гости, покажи-ка, что у тебя есть для нас подходящего“. Халиф понял правду этих слов, задрожал от страха и так перепугался, что не мог припомнить, где ключи от хранилищ. Он приказал сломать несколько замков и поднес на служение две тысячи халатов, десять тысяч динаров и сколько-то редкостных предметов, усыпанных драгоценными камнями украшений и жемчуга. Хулагу-хан не оказал им внимания, все подарил эмирам и присутствовавшим и сказал халифу: „Богатства, которые у тебя на земле, они явны и принадлежат моим слугам, а ты скажи о схороненных кладах, каковы они да где“. Халиф признался в [существовании] водоема полного золота посредине дворца. Его разрыли, и он оказался полным червонного золота, все в слитках по сто мискалей. <...> Вышел указ, чтобы впредь резню и грабеж приостановили, потому-де, что Багдадское царство наше. Всем сидеть [на месте] по-прежнему и каждому заняться своим делом. Уцелевшим от меча багдадцам жизнь была пощажена. Из-за смрадного воздуха Хулагу-хан в среду 14 числа месяца сафара [20.II] выехал из Багдада и остановился в селениях Вакф и Джалябийя. Он отправил эмира Абд-ар-рахмана на завоевание области Хузистан и приказал призвать [к себе] халифа. Тот воочию узрел злые признаки своей судьбы, очень испугался и спросил вазира: „Как помочь нашему делу?“ [Вазир] в ответ сказал: ‘Борода наша долга’. Он имел в виду то, что в начале события, когда он посоветовал отправить богатый груз и отразить [тем] бедствие, даватдар сказал: ‘Борода у вазира долга’, — и предостерегал от этого дела, а халиф послушал его слова, и мероприятие вазира отменил. Словом, халиф потерял надежду на жизнь и попросил разрешения отправиться в баню и свершить положенное по закону омовение. Хулагу-хан приказал, чтобы он отправился с

пятью монголами. [Халиф] сказал: „Я не прошу сопровождения пяти ангелов, мучающих грешников в аду“, — и прочел два-три стиха из касыды, начало которой таково: „Поутру у нас был дом словно рай, а вечером мы оказались без дома, как будто вчера не были так богаты“. В конце дня, в среду 14 числа месяца сафара лета 656 [20.II.1258] в деревне Вақф дело халифа прикончили вместе со старшим сыном и пятью слугами, которые при нем состояли. На другой день казнили прочих, которые стояли с ним у ворот Кальваза. Ни одного Аббасида, кого нашли, не оставили в живых, кроме немногих, которых включили в счет. Мубарекшаха, младшего сына халифа, подарили Олджей-хатун. Хатун отослала его в Мерагу, чтобы он находился [там] при ходже Насир-ад-дине. Ему дали в жены монголку, и он от нее имел двух сыновей. В пятницу, 16 числа месяца сафара [23 II], среднего сына халифа отправили к отцу и братьям, и власть халифов из рода Аббасидов, которые восседали [на престоле] после рода Омейядов, пресеклась»¹³.

Багдадский историк Ибн ал-Фувати полагает, что Хулагу приказал убить халифа без пролития крови. Ал-Муста‘сима казнили 14 сафара. Закатав в грубошерстный ковер, его забили насмерть ногами, а затем закопали, сровняв могилу с землей¹⁴. Убийство знатного лица без пролития крови — это магический акт. Чингизидов по приговору родственников казнили без пролития крови. Вот типичный пример из книги Марко Поло. В военном конфликте Хубилая с его младшим родичем Наяном, последний был разбит. «Узнал великий хан, что Наян взят в плен, и приказал его умертвить. Убили его вот как: завернули в ковер, да так плотно свили, что он и умер. Умертвили его так, потому что не хотели проливать на землю крови царского роду, на виду у солнца и неба»¹⁵. Если принять на веру сообщение Ибн ал-Фувати, то можно заключить, что халифа умертвили и секретно захоронили по-монгольскому обычаю. Возможно, таким способом хотели избежать активизации вредоносной силы. Как в таком случае объяснить, что монголы не побоялись разграбить мавзолей аббасидских халифов?

Смерть через удушение была привилегией знатных лиц. Согласно «Тайной истории монголов», конфликт между Чингис-ханом и Джамухой закончился ритуальной смертью последнего. «Чингис-хан сказал: „Передайте Джамухе, что позволено ему умереть без пролития крови, согласно его просьбе!“. И отдал приказ: „Дайте ему умереть без пролития крови, и не бросайте на позорище его прах и предайте погребению с подобающей почестью“. Тут же после кончины Джамухи и погребли его прах, „подняли кости его“».

Григор Акнерци описывает случай, когда монгольские царевичи отказались признать приказ каана Менгу о назначении Хулагу правителем Ирана и были преданы смерти. «Когда аргучи Мангу-хана убедились в том, что

эти четверо [из царевичей] не только не желают повиноваться, но еще намерены сопротивляться Гулаву, то приказали: подвергнуть их ясаку, т. е. задушить тетивой лука: по их обыкновению, только этим способом можно было предавать смерти лиц ханского происхождения»¹⁶. Возвращаясь к ритуальному убийству халифа, приведу выразительное свидетельство ан-Насави: когда хорезмийский султан Джалал-ад-дин приказал убить своего взбунтовавшегося вазира Шараф ал-Мулка, то гибель последнего, по словам ан-Насави, была смертью, достойной знатного человека. Слуги султана спросили вазира: «Что ты предпочитаешь — удушение или меч?». Он ответил: «Меч лучше!». Они сказали: «Владык не убивают мечами, и удушение для тебя легче!». Вазира задушили, а затем отрубили ему голову и отнесли ее султану¹⁷.

Согласно версии грузинского анонима, халифа казнили позорным способом, разрубив пополам, причем казнь собирался совершить сам Хулагу. В героической биографии хана Менгу, написанной Джувайни, есть эпизод пленения кипчакского предводителя Бачмана, который также был разрублен на две части. Наличие взаимопротивоположных вариантов этого эпизода заставляет задуматься об истинном историзме рассказа о Бачмане¹⁸. Создается впечатление, что окружение монгольских ханов было озабочено созданием их героического прошлого.

«В эту же пору соизволил Уло (Хулагу) каэн идти в поход на Вавилон, который есть Багдад, и на царя вавилонян — халифа. И созвал он всю рать свою и отправился в Багдад. А каэн обступил и осадил его. С одной стороны приступил сам каэн с этого [берега] реки, а с другой — Элга-ноин, а со стороны одной — царь Давид, потому как при нем была вся именитая знать грузинская. И воевали мощно и немного дней, но примерно, через дней двенадцать забрали Багдад.

Царь Давид велел воинам своим вырыть [проход] под оградой [города]. И они прорыли его, проникли сквозь стену грузины и произошла мощная схватка, и истребляли воинов багдадских, и жуткий страх обуял багдадцев. И так отверзли грузины врата городские, и [затем] вторглись татары. Узнав о том, что татары ворвались в город, халиф бежал на судне по той же реке, которая течет через город. Заприметил его Элга-ноин, что был по ту сторону реки, ринулся на него; он не в силах был бежать и вернулся в свои палаты. И так легко прибрав к рукам прославленный оный город, кому под силу поведать об испытаниях и бедствиях, которые выпали Багдаду? Истребили мечами такое множество, коему не было меры, кварталы, улицы и дома были переполнены трупами. А о богатствах и добыче, найденных тогда, кто бы мог рассказать? Ибо преисполнились татары и грузины злата и серебра, камней и жемчугов честных, тканей и облачений, сосудов золотых и серебряных емкостей, так что никто не брал ничего кроме золота, серебра, благородных камней, тканей и одеяний.

Прочие сосуды, созданные в Китае и Кушане и оттуда привезенные, красная медь и железо валялись без призрения. И так нагрузились воины, что битком набили седла и курданы и прочие дешевые емкости камнями и жемчугами и червонным золотом, некоторые отламывали рукоятки от мечей и ножны набивали червонным золотом и сверху прикрывали отломанной рукоятью. Некоторые потрошили убитого багдадца и закидывали в него червонное золото и камни и под видом собственного покойника вывозили за город. И так грабили, истребляли и полоняли.

Вступили во дворец халифа, вывели халифа и сына его и все сокровища их дивные и представили каэну Уло. И как представили их пред ним, говорил халифу, чтобы поклонился он каэну, но тот не снизошел, предстал и сказал: „Я — царь самодержавный, никогда никому я не бывал в покорности. Ежели отпустишь меня — покорюсь, а ежели не отпустишь — умру, не став ни у кого в покорности“. Но те понуждали его поклониться, сбили его с ног, и пал он навзничь и не поклонился. [Хулагу] велел вывести его вон в сопровождении Элга-ноина, чтобы казнить халифа и сына его. И сказал халифу, мол, „каэн пощадил тебя“, обрадовались они, и говорил [халиф]: „Ежели помилует, пусть отпустит и отдаст мне Вавилон“. Но Элга-ноин сказал: „Нет, но каэн сам собственными руками и мечем своим казнит тебя, а сын каэна Абага казнит сына твоего“. И говорил изумленный и произнес: „Ежели казнить, то пусть убьет меня хоть пес, хоть человек“. Таким образом был казнен халиф со всеми домочадцами его»¹⁹.

Византийский историк Георгий Пахимер (1255–1308) записал версию, далекую от действительных событий, зато близкую к способам расправы с врагами в самой Византии. Следуя литературной традиции, монголов историк называет тохарцами. «Тогда же Персию, будто реки, наводнили тохарцы, которых в просторечии называют атариями и которые умертвили калифа, влив ему в горло распущенное золото. Они так поступили не для того, чтобы только убить его, а для того, чтобы надругаться над ним; ибо тогда как употребив золото, он мог бы победить врагов, у него оказалось больше любви к золоту, чем к себе; потому от золота должна была произойти и его смерть, как бы то есть он сам себя таким образом осудил на нее»²⁰.

Георгий Пахимер заблуждается. Так был казнен владетель Отрара, Гаир-хан, позарившийся на сокровища торгового каравана, посланного Чингис-ханом в земли хорезмшаха. Караван из пятисот верблюдов, нагруженных золотом, серебром, шелком, мехами, индийской медью, китайским фарфором и другими дорогими предметами, сопровождали четыреста пятьдесят человек, не считая послов и лазутчиков Чингис-хана. В середине 1218 г. караван прибыл в город Отрар, на правом берегу Сырдарьи. Правитель Отрара, родственник Теркен-хатун, матери султана,

Гаир-хан Йиналчук, обеспокоенный странным для торговцев поведением людей из этого каравана, объявил, по словам ан-Насави, что прибывшие в Отрар, хотя и имеют облик купцов, — не купцы. То ли с ведома хорезмшаха, то ли самовольно он задержал купцов, а затем истребил их. Караван был разграблен. Гаир-хана настигло возмездие. Ан-Насави, отнюдь не сторонник Чингис-хана, отнесся к ситуации с пониманием. Когда Чингис-хан завладел Отраром, он велел привести к нему Гаир-хана, «затем приказал расплавить серебро и влить ему в уши и глаза. Так он был убит в мучении и был наказан за позорный свой поступок, за гнусное дело и за происки, осужденный всеми»²¹. Расплавленное серебро не стоит сопоставлять с похищенным серебром торговцев. Дело не в знаковой ценности этого металла, а в том, что серебро хорошо плавится.

Когда Георгий Пахимер пишет о символическом характере смерти от золота, он приближается к истинному пониманию ситуации. Условность того, что принято называть исторической действительностью, здесь раскрывается с особой силой. По версии Георгия Пахимера, монголы влили в горло халифу расплавленное золото, что с известной оговоркой может означать превращение халифа в «золотого человека». В мифологическом плане золото воплощает космическую полноту и завершенность. Византийская версия есть зеркальная или кощунственная реализация космической полноты. Духовная функция золота — защищать жизненные силы царя, сворачивается и золото становится орудием смерти. В восприятии современников магическая сторона казни была вытеснена темой золота.

Версия Марко Поло (1254–1324) совпадает с той, что услышали крестоносцы в 1258 г. от купцов, посещавших Египет. Согласно этой версии, халиф умер от голода, запертый в своей сокровищнице. Фольклорный вариант гибели халифа разнесли по всему свету купцы.

«У бодакского калифа, по истинной правде, золота, серебра и драгоценных камней более, нежели у кого-либо. Вот в 1255 г. от Р. Х. Алау (Хулагу), великий царь татар, брат того хана, что ныне царствует, набрал большую рать, напал на Бодак (Багдад), да и взял его силою. Великое то было дело. В Бодаке, не считая пеших, было сто тысяч одних конных. И когда Алау взял город, открыл он калифскую башню, и была она полна золотом, серебром и другими богатствами; никогда, нигде не видно было зараз столько богатства. Посмотрел Алау на эти богатства и подивился. Позвал он к себе калифа, да и говорит ему: „Калиф, на что ты собрал столько богатства? Что ты задумал с ним делать? Иль ты не знал, что я твой враг и иду с большой ратью уничтожить тебя? Если же ты это знал, так почему не роздал ты этого богатства конной и пешей рати, чтобы они защищали и тебя, и твой город?“. Молчал калиф и не знал, что отвечать. Сказал тогда Алау опять: „Вижу я, калиф, что любишь ты свое богатство,

отдаю его тебе, кормись им“. Приказал Алау заключить калифа в ту самую башню с казною и запретил давать ему есть и пить. „Калиф, — говорит он ему потом, — ешь свое богатство, сколько хочешь, полюбилось оно тебе сильно, и не будет тебе никогда другой еды!“ Умер калиф через четыре дня после того, как посадили его в башню. И было бы калифу лучше, если бы роздал свое богатство воинам, чтобы защитили они и страну, и народ, и не погиб бы он ограбленный, вместе со всеми своими. После него не было более калифа»²².

Почти одновременно, в 1307 г., армянский принц Гайтон излагает всем известную в Европе версию о смерти халифа в сокровищнице. И вновь ильхан дает назидательный урок скупому халифу²³. Из сочинения Гайтона этот сюжет заимствовал флорентийский историк Джованни Виллани: «В 1254 г. племянник татарского хана и императора Хоккаты Маньо, поддавшись уговорам и наставлениям армянского царя Айтона, принял крещение и вместе с этим царем отправил своего брата Алоона на отвоевание Святой земли для христиан, дав ему огромное войско из конных татар. Это войско вторглось в Персию и разгромило багдадского халифа (то есть сарацинского папу), захватив его в плен и заняв город Багдад, в древности именовавшийся Вавилоном Великим. Халифа поместили в его сокровищницу, где он собрал множество золота, серебра и драгоценных камней, так что богаче ее не было в мире, но из скупости не позаботился обзавестись солдатами, рыцарями и войском для защиты своих богатств. Поэтому татарский полководец сказал ему, чтобы он питался собранными сокровищами и другой еды не просил, и халиф умер от голода среди стольких богатств. Это произошло в 1256 г.»²⁴.

Слухи о том, что халиф не осуществил раздачи денег своим войскам, имели основание. Монголы не в одночасье появились под стенами Багдада, около года шла дипломатическая переписка. Высшие лица в окружении халифа, вазир и даватдар, испытывали взаимную неприязнь, и перед лицом монгольского вызова настаивали на противоположных планах. Вазир предлагал отправить в дар монголам тысячу верблюдов, нагруженных редкостными товарами. Даватдар пообещал ограбить этот караван. Тогда халиф распорядился произвести подсчет своих войск, чтобы обогатить их дирхемами и динарами. Вазир понимал, что халиф денег не даст, но назло недругам приказал, чтобы начался смотр войскам и чтобы молва о большом скоплении рати при халифе дошла до ближних и дальних мест и охладила злой умысел врагов. «Через пять месяцев 'ариз объявил вазиру, что собралось множество отрядов и громадная рать и что наступил час раздачи халифом денег. Вазир доложил, а Муста'сим уклонился отговоркою. Вазир совсем отчаялся в его обещаниях, смирился с судьбою и стал терпеливо ожидать, что же судьба [теперь] извлечет из-за завесы»²⁵. За завесой скрывалась драма халифского дома.

Воображаемый диалог между победителем и побежденным, Хулагу и ал-Муста'симом, восходит к архетипу, где разворачивается диалог между правителем-воином и правителем, накопившим великолепные сокровища. Эти фигуры символизируют противоположные жизненные стратегии. Обозначенный конфликт целей был хорошо известен в придворных кругах всего Среднего Востока. Ал-Бируни (973–1048) вспоминает подобную историю в трактате «Собрание сведений для познания драгоценностей», рассказывая о свойствах горного хрусталя. Приведу ее полностью, поскольку в ней присутствуют все элементы интересующей нас легенды: назидание поверженного, которого обвиняют не в алчности, а в излишней любви к сокровищам, помещение правителя в клетку и, наконец, попытка избежать фатума, что указывает на широкую известность сюжета.

«Как прекрасны слова Йа'куба ибн Лайса²⁶, [сказанные им], когда, внезапно напав на Нишапур, он захватил Мухаммада ибн Тахира²⁷, правителя Хорасана, не одетым и заставил его обойти с ним казнохранилище и показать ему все то, что в них было. Когда они дошли до хранилища посуды, Мухаммад начал перечислять стоимость предметов из гладкого и резного хрусталя; тогда Йа'куб приказал своему гуламу разбить их палицей, и тот разбил их. Затем Йа'куб напился из своей кружки, которая была из латуни толщиной в мизинец, а напившись, бросил ее оземь, так что она зазвенела и покатила. И сказал он Мухаммаду: „О сын распутницы, разве принесло тебе пользу то, что ты растратил деньги на эти сосуды, а я обходился без них! Почему ты не потратил деньги, уплаченные за них, на наем мужей, которые защитили бы тебя от меня?“. Затем он велел посадить Мухаммада в сундук (клетку?), повез его с собой в Ирак, и не выпустил бы его из рук, если бы ему не нанес поражение ал-Муваффах²⁸. У Йа'куба на жизненном пути был [успех], к которому, как известно, привела его молодость его державы и счастье, сопутствовавшее его делу; об этом говорит тебе [также] история его брата 'Амра. Воцарившись после Йа'куба, он передал своему доверенному лицу для отправки в Багдад много денег и приказал ему истратить их на драгоценные хрустальные сосуды и [сам] выбрал их. А тот человек слышался рассказов наподобие тех, что были приведены [здесь] и сердце не позволило ему погубить золото; тогда он отлил из него сосуды, чаши и кувшины. И когда он доставил их, 'Амра огорчило нарушение приказа, и он велел во время приема дать этому человеку пить в одной из тех чаш, под видом благоволения. Виночерпию же он приказал поместить в чашу крестовую змею, что тот и сделал, а эта змея имела обыкновение прыгать на голову человека. Она прыгнула на него и укусила его в кончик носа, и человек тут же упал замертво»²⁹.

Большая часть версий смерти халифа, равно как и случай с горным хрусталем из казнохранилища Мухаммада ибн Тахира, описывают фигуру поверженного правителя, царствующего в призрачном мире сокровищ. Священный царь и должен был обладать предметами, недоступными простым смертным. Сокровища подчеркивают его божественный статус и никак не связаны с такими прозаическими вещами, как выплаты войскам. Что касается заключения халифа в клетку, то обещание посадить в железную клетку было обычной угрозой в отношениях между правителями Ближнего Востока³⁰.

Следует различать простые вещи: из того обстоятельства, что в книги Марко Поло и Жана де Жуанвиля включены сведения о трагической участи последнего халифа, вовсе не следует, что версии событий принадлежат этим авторам. Жан де Жуанвиль называет свой источник: рассказы купцов, приехавших из Багдада в Египет. Марко Поло сам возвращался в среде персидских торговцев. Ясно, что версия смерти халифа, запертого в сокровищнице, имеет «багдадское» происхождение, а не европейское. Настаивать на обратном — это просто не понимать суть вопроса³¹.

Аббасидский халифат, т. е. вторая династия халифов (749–1258), прямых потомков Аббаса, дяди пророка Мухаммада, был уничтожен в 1258 г. Мамлюкский правитель Египта Бейбарс (1260–1277) счел необходимым для придания авторитета своей власти восстановить Аббасидский халифат и формально признать себя его вассалом. Некий беглец из Багдада, выдававший себя за одного из членов фамилии Аббасидов и пребывавший в Дамаске, был приглашен в Каир и в начале 1261 г. в торжественной обстановке провозглашен халифом под прозвищем Мустансир. Бейбарс торжественно принес присягу новому халифу; со своей стороны халиф Мустансир утвердил Бейбарса султаном (светским правителем) всех мусульманских областей.

В армии Хулагу, осаждавшей Багдад, были и отряды Берке, поскольку поход против Ирана был общим мероприятием Чингизидов. Когда же между Хулагу и Берке произошел разлад, то последний приказал своим отрядам в армии Хулагу уйти в Египет в 1261 г.

Первое посольство Бейбарса к Берке было снаряжено с большой пышностью, а отправка сопровождалась поразительной церемонией. На торжественное собрание прибыл халиф, была зачитана его родословная, якобы восходящая к Пророку, что было подтверждено главою казиев Тадж-ад-дином. Поскольку родословную составили специально для отправки Берке, она была раззолочена³². Неизвестно, чему стоит поражаться: почти мгновенному воскрешению халифа, либо тому, что мнимая родословная халифа вручается Чингизиду. Врагом Египта и Золотой Орды был объявлен многобожник, т. е. покровитель буддистов, Хулагу.

Египетский халифат просуществовал до 1517 г.; но в мамлюкском государстве аббасидские халифы, действительные или мнимые, не обладали властью. Однако, по мусульманским представлениям, халиф оставался единственно законным главой всех мусульман, источником всякой власти в мусульманском мире, и признание египетского халифа считалось наиболее ярким признаком разрыва с монгольскими традициями. Из вассалов монгольских ханов, кто одним из первых обратился к египетскому халифу с просьбой об инвеституре и принес ему присягу был Мубариз-ад-дин Мухаммад (ум. 1359), основатель династии Музаффаридов в Южной Персии, эмир ильханов и муж монгольской царевны.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года. «История Тартар» брата Ц. де Бридиа / Критический текст, перевод с латыни С. В. Аксенова и А. Г. Юрченко. Экспозиция, исследование и указатели А. Г. Юрченко. СПб., 2002. § 33, 41.
2. Чингис-хан. История завоевателя мира, записанная Ала ад-дином Ата-Меликом Джувайни / Пер. с англ. Е. Е. Харитоновой. М., 2004. П. 200.
3. *Киракос Гандзакец*. История Армении / Пер. с др.-арм., предисл. и коммент. Л. А. Ханларян. М., 1976. Гл. 60.
4. *Мец А.* Мусульманский Ренессанс. М., 1966. С. 127.
5. Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений собранные В. Г. Тизенгаузеном и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. М.; Л., 1941. С. 19.
6. *Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д.* Империя Чингис-хана. М., 2006. С. 294. Н. Н. Крадин ссылается на книгу: *Нагель Т.* Тимур-завоеватель и исламский мир позднего средневековья. Ростов-на-Дону, 1997. С. 17. У Нагеля это художественный эпизод без ссылки на источник. Разумеется, Нагель пересказывает сведения Марко Поло. Широкая известность этих сведений, вовсе не означает, что ясна их суть.
7. История монголов инок Магакии, XIII в. / Пер. и объяснения К. П. Патканова. СПб., 1871. С. 27–29.
8. Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений собранные В. Г. Тизенгаузеном и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. М.; Л., 1941. С. 19.
9. *Школяр С. А.* Китайская доогнестрельная артиллерия. М., 1980. С. 329, прим. 78.

10. Михайлова И. Б. Средневековый Багдад. М., 1990. С. 95–97; Храпачевский Р. П. Военная держава Чингис-хана. М., 2004. С. 396; Петрушевский И. П. Иран и Азербайджан под властью Хулагуидов (1256–1356) // Татаро-монголы в Азии и Европе. Сб. ст. М., 1970.
11. Аркаун — монгольское название христиан, здесь несторианское духовенство
12. Цит. по: Михайлова И. Б. Средневековый Багдад. М., 1990. С. 96.
13. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. III / Пер. с перс. А. К. Арендса под ред. А. А. Ромаскевича, Е. Э. Бертельса и А. Ю. Якубовского. М.; Л., 1946. С. 44–45.
14. Михайлова И. Б. Средневековый Багдад. М., 1990. С. 97.
15. Книга Марко Поло / Пер. старофр. текста И. П. Минаева; ред. и вступ. ст. И. П. Магидовича. М., 1956. С. 102.
16. История монголов инока Магакии, XIII в. СПб., 1871. С. 32.
17. Шихаб ад-дин Мухаммад ан-Насави. Сират ас-султан Джалал ад-дин Манкбурны (Жизнеописание султана Джалал ад-дина Манкбурны) / Изд. критич. текста, пер. с араб., предисл., коммент., прим. и указатели З. М. Буниятова. М., 1996. Гл. 102.
18. Золотая Орда. История и культура. Автор концепции выставки М. Г. Крамаровский. СПб., 2005. С. 39–42.
19. Анонимный грузинский «Хронограф» XIV века / Пер. со старогрузин. Г. В. Цулая. М., 2005. Вып. 1. Текст. С. 75–77.
20. Георгий Пахимер. История о Михаиле и Андронике Палеологах. Патриарх Фотий. Сокращение церковной истории Филосторгия. Рязань, 2004. Гл. 2. 24.
21. Шихаб ад-дин Мухаммад ан-Насави. Сират ас-султан Джалал ад-дин Манкбурны. М., 1996. Гл. 16.
22. Книга Марко Поло. М., 1956. С. 59.
23. *Hetout P.* La Flor des estoires d'Orient / Flos historiarum terre orientis // Recueil des Historiens des Croisades: documents arméniens. 1906. Paris, Vol. 2. III. 19.
24. Виллани Дж. Новая хроника, или История Флоренции / Пер., статья и примеч. М. А. Юсима. М., 1997. VI. 59.
25. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. III. М.; Л., 1946. С. 37.
26. Йа'куб ибн Лайс — основатель династии Саффаридов («Медников»), правил в 868–878 гг.
27. Мухаммад ибн Тахир — последний правитель династии Тахиридов, правил в 862–872 гг.
28. Ал-Муваффах — сын халифа ал-Мутаваккиля, военачальник при халифе Му'тамиде (870–892). В 876 г. при Дайр Акуле на Тигре произошла битва между войсками Йа'куб ибн Лайса и войсками халифата во главе с ал-Муваффаком, в которой последний одержал победу.

29. *Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни*. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия) / Пер. с араб. А. М. Беленицкого. [Л.], 1963. С. 176.
30. *Буниятов З. М.* Государство Хорезмшахов–Ануштегинидов. 1097–1231. М., 1986. С. 189.
31. Ср.: *Горелов Н. С.* Алчность халифа: легенда о гибели последнего из Аббасидов // Вестник Восточного института. СПб., 2000. Т. 6. № 2 (12). С. 104–105.
32. *Закиров С.* Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII–XIV вв.). М., 1966. С. 44.

Ю. К. Гугуев
«ПОЛОВЕЦКИЙ ПАССАЖ»
ЖАНА ДЕ ЖУАНВИЛЯ

В «Книге благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика» есть любопытное сообщение, касающееся куманов. Со слов очевидца, рыцаря Филиппа де Туси, Жуанвиль рассказывает о заключении Латинской империей договора с ханом куманов, приводя детали совместной клятвы сторон, а затем подробно описывает похороны знатного кумана. Оба эпизода неоднократно пересказывались или цитировались византинистами и специалистами по истории средневековой Европы. Хорошо известны они и тюркологам, приводившим в своих работах как описание похорон комана на старофранцузском языке¹, так и его перевод на английский². Питер Голдин указал на ряд тюрко-монгольских параллелей некоторым реалиям половецкой культуры и погребального ритуала, упомянутым Жуанвилем³. На мой взгляд, лаконичные замечания П. Голдина далеко не в полной мере раскрывают богатый информативный потенциал источника: в них, например, совсем не затронуты археологические аспекты эпизода о похоронах. Тем не менее содержательная статья видного тюрколога о религии кипчаков послужила основой и одним из стимулов исследования, результаты которого отражены в этом кратком комментарии «половецкого пассажа» Жуанвиля.

§ 495. Пока король отстраивал Цезарею, к нему прибыл монсеньор Наржо де Туси. И король говорил, что он приходится ему кузеном, так как ведет происхождение от одной из сестер короля Филиппа, которую взял в жены император Андроник.

Людовик IX (1226–1270) находился в Цезарее с мая 1251 г. по май 1252 г. после того, как был выкуплен из мусульманского плена⁴. Говоря о Наржо де Туси, Жуанвиль ошибается. На самом деле, речь идет о Филиппе де Туси. Наржо де Туси, с которым Жуанвиль перепутал Филиппа, являлся отцом последнего и был сыном сестры Филиппа II Августа (1180–1223), Агнессы. Андроник I Комнин, император Византийской империи (1183–1185). Император Константинопольский — Бодуэн II, император Латинской империи (1228–1261). Иоанн III Дука Ватац — император Никейской империи (1221–1254).

Король оставил его с десятью рыцарями на год; а потом тот уехал и возвратился в Константинополь, откуда прибыл. Он рассказал королю, что император Константинопольский и прочие знатные люди, находившиеся тогда в Константинополе, отправились к народу, коего называют куманами, дабы заручиться их помощью против Ватаца, который был тогда императором греков.

В отечественной и зарубежной исторической и археологической литературе, в основном, принято отождествлять куманов с половцами русских летописей, а последних считать западной ветвью кипчаков. Иной точки зрения придерживается С. Г. Кляшторный⁵. Однако мы следуем общепринятому отождествлению, употребляя слова «куманы», «половцы», «кипчаки» в качестве синонимов.

К середине XIII в. контакты половцев с дунайскими и балканскими государствами уже имели длительную историю. Первое столкновение куманов с венграми относится к 1070 г. В дальнейшем (1091, 1124, 1228 гг.) венгерские короли не раз принудительно или добровольно расселяли этих кочевников на своих землях. Самое крупное переселение произошло в конце 30-х или начале 40-х гг. XIII в., когда в Венгрии с согласия короля Белы IV обосновывается 40-тысячная орда Котяна, бежавшая от монголов после похода последних в Дешт-и Кипчак и на Русь (1237 г.). В результате интриг венгерской знати против Котяна, завершившихся убийством хана и его семьи, эти половцы, разбив вышедшие против них венгерские войска и опустошив множество городов и деревень, уходят в Болгарию⁶. Вместе с латинянами они участвуют в осаде и взятии Цурула (1240 г.). В 1241–1242 гг. Иоанн III Ватац «подарками и благодеяниями» привлекает часть из них, селит во Фракии и на Меандре (Малая Азия), крестит и формирует из них отряды легковооруженной конницы⁷. С Византией половцы впервые соприкоснулись в конце 40-х гг. XII в., и их набеги за Дунай продолжались до 70-х гг. В данный период половцы также входили в состав византийской армии, ведущей военные кампании против Венгрии, Сербии, крестоносцев, Иконийского султаната. Впоследствии самостоятельные набеги куманов на Подунавье прекращаются. В войнах болгарской династии Асений против Византии и Латинской империи (1186–1207 гг.) эти кочевники выступают в качестве союзников болгар и действуют на всем пространстве между Дунаем и Балканами. После захвата крестоносцами Константинополя в 1204 г. они оказываются союзниками то латинян, то ромеев. В первой половине XIII в. территория, на которой действуют конные половецкие отряды, значительно расширяется, простираясь до Константинополя и Иллирии. Активность куманов на Балканах во второй четверти и середине этого столетия, несомненно, связана с их вытеснением из Дешт-и Кипчака монголами⁸.

Надо думать, что события, описанные далее Жуанвилем (§ 496–498), происходили в непосредственной близости от столицы Латинской империи, т. е. к моменту, о котором идет речь, земли этого государства настолько сократились, что включали в себя лишь сам Константинополь и его окрестности. Вероятно, данное обстоятельство имел в виду Ф. И. Успенский, когда в своем фундаментальном труде по истории Византии счел возможным написать, что население города «наблюдало зрелище тризны и заклания рабов на его («куманского рыцаря» — Ю. Г.) могиле за городскими стенами»⁹, хотя таких подробностей нет в источнике. Ф. И. Успенский утверждает также, что «регент де Туси» был женат на «дочери половецкого князя» и присутствовал на похоронах своего тестя, в чем, в принципе, нет ничего невероятного, однако неясно, откуда почерпнуты эти сведения.

§ 496. И чтобы одни помогли другим хотя бы раз, император и другие бывшие с ним знатные люди пустили себе кровь и собрали ее в большую серебряную чашу. И король куманов и прочие знатные люди, бывшие с ним, в свою очередь, проделали то же и, смешав свою кровь с кровью наших людей, вылили в вино и воду и выпили их, и наши люди также; и тогда они сказали, что становятся братьями по крови. Еще они пропустили между своими и нашими людьми собаку и изрубили ее с нашими людьми мечами; и сказали, что пускай так будут изрублены они, ежели изменят друг другу.

Бодуэн II не менее двух раз вступал в союзы с половцами, направленные против никейского императора. В первый раз это произошло в 1239 г., когда Бодуэн направлялся с войском из Европы в Константинополь через территорию Венгрии и Болгарии¹⁰. Договор, о котором сообщает Жуанвиль, вероятнее всего, был заключен в конце 40-х или в самом начале 50-х гг. XIII в., когда Филипп де Туси дважды (1247 и 1251 гг.) был регентом Латинской империи¹¹. О том, что речь в данном случае идет не о соглашении с куманами 1239 г., свидетельствует, в частности, упоминание Константинополя в качестве исходной точки маршрута посольства латинян.

П. Голдин справедливо полагает, что король куманов — это племенной или родовой вождь¹², т. е. хан или бек (глава знатного, привилегированного рода) той орды или группы куманов, с которой заключали договор латиняне.

Процедура скрепления договора, на мой взгляд, со всей очевидностью демонстрирует культурно-этнические различия между сторонами. Инициаторы союза, латиняне, клянутся на своей крови, смешанной с вином. Подобный способ клятвы, заключающийся в символическом установле-

нии родства между партнерами, известен очень многим народам, в первую очередь, индоевропейским: достаточно вспомнить скифский обычай побратимства, который, как считают исследователи, практиковался, в частности, при соглашениях: «Клятвенный договор с тем, с кем они его заключают, скифы совершают следующим образом: они наливают в большой глиняный килик вино, смешивая его с кровью тех, кто произносит взаимные клятвы, и, уколов шилом, или сделав небольшой разрез на теле ножом, затем погружают в килик акинак, стрелы, двойную секиру и дротик. Сделав это они молятся и затем выпивают [вино] — и сами, те, кто приносит клятвы, и самые достойные из сопровождающих»¹³. Что же касается ритуального убийства собаки, то оно, как пишет П. Голдин в разделе своей статьи, посвященном роли этого животного, а также волка, в религиозных воззрениях и культах кипчаков, представляло собой традиционный половецкий способ клясться. Аналогичный эпизод имел место, например, при свадебной церемонии куманской «княжны» и Иштвана V (умер в 1272 г.), сына и соправителя венгерского короля Беллы IV (1235–1270 гг.), чей брак заключался с целью использовать половцев в качестве буфера от монгольской угрозы. Представители куманской знати клялись «на собаке, которую по их обычаю разрубили мечом надвое», что будут верными защитниками Венгрии и венгерского короля. По сведениям византийских источников, такой же обычай был у балканских болгар и у венгров в дохристианскую эпоху. Его корни уходят в глубокую древность и могут быть обнаружены в Библии и у народов Ближнего Востока. Например, македонская армия перед тем, как начать сезон походов, в очистительных целях проходила маршем между двумя половинами принесенной в жертву собаки¹⁴. Согласно Жуанвилю, каждая из сторон подтверждает верность взятым на себя договорным обязательствам как в соответствии со своим собственным обычаем, так и по обычаю партнера. По-видимому, участники ритуала полагали, что это должно усилить действенность клятвы.

§ 497. Еще он рассказал нам о великой диковинке, которую увидел во время пребывания в их войске: когда помер один знатный [куманский] рыцарь, ему вырыли в земле огромную и широкую яму...

Конечно, выражение «огромная и широкая яма» может отчасти передавать удивление Филиппа де Тузи по поводу несколько больших размеров этой могилы в сравнении с известными ему христианскими захоронениями. Но все же погребальная конструкция, предназначавшаяся для знатного половца, которого, вероятно, снабдили немалым количеством вещей, его живого слуги и живой лошади, должна была быть достаточно просторной. И действительно, некоторые могилы половецкой знати

довольно велики. Так, яма с заплечиками из Чингульского кургана второй трети XIII в. (Запорожье), в которой, по-видимому, был похоронен один из половецких ханов (Тигак?), по верху имела размеры 4,35 × 2,1 м и глубину 5 м¹⁵.

...и, благогородно украшенного, усадили его на стул...

Эту фразу можно было бы истолковать и так, что знатного кумана похоронили на стуле в сидячем положении, поскольку далее не сказано, что перед тем, как опустить в яму, его сняли со стула. Однако сидящие погребения практически не отмечены археологами у тюркоязычных кочевников Евразии эпохи средневековья. О чем же в таком случае поведал своему королю Филипп де Туси?

Обратимся к сравнительным материалам. В китайской династийной хронике «Чжоу шу», содержащей сведения о погребальных и поминальных обрядах знати Первого Тюркского каганата, сообщается: «Когда один из них умирает, труп ставится на возвышении в юрте...»¹⁶. В «Вэй шу» говорится о «захоронениях» гаоцзюй (уйгуров): «Во время похорон для умершего копают яму, сажают в нее труп, расправляют руки, вставляют в них растянутый лук, опоясывают умершего мечом и зажимают подмышкой копье, делая все так, словно труп живой, яму не засыпают»¹⁷. С. Г. Кляшторный и Д. Г. Савинов очертили археологический контекст (тесинские «головы» — таштыкские маски — средневековые каменные изваяния) этих довольно странных свидетельств письменных источников, и пришли к выводу, что у древних тюрков существовала традиция использования в ритуальных целях «манекена» или самого тела умершего, которое не столько «ставилось», сколько *усаживалось* в специально отведенных для этого культовых помещениях¹⁸. В свете такой идеи становится более понятным сообщение Ахмеда ибн Фадлана о посмертных обрядах у тюрков-огузов: «А если умрет человек из их [числа], то для него выкопают большую яму в виде дома, возьмут его, наденут на него его куртку, его пояс, его лук... и положат в его руку деревянный кубок с *набизом*, оставят перед ним деревянный сосуд с *набизом*, принесут все, что он имеет, и положат с ним в этом доме. Потом посадят его в нем, и дом над ним покроют настилом и наладут над ним нечто вроде купола из глины»¹⁹. Может быть, в этом смысле следует воспринимать сведения Иоанна де Плано Карпини 1245 г. о некоторых погребальных обычаях монголов: «А когда он [уже] мертв, [то], если он из менее важных лиц, его хоронят тайком в степи там, где они решат. А хоронят его вместе с одним из жилищ, сидящим посреди него, и ставят перед ним [низкий] стол и маленький ящик, полный кусков мяса, и чашу кобыльего молока»²⁰ (*Liber Tartarorum*, III. 12; ср. с параллельным пассажем из

донесения брата Бенедикта Поляка²¹). Таким образом, рассказ Филиппа де Тузи является единственным западным свидетельством о наличии у куманской знати на Балканах архаического предпогребального ритуала, восходившего к древнетюркской эпохе и включавшего в себя в качестве одного из элементов усаживание парадно разодетого мертвого тела. Не исключено, что этот, в норме длительный, ритуал, являвшийся, по сути, первым этапом поминок (проводов души), был сокращен под влиянием экстраординарной ситуации в орде куманов (см. далее), либо же Филипп де Тузи наблюдал только его завершение. Интересная параллель данному ритуалу, возможно, содержится в киргизском эпосе «Манас» (цикл «Поминок по Кокетею»)²².

...и с ним положили наилучшую лошадь, какая у него была...

Захоронение с умершим коня, который в этом мире доставлял к могиле тело, а в ином, согласно распространенным воззрениям, продолжал послушно носить своего хозяина, было общим местом погребальной обрядности тюркоязычных кочевников в эпоху средневековья²³. Данная черта ритуала менялась от одного народа к другому и во времени. Исследователями установлено, что в Восточной Европе для двух половецких (вторая половина XI–XII в.; конец XII — начало XIII в.) и ордынских (середина XIII–XIV в.) хронологических периодов характерны захоронения целых лошадиных туш²⁴, а также чучел коня с ногами, отчлененными по коленный сустав или выше²⁵. Первая разновидность захоронений, по-видимому, особенно свойственна погребениям половецкой знати. В упомянутом Чингульском кургане вокруг могилы было разложено пять взнузданных и оседланных коней²⁶.

В рассказе Филиппа де Тузи обращает на себя внимание свидетельство о захоронении *живой* лошади. Однако и этому кажущемуся совершенно невероятным действию обнаруживаются соответствия, например, в погребальной обрядности чжурчженей (см. далее). По-видимому, несмотря на все практические затруднения, захоронение неубитых животных было все же возможным, поскольку их помещали в могилы вместе с *живыми* слугами знатных умерших.

...и самого лучшего его воина, живого.

Судя по историческим источникам, в Средние века принесение в жертву людей при погребальных и поминальных обрядах по случаю смерти знатных персон было довольно широко распространено у тюркских и монгольских народов, а также у других народов степи²⁷. Чаще всего смысл человеческой жертвы, насильственной или добровольной,

состоял в необходимости продолжения в мире ином свойственных этому миру универсальных отношений социальной подчиненности (господин-слуга). В этом же семантическом ряду находится обычай установки у поминальных храмов каганов и других представителей племенной аристократии Второго Тюркского каганата (689–744 гг.) рядов вертикальных камней-балбалов. Как показал анализ употребления слова *balbal* в древнетюркской рунике, такие камни воплощали души убитых врагов и являлись символической жертвой-даром, приносимой покойному его родственниками и подданными²⁸.

Обилие упоминаний о человеческих жертвоприношениях у тюрков и монголов в письменной традиции диссонирует со скудостью вещественных свидетельств на этот счет. Тем не менее редкие археологические подтверждения подобной ритуальной практики имеются. Например, у половцев жертвоприношение людей абсолютно достоверно зафиксировано в святилище с каменной статуей середины XII — начала XIII в., открытом у с. Бешпагир Ставропольского края²⁹. Возможно, человек был принесен в жертву хану, погребенному в Чингульском кургане³⁰.

Сообщение Филиппа де Туси о похоронах вместе с господином живого воина-слуги, на первый взгляд, кажется маловероятным. Однако есть исторические прецеденты и таких захоронений. Что касается тюрков, то помимо приводимого П. Голдиным свидетельства ал-Балхи («среди них есть такие, которые погребают своих рабов и слуг, (оставляя их) живыми, в могильном кургане (*тель*) до тех пор, пока они не умрут»³¹), можно указать на анонимного арабского автора X в., сообщающего об обычаях дунайских болгар: «У них есть огромный склеп. Когда кто-либо умирал, они помещали его туда и помещали вместе с ним его жену и его слуг и оставляли их там до тех пор, пока они не умрут»³².

О погребении вместе со «скифами» (куманами) живых людей при разграблении греческих городов, которое последовало за взятием Константинополя в 1204 г., пишет византийский историк Никита Хониат: «Они (скифы) непременно хотели достигнуть самого верха жестокости, упиться кровавой свирепостью; и вот, когда кто-нибудь из них умирал, естественной ли смертью или на войне, то, закапывая вместе с умершими боевых коней, на которых те ездили, луки с тетивами, обоюдоострые мечи, в те же могилы зарывали они живыми и пленных римлян. Кто мог тут выкупить, кто мог спасти несчастных? Так, варвары не знают ни меры, ни границ бесчеловечия»³³.

Есть сведения о том, что чжурчжэни в XI в. во время похорон знатных лиц вместе с ними заживо погребали любимых слуг и оседланных лошадей, принося их в жертву³⁴. Наконец, вспомним монгольский обычай, привлекая внимание западных дипломатов в 1247 г.: «Существует также другой способ хоронить некоторых более важных лиц. Идут тайком

в степь и там снимают траву с корнями, и вырывают большую яму, а в стене этой ямы делают [еще] одну яму под землей. И кладут под него того раба, который был его любимцем, [и] тот лежит под ним столь долго, что начинает почти агонизировать; затем его вытаскивают, чтобы он мог подышать, и делают так трижды; и, если он спасется, то после этого он свободен, и делает то, что ему будет угодно, и [отныне] является большим человеком в [этом] доме, а также в его роду» (*Liber Tartarorum*, III. 13; параллельный пассаж брата Бенедикта Поляка см. НТ, § 45). Таким образом, едва ли следует сомневаться в достоверности свидетельства Филиппа де Туси о захоронении воина живым. Не исключено, что у тюрков и монголов людям, погребаемым заживо, могли предварительно давать какие-то наркотики или медленно действующие яды, хотя прямых указаний на это в источниках не имеется. Необычность ситуации состояла в том, что, отправляясь в иной мир служить своему господину, воин должен был заодно доставить туда послания и драгоценности.

Воин, прежде чем его опустили в яму со своим сеньором, простился с королем куманов и остальными знатными сеньорами; и пока он прощался с ними, в его суму сыпали много золота и серебра и говорили ему: «Когда я приду в иной мир, ты вернешь мне то, что я тебе даю». И он отвечал: «Исполню это с большой охотой».

У тюркоязычных народов этнографами отмечены случаи отправки с покойным в иной мир предметов для другого лица, чаще всего для ранее умершего родственника или супруга. Например, тувинцы клали в могилу к вдове трубку и кисет умершего мужа, которые она должна была передать ему со словами: «Вот я тебе принесла»³⁵. Археологически данный обычай зафиксирован у раннесредневековых тюрков Алтая. В одном из курганов могильника Катанда II была похоронена пожилая женщина, возле черепа которой лежала гарнитура мужского пояса³⁶. В рассказе Филиппа де Туси передача участниками церемонии «золота и серебра» (вещей из этих металлов? византийских милиарисиев? того и другого?) в иной мир в виде своего рода посылок до востребования на свое имя выглядит как окказиональный ритуал, «присоединенный» к основному — похоронам знатного кумана с его воином. По-видимому, это очень редкий обрядовый сценарий. Может быть, к его реализации привела какая-то экстраординарная ситуация у кочевников. Если принять во внимание, что упомянутые Жуанвилем куманы, возможно, являлись частью орды Котяна, на время обосновавшейся в Венгрии и впоследствии вынужденной уйти оттуда, то их положение на Балканах в самом деле могло оказаться очень нестабильным и тревожным: возвращение в Венгрию после кровопролитного конфликта с ее властями и населением

было невозможно, путь на Русь и в Дешт-и Кипчак, где теперь безраздельно господствовали наводившие ужас монголы, тоже был закрыт, едва ли сулил долгосрочные перспективы и недавно заключенный союз с Латинской империей, со всех сторон теснимой греками Иоанна III Ватаца. В таких условиях эта группа куманов могла испытывать беспокойство на предмет, что в случае смерти ее представители окажутся в ином мире без статусных вещей, т. е. не будут похоронены как положено. Подобный страх и мог послужить причиной заблаговременной «отправки» драгоценностей.

У половцев, как у многих других народов, было распространено представление о том, что умершему необходимы деньги; может быть, они мыслились как плата за вход в загробный мир. В захоронениях половцкой эпохи изредка находят монеты³⁷ и довольно часто гривны и их обрубки. Распрямленные шейные украшения из драгоценных металлов почти всегда вложены в правую руку покойного. Исследователи видели в этих предметах и «рукояти плетей», и «жезлы — знаки власти и высокого социального статуса», однако наиболее приемлемой кажется их трактовка в качестве средства платежа («гривна», «рубль», «резана» — денежные единицы в Древней Руси, с которой во всех отношениях и, в частности, экономически были тесно связаны половцы; распрямление гривен означает их перевод из категории украшений в категорию денег)³⁸.

§ 498. Великий король куманов передал ему послание, обращенное к их первому королю, в котором сообщал, что сей достойный муж очень хорошо прожил и прослужил ему, и просил короля вознаграждать воина за его службу.

П. Голдин считает, что коммуникация участников ритуала с «первым королем куманов» свидетельствует о наличии у них культа предков, характерного для всех тюркоязычных кочевников и множества других народов Азии³⁹. Таким образом, «первый король» — скорее всего, мифический предок куманов. Эта версия весьма вероятна. Л. Н. Ермоленко удалось убедительно показать, что мифологема первопредков играла ключевую роль и в поминальном обряде кипчаков Казахстана и половцев южнорусских степей; обряд предусматривал изготовление статуи умершего и ее установку в курганном святилище. Покойный, душа которого, с точки зрения устроителей поминальных церемоний, пребывала в статуе, отождествлялся с мифическим предком, обретая тем самым свойственную последнему способность бесконечно возрождаться, т. е. бессмертие. Поэтому и некоторые конструктивные особенности святилищ продиктованы представлениями о том месте, откуда, согласно зафиксированным письменными источниками общетюркским генеалогическим легендам,

появляется предок-прародитель народа — дупле родового дерева, пещере в родовой горе⁴⁰.

Эпизод с «посланиями» наиболее странный во всем рассказе. По его поводу П. Голдин ограничивается замечанием, что здесь мы имеем дело с уникальным свидетельством грамотности (literacy) среди куманов в XIII в.⁴¹ Пока не вполне ясно, правомерна ли такая интерпретация. Достоверные свидетельства о половецкой грамотности относятся только к следующему столетию⁴². Однако сам факт отправки «посланий», несомненно, яркий пример использования текста в качестве амулета. Такая практика распространена с глубокой древности в разных культурах и характерна для погребальной обрядности. В «посланиях» говорится, что «знатный рыцарь» был достойным мужем, хорошо служил «великому королю куманов»; «великий король» также просит «первого короля» вознаградить воина за службу своему господину, «знатному рыцарю». Обращает на себя внимание близость содержания «посланий», распространенному в России формульному неканоническому тексту аналогичного назначения — так называемому письму св. Николаю/Петру (в просторечье — «пропуску» или «подорожной»), которое зачитывали и вкладывали в правую руку умершего перед похоронами. Дипломат из Гольштейна Адам Олеарий (30–40-е гг. XVII в.) цитирует текст такого письма: «Мы нижеподписавшиеся, Патриарх или Митрополит, священник города... исповедуем и свидетельствуем сим, что податель сих наших писем всегда жил у нас как истинный христианин, исповедующий греческую веру; и хотя он иногда и грешил, он покаялся в своих грехах, и по сему получил отпущение грехов: что он почитал Бога и святых; что он молился и постился в часы и дни, установленные Церковью, со мной, своим духовником, он во всем примирился, так что у меня нет причин осуждать его или отказывать в отпущении грехов. Как свидетельство этого мы дали ему настоящее удостоверение, которое он может показать, чтобы св. Петр мог открыть перед ним двери вечного блаженства»⁴³.

Приведенный текст представляет собой как минимум бесспорную культурно-типологическую параллель загадочным половецким «посланиям», не оставляющую никакого сомнения в том, что последние не могли быть просто выдуманы Филиппом де Туси. Однако не кроется ли за этой функциональной и содержательной близостью двух текстов нечто большее, чем просто отдаленное («конвергентное») сходство между языческим половецким и христианским погребальным обрядом, глубоко проникнутым «реминисценциями язычества»? Б. А. Успенский указывает, что наиболее ранние свидетельства о письме св. Николаю дают Киево-Печерский патерик и «Житие Александра Невского»⁴⁴. Подчеркнем, что упоминания об этом обычае («письме», «молитве», «духовной грамоте») аутентичны для первоначальных редакций названных литературных

памятников и, следовательно, четко фиксируют его бытование на Руси не позднее первой трети XIII в.⁴⁵, т. е. в тот исторический период, когда на Балканах происходили описанные Жуанвилем события. Уже одно это примечательное хронологическое совпадение наводит на мысль о возможном непосредственном влиянии христианского погребального обряда на половецкий. Такое предположение тем более вероятно, если учесть, что куманы, к которым прибыло посольство латинян, вполне могли выходцами из орды Котьяна. Как известно, этот хан, выдав свою дочь замуж за Мстислава Удалого, прочно породнился с галицкими князьями и его половцы до переселения в Венгрию, по-видимому, находились в тесном контакте с юго-западными областями Руси⁴⁶. Впрочем, источником предполагаемого культурного воздействия не обязательно должна была выступать Русь. Как верно замечает В. Ф. Райан, обычай снабжать умершего письмом к св. Николаю, вопреки мнению Б. А. Успенского⁴⁷, вряд ли представлял собой исключительно русское явление. В новое время тексты подобные данному «письму» (*бреве*, *Schutzbriefen* — «охранные грамоты») существовали и в Западной церкви⁴⁸. Вот почему поиск следов аналогичного обычая в Византии, Болгарии или Венгрии, где его в XI–XIII вв. могли тем или иным конкретным способом воспринять пребывавшие там половцы, по-видимому, не лишен перспектив.

Конечно, необходимо отметить и отличия христианского обычая от его предполагаемой языческой «реплики». Существенно, что у «письма» разные «адресаты». В первом случае — это один из наиболее почитаемых святых, во втором — мифологизированный половецкий предок. Менее значимым кажется некоторое отличие самой формы ритуальных действий, а именно, вложение письма в руку усопшего у христиан и его отправление в иной мир со слугой у куманов.

Когда это было исполнено, они опустили [его] в яму с его господином и живой лошастью; а потом закрыли отверстие ямы плотно сбитыми досками...

Речь идет о создании над могилой знатного кумана перекрытия (заклада), назначение которого заключалось в том, чтобы превратить могилу в подобие «подземного жилища» покойного. Упоминание в этой связи досок соответствует реалиям половецкого погребального ритуала, зафиксированным археологически. В частности, могила в Чингульском кургане имела двухуровневое перекрытие из плотно пригнанных друг к другу досок: его нижний уровень опирался на так называемые заплечики (уступы стенок) и образовывал внутреннюю погребальную камеру, где находилось тело умершего и сопроводительный инвентарь, а верхний закрывал устье ямы⁴⁹.

...и все войско бросилось за камнями и землей...

Археологи давно обратили внимание на то, что у кочевников восточноевропейских степей использование камня при сооружении курганный насыпи широко распространяется только со второй половины XI в.⁵⁰ Г. А. Федоров-Давыдов предполагал, что эту обрядовую черту половцы унаследовали от кипчаков Казахстана и кимаков верховьев Иртыша, у которых значительный процент насыпей сплошь состоит из камней или содержит в себе камни и каменные обкладки⁵¹. Принадлежность курганов с камнем кипчакам подтвердилась, например, в ходе изучения погребальных памятников Южного Урала XII–XIV вв.⁵² (О каменных конструкциях в насыпи Чингульского кургана см. выше.)

...и прежде, чем лечь спать, они в память о тех, кого погребли, возвели над ними высокую гору.

«Высокая гора», также как и «огромная и широкая яма», — преувеличение Филиппа де Туси который, вероятно, не был знаком с обычаем степных кочевников сооружать курган над могилой умершего. Впрочем, следует заметить, что среди курганов, принадлежащих половецкой знати, встречаются довольно крупные. Чингульский имел суммарную высоту 5,8 м и диаметр 68 м. В его основе находилась насыпь эпохи бронзы высотой 1,5 и диаметром 55 м. Таким образом, над захоронением своего хана половцы соорудили искусственный холм высотой более 4 м. Возведению холма предшествовала тризна на вершине насыпи эпохи бронзы. Новый курган создавался в несколько этапов. Сперва был воздвигнут вал из четырех дуг, разделенных проходами: по два с восточной и с западной стороны. Затем внутри него вырыли могилу, захоронили умершего, после чего внутреннее пространство вала было засыпано черноземом и глиной, образовавшими площадку. На ней возвели известняковую стену, ориентированную по линии Север–Юг. Судя по связанному с этим уровнем черепу коня, на площадке происходили какие-то жертвоприношения. Потом ее тоже перекрыли черноземом, и курган приобрел вид конуса со срезанной вершиной. Здесь из известняка и гранита были сложены две оградки, перекрытые впоследствии еще одним слоем чернозема. Подножие кургана было опоясано глубоким рвом, имевшим около десятка перемычек (проходов), на дне которого, в восточном секторе, сохранились остатки тризны⁵³.

В заключение отмечу, что приведенная выше интерпретация сюжетных элементов рассказа Филиппа де Туси в значительной мере гипотетична. Очевидно и то, что любое, даже самое глубокое и развернутое историческое и культурологическое толкование не может исчерпать смысла

подобного рода текстов. Однако, как бы парадоксально это не звучало, на мой взгляд, переданный Жуанвилем рассказ Филиппа де Туси о куманых удивителен в ряде моментов ровно настолько, насколько требуется свидетельству очевидца для того, чтобы быть правдивым. Думается, по своей информативной ценности он вполне сопоставим с такими уникальными зарисовками из жизни средневековых народов, как, например, запечатленные во всех подробностях Ахмедом ибн Фадланом пышные похороны скандинавского вождя на Волге.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Sinor D.* Quelques passages relatifs aux Comans tirés des chroniques françaises de l'époque des croisades // *Silver Jubilee Volume of the Kyoto University*. Kyoto, 1954. P. 316.
2. *Golden P. B.* Religion among the Qipchaqs of Medieval Eurasia // *Central Asiatic Journal*, 1998, 42(2). P. 194.
3. *Golden P. B.* Religion among the Qipchaqs of Medieval Eurasia, p. 195–196.
4. *Ле Гофф Ж.* Людовик IX Святой / Пер. с франц. В. И. Матузовой, предисл. М. И. Парамоновой, коммент. Д. Э. Харитоновича. М., 2001. С. 709.
5. *Кляшторный С. Г.* Кто были половцы // *Altaica*. II. М., 1998. С. 88–91; *Кляшторный С. Г.* Кимаки, кипчаки и половцы // *История татар. С древнейших времен в семи томах. Т. I. Народы степной Евразии в древности*. Казань, 2002. С. 340–346; *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи древней Евразии. СПб., 2005. С. 125–134, 136–142; *Kljashpornyj S. G.* The Polovcian Problem (II): Qipčaq, Comans, and Polovcians // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. Budapest. Vol. 58 (2005). № 3. P. 243–247.
6. *Голубовский П. В.* Половцы в Венгрии // *Университетские известия*. Киев, 1889. № 12. С. 1–13.
7. *Жаворонков П. И.* Положение и роль этнических групп в социально-политической структуре Никейской империи // *Византийский временник*. 1995. Т. 56 (81). С. 136–137; *Георгий Акрополит*. История // Пер., вступ. ст., комм. и прил. П. И. Жаворонкова. СПб., 2005, прим. 462, с. 216, прим. 536, с. 225.
8. *Бибииков М. В.* Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII–XIII вв.) // *Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования*. 1980 г. М., 1981. С. 117–128.
9. *Успенский Ф. И.* История Византийской империи: Отдел VI. Комнины; Отдел VII. Расчленение империи; Отдел VIII. Ласкари и Палеологи. Восточный вопрос. М., 1997. С. 380–381.

10. *Георгий Акрополит*. История, с. 36, прим. 482, с. 218.
11. *Жаворонков П. И.* Никейская империя и французское рыцарство // Византийский временник. 2000. Т. 59 (84). С. 82.
12. *Golden P. B.* Religion among the Qipchaqs of Medieval Eurasia, p. 196.
13. *Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982. (Геродот, IV. 70), прим. 428, с. 306.
14. *Golden P. B.* Religion among the Qipchaqs of Medieval Eurasia, p. 191–192.
15. *Отрощенко В. В., Рассмакин Ю. Я.* Половецкий комплекс Чингульского кургану // Археологія. Київ. 1986. Вип. 53. С. 18, рис. 3.
16. Цит. по: *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи древней Евразии. СПб., 2005. С. 238.
17. Материалы по истории древних кочевых народов группы *дунху* / Введение, пер. с кит. и коммент. В. С. Таскина. М., 1984. С. 402.
18. *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи древней Евразии. СПб., 2005. С. 238–239.
19. *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956. С. 26.
20. *Giovanni di Pian di Carpine.* Storia dei Mongoli / Ed. critica del testo latino a cura di E. Menestò; trad. italiana a cura di M. C. Lungarotti e note di P. Daffinà; introduzione di L. Petech; studi storico-filologici di C. Leonardi, M. C. Lungarotti, E. Menestò. Spoleto, 1989.
21. Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 г. «История Тартар» брата Ц. де Бридиа / Критический текст, пер. с латыни С. В. Аксенова и А. Г. Юрченко. Экспозиция, исследование и указатели А. Г. Юрченко. СПб., 2002. § 45.
22. Манас. Эпизоды из киргизского народного эпоса. М., 1960. С. 48–49.
23. *Нестеров С. П.* Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск, 1990. С. 51–85, 118–119.
24. *Плетнева С. А.* Печенеги, торки, половцы в южнорусских степях // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1958. № 62. С. 173; *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов М., 1966. С. 142, 145, 150–153.
25. *Атавин А. Г.* Некоторые особенности захоронений чучел коней в кочевнических погребениях X–XIV вв. // Советская археология. 1984. № 1. С. 134, 137–140.
26. *Отрощенко В. В., Рассмакин Ю. Я.* Половецкий комплекс Чингульского кургану, с. 15, 17–18, рис. 1.
27. *Golden P. B.* Religion among the Qipchaqs of Medieval Eurasia, p. 195.
28. *Кляшторный С. Г.* Храм, изваяние и стела в древнетюркских текстах (к интерпретации Ихэ-Ханын-норской надписи) // Тюркологический сборник. 1974. М., 1978. С. 250–255.

29. Гугуев Ю. К., Мирошина Т. В. Половецкое святилище-яма с каменной статуей и человеческими жертвоприношениями у села Бешпагир в Ставропольском крае // *Донская археология*. Ростов-на-Дону, 2002. № 3–4. С. 53–66.
30. Отрощенко В. В., Рассмакин Ю. Я. Половецкий комплекс Чингульского кургану, с. 18, 32–34.
31. Golden P. B. Religion among the Qipchaqs of Medieval Eurasia, p. 195.
32. Крюков В. Г. Сообщения анонимного автора «Ахбар аз-заман» («Мухтасар ал-аджаиб») о народах Европы // *Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования*. 1981 г. М., 1983. С. 206.
33. Никита Хониат. История со времени царствования Иоанна Комнина (1186–1206) / Пер. с греч. Н. В. Чельцова. Рязань, 2003. Т. 2. С. 319.
34. Кычанов Е. И. Чжурчжэни в XI в. // *Сибирский археологический сборник*. Новосибирск, 1966. Вып. 2. С. 275.
35. Дьяконова В. П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л., 1975. С. 23.
36. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. С. 61–62, рис. 7.
37. Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов М., 1966. С. 264; Добролюбовский А. О., Столярник О. С. Візантійські монети у коцівницькому похованні XII ст. у Дністро-Дунайському міжріччі // *Археологія*. 1983. Вип. 43; Парусимов И. Н. Воинские позднекочевнические погребения с левобережья и дельты Дона // *Средневековые древности Дона. Материалы и исследования по археологии Дона*. Вып. II. В печати.
38. Глебов В. П., Яценко В. В. Позднекочевническое погребение на севере Ростовской области // *Донская археология*. Ростов-на-Дону, 1998. № 1. С. 51–52.
39. Golden P. B. Religion among the Qipchaqs of Medieval Eurasia, p. 196.
40. Ермоленко Л. Н. 1) О семантике средневековых кочевнических святилищ со скрытыми в насыпях изваяниями // *Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетии н. э.* Кемерово, 1994. С. 160–161; 2) *Средневековые каменные изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения)*. Новосибирск, 2004. С. 65–67.
41. Golden P. B. Religion among the Qipchaqs of Medieval Eurasia, p. 196.
42. Расовский Д. А. К вопросу о происхождении Codex Cumanicus. Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый институтом им. Н. П. Кондакова. Seminarium Kondakovianum. Прага, 1929. Т. III.
43. Райан В. Ф. Баня в полночь. М., 2006. С. 421–425.

44. Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). М., 1982. С. 124; Киево-Печерский патерик // Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980. С. 416–417; Повесть о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра // Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981. С. 438–439, 605–606.
45. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I. (XI — первая половина XIV в.). М., 1987. С. 308–309, 355–357.
46. Гуркин С. В. К вопросу о русско-половецких матримониальных связях (окончание) // Донская археология. Ростов-на-Дону. 1999. № 3–4. С. 51–52.
47. Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982. С. 124.
48. Райан В. Ф. Баня в полночь. М., 2006. С. 424.
49. Отрощенко В. В., Рассмакин Ю. Я. Половецкий комплекс Чингульского кургану, с. 15, 18–19.
50. Плетнева С. А. Печенеги, торки, половцы в южнорусских степях // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1958. № 62. С. 173; Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. С. 120–123.
51. Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. С. 122–123.
52. Иванов В. А., Кригер В. А. Курганы кипчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М., 1988. 42–54, 67, рис. 17, 18, 19.
53. Отрощенко В. В., Рассмакин Ю. Я. Половецкий комплекс Чингульского кургану, с. 14–16, рис. 1.

Гончаров Е. Ю.

ХРИСТИАНСКИЕ ДИРХЕМЫ

Акра, 1251 г.

Акра была отвоевана крестоносцами в августе 1191 г. И с этого времени город стал главным портом королевства Иерусалимского, перевалочной базой как для паломников в Святую землю, так и рыцарских отрядов. Значение его особенно выросло после 1244 г., когда Иерусалим был окончательно отобран у крестоносцев. Акра же стала одним из мест, где разворачивались события Седьмого крестового похода.

Весной 1250 г. (в конце 647 г. хиджры) в Сирию прибыл папский легат Эд де Шатору (Eudes de Chateaugoux). Он был шокирован, узнав, что франки чеканят монеты с именем пророка Мухаммада и мусульманскими легендами. По его распоряжению эта чеканка была прекращена. В 1250 г. денежные эмиссии не производились, но в следующем году новые золотые и серебряные монеты появились с христианскими легендами, написанными на арабском языке. Внешний вид монет не был изменен: золотые динары подобны имитациям фатимидских динаров, чеканенным раньше; дирхамы же напоминают выпуски Дамаска, с горизонтальными легендами внутри квадратных картушей и внешними легендами в секторах. Таким путем чеканщики выполняли распоряжение папского легата и, при этом, сохраняли внешний дизайн, знакомый и приемлемый для мусульман. Крест на динарах и дирхамах должен был сделать новые выпуски легко отличимыми.

Дирхемы делятся на три группы: с крестом в круте, с крестом без круга, без креста. Несмотря на то, что все они датированы 1251 г., группы можно расположить в хронологическом порядке. Сначала крест выделен в центре, затем он не выделялся из текста легенды и, наконец, он исчезает с поля монет. Вероятно, мусульмане Иерусалимского королевства настаивали на удалении христианского символа. Для каждой группы известен и половинный номинал.

Легенды дирхемов гласили:

Аверс

	Арабский текст	Русский текст
В центре	الله واحد هو	Один Бог
	الايمان واحد	Одна вера
	المعمودية واحده	Одно крещение
В секторах	ضرب بعكا سنة للف و	Чекан Акки, год тысяча и
	مايتين احد و خمسين لتجسد	Двести и первый и пятидесятый от Воскрешения

Реверс

В центре	الاب و الابن	Отец и Сын
	والروح القدس	И Дух Святой
	الاه واحد	Бог Единый
В секторах	له المجد الى ابد	Слава Его постоянная
	الابدن امين امين	Навсегда, аминь, аминь

Акра, 1251 г.

На полу-дирхамах легенда повторяется в сокращенном варианте или с небольшими изменениями. Большинство монет целого номинала весит в пределах 2,6–2,8 гр., а половинки около 1,4 гр. Монетный двор на всех один — عكا «Акка», то есть Акра. На некоторых разновидностях обоих

Имитация Дамасского дирхема. Ок. 1253 г.

номиналов по сторонам центрального креста стоят лилия и полумесяц, как символы Франции и Востока. Реверсы некоторых монет украшены двумя маленькими крестиками в дополнение большому кресту аверса.

На известных монетах стоит только одна дата — 1251 г. Такая кратковременная эмиссия наводит на мысль, что арабоязычные христианские выпуски не способствовали разрешению конфликта между религиозными запретами и потребностью в чеканке монет из драгоценного металла, которые беспрепятственно принимались бы мусульманами.

Дирхемы с крестом и символом христианской веры найдены только в нескольких кладах, вперемешку с натуральными египетскими и сирийскими монетами и имитациями крестоносцев. Основным населением в городах и селениях королевства и окружающих стран были арабы-мусульмане, и неприятие новых денежных знаков приобрело тотальный характер. Если бы сопротивлялись только некоторые рыночные торговцы, то у христианских дирхемах понизилась бы рыночная стоимость в сравнении с дирхемами Каира, Дамаска и Халеба или идентичными подражаниями им. Экономическая ситуация в королевстве стала напряженной.

В 1252 г. чеканка христианских дирхемов была, по-видимому, прекращена, и Эд де Шатору написал в Рим письмо, где обозначил проблемную ситуацию. Ответ от Иннокентия IV пришел в 1253 г. и в нем, по-видимому, было разрешено продолжить чеканку имитаций, впрочем, с некоторыми поправками. Запрещались упоминание имени Пророка Мухаммада и летоисчисление по «дате его рождения», то есть хиджре.

Буквально следуя рекомендациям Папы, правители Акры снова начали чеканить имитации дамасским дирхемам с именами мусульманских правителей. В религиозных текстах легенд опущено было имя Пророка, а даты стояли или по христианскому календарю, или фиктивные мусульманские (например, 641 г. х.). Из-за этой сознательно устроенной мистификации у исследователей нет единого мнения по поводу окончания чеканки христианских подражаний айюбидским дирхемам. Последняя известная на них дата — 1253 г., но золото, возможно, чеканилось вплоть до 1258 г.

Акра, как место чеканки, названа на христианских дирхемах 1251 г. и на золотых монетах 1251 и 1253–1258 гг. Но можно утверждать, что большинство имитаций дирхемам с упоминанием Дамаска и Халеба также чеканены на монетном дворе Акры. Вторым эмитентом подражаний был, вероятно, Триполи, упомянутый в таком контексте в письме Папы Эду де Шатору.

Все эти религиозно-монетно-экономические пертурбации находились в тесном переплетении со следующими историческими событиями. В 1251 г. в Акру из Египта прибыл французский король Людовик IX.

Город на четыре года стал главным оплотом руководителя неудачного похода на айюбидскую Дамьетту. Оставшихся у Людовика денег хватило только на выкуп четырехсот пленников из двенадцати тысяч христиан, захваченных сарацинами в дельте Нила. Неблагоприятные новости приходили и от матери короля, оставшейся руководить Францией. Несмотря на все сложности, Людовик внял просьбам христианского населения Палестины и остался, чтобы укрепить те немногие территории, которые еще сохранялись под сенью латинского креста. Мамлюкский переворот и отделение от Египта дамасского и халебского эмиров позволили королю вести ловкую политику между этими враждующими образованиями.

Людовик Святой велел починить башни Акры и укрепить окружающую город стену. Отдельная стена была построена для одного из кварталов города. Были отремонтированы крепостные укрепления Хайфы, у подножья горы Кармель, равно как и прочие замки. Все строительство велось на его собственные средства, и он лично принимал участие в работе, нося землю и камни. И это только часть мероприятий короля, требовавших крупных финансовых влияний.

На этом историческом фоне понятны затруднения Эда де Шатору. С одной стороны, деньги христиан в Святой земле должны иметь христианские символы, да и крещение группы эмиров и простых жителей окрыляло и вселяло надежду на торжество христианства в Палестине под руководством Людовика IX. С другой стороны — христианские дирхемы не принимались ни египтянами при выкупе пленных христиан, ни сирийскими поставщиками продовольствия и строительных материалов. То есть экономический фактор превалировал над религиозными соображениями. Поэтому христианские дирхемы с символом веры изложенном на арабском языке и датой выпуска от «воскрешения Мессии» остались редким, но очень интересным памятником яркой эпохи окончания крестовых походов.

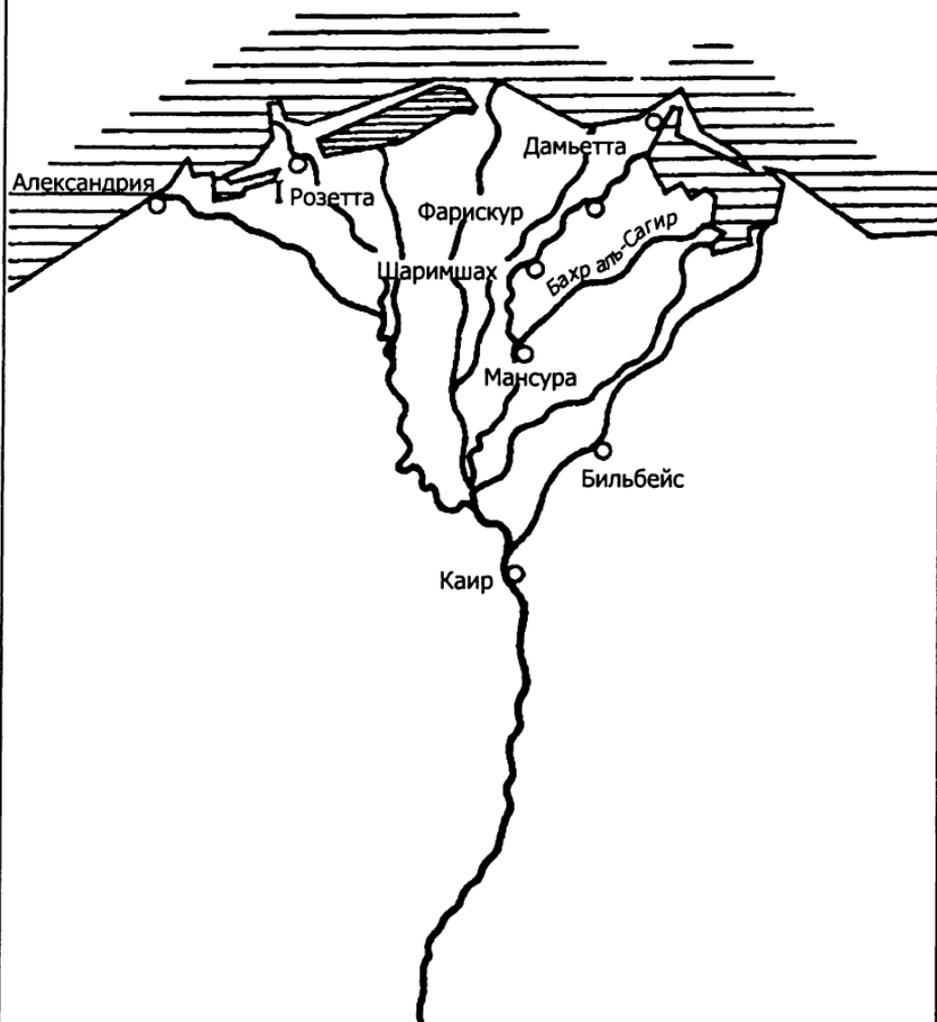
Избранная библиография

- Ле Гофф, Жак.* Людовик IX Святой. М., 2001.
- Пти-Дютайи Ш.* Феодалная монархия во Франции в Англии X–XIII вв. СПб, 2001.
- Фавтье Р.* Капетинги и Франция. СПб, 2001.
- Beaune C.* Naissance de la nation France. Paris, 1985.
- Berger E.* Saint Louis et Innocent IV. Études sur les rapports de la France et du Saint-Siège. Paris, 1893.
- Bériou N.* Robert de Sorbon, le prud'homme et le béguin // Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 1994. P. 469–510.
- Cahen C.* Saint Louis et l'Islam / Saint Louis et Orient // Journal asiatique. 1970. T. 258. P. 3–42.
- Campbell G. J.* Temporal and Spiritual Regalia during the Reigns of St Louis et Philip III // Traditio. 1960. T. 67–95.
- Campbell G. J.* The attitude of the monarchy toward the use of ecclesiastical censures in the Reign of Saint Louis // Speculum. 1960. T. 35. P. 535–555.
- Carolus-Barré L.* La grande ordonnance de 1294 sur la réforme de l'administration et la police du royaume // Septième centenaire de la mort de saint Louis... P. 85–96.
- Cazelles R.* Nouvelle histoire de Paris. De la fin du règne de Philippe Auguste à la mort de Charles V. Paris, 1972.
- Congar Y.* L'Église et État sous le règne de Saint Louis // Septième centenaire de la mort de saint Louis... P. 257–271.
- Delaruelle É.* Saint Louis devant les cathares // Septième centenaire de la mort de saint Louis... P. 273–280.
- Faral E.* Le procès d'Enguerrand IV de Coucy // Revue historique de droit français et étranger. Paris, 1948. T. 26. P. 213–258.
- Folz R.* Les saints rois du Moyen Âge en Occident. Bruxelles, 1984.
- Griffiths Q.* Les origines et la carrière de Pierre de Fontaines, jurisconsulte de saint Louis. Une reconsideration avec documents inédits // Revue historique de droit français et étranger. Paris, 1970. T. 48. P. 544–567.
- Grousset R.* Histoire des croisades et du royaume franc de Jerusalem. Paris, 1936. T. III.
- Jean de Joinville: de la Champagne aux royaumes d'outre-mer / Ed. Queruel D.* Paris, 1998.

- Joinville*. Vie de Saint Louis / Ed. J. Monfrin. Paris, 1995.
- Jordan W. C.* Louis IX and the challenge of the Crusade. A study in Rulership. Princeton, 1979.
- Labarge M. W.* Saint Louis et juifs // Le Siècle de Saint Louis... P. 267–274.
- Le Goff J.* Saint de l'Église et Saint du peuple: les miracles officiels de saint Louis entre sa mort et sa canonisation (1270–1297) // Histoire sociale; Sensibilités collectives et mentalités. Hommage à un historien européen du XX siècle. Paris, 1985. P. 157–167.
- Le Goff J.* Saint Louis a-t-il existé? // L'Histoire, № 40, dec. 1981. P. 90–99.
- Le Siècle de Saint Louis* / Ed. Pernoud R. Paris. 1970.
- Les champenois et la croisade*. Actes des 4 journées rémoises (27–28 nov. 1987). Paris, 1989.
- Menard Ph.* L'esprit de la croisade chez Joinville. Études des mentalités médiévales // Les champenois et la croisade. Paris, 1989. P. 131–147.
- Monfrin J.* Joinville et l'Orient // L'Écrit dans la société médiévale. Textes en hommage à Lucie Fossier. Paris, 1991. P. 259–267.
- Monfrin J.* Joinville et la prise de Damiette // Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 1976. P. 268–285.
- Pontal O.* Le différend entre Louis IX et les évêques de Beauvais et ses incidences sur les conciles (1232–1248) // Bibliothèque de l'École des chartes. 1965. T. 123.
- Prawer J.* Histoire du royaume latin de Jérusalem. Paris, 1969–1970. T I–II.
- Richard J.* Croisés, missionnaires et voyageurs. Les perspectives orientale du monde latin medieval. Londres, 1992.
- Richard J.* Orient et Occident au Moyen Age. Contacts et relations (XII–XV). Londres, 1976.
- Richard J.* Saint Louis, roi d'une France féodale, soutien de la Terre sainte. Paris, 1986.
- Rigaudiere A.* Pouvoirs et institutions dans la France médiévale. Paris, 1994. T. II.
- Schneider J.* Les villes du royaume au temps de Saint Louis // Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 1971.
- Septième centenaire de la mort de saint Louis. Actes des colloques de Royaumont et de Paris (21–27 mai 1970). Paris, 1976.
- Sivery G.* Blanche de Castille. Paris, Paris, 1990.
- Sivery G.* L'économie du royaume de France au siècle de Saint Louis (vers 1180–vers 1315). Paris, 1984.
- Sivery G.* Les Capétiens et l'argent au siècle de Saint Louis: Essai sur l'administration et les finances royales au XIIIe siècle. Paris, 2000.
- Sivery G.* Louis VIII le Lion. Paris, 1995.

-
- Sivery G. Marguerite de Provance, une reine du temps des cathédrales. Paris, 1987.
- Sivery G. Saint Louis et son siècle. Paris, 1983.
- Vachez A. La sainteté en Occident aux derniers siècles du Moyen Âge. Rome, 1981.
- Zink M. Joinville ne pleure pas mais il rêve // Poétique. 1978. T. 33. P. 28–45.

ЕГИПЕТ В ЭПОХУ СЕДЬМОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА

0 150 км

ИЕРУСАЛИМСКОЕ КОРОЛЕВСТВО в 1241 г.

Имп. — города и замки,
контролируемые
императором Фридрихом II

Иб. — семейством Ибеленов

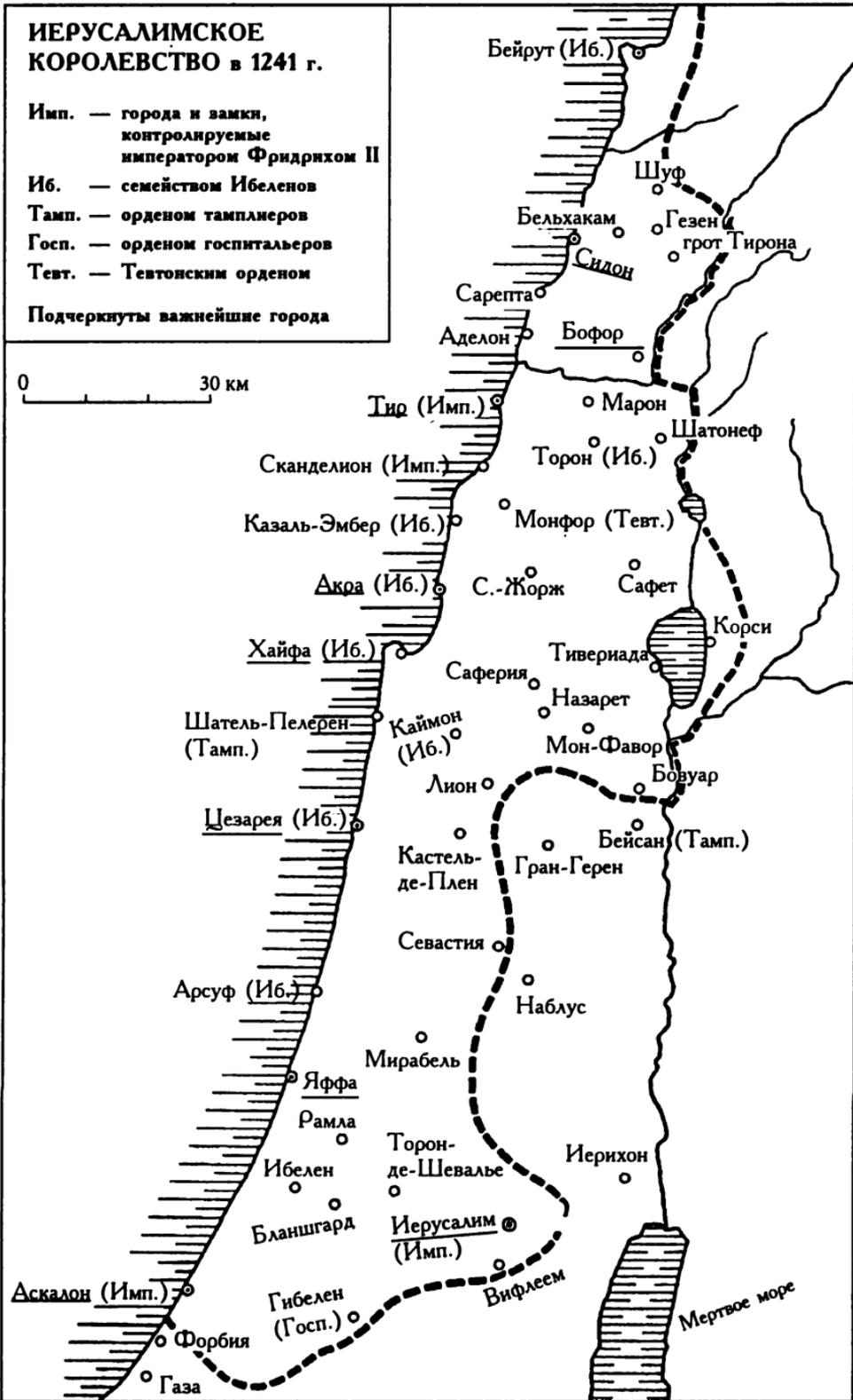
Тамп. — орденом тамплиеров

Госп. — орденом госпитальеров

Тевт. — Тевтонским орденом

Подчеркнуты важнейшие города

0 30 км

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	5
ЖАН ДЕ ЖУАНВИЛЬ. КНИГА БЛАГОЧЕСТИВЫХ РЕЧЕНИЙ И ДОБРЫХ ДЕЯНИЙ НАШЕГО СВЯТОГО КОРОЛЯ ЛЮДОВИКА	7
Комментарии	179
ПРИЛОЖЕНИЯ	217
Бедье Ж. Жан де Жуанвиль	216
Малинин Ю. П. Людовик Святой	229
Вайи Н. де. Эпоха Людовика Святого*	244
Лоньон О. Франция в 1259 г.*	278
Юрченко А. Г. Восток в описании Жана де Жуанвиля	327
Юрченко А. Г. Смерть последнего халифа	352
Гугуев Ю. К. «Половецкий пассаж» Жана де Жуанвиля	369
Гончаров Е. Ю. Христианские дирхемы, Акра, 1251 г.	385
<i>Избранная библиография</i>	<i>389</i>
<i>Карты</i>	<i>392</i>
<i>Генеалогия</i>	<i>394</i>

Научное издание

Жан де Жуанвиль

**КНИГА БЛАГОЧЕСТИВЫХ РЕЧЕНИЙ
И ДОБРЫХ ДЕЯНИЙ НАШЕГО СВЯТОГО КОРОЛЯ
ЛЮДОВИКА**

Директор издательства *Чубарь В. В.*

Главный редактор *Трофимов В. Ю.*

Верстка *Харитонов Л. А.*

Корректор *Кротевиц И. В.*

Подписано в печать 25.09.2011. Формат 60 × 90 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 25. Гарнитура Minion Pro. Бумага офсетная № 1.
Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ № 137.

ООО «Издательство «ЕВРАЗИЯ»
199026, Санкт-Петербург, Средний пр-кт, д. 86, пом. 106,
тел. (812) 320-57-74, <http://www.eurasiabooks.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии ООО «ИПК „Бионт“»
199026, Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., д. 86
Тел. (812) 322-68-43

«Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика», написанная сенешалом Шампани Жаном де Жуанвилем, впервые издается на русском языке. Это одно из самых известных произведений западноевропейского средневековья, повествующее о правлении французского короля Людовика IX Святого (1226–1270) и его участии в Седьмом крестовом походе. Автор, будучи мирянином и приближенным Людовика Святого, не только создал свой, особый портрет этого средневекового государя — благодаря своему умению ярко и подробно живописать события, Жуанвиль смог очень точно и привлекательно нарисовать картину рыцарского общества XIII века. Перевод снабжен обширным научным комментарием, приложениями и картами.

Для широкого круга читателей

ISBN 978-5-91852-025-3

9 785918 520253